

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КОМИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

**МУЗЕИ
И КРАЕВЕДЕНИЕ**

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КОМИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

МУЗЕИ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Труды Национального музея Республики Коми

Выпуск 2

Сыктывкар 2000

МУЗЕИ И КРАЕВЕДЕНИЕ. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2000. 194 с. (Труды Национального музея Республики Коми; вып. 2)

Представленные в сборнике статьи освещают различные аспекты музейной деятельности, научных исследований по истории и культуре Коми края и соседних регионов. Авторы статей - сотрудники музеев Республики Коми, Архангельской, Кировской и Пермской областей, ученые Коми НЦ УрО РАН, преподаватели высших учебных заведений Республики Коми.

Сборник рассчитан на сотрудников музеев, научных и научно-образовательных учреждений, всех, кто интересуется историей и культурой родного края.

Редакционная коллегия: И.О. Васкул, Н.А. Зинченко, Э.А. Кочанова (ответственный редактор), С.А. Казакова, Р.И. Ларукова, Л.Д. Люосева, В.А. Сова (ответственный секретарь), Н.Н. Кошкина, И.Н. Котылева.

ISBN 5-87237-209-4

© Национальный музей Республики Коми,
2000.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй выпуск "Трудов Национального музея Республики Коми" по своей тематике является продолжением первого. В то же время расширился круг участников предлагаемого сборника. Его авторами являются сотрудники музеев Сыктывкара, Кирова, Перми, Яренска, маститые ученые из Коми НЦ УрО РАН, высших учебных заведений нашей республики. Более разнообразными по своему содержанию стали представленные статьи. Это позволило редколлегии объединить их в четыре крупных блока, посвященных различным аспектам музейной деятельности.

Открывают сборник публикации, в которых рассматриваются вопросы фондовой, экспозиционно-выставочной и просветительской работы в музее. Здесь прежде всего надо отметить статьи Н.А. Зинченко и Л.Д. Ильчуковой, в которых анализируется выставочная деятельность отдела природы НМРК и литературно-мемориального музея И.А. Куратова. Привлекают внимание работы сотрудников музея им. А.А. Чернова А.М. Фишман и С.И. Плосовой по экспозиции этого музея, а также публикация М.А. Федотовой, рассказывающая об археологических материалах в экспозиции Пермского музея. Анализу строительства и работы конкретных выставок посвящены статьи О.Н. Волокитиной, И.Н. Котылевой, Е.И. Морозовой.

Завершают этот тематический раздел статьи Р.И. Ларуковой и О.В. Долотовской, в которых рассматриваются новые формы просветительской деятельности Национального музея РК.

Впервые в качестве самостоятельного раздела выделены публикации, посвященные проблемам археологии Камско-Уральского региона. Статьи охватывают временной период от эпохи мезолита до эпохи средневековья. Представлены работы, подводящие итоги многолетних исследований мезолитических древностей (статья А.В. Волокитина), публикации, посвященные введению в научный оборот памятников различных археологических эпох (статьи В.А. Семенова и В.Н. Несанелене, В.С. Зеленского, Э.А. Савельевой и И.О. Васкула, Н.Е. Соколовой). Особого внимания заслуживает статья А.Н. Лепихина, в которой рассматриваются вопросы датировки и назначения костищ гляденовской культуры Прикамья.

Как всегда интересен и разнообразен блок статей по исторической тематике. Работы И.Л. Жеребцова, Н.А. Галагана, М.В. Таскаева, Л.Д. Люосевой, Т.И. Гановой, В.Ф. Паршукова, Н.А. Поповой, Н.И. Суркова посвящены различным аспектам истории Коми края. Интересны статьи по истории церквей и монастырей Прикамья (С.Г. Онянова), фотографии Вятки (Т.Дворецкая). Крайне интересны статьи музейных работников г. Яренска - Б.А. Угрюмова и В.А. Лукошникова.

Завершают сборник литературоведческие статьи Д.Г. Холоповой, Е.А. Остаповой, Е.С. Самариной.

Подводя итог, можно сказать, что сборник получился чрезвычайно разнообразным и интересным. Редакционная коллегия по мере возможности стремилась сохранить авторскую манеру изложения.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ, НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И ФОНДОВОЙ РАБОТЫ В МУЗЕЕ

ВЫСТАВОЧНАЯ РАБОТА ОТДЕЛА ПРИРОДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ (1972-1998 ГГ.)

Н.А. Зинченко, Национальный музей Республики Коми

Начну с известного афоризма "Ломать - не строить", афоризма краткого, но емкого, говорящего о многом, о проблемах в том числе. Случилось так, что на рубеже 70-80-х годов Национальный музей оказался без экспозиции отдела природы: здание по улице Орджоникидзе, 2 было поставлено на ремонт. К слову, совсем мало времени спустя после строительства естественнонаучной экспозиции, автором которой была заведующая отделом природы Евстолия Николаевна Габова, экспозиции своеобразной, эстетически привлекательной, приводящей посетителей в изумление эффектом "погружения в природу".

Нам предлагалось другое помещение, более просторное и комфортабельное, которое, к сожалению, мы не получили до сих пор. Осознав меру потерянного, невнятно отвечая на недоуменные вопросы жаждущих узнать, когда же все-таки в музее будет отдел природы, оставшийся до сих пор риторическим, мы решили, что существует иной способ музейного показа природы - это выставочная работа. Может быть, более неблагодарная и более хлопотная, нежели стационарная экспозиционная, хотя впоследствии выяснилось, это не совсем так.

Какой-либо концепции выставочной работы у нас не было, да никто её и не требовал прежде, поэтому во многом пришлось ориентироваться вслепую. А теперь позволю себе некоторые размышления на тему "Выставочная работа в отделе природы НМРК".

Начну со стационарной выставки "Открытый показ фондов отдела природы", принявшей гостей в 1982 г. Благодаря ей мы смогли уберечь фонды и сохранить посетителей. Эта выставка, занимающая два зала первого этажа здания по ул. Орджоникидзе, 2, имела полезную площадь чуть больше 80 квадратных метров и состояла из следующих разделов:

1. Животный мир Коми, его охрана (позвоночные).
2. Историческая геология и палеонтология Коми.
3. Полезные ископаемые Коми.
4. Дневные хищные птицы и совы (выделены отдельно от первого раздела ввиду архитектурных особенностей помещения и художественного решения выставки в целом).
5. Насекомые Коми, их охрана.

В первое время выставка была безумно популярна, помнится, в один из воскресных дней её посетило более 400 человек, хотя воспринималась она весьма разноречиво. Вот некоторые выдержки из Книги отзывов отдела, стиль сохранен:

3.04.1983.

"С удовольствием ознакомились с выставкой, все очень понравилось: сделано со вкусом всё, вплоть до Книги отзывов..."

(семья Андреевых).

"Наш музей почему-то вдруг ужался. В прошлые годы я не раз его посещал и всегда с удовольствием. На сей раз я особого удовольствия не испытал, а даже

разочарование. Хочется надеяться, что в будущем мы опять увидим то, что раньше выставлялось на 2-х этажах”.

(шофер Ткачев).

Первая запись требует пояснения: “Открытый показ...” и Книга отзывов - заслуга известного в прошлом художника Лыурова В.А.

Поскольку показать всем желающим стационарную выставку мы были не в состоянии, было принято решение применять выездной способ обслуживания. Имея некоторый опыт создания плакатного варианта, мы заказали у профессиональных художников несколько комплектов плакатов с красочными рисунками, схемами и фотографиями, с помощью которых можно было бы общаться с любой возрастной аудиторией.

Назывались эти выставки так:

1. Животный мир Коми АССР, его охрана (позвоночные).
2. Проблемы охраны природы и их решение в Коми АССР.

Автор обеих - Н.А. Зинченко. Темы в выставочном варианте были апробированы. Выставка дополнялась рекламным щитом - ярким, манящим, видным издали. Это был первый опыт сотрудничества с художницей Т.В. Васильевой, ныне известной далеко за пределами Коми. Создателем этой актуальной выставки был заведующий отделом природы В.Г.Копейкин. Лишь смелый человек мог решиться на замену долгие годы служившей музею экспозиции “Человек в борьбе за преобразование суровой природы Севера” - идейное детище бывшего директора музея М.Е. Калинина. Надо было доказать музейными средствами, что главное - не бороться, а оберегать природу. Такая проблемная выставка воспринималась, как все новое, неоднозначно, в том числе специалистами НИИ музееведения.

Третья выставка “Лекарственные (и пищевые) растения Коми АССР и их охрана” (автор Н.И. Свистельник) была связана со специфической практикой общения с природой. Выставка в связи с повышенным интересом к нетрадиционным способам избавления от человеческих недугов, а также сохранением здоровья пользуется популярностью до сих пор.

Привлекало в этих выставках и художественное оформление, сочное, живое, согласно требованиям науки. Выполнялось оно В.А. Клейманом, В.А. Краулисом, В.В. Кублицким, “Три К”, как в шутку мы их называли.

В ожидании VI Финно-угорского конгресса в 1985 г. в одном из зданий школы №14 Сыктывкара готовилась монументальная выставка, посвященная коми народу в семье финно-угорских народов. При отражении современных достижений промышленности в нашем регионе нельзя было не упомянуть, хотя бы вскользь, о проблемах природопользования и охраны природы Коми АССР. Решив не внедряться в отраслевые зоны, мы пошли по пути более проторенному, повторив в одном из залов некоторые аспекты выставки Копейкина-Васильевой. И хотя писался объемный тематико-экспозиционный план, максимально отражавший болевые точки в природопользовании, с последующим коллективным обсуждением, выставка получилась лишь демонстрационной, парадной и вряд ли вызвала чувство тревоги за нашу природу. Зато экспозиционерам повезло: на этой выставке работали художники из Москвы с немалым стажем создания экспозиций в музеях. Нам очень запомнились супруги Зуевы, Ирина Васильевна и Петр Иванович, которые удивлялись старанию и самоотверженности работников музея. И в самом деле, наш коллектив в дни, предшествовавшие Конгрессу, проявил чудеса трудового героизма, и это не просто громкие слова...

Некоторые выставки посвящались событиям, значительным для всей Земли. Это 1 июня - Международный день защиты детей, это 5 июня - Международный

день охраны окружающей среды, праздники с солидным стажем. И 22 апреля - День Земли, праздник сравнительно юный, его возраст чуть более 10 лет.

Подготовка выставок к этим замечательным дням особых интеллектуальных усилий и ответственности от нас не требовала. Соблюдалась лишь одна из главных рекомендаций Д.Карнеги - проявление интереса и внимания к собеседнику, и дорожка к успеху мероприятия всегда открывалась. Несколько раз совместно с Сыктывкарским городским обществом охраны природы (Е.Н. Сафонова), Управлением образования столицы (Н.Н. Ивлева) создавались выставки поделок, плакатов воспитанников, воспитателей, методистов-экологов детских садов города. На их открытие приглашались специалисты Института биологии КНЦ (В.М. Швецова, С.В.Дегтева), из Минприроды Республики Коми (Е.Ю. Изьюров), выступали дети с песнями, стихами.

Легкость эта лишь видимая, потому что проводились предварительные встречи, необходимым было наше участие в методобъединениях детских садов, отбирались и оценивались экспонаты. Лучшие работы методистов садов отсылались на конкурс в Москву, в Центральный Совет Всероссийского общества охраны природы. Выбирались кандидаты для участия в московских конференциях. В 1997 г., к примеру, опытом своей работы в Москве делились Н.Н. Ивлева (Управление образования) и О.Б. Суханова (д/с № 93 Сыктывкара). Эти выставки строились вовсе не для простой демонстрации достижений в садах, а чтобы поделиться опытом организации преимущественности экологического воспитания и образования в Сыктывкаре.

Чрезвычайным вниманием ко Дню 5 июня всегда отличалось Общество кактусоводов нашего города под руководством А.В. Зивы, объединенное клубом "Борей" (основано в 1972 г.). Намеренно называю всех членов общества: В.Н.Гурьев, А.Г.Лисов., Л.А. Воронина, Е.Н. Слюсарева и Г.А. Отиева. С ними мы дружим по-настоящему, без официальных предвзятостей, до сих пор. Они сумели сохранить тайну перерождения капризных жителей юга в выносливых северян и показать этих уродцев во время цветения в начале лета у нас в музее.

Удачно переплелась с предыдущей темой выставка "Комнатные цветы". Инициатива и создание принадлежит Н.И. Свистельник. Выбор цветов осуществлялся на Коми республиканской станции юннатов. Вместе со специалистами была проделана огромная работа по отбору экспонатов. В итоге у нас экспонировались самые эффектные, самые декоративные и самые любимые цветоводами разновидности фиалок, восточные разноцветные бегонии, в том числе одна из самых роскошных - королевская, колокольчатые глоксинии.

Мы замечали, как менялся психологический настрой посетителей, посвятивших выходной день общению с музеем, и сколько благодарности было в адрес устроителей выставок "Колючее чудо" и "Комнатные цветы".

В других случаях мы привлекали частные коллекции, становившиеся на некоторое время дополнением к стационарной выставке. По предложению самих коллекционеров, не претендующих ни на какие вознаграждения, а именно Н.В. Калашникова (Институт геологии КНЦ), Э.И. Поповой (Сыктывкарский госуниверситет), И.И. Свистельник (Коми Обком КПСС), успешно проработала в отделе выставка "Моллюски". Были представлены не только великолепные раковины обитателей тропических морей, но и всевозможные украшения и поделки, при изготовлении которых использовались раковины мягкотелых. Многим известно, как эффектен внутренний жемчужный слой раковины, особенно крупной, редкой... А вот и отзыв от 27 сентября 1991:

"Очень чудесная выставка о моллюсках. Большое спасибо!"
(шк. № 25, подпись неразборчива).

В более позднее время, уже по новому адресу отдела природы (Коммунистическая, 6) в зале геологии размещалась выставка "Современные и древние обитатели Севера", которая появилась благодаря Н.В. Калашникову и А.А. Беляеву, ныне заведующему музеем Института геологии КНЦ УрО РАН. Тут можно было рассмотреть следы передвижения древних беспозвоночных в окаменевшем грунте, клык моржа, ус кита, яйцо гагары и так далее. Но меня поразили фотографии ландшафтов побережий Северного Ледовитого океана, мастерски выполненные Н.В. Калашниковым

Чудесные мгновения - так можно было назвать две созвучные по стилю, фактуре выставки "Природа и фантазия", "Природа и творчество". Каждый экспонат, предложенный зрителю, - это уникальный образ, особый материал, секретный способ его обработки, сделанный своими руками инструментарий, это шарм, вкус, жизненный опыт, наметанный глаз. Вот чем объединены работы В.Рохина, известного в Коми крае скульптора, самодеятельных художников, резчиков по дереву С.Чупрова, И.Свистельника, В.Шмарева, безвременно ушедшего из жизни.

Печальной темы краткости жизни не удалось избежать: наряду со В.С. Шмаревым вспоминается Д.Н. Литошко, работавший прежде в Институте геологии КНЦ УрО РАН. Он порадовал нас изяществом, знанием тайны разноцветных камней, великолепно выполненными ювелирными изделиями на выставке с поэтичным названием "Каменная радуга", которая появилась благодаря стараниям сотрудника отдела Н.И. Савельевой.

Нет необходимости повторять, какое место в естественно-научной экспозиции, да и в комплектовании, занимает таксидермия, особенности ее мастерства. Выставки таксидермического искусства, наряду с "Фантазией природы", повторяются в музеях, обществах охотников, вызывая всеобщий интерес не только у тех, кто хоть как-то причастен к этому ремеслу. Людей, профессионально знающих это дело, в нашей республике немного, поэтому мы с радостью приняли предложение Н.И.Савельевой, которая рассказала о своем дяде, охотнике и таксидермисте с большим стажем В.А. Пасынкове, живущем в селе Айкино. Азам таксидермии он обучался в далекой от нас Германии, где, будучи кадровым военным, служил некоторое время после второй мировой войны. Побывав у него дома, мы убедились в том, что этот человек мастерски делает чучела. Некоторые его работы оценены чрезвычайно высоко - золотыми и серебряными медалями конкурсных показов. Радость общения с самобытными творениями таксидермиста из Айкино испытали многочисленные посетители, в том числе профильные специалисты, живущие в нашем городе, не преминувшие познакомиться с удивительной коллекцией.

Выставочная работа предполагает обмен коллекциями. Предложения имели место, к примеру от таксидермической мастерской Казанского зоопарка, но по причинам, от нас не зависящим, мы пока отказались от обмена, а вот на будущее идея может быть вполне перспективной.

Особая часть нашей практики - ежегодные передвижные выставки под общим названием "Природа и человек", устраиваемые в конце августа по распоряжению горисполкома. Прежде в них принимало участие большое количество учреждений и предприятий Сыктывкара. За несколько дней до открытия выставки наблюдалась всеобщая нервозность. Во-первых, в связи с борьбой за экспозиционный участок, в целом это действо происходило в фойе Дворца пионеров и школьников, Музтеатра, филармонии; во-вторых, хотелось не ударить в грязь лицом; а в-третьих, волновал ценный приз. Но все обходилось благополучно. Без подробностей упомяну некоторые выставочные комплексы, по которым через

непрерывный людской поток (а это именно так и бывало) узнавался наш музей. Чаще всего ответственной за эти выставки назначалась Н.И.Свистельник, которая при необходимости быстро, без проволочек принимала решения, обеспечивавшие успех.

Вот некоторые из этих выставок:

1984 год. "Охрана редких животных Коми АССР". Это осоед, большой подорлик, сарыч, бобр и другие; фотографии, доступные пояснения. Миниатюрные конструкции, монтаж экспонатов - заслуга Н.Н. Макарова, который был в музее и столяром, и плотником, и реставратором, и художником, и мастером-кондитером в праздничные дни, и, как выяснилось совсем недавно, проявил себя как художник-фотограф.

1985 год. "Огородная аптека". Экспонаты дополнены рисунками с плакатной выставки "Лекарственные растения". Сохранились хорошие отзывы об этом комплексе.

1986 год. "Удивительное в камне" - это совместная с Институтом геологии КНЦ выставка (в то время заведующей музеем геологии Института была А.И. Чумакова). Представлялись самоцветное поделочное сырье, ювелирные изделия из частных коллекций, настенный календарь с фотографиями изделий из самоцветов.

1987 год. "Бабочки мира", основа комплекса - дар К.Ф. Седых с одноименным названием. Художественное решение С.Е. Дмитриева - строгие чистые линии, полусферы, контрасты цветов на планшетах, тщательно выполненные графические и живописные рисунки, схемы, интеллигентность, словом, дизайн высокой пробы.

Эта новаторская композиция стала основой для нынешней стационарной выставки, разместившейся в отделе природы, но от перемещений, попыток реставрации и дополнений она приобрела вид весьма жалкий и убогий.

А вот о коллекции и ее собирателе сказать хочу особо, пользуясь одним из отзывов из нашей книги:

"24.08.1994.

Великолепная выставка бабочек. Знала, что это только часть коллекции К.Ф. Седых. Спасибо, что благодаря ему мы можем увидеть и показать детям прекрасных бабочек. Я преклоняюсь перед талантом этого прекрасного человека, с искренним уважением и пожеланием доброго здоровья К.Ф.Седых.

А.Юркина, Сыктывкар"

1988 год. "Мир животных и его охрана. Новые поступления". Это чучела волка, бобра, выдры и т.д. с пояснениями о биологии и охране этих животных.

Возможно, не следует останавливаться на мелочах, маленьких выставках-однодневках с экологической тематикой во время работы каких-либо форумов, конференций, но ведь это повод обратить внимание на музей, на его творческий и научный потенциал. Если этот показ сопровождается выступлением работника музея, то, как подсказывает практика, обеспечивается дополнительное внимание к музею, в некоторых случаях - материальная помощь.

Всем нам запомнился прошлый год: от Тульского передвижного экзотариума поступило совершенно нежданное предложение по организации выставки живых рептилий. Идея вполне интересная, несмотря на ожидаемые сложности - сохранность наших помещений и экспонатов, сохранность рептилий. Посещаемость была чемпионской, 25 тысяч человек «общались» с тропическими животными в течение чуть больше одного месяца.

Что же, жизнь продолжается, как, впрочем, и выставки; их разнообразию нет предела. Уже осенью прошлого года филателисты столицы Э.К. Шаповалов и П.И.

Васильев предложили свою тему "К 40-летию запуска первого искусственного спутника Земли", воплотив ее к знаменательному дню 4 октября. Теперь мы любуемся новой композицией марок "Животный мир РК". Одним словом, филателисты не дремлют. Приходится лишь сетовать на то, что в нашем городе очень мало увлеченных людей: не видно групп, желающих потолкаться около какой-либо знаменитой и единственной марочки...

Хотелось бы упомянуть о средствах массовой информации республики, проявляющих деликатное внимание ко всем выставкам, даже к самым маленьким, таким, как "Природа глазами детей", "Экологический плакат", "Природа и война".

Итак, опыт выставочной работы мы приобрели немалый. Выставочная работа - это творчество, поиски и находки, проба сил, это знакомство с огромной аудиторией, пламя, способствующее подъему интереса к музею.

О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ НА ОПЫТЕ ВЫСТАВОК НМРК "ИЗЪВАТАС" И "ПУТИ МИФОВ - ПУТИ НАРОДОВ"

О.Н. Волокитина, Национальный музей Республики Коми

Опыт построения музейной выставки или экспозиции всегда уникален и неповторим. При этом жизнь ставит перед экспозиционерами сходные проблемы и вопросы. В данной работе рассматривается одно из возможных направлений решения таких проблем.

В основе создания музейной экспозиции или выставки лежат три основных принципа. Первый принцип - экспозиция строится на основе научной концепции, второй - экспозиция строится из подлинных предметов, третий принцип - экспозиция должна быть доступной восприятию любого человека (Музееведение, 1988. С. 198-202). Принципы эти универсальны, они подобны форме, которую экспозиционер, художник и все, кто участвуют в строительстве, каждый раз наполняют новым содержанием. При этом не имеет смысла ни одну выставку или экспозицию оценивать или судить исходя из понятия "хорошо-плохо", "хуже-лучше". Более конструктивным представляется такой подход, когда каждая экспозиция воспринимается как живое существо, полное загадок и собственной красоты. А то, что, как нам кажется, не удалось во время строительства, на самом деле - скрытая возможность для дальнейшего развития, постижения нового знания.

От теоретических рассуждений обратимся к конкретным примерам. Работа над выставкой "Изъватас - коми-ижемцы" началась в 1994 году, открылась она в марте 1995 года и работала до начала 1996г. В состав творческой группы вошли экспозиционеры Т.А. Пьянкова, О.Н. Волокитина и художник Л.В. Мишарина. Выставка представляла своеобразное исследование одной из этнографических групп народа коми - ижемцев музейными средствами. Экспозиционеры стремились выйти за рамки обычного систематического описания какого-либо народа или этнической группы, которое предполагает примерно такую последовательность: история происхождения народа, основные занятия, жилище, бытовая утварь, одежда, народное искусство, праздники, обряды, верования. Мы сделали попытку рассмотреть взаимодействие коми-ижемцев с природой, почувствовать и отразить процесс, движение жизни. Структура выставки сложилась следующим образом:

Введение. Из истории заселения бассейна р. Ижма.

Основная часть. Традиционная культура ижемских коми - способ взаимодействия с природой Севера.

Тема 1. Ижемцы и лес.

Тема 2. Ижемцы и река.

Тема 3. Ижемцы и тундра.

Тема 4. Природа и культурные традиции сел и деревень.

Тема 5. Отражение взаимосвязей с природой в народном искусстве ижемцев.

Фактически, концепция и структура выставки "Изьватас" сделаны в соответствии с принятым в нашей науке взглядом на традиционное природопользование (Крупник И.И., 1989; Конаков Н.Д., 1984), когда за отправную точку берется классификация природных зон и рассматривается, что народ или человек берет для себя от природы в каждой из этих зон. Деятельность людей и создаваемые ими предметы воспринимаются односторонне, как материальные, функционально необходимые для удовлетворения потребностей и выживания народа или человека в основном на физическом уровне. При этом суть взаимодействия определенного народа или одной из его групп с природой остается скрытой, поскольку это уровень мировоззрения. Мы переставили акцент с одной научной теории на другую, мало приблизившись к реальности. Современные научные теории отражают какую-то часть реальной жизни, но не дают возможность почувствовать ее. Формула H_2O отражает химическую структуру воды, но, произнеся ее, вы не ощутите, что такое быть мокрым, пока на вас, предположим, не обрушится ливень.

В фондах каждого музея есть то, что дает возможность прикоснуться к "воде жизни" - экспонаты. Каждый этнографический предмет - это материальное воплощение переживания какого-то опыта, сконцентрированная энергия этого опыта, его образ. Все мы можем воспринимать этот опыт, однако восприятие у каждого человека развито на определенном уровне. Человек с развитыми экстрасенсорными способностями сможет увидеть энергию предметов, а мы ощущаем ее иным образом, но часто не обращаем на это внимание.

Энергия предметов, которые в музее объединяются в комплексы, создает множество разных сочетаний от контраста до слияния в единое целое. Здесь важна совместная работа экспозиционеров и художника, чтобы суметь создать целостный образ экспозиции, а не просто разложить материальные объекты для иллюстрации научной теории. Образ экспозиции - это и есть то, что делает ее доступной любому человеку, то есть это проявление третьего принципа экспозиционного строительства. Наша рабочая группа, по моему мнению, не смогла полностью избежать ловушки иллюстрирования. Тем не менее образ был создан благодаря добросовестности и интуиции художника Л.В. Мишариной, а также стремлению экспозиционеров понять, насколько жизненно необходимое знание, заложенное в музейных предметах, на деле соответствует научным теориям.

Выставка "Изьватас" занимала два помещения - отдельный зал в 70 кв. м и часть другого зала около 30 кв. м. В отдельном зале комплексы располагались по периметру прямоугольника, разомкнутого в двух местах входными дверями (рис 1, 2). В итоге образовалось две как бы противостоящих друг другу части одного целого: предметы, отражающие жизнь ижемцев в тундре, с явным приоритетом мужчин в кочевом хозяйстве оленеводов, охотников, рыбаков и предметы, сделанные в селе, со столь же заметным преобладанием женского начала в создании агроландшафтной зоны поселений. Причем, поскольку женщины с детьми также кочевали в тундре, а мужчины часть времени проводили в деревенском доме, сложилось своеобразное динамическое равновесие мужского и

женского начал, чего нельзя сказать о взаимодействии ижемцев с природой. В процессе исследования темы четко обозначилось отношение людей к природе, от которой в конце XIX - начале XX столетий брали все, что можно, не задумываясь, насколько это действительно необходимо для народа и для каждого человека. Ижемцы не являются в этом плане исключением, просто человек по своей природе - хищник. Развитие экологии как науки свидетельствует, что мы сейчас начинаем осознавать этот факт. Мы не смогли отразить это в выставке, как бы хотелось - ошеломляюще и впечатляюще, в то же время с должным пониманием и без осуждения.

За пределы зала были вынесены комплексы по теме "Отражение взаимосвязи с природой в народном искусстве ижемцев". Как видится сейчас, это не было случайным. Народное искусство воплощает в себе скорее черты языческого мировоззрения, в нем живет чувство подсознательного единства человека и природы. К XIX столетию это чувство в среде крестьян коми стало угасать, потому что проявилось преобладание христианства. В христианской концепции мира природа представляется врагом, а человек - существом порочным. Человек ощущает себя отдельным от мира, изгнанным из райского сада и постепенно замыкается в чувстве жалости к себе как изгнаннику. Итогом является самоуничтожение (Шафаревич И.Р., 1991, Виллодо А., 1996). Однако тема мировоззрения ижемских коми на выставке не получила развития. Народное искусство было представлено по традиционной схеме, где произведения классифицируют по материалу, из которого они изготовлены: изделия из дерева, меха, металла и так далее. Сделав попытку посмотреть на них под другим углом зрения, мы не смогли сразу найти целостный образ системы мировоззрения предков коми. Но само появление и существование этого комплекса стало толчком к развитию темы на другом уровне в выставке "Пути мифов - пути народов".

Работа над темой выставки началась в 1995 г., в декабре научная концепция была утверждена Ученым Советом музея. Выставка была открыта 30 апреля 1996г. и работала до августа 1997 г. Она занимала три зала общей площадью 300 кв. м. Экспозиционеры выставки - научные сотрудники О.Н. Волокитина, И.Н. Котылева, художники - Н.П. Бурдаев, А.В. Самойлов

В основу научной концепции выставки была положена идея о возможности реконструировать картину мира предков коми, их языческое мировоззрение через предметы народного искусства. При таком подходе образы народного искусства выступают как выражение архетипов бессознательного (Юнг К.Г., 1994, 1996).

Как уже было сказано, суть языческого мировоззрения - неразделимое единство человека и природы, что и проявилось в структуре выставки. Ядро структуры - миф о сотворении мира, когда отец-Солнце согревает и оплодотворяет мать-Землю, отчего и появляется все живое, в том числе и человек. В финно-угорской мифологии мы находим это ядро в мифе о сотворении мира верховным божеством и праматерью-уточкой, а также в ряде других мифологем. Однако суть языческого мировоззрения полярно противоположна принципам современной академической науки. Современная наука зарождалась в монастырях, она впитала в себя христианское ощущение отделенности человека от природы и, пожалуй, пошла еще дальше в этом направлении. Любое мировоззрение, будь то языческое, христианское, современное научное, вряд ли можно считать единственной в своем роде истиной. Скорее, мировоззрение - это техника, которая помогает людям осмыслить свой опыт и позволяет лучше взаимодействовать с миром в конкретных условиях.

В начале нашей работы мы не осознавали этого факта до конца, поэтому попытались выразить основы языческого мировоззрения в терминах современной

науки. В итоге концепция выставки получилась несколько нелогичной, но главное, что творческая группа строила свою работу в соответствии со структурой языческой картины мира. Структуру центральной части составили 9 мифологем:

1. Сотворение мира верховным божеством и праматерью-уточкой.
2. Река - дорога жизни.
3. Мировое дерево - образ Вселенной.
4. Мать-прародительница.
5. Лось и лосиха - духи предков.
6. Медведь - воплощение хозяина леса.
7. Ящеры, лягушки, змеи - духи подземного и подводного мира.
8. Конь - солнечное божество.
9. Солнце - образ совершенства (проявление в абстрактных символах)

По плану выставки (рис.) центральная часть занимала самый большой зал. К нему примыкал зал меньшего размера, где была представлена тема языческого мировоззрения в творчестве современных художников. Самую малую площадь имел в начале работы вводный зал, но затем освободилась часть помещения, и в итоге родился образ зала, где каждая вещь являла собой не только картину мира, но и весь мир в языческом чувствовании. (План выставки, приведенный в статье, выполнен до расширения площади).

Работая над темой выставки, экспозиционеры сделали попытку выявить архетипы бессознательного в образах фольклора и предметах декоративно-прикладного искусства народа коми. Поскольку они кроются в психике каждого человека, то, когда начался отбор экспонатов, энергия архетипов буквально затопила нас. Наше подсознание активно отзывалось на образы, созданные коми крестьянами. Благодаря этому мы увидели наши экспонаты совершенно с иной стороны, почувствовали, что они открывают нам чудо самой жизни. Мы убедились, что фонды музея практически неисчерпаемы, их можно изучать бесконечно.

Глубокий интерес художников А.В. Самойлова и Н.П. Бурдаева к теме выставки, их мастерство сделали возможным плодотворное сотрудничество с экспозиционерами.

В итоге возник образ единого мира, где все существует в тесной взаимосвязи. В вводном зале это подчеркивали уникальные предметы, завершенность которых позволяла им быть самостоятельной частью целостного мира, в то же время гармонично взаимодействуя с ним. В большом зале конструкции и комплексы экспонатов образовали символический солнечный круг - цикл жизни. Частью мира стали предметы современного искусства с состоянием их и нашей отделенности, которая перестала быть трагедией и тупиком, а ощущалась скорее необходимым этапом, ступенью жизни. Этот образ оказывал сильное воздействие на посетителей, при этом многие из них стремились к подробным пояснениям. И.Н. Котылевой был разработан цикл игр-экскурсий, но, возможно, здесь еще не найдены нами какие-то иные формы общения с посетителями. (Подробнее о выставке см. Котылева И.Н., 1997).

Каждая выставка имеет неоспоримую ценность и свое достоинство. На своем опыте мы пришли к убеждению, что изучение музейных коллекций по определенным темам через процесс строительства выставок и экспозиций позволяет дополнить знания о человеке в рамках современного научного мировоззрения и раздвинуть его границы, а также сделать эти знания доступными для самой разнообразной публики.

...

1. Музееведение. Музеи исторического профиля / Под редакцией К.Г. Левыкина и В. Хербитз. М., 1988. С. 189-202.

2. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989; Конаков Н.Д. Географическая среда и традиционное природопользование народа коми // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 27-41.
3. Шафаревич И.Р. Христианство и экологический кризис // На пути к храму. Фрязино, 1991. С. 60-74; Виллодо А. Четыре направления - четыре ветра. Киев; М., 1996. С. 116-120.
4. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М., 1994; Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Киев, 1996.
5. Котылева И.Н. Художественное решение выставки "Пути мифов - пути народов" как опыт реконструкции мифологического сознания древних коми // "Музей и наука. Сыктывкар, 1997. С. 71-74; Она же. "По беспредельному, первозданному морю-океану плыла утка-чож..." // "Арт", Сыктывкар, 1997. С.298-304.

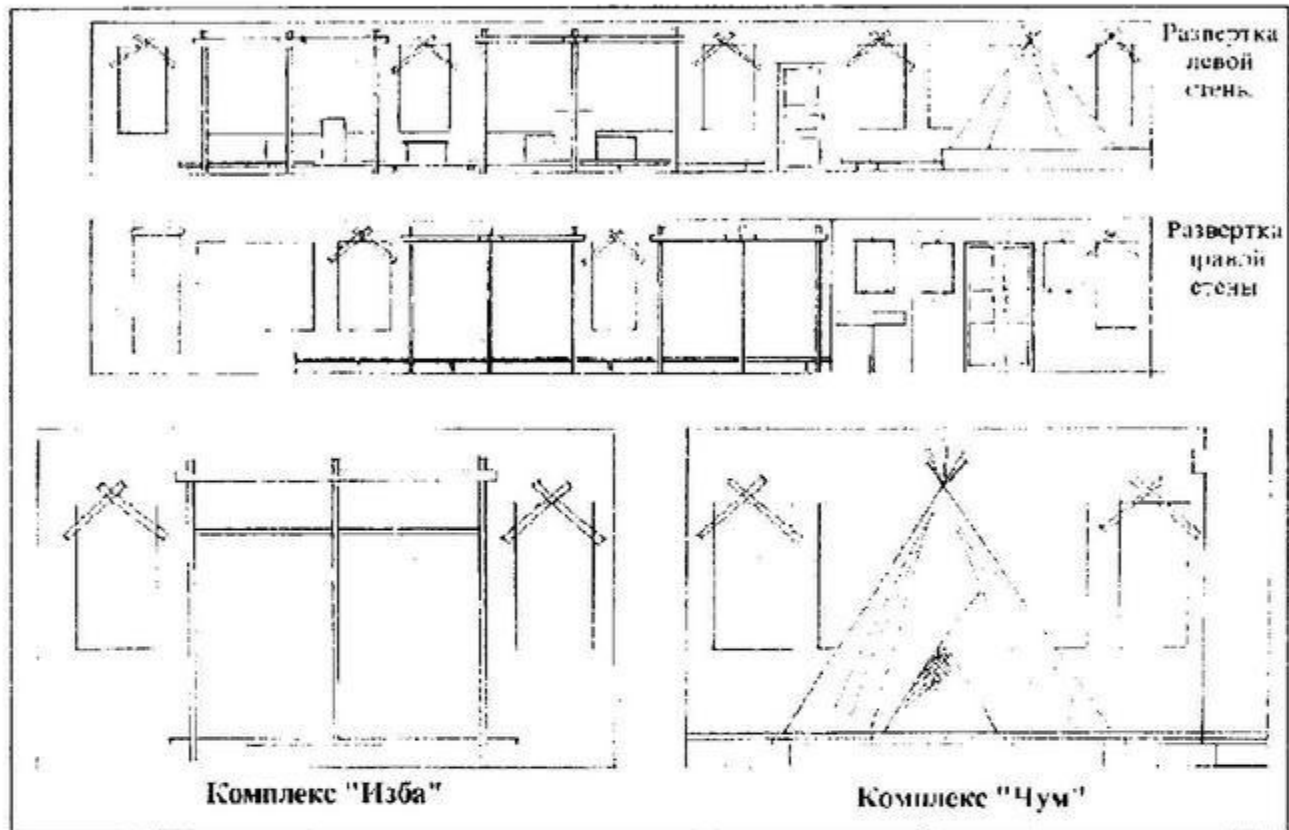

Рис. Выставка "Изьватас - коми-ижемцы".
Развертка комплексов главного зала.

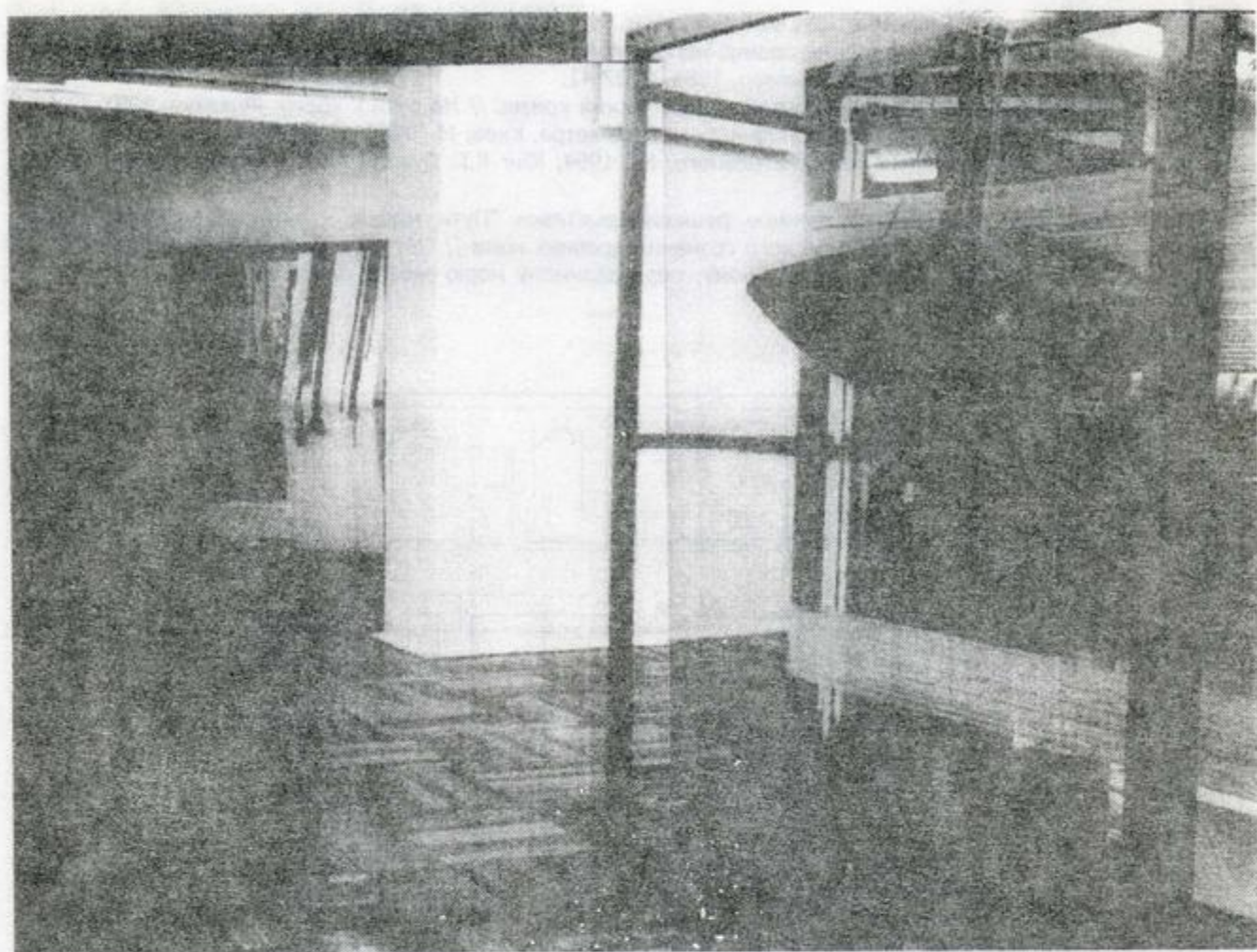

Фото 1. Комплекс "Река - дорога жизни".

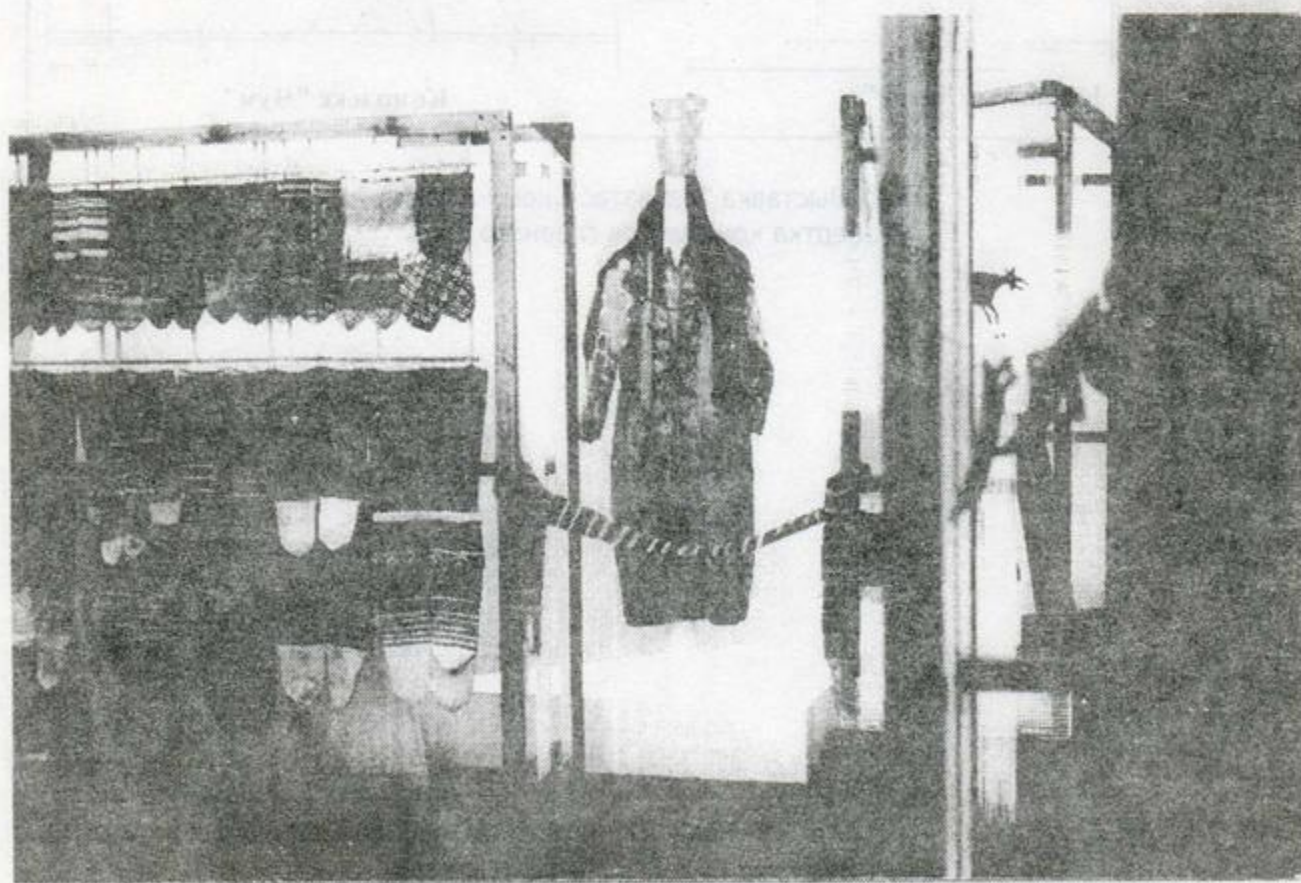

Фото 2. Комплекс "Мать - прародительница".

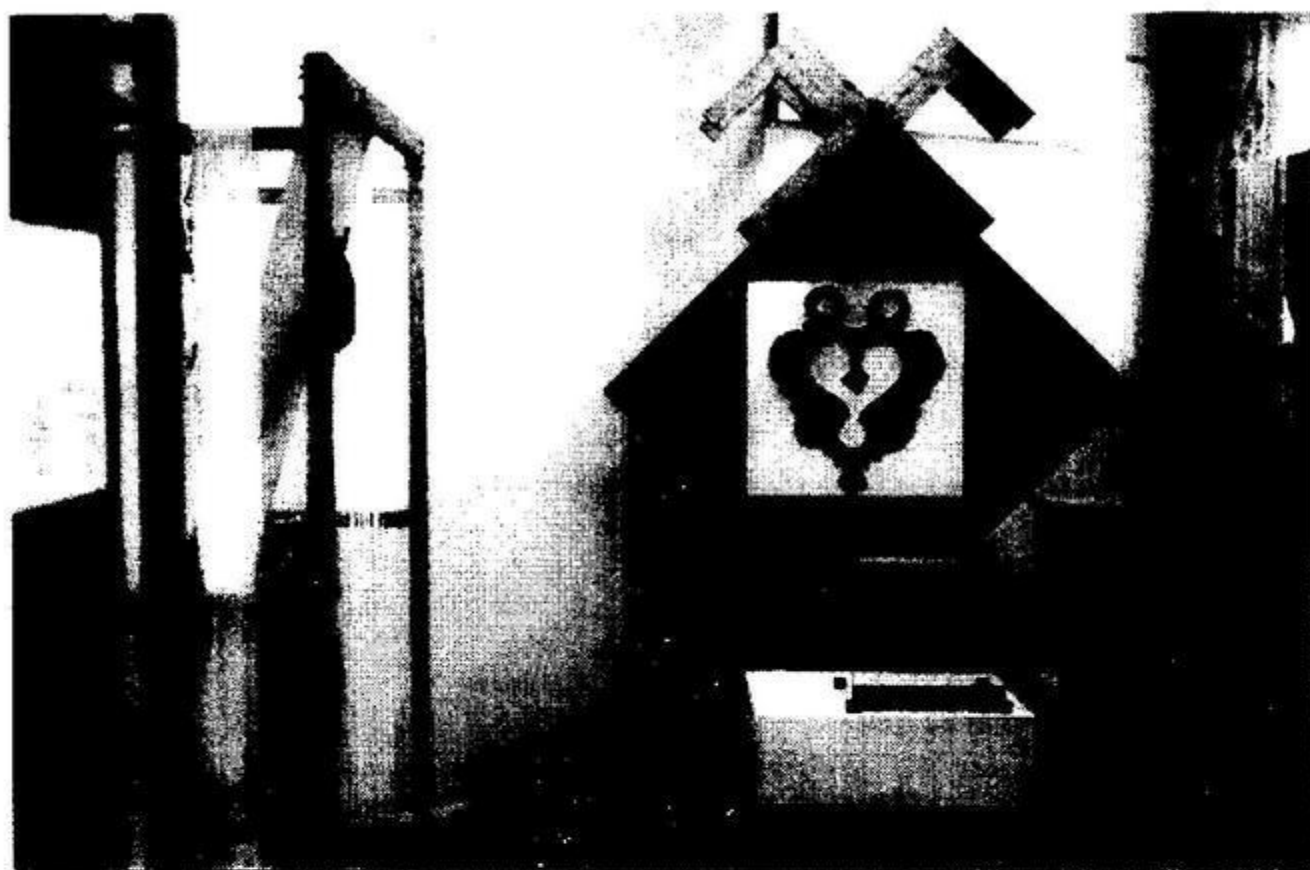

Фото 3. Комплекс "Медведь - воплощение хозяина леса".

**ВЫСТАВКА "ПУТИ МИФОВ - ПУТИ НАРОДОВ"
КАК ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЕДИНОЙ ИГРОВОЙ МОДЕЛИ ЭКСПОЗИЦИОННОЙ
И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

И.Н. Котылева, Национальный музей Республики Коми

*Игра есть язык трансценденции...
Игра явленная искусством –
это пространство спора земного и небесного.
Смертного и божественного...*

М.Хайдеггер

В конце апреля 1996 года в залах Национального музея Республики Коми открылась выставка "Пути мифов - пути народов" (авторы концепции: О.Н.Волокитина, И.Н.Котылева; художественное проектирование и построение экспозиции: Н.П. Бурдаев, А.В. Самойлов). В подзаголовке названия – «Отражение мифологической картины мира древних коми в народном декоративно-прикладном искусстве коми к. 19 - н. 20 вв.» - была обозначена главная цель выставки: через предметы народного искусства воссоздать мифопоэтическое представление о мире в традиционной культуре коми.

В древних культурах понимание о мирозарождении и мироустройстве облекалось в мифопоэтические образы, выражающие основные семиотические оппозиции: "верх - низ", "правый - левый", "мужской - женский" и т.п. - и отражающие определенную картину мира. (Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 1997. С.127)

Мифологическая картина отражается во всех проявлениях культуры: мифологическое мировоззрение пронизывало хозяйственную, семейную, общественную жизнь человека, в соответствии с законами мифологической реальности строились обряды, праздники, календарь, жилище, не говоря уже об искусстве, народной медицине, религии. Теория Юнга об архетипах повлияла на то, что основу данной выставки составили предметы декоративно-прикладного искусства народа коми конца 19 - начала 20 вв.

В условиях экспозиции невозможно представить "бытование" вещи (жизнь вещи и вещь в жизни), когда и раскрывается ее семиотический статус. Поэтому необходимо было найти особое композиционное решение всей выставки и каждого зала, которое бы создавало парадигму мифологической модели мира и давало возможность "заговорить" каждому экспонату. Это положение имело принципиальное значение, т.к. с позиции мифологического сознания созданная человеком вещь тождественна всем прочим существующим в мире вещам; она появилась в мире способом, подобным тому, который привел к появлению земли, небесных светил, животных и человека, и вещь представляет не отображение мира, а сам этот мир. Каждая вещь рассматривалась экспозиционерами как "текст", в котором заключено множество смыслов.

В концепции было сразу отмечено, что данная выставка - это лишь попытка образно представить картину мира древних коми посредством народного декоративно-прикладного искусства, не претендуя на всеобъемлющую полноту. Когда мы пытаемся восстановить мифологическую картину мира того или иного народа, то необходим комплексный анализ мифов, фольклора, обрядов, принципов декорирования предметов культовых и бытовых и т.д., так как в традиционных обществах мифологическая картина мира не излагалась в какой-нибудь священной книге или в цикле мифов, передаваемом из уст в уста.

При определении методики работы со зрителем подчеркивалось, что во время экскурсий необходимо обращаться к фольклорным материалам, к обрядам и т.д. Надо отметить, что предполагалось (а затем это было и реализовано) ввести в экспозицию несколько текстов с фрагментами из коми мифологии и эпической поэзии. Тексты не приравнивались к "объяснительным запискам", а рассматривались как самостоятельные экспонаты.

Вся выставка расположилась в трех залах на площади в 320 кв. м.

Первый зал. Основная идея этого раздела выставки - "вещь как космос". В довольно большом пространстве зала представлено всего 12 (в экспозиции неоднократно обыграны сакральные числа: 3, 7, 9, 12) объектов: комплекс с поясами, варежки, чулки, прялка, женский костюм, женская рубаша, полотенце, платок, расписная дверь в голбец, форма для пасхи, идолы (мужской и женский), культовое бронзовое литье из погребения. Благодаря такому пространственному решению создается ощущение простора, Космоса, и ярко представлена "космичность" и целостность каждой вещи.

Во втором зале размещены произведения современных художников. Идея этого зала - показать, как древние мифологемы продолжают существовать в современном искусстве, как современные художники в живописи, графике, декоративно-прикладном искусстве (сознательно или бессознательно) в современной художественной форме обыгрывают архетипические образы.

Наиболее важным для раскрытия темы выставки является третий зал. Именно здесь предполагалось через композицию, архитектуру, ритм создать игровую модель, которая бы отражала парадигму мифологической модели мира и воссоздавала мифопоэтическое мировидение.

В основу плана экспозиции этого зала положен соляренный знак - восьмилучевая розетка (надо отметить, что такой знак у коми часто встречается в резьбе по дереву). Одновременно этот знак, который выстраивался в зале с помощью деревянных конструкций, образовал своеобразный лабиринт.

Лабиринт состоял из 7 "коридоров", каждый из которых выводил на комплекс, представляющий ту или иную мифологему (всего мифологем - 9): мировое древо, солнце, конь (мифологема, связанная с понятием "солнечность"), Гундыр (в коми мифологии Гундыр - существо, связанное с нижним миром), медведь (в коми мифологии медведь - прародитель, хозяин леса, представитель нижнего мира, символизирует мужское начало), лось/олень (олицетворяет солнце и женское начало), мать-прародительница.

Зритель попадал в "лабиринт предков" через "реку" и это во многом символично, т.к. в традиционной культуре река соединяет людей с миром предков, а так же объединяет верхний и нижний миры.

В центре зала, в "сердце лабиринта" через предметы (солонки в виде уточки, ковш-утица, колыбель, короб) представлена мифологема утки-прародительницы. Этот комплекс определил композиционный и смысловой центр лабиринта и стал своеобразной иллюстрацией коми мифа о рождении мира: "По беспредельному первозданному морю-океану плавала утка чӧж, носившая в себе яйца деторождения... Четыре яйца, снесенные ею, были поглощены пучиной морской, только два последних она сумела спасти. Высиженные под крылом матери, из двух яиц вылупились два утенка: Ен и Омӧль. Это были два брата, два противоположных начала: жизни и смерти, добра и зла, правды и неправды, дня и ночи".

Рисунок лабиринта стал и своеобразной визуализацией понятий "Хаоса" и "Космоса". Комплекс "мировая утка и мировое яйцо" являет собой центр соляренного знака, определяющий план экспозиции, именно от него идут "лучики" к комплексам с мифологемами, т.е. от "Хаоса" (в мифологии хаос связан с образами океана, болота) к "Космосу".

Комплексы, представляющие через вещи ту или иную мифологему, связаны между собой (конструкции расположены таким образом, что от одного комплекса к другому есть проход) и образуют своеобразный круг (в традиционных культурах круг связан с понятиями бесконечности, целостности), одна мифологема "перетекает" в другую, тем самым проигрываются идеи взаимосвязи всех элементов "Космоса" (модели мира) и бытования основных семиотических оппозиций типа "верх - низ", "мужское - женское".

Чтобы помочь зрителю увидеть "знаковость" вещей, ярко и образно "проиллюстрировать" мифологемы, показать образность и метафоричность мифологического мышления, художники, выстраивая комплексы, играли на сопоставлении форм (силуэта) вещей и рисунка знака. Это один из важнейших моментов при построении экспозиции, т.к., сравнивая один предмет с другим, мы устанавливаем между ними особую связь.

Особая Среда, созданная благодаря своеобразному художественному решению, и выявление каждой мифологемы через концентрированный показ разнообразных предметов, в которых они "вычитываются", представили уникальную возможность погружения зрителя в мифологическую культуру древних коми.

Особое значение в жизни выставки, принимая во внимание возрастающее внимание республики к развитию национальной культуры, отводилось работе со школьниками.

Для них предлагался цикл из трех экскурсий. Ребята совершали путешествие по лабиринту и разгадывали тайны, сокрытые в нем. Через игровые элементы, которые присутствовали на всех этапах "путешествия", происходило сопоставление фольклорных текстов (сказок, загадок, песен и т.д.) и обрядов со знаковостью народного искусства.

Первая экскурсия называлась "Образы предков у коми" и была посвящена рассмотрению мифологем "мировая утка", "мать - прародительница", "Медведь". Во время этой экскурсии участники путешествия разгадывали загадки солонки-утки, костюма удорской невесты, накладок в виде голов медведя с охотничьего пояса и т.д., и параллельно слушали миф о сотворении мира древних коми, вспомнили сказку про Зарань, играли в народные игры "Бабушка-Медведь" и "Медведь и Охотник".

Во время второй экскурсии - "Ен и Омоль" - ребятам было предложено вспомнить деяние братьев-демиургов, разгадать тайны комплекса "Мировое древо" и познакомиться с нижним миром, рассмотрев вещи из комплекса "Гундыр" и послушав сказки и легенды о Върсе, Ёме, Яг-морте (существа в коми мифологии, связанные с нижним миром/миром Омöля).

В экскурсии "Кто такой солнечный валяй", заключительном занятии из цикла, путешествие по лабиринту проходило через мифологемы "Солнце", "Конь", "Олень/лось". В ходе этой экскурсии основное внимание было уделено рассмотрению символики, связанной с солнцем и выяснению значения этих знаков в традиционной культуре. Кроме сказок, быличек, загадок, способствующих расшифровке солнечной символики, детям было предложено стать участниками святочных и масленичных игр (в комплексе "Коня").

Для индивидуальных посетителей были изданы два путеводителя: один для взрослых, другой для детей, предлагающие совершить увлекательное путешествие по лабиринту.

Детский путеводитель так и назывался: "Путешествие по лабиринту". На основном листе путеводителя воспроизводился план третьего зала, представляющий как карта какого-то мира, стрелками был указан маршрут с запланированными остановками возле мифологем, для каждой из них предназначался специальный лист с творческими заданиями и с фрагментами из мифов или из сказок.

Наиболее объемная программа по знакомству детей с коми мифологией через активное использование возможностей экспозиции была осуществлена в занятиях студии эстетического воспитания "Мир вокруг нас" для детей 6-10 лет. На занятиях, посвященных мифопоэтическому мировидению древних коми, рассматривались темы: "... по первозданному морю-океану плавала утка-чöж", "Что создали Ен и Омоль", "Ёма туй (дорога к Ёме)", "Волшебное дерево" и т.д. Во время занятий дети не только рассматривали предметы народного искусства, слушали сказки, мифы, но и сами занимались творчеством: лепили из глины, рисовали, изготавливали кукол и маски и т.д.

При музее работает также этнографическая студия для детей 10-14 лет (руководитель - Т.Б.Фалалеева), на занятиях которой ребята изучают и осваивают технологию традиционных ремесел: вязание спицами и крючком, плетение поясов, работу с берестой. Обращение на занятиях к материалам выставки позволило педагогу настроить детей на более глубокое понимание традиционной культуры. План занятий включал в себя следующие темы: "Сотворение мира и его устройство по сюжетам мифов коми и финно-угорских народов", "Невидимые миры", "Пояс в традиционных обрядах и обычаях коми, "Кукла в мифопоэтических представлениях народа коми" и т.д.

Для популяризации идей выставки особая роль отводилась детским праздникам с активным использованием коми фольклора. Детские праздники с использованием экспозиционных материалов стали уже традиционными в музее. Данная выставка, с ее особенным художественным решением, позволила придать таким праздникам большую образность и эмоциональность.

Как показал опыт работы на выставке, созданное пространство, условно воссозданный мифологический лабиринт, позволило активно вовлекать в игровые ситуации не только школьников младшего и среднего звена, что стало уже привычным в работе музея, но и взрослых посетителей. Занятия со студентами (на наш взгляд, наиболее полнокровными и эффективными были цикловые занятия, состоящие из трех взаимосвязанных тематических блоков) выстраивались как модель путешествия по определенным мифологемам; будущим ученым и учителям тоже предлагалось послушать сказки, эпические песни, загадки, но уже выдвигалось требование "вычитать" скрытую информацию, попытаться интерпретировать образность и знаковость произведений традиционной культуры. Особым образом выстроенный зрительный ряд как нельзя лучше помогал в решении поставленных задач.

Таким образом, игровая модель, осуществленная на выставке "Пути мифов - пути народов" и через экспозиционное решение, и через просветительскую деятельность, достаточно успешно способствовала погружению зрителей в культуру древних коми. Художественное решение экспозиции и форма подачи материала позволила осуществить диалог между культурами прошлого и настоящего, между зрителями и предметами народной культуры, между посетителями и экспозиционерами.

Выставка показала универсальность игрового моделирования как подхода к решению коммуникативности на новом этапе существования музеев и позволила осмыслить на новом уровне идею художественного проектирования выставок.

СОЛДАТЫ ТОЙ НЕПОНЯТОЙ ВОЙНЫ

Е.И. Морозова, Национальный музей Республики Коми

Еще несколько лет назад на уроках истории в школе нас учили: войны бывают справедливые и несправедливые, освободительные и захватнические. И не знали мы, что есть еще одна категория войн - необъявленные. Их называют стыдливо: конфликты, боевые действия в горячих точках.

Однако хотелось бы обратиться к понятиям "конфликт" и "война". В словаре современного русского языка "конфликт" - столкновение противоположных сторон, мнений, сил. "Война" - вооруженная борьба между двумя или несколькими государствами, народами, общественными группами внутри государства.

Учебник "Международное право в период вооруженных конфликтов" дает определение понятию "вооруженный конфликт" - вооруженное столкновение между государствами. "Вооруженный конфликт немеждународного характера" - вооруженное столкновение антиправительственных вооруженных отрядов с вооруженными силами правительства, происходящее на территории одного государства. (Международное право в период вооруженных конфликтов, 1992. С.5).

Согласно документу "Перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан РФ" с 1945 года по 1996 год Советский Союз, а затем Россия принимали участие более чем в 55 конфликтах.

География их очень велика. Прямо или косвенно советские солдаты и офицеры, военные специалисты и советники принимали участие в боевых действиях в Анголе и Мозамбике, Кубе и Гренаде, Корее и ГДР, Вьетнаме, Лаосе, Египте, Афганистане и т.д.

О них молчали. Их документы были чисты. Лишь справка, где несколько строк: "Проходил воинскую службу с такого-то по такое-то время, подпись, печать". Ни званий, ни номеров частей. И подписка о неразглашении военной тайны.

Впервые материалы с сообщением из горячих точек появились в связи с войной в Афганистане. С тех пор мы узнали о многом. Сегодня нас трудно удивить сообщением об еще одной войне. Но вместе с тем мы до обидного мало знаем о людях, живущих рядом с нами, в нашем городе, нашей республике. А ведь они тоже участвовали в тех неизвестных нам войнах.

По данным Республиканского военного комиссариата, в Корее проходили службу 20 наших земляков, в Венгрии - 73, Афганистане - 2847, в Чечне - 659 и т.д.

Время ушло, засекреченность информации привела к потере многих материалов, поэтому о некоторых событиях мы имеем либо копийный материал, либо вообще лишь воспоминания очевидцев. Тем важнее для нас не пропустить, не забыть ни одного нашего земляка, участвовавшего в тех событиях.

50-е годы. Страна еще оплакивала своих сыновей и дочерей, не вернувшихся с Великой Отечественной. Но уже шли другие войны, вызванные противостоянием двух великих держав - СССР и США - по всем аспектам международной политики: военной, экономической, политической, идеологической.

Международная обстановка накалялась с каждым годом. Осенью 1950 г. начинается война в Корее. Советский Союз принимает решение послать авиацию в Китай.

Наибольшее напряжение было в первом периоде войны с сентября 1951 года по январь 1952 г., когда боевые действия вели авиадивизии полковника Кожедуба и полковника Куманчина. За этот период в воздушных боях было сбито 564 самолета противника, произведено 3500 самолетовылетов, или 35 вылетов на одного летчика (Абакумов, 1994. С.30).

Воевали в Корее и наши земляки. По данным Республиканского военного комиссариата, в корейской войне принимало участие более 20 человек. Все они служили в дивизии трижды Героя Советского Союза И.Н. Кожедуба.

Так, участники войны в Корее 1950-1953 гг. Грибанов Михаил Сергеевич, Ничипоренко Александр Иванович, Сладкоштиева Николай Андрианович, Чукичев Николай Иванович воевали в Кожедубовской дивизии в местечке Андунь (у г. Мукден). Все они обслуживали летчиков, воевавших в небе Кореи. Их воспоминания дают возможность представить, какими страшными были бои в небе Кореи; неизгладимое впечатление оставили встречи с американскими летчиками, сбитыми в боях; они были свидетелями использования бактериологического оружия.

Так, Сладкоштиева Николай Андрианович 1929 г.р., уроженец с. Усть-Кулом, лично участвовал в задержании американского десанта.

Ничипоренко Александр Иванович 1930 г.р., уроженец с. Усовка Киевской области, сначала готовил самолеты к вылету, затем попал в группу поиска сбитых самолетов.

Чукичев Николай Иванович 1929 г.р., уроженец д. Жешам Усть-Вымского района, стал мастером по авиационным пушкам.

Кинев Афанасий Яковлевич 1928 г.р., уроженец д. Картасикт с. Куратово, служил шофером-механиком на радиостанции на корейско-китайской границе,

обслуживал самолеты МИГ-15 авиадивизии Кожедуба. Был свидетелем применения американцами бактериологического оружия, отравился, лежал в госпитале. (Елькин Ю., 1997).

В январе 1951 г. фронт замер на 38 параллели. Обе стороны довольствовались восстановлением довоенной границы. Корея осталась расколота на два государства.

Сразу после смерти Сталина страны Восточной Европы раскололись на тех, кто принял линию XX съезда, и тех, кто следовал сталинским курсом.

Перемены в СССР, начатые после смерти Сталина, вызвали острую борьбу в венгерском руководстве. Внутри правительства возникло реформистское крыло, которое призывало к отказу от наиболее неприглядных сторон режима. Правительство Ракоши должно было уступить и ввести в правительство реформистов. Возникла угроза потери власти коммунистами. Советское руководство во главе с Хрущевым, оказавшись перед лицом самого серьезного кризиса в странах Восточной Европы, было готово принять решительные меры. Его поддержали все лидеры стран Восточной Европы, включая Югославию. 4 ноября советские войска вступили в Венгрию. В уличных боях погибло 2700 венгров и 663 советских солдата. Десятки тысяч венгров бежали из страны. "Порядок" был восстановлен (Карта, 1996. С.41-46).

По данным военного комиссариата РК, в венгерских событиях принимало участие 73 наших земляка.

Деменев Михаил Семенович попал в Венгрию в начале ноября 1956 г., когда полк был поднят по боевой тревоге на подавление мятежа. Шли своим ходом, был дан приказ не стрелять. Через неделю боев у железнодорожного вокзала, где был штаб мятежников, танк, проезжая через арку, подорвался на mine. Командир был ранен, механик убит. Под прикрытием дымовых шашек удалось покинуть танк и отползти в сторону. Здесь их подобрала люди, оказавшиеся коммунистами. Михаил Семенович был контужен, 10 дней лежал в госпитале, оглох на правое ухо. Был приставлен к медали "За отвагу", но награды не получил.

Лютюев Павел Иванович. Воевал на проспекте Ракоши, был минометчиком. Один из боев Павел Иванович запомнил особо. Получили задание очистить площадь. Павел Иванович побежал через площадь. Где-то в середине пути был ранен в ногу, притворился мертвым, затем метнулся в сторону. Побежал вдоль домов, увидел окно, из которого строчил пулемет, метнул две гранаты. Пулемет заглох. С ранением в госпиталь не пошел, помощь получил от иностранных корреспондентов в какой-то гостинице. Награжден медалью "За отвагу".

Чесноков Николай Афанасьевич. Лейтенант. Служил в Венгрии, г. Хаймашкер. 24 октября 1956 г. полк был поднят по боевой тревоге, их вывезли в лес, где сообщили о начале мятежа в Будапеште и Веспреме. Танковый полк получил приказ двигаться на Будапешт, где один из батальонов охранял Дом правительства, другой - радио и телевидение, третий - цепной мост. Николай Афанасьевич находился у памятника капитана Остапенко, где были поставлены санитарные палатки и кухня. Здесь стояли до 28 октября, пока в Будапешт не вошли войска из Румынии и СССР.

4 ноября полк получил приказ разоружить стоящие рядом два венгерских полка. Разоружили без боя, солдат демобилизовали, офицеров оставили для переприсяги. Затем полк перебросили в Веспрем, где шли жестокие бои. Вместе с Николаем Афанасьевичем в Венгрии была его жена - Вера Александровна. Она работала медсестрой в танковом батальоне.

В 1959 году произошла революция на Кубе. Советские руководители в 1960-1961 гг. были весьма сдержанны по вопросу включения Кубы в социалистический

лагерь, т.к. не хотели брать стратегическую ответственность. Только в апреле 1962 г. под нажимом Кастро Хрущеву удалось добиться согласия советского руководства признать социалистический характер кубинского опыта. Именно благодаря этому чуть позже было принято решение об установлении на территории Кубы ядерных ракет средней дальности.

22 октября 1962 года, через несколько дней после того, как США узнали о работах по установке советских ракет, Кеннеди объявил о начале морской блокады Кубы и потребовал в кратчайшие сроки демонтировать и вывезти ракеты (Международная жизнь. 1992. № 4. С.68).

Рубанский Михаил Иванович. В армии попал в войска ПВО, прошел обучение в г. Харькове на оператора радиолокационной станции обнаружения. Служил в дивизии Покрышкина. В начале июля 1962 года переправлен в г.Севастополь. Выдали гражданскую одежду: две рубашки, костюм. Форму приказали спрятать в рюкзак. На корабле "Адмирал Нахимов" плыли 22 дня. Капитан и начальство на корабле имели три пакета, которые вскрыли один за другим в строго назначенном месте в указанное время. Перед ними поставили задачу - строительство ракетной базы.

В Чехословакии на волне критики сталинизма в конце 60-х годов возникает реформистское крыло. В январе 1968 года произошли перестановки на посту лидера КПЧ. Им стал Александр Дубчек. В апреле была опубликована программа, в которой были намечены меры по внедрению рыночных механизмов в экономику и, что еще более важно, меры по демократизации общества. Началась "Пражская весна". Создавались новые партии и движения, происходила реабилитация жертв репрессий. При этом сохранялся гражданский мир и спокойствие. "Пражская весна" вызвала пристальное внимание всего мира. В странах Восточной Европы реакция была болезненной, в событиях в Чехословакии они видели угрозу социалистическим завоеваниям. В июле 1968 г. представитель 5 компартий Восточной Европы отправили руководству КПЧ письмо, где события в Чехословакии характеризовались как "контрреволюционные". Но так как Дубчек продолжал настаивать на реформах, началась подготовка интервенции.

21 августа 1968 года на территорию Чехословакии вошли войска ГДР, СССР, Польши, Венгрии и Болгарии. Руководство КПЧ было арестовано и вывезено в Москву. Но массовые выступления против интервенции и решения все-таки состоявшегося 24 съезда КПЧ, на котором победили реформисты, сделали невозможным создание марионеточного правительства.

Советское руководство было вынуждено начать переговоры с арестованным правительством, было подписано соглашение, по которому на территории Чехословакии оставались советские войска, а в руководстве КПЧ произошли изменения. Впоследствии Дубчек был исключен из партии, снят с поста. Началась чистка рядов КПЧ, многие реформисты эмигрировали. Экономические реформы были приостановлены, возникшие рыночные отношения были ограничены или ликвидированы. Все недовольные стали преследоваться.

В составе группы войск, введенных в Чехословакию из ГДР в августе 1968 г., был Мананов Валерий Семенович - 1947 г.р., уроженец с. Мустаево Оренбургской области. Закончил 8-летнюю школу в Оренбурге, затем муз. училище по классу баяна. В 1966-1968 гг. служил в ГДР в сводном духовом оркестре, гвардии ефрейтор.

Валерий Семенович вспоминает, что с 20-х чисел июля 1968 г. полк находился в состоянии повышенной боеготовности; был передислоцирован в г. Карл-Маркс Штадт, что в 70 км от границы с Чехословакией. 21 августа всем, даже музыкантам, выдали автомат "Калашникова", два магазина патронов, противогаз,

пакет противохимического оружия и т.д. В 18 часов дивизия Казанцева начала марш в ЧССР. Население, поначалу считая это учениями, приветствовало солдат, позже пришлось столкнуться с откровенной ненавистью. Солдаты чешской армии были разоружены еще до прихода войск союзников (видимо, спецслужбами). Пройдя Чехословакию, дивизия вышла к границе ЧССР и ФРГ. Здесь простояли до начала ноября. Валерий Семенович награжден двумя грамотами за отличное выполнение интернационального долга (Манаков, 1993).

К весне 1969 года обстановка на советско-китайской границе серьезно накалилась из-за ухудшений отношений между КПСС и КПК. Китайская сторона продолжала настаивать на территориальных притязаниях к СССР, сосредоточение войск в приграничных районах с обеих сторон шло полным ходом. Но даже тогда мало кто предполагал, что конфликт между бывшими союзниками дойдет до боевых действий.

2 марта китайские солдаты, занявшие ночью позиции на о. Даманский на р. Уссури, впервые открыли огонь по нашим пограничникам, завязался многочасовой бой.

После первого вооруженного столкновения стороны стали наращивать свои силы. К району были стянуты части мотострелковой дивизии Советской армии, в том числе артиллерийский полк, дивизия реактивной артиллерии "Град", отдельный танковый батальон, авиационная дивизия и вертолетный полк.

Потери личного состава с советской стороны в период со 2 по 21 марта 1969 года составили по официальным данным: 58 человек убитыми и 94 ранеными. (Горбачев, 1994).

В 1991 году было подписано соглашение между СССР и КНР, в результате которого о. Даманский юридически отошел Китаю.

В разгар событий на о. Даманском там проходил службу наш земляк Ларуков Владимир Панкратович. В марте 1969 г. он был свидетелем боев на советско-китайской границе. Во время боевых действий он был фотографом при штабе.

В 1940 году лидер вьетнамских коммунистов Хо Ши Мин провозгласил создание Демократической Республики Вьетнам. Франция не признала независимость ДРВ и попыталась силой вернуть контроль над Вьетнамом. Война, начавшаяся в 1946 году, закончилась в 1954 г. Женевским соглашением, по которому Вьетнам был временно разделен на два государства: Демократическую Республику Вьетнам на Севере и Республику Вьетнам на юге. Южный Вьетнам был под контролем Франции, в Северном Вьетнаме у власти находились коммунисты. Постепенно в Южном Вьетнаме к власти пришли политические силы, ориентирующиеся не на Францию, а на США.

США не преминули начать оказание помощи этому режиму, постепенно втягиваясь в возникающий здесь конфликт. К 1962 году экономическая помощь США достигла 2 млрд. долларов.

В 1969 году во Вьетнаме было более 500 тысяч американских солдат. Началась полномасштабная интервенция под предлогом борьбы с коммунизмом. Однако видимых успехов она не достигла, большая часть страны контролировалась партизанами. Всевозрастающую помощь им оказывали Советский Союз и Китай. (Крезер, 1995).

В 1975 году южновьетнамский режим пал, страна была объединена под контролем вьетнамских коммунистов. США потерпели явное поражение.

Среди семи наших земляков, воевавших во Вьетнаме в 60-70-е годы, был Эдуард Васильевич Леканов, который в ноябре 1965 г. был отправлен в "спецкомандировку" в Демократическую Республику Вьетнам.

Вырос Эдуард Васильевич в Ухте, в армии служил в Брянске, в ракетных войсках противовоздушной обороны. Во Вьетнам отправился добровольно, всех предупредили о предстоящей поездке. Цель поездки - обучение вьетнамцев работе на зенитно-ракетных комплексах. Об участии в военных действиях открыто не говорили, хотя это и подразумевалось.

Всех одели в универмаге: костюм, галстук, пальто, шляпа, два чемодана вещей. Это как бы говорило о том, что они едут работать, а не воевать. Затем перелет в Ханой. Здесь их разделили на две группы и через несколько часов вывезли в джунгли.

Война была и в самом деле жаркой: в день несколько авианалетов. Американцы сбрасывали ракеты, шариковые бомбы, уничтожавшие все живое в радиусе 100 метров, использовали бомбы с напалмом - горючей смесью, выжигавшей большие участки территории. После защиты моста прикрывали воздушное пространство на подступах к столице, когда американцы планировали разбомбить основные дамбы водохранилищ и затопить Ханой. Тогда бывало по 12-14 часов не выходили из наглухо закрытых прицепов, температура в которых доходила до +70 градусов. Жили как партизаны, редко выходя из джунглей в небольшие селения. Были и пленные, и убитые. Зато не было никаких документов. Лишь адрес - один на всех: "Москва-44" (Иванова, 1994).

60-70-е годы XX века были временем активной борьбы государств Африки от колониальной зависимости.

Советский Союз оказывал им значительную экономическую, финансовую и военную помощь, направляя военных советников. Советские специалисты принимали участие в боевых действиях в Египте (с октября 1962 г.), Алжире (1962-1964 гг.), Йеменской Арабской Республике (с октября 1962 г.), Сирии (с июня 1967 г.), Анголе (с ноября 1975 г.), Эфиопии (с декабря 1977 г.), Мозамбике (с 1967 г.).

В 1971-1972 гг. в Египте в качестве военного специалиста находился Булышев Владимир Иванович. Оказание военной помощи Советским Союзом Египту отрицалось, поэтому, по воспоминаниям В.И. Булышева, не то, что военные специалисты, даже летчики и стюардесса в самолете были в гражданской форме.

По прибытии в Каир, всех распределили для несения службы в разные места: в г. Александрия, на Асуанскую плотину, часть прибывших, в т.ч. и Владимир Иванович, были оставлены в Каире. В их задачу входило охранять небо над Каиром. Владимир Иванович был радистом-диспетчером, обеспечивал радиосвязь и радиолокацию самолетов-разведчиков и фронтоавиации. Он служил на комплексе-200, который находился под землей почти в центре Каира. Форма одежды была арабская, обращались между собой только по имени-отчеству.

Противостояние на Ближнем Востоке закончилось в июле 1972 г., США вывели свои войска из Вьетнама, СССР - из Египта.

Активную военную помощь Советский Союз оказывал и Йеменской Арабской Республике. В 1976-1979 гг. главным военным советником в Й.А.Р. был Филиппов Василий Ионикиевич - 1924 г.р., уроженец с. Ижма.

Василий Ионикиевич участвовал в Великой Отечественной войне, был трижды ранен. После войны закончил Академию бронетанковых механизированных войск. Выполняя интернациональный долг, с 1964-1965 гг. - военный советник на Кубе; в 1976-1979 гг. - главный военный советник Йеменской Арабской Республики; с 1984 по 1985 гг. - зам. главного советника по боевым действиям в Афганистане. Генерал-лейтенант Филиппов В.И. награжден 32 боевыми наградами, в т.ч. и иностранными.

Афганистан. Это слово было на устах у всех в течение десяти лет. 25 декабря 1979 г. советские войска вошли в Афганистан. Десять лет здесь гибло население Афганистана, десять лет умирали советские парни, росчерком пера направленные в "кровавую мясорубку".

Война обошлась нам очень дорого. Через Афганистан прошло 546255 человек. По неофициальным, данным погибло и умерло от ран 13833 человека. Ранено 49985 человек, стали инвалидами 6669 человек, находятся в розыске 330 человек. Орденами и медалями награждены 200000 человек, 76 участников Афганской войны стали Героями Советского Союза. (Журнал "Гласность", 1991, № 34-36).

По уточненным данным, в Афганистане с 1979 по 1989 гг. погибли: русские - 6898, украинцы - 2378, белорусы - 613, узбеки - 1086, казахи - 362, таджики - 236, азербайджанцы - 195, молдаване - 194, евреи - 7, ингуши - 12, чеченцы - 35, народы Дагестана - 101 и др. Потери по возрастам: до 20 лет - 8655, в т.ч. 2 офицера; 20-25 лет - 3557, в т.ч. 862 офицера; 25-30 - 878, в т.ч. 640 офицеров; 30-40 лет - 170, в т.ч. 90 офицеров (Колосков А.Г., Цветкова Г.А. История Отечества в документах. 1917-1994 годы. М., 1995. Т.4. С.120).

Из нашей республики в Афганистане побывало 2847 человек, 72 погибли, 1 пропал без вести.

Налимов Александр Васильевич, 1959 г.р. Выпускник средней школы № 12 г.Сыктывкара. В 1980 году окончил Ленинградское общевойсковое дважды Краснознаменное училище им. С.М. Кирова. Получил специальность инженера по эксплуатации гусеничных и колесных машин.

В 1980-1983 гг. служил в ГДР. Прошел воздушно-десантную подготовку. В октябре 1983 г. был направлен в Афганистан. В июле 1984 года был в отпуске, перенес инфаркт. Но в Афганистан вернулся.

22 декабря 1984 г. старший лейтенант Налимов А.В. погиб, выполняя боевое задание по уничтожению бандформирований. Награжден орденом "Красной Звезды" (посмертно).

Белоголов Сергей Николаевич, 1963 г.р., уроженец г.Сыктывкара. В 1980 году закончил среднюю школу № 26 и поступил в Ленинградский медицинский институт им. Павлова. Не завершив учебу на первом курсе, он оставил институт и до призыва работал инструктором спорткомбината в г.Сыктывкаре. В 1981 году был призван в Вооруженные силы.

23 марта 1983 г. Сергей погиб при выполнении боевого задания, проявив мужество и стойкость.

Неустроев Василий Германович, 1964 г.р., уроженец г.Сыктывкара. Закончил среднюю школу № 9, затем целлюлозно-бумажный техникум. До призыва в армию работал электрослесарем на мебельной фирме "Север".

Погиб 23 ноября 1984 г. во время выполнения боевого задания при исполнении воинского долга в ДРА. Награжден медалью "За отвагу", орденом "Красной Звезды" (посмертно).

Конец 80-х годов ознаменовался ростом межнациональных столкновений на территории СССР: Латвия, Литва, Казахстан (Новый Узень), Узбекистан. Распад Советского Союза в 1991 году еще более углубил межнациональные проблемы. Парад суверенитетов, прошедший по территории бывшего СССР, показал, что единого "советского народа" нет. Горячими точками стали Азербайджан, Армения, Таджикистан, Узбекистан.

В урегулировании межнациональных конфликтов на территории бывшего СССР принимали участие солдаты и офицеры в/ч 5466, которая была сформирована в Сыктывкаре в 1974 г. С 1986 г. военнослужащие части выполняли боевые задачи в горячих точках страны. Азербайджан, Армения, Узбекистан, Абхазия,

Таджикистан, Нагорный Карабах, Дагестан, Чечня - таков их боевой путь (Газета "На страже правопорядка", специальный выпуск в/ч 5466, май 1996г.).

Участником урегулирования межнациональных конфликтов в городах Сумгаит, Баку, Фергана, на территории Нагорного Карабаха был Щукин Сергей Николаевич, сотрудник милицейского батальона в/ч 5466. За мужество и отвагу Сергей Николаевич награжден медалью "За отвагу" и медалью "За боевые заслуги".

Чечня. Российские федеральные войска вошли в Чечню 11 декабря 1994 года. Началась война, оценку которой нам еще предстоит сделать. Еще неизвестны истинные потери, нет точных данных о количестве погибших, пропавших без вести, побывавших в плену. Нет ответов на многие вопросы. Но уже сейчас мы можем сказать, что миллионы людей пострадали во время этих событий. Седыми стали матери вернувшихся из Чечни ребят. Не описать горе тех, кто потерял на той войне сыновей, отцов, братьев, женихов.

По данным Московского центра правозащитного движения "Мемориал", в Чечне погибло и пропало без вести 4379 человек, побывало в плену 703.

По данным Республиканского военного комиссариата, из нашей республики за время чеченского конфликта погибло 36 человек, один пропал без вести, 90 получили ранения (В Сыктывкаре помянули погибших в Чечне // Республика. 1997. 9 сент.).

В чеченских событиях принимали участие 659 солдат срочной службы. В это число не входят сотрудники МВД, ФСБ, ОМОН, СОБР, направлявшие своих солдат и офицеров в служебные командировки.

Бойков Алексей Владимирович, 1975 г.р. Уроженец Сыктывкара. В 1994 году был призван в армию, в морскую пехоту. В апреле 1995 года подписал контракт, после чего был отправлен в Чечню. Погиб 26 мая 1995 года в районе г. Шали. Группа шла на задание, нарвалась на засаду. Алеша шел первым. Он повернулся, предупредил товарищей о засаде, и в эту минуту раздался выстрел. Алеша спас жизнь пятерым, но сам погиб. Награжден орденом "Мужества" (посмертно) (Муравьева О. Похоронка пришла вместо сына // Красное знамя. 1995. 19 авг.).

Мищенко Олег Григорьевич. 1967 г.р. Закончил среднюю школу № 26 Сыктывкара, затем ГПТУ-22. Полтора года был в Афганистане. В 1992 году закончил КГПИ. С 1 апреля 1993 года работал в системе МВД в Специальном Отделе Быстрого Реагирования (СОБР).

В Чечню попал в январе 1995 года. Погиб 25 февраля 1995 года при выполнении боевого задания по расчистке центра г. Грозного от боевиков. Награжден орденом "Мужества" (посмертно). (Немиров В. Прошел Афганистан - погиб в Чечне // Молодежь Севера. 1995. 2 март.).

Самсонов Виктор Викторович, 1975 г.р. Закончил среднюю школу № 38, затем ВПУ-34. 22 ноября 1994г. был призван в Вооруженные Силы. Сержант, командир отделения в/ч 6715 внутренних войск МВД. Находился в Чечне с 7 августа по 10 декабря 1995г., был в охране Дома Правительства. Второй раз был направлен в Чечню 3 июня 1996 года. Был тяжело ранен женщиной-снайпером 13 августа 1996г. Скончался от ран 20 августа 1996г. Представлен к ордену "Мужества" (посмертно) (Шевчук Л. Прости нас, мама // Вечерний Сыктывкар. 1997. 7 янв.).

Алексеев Александр Иванович, 1962 г.р. Уроженец г. Ухта. Закончил ср. школу № 3, затем Ухтинский Индустриальный институт. После его окончания работал мастером УПТО ИК объединения "Комигазпром".

В 1982г. был зачислен на военную службу в органы государственной безопасности, где провел путь от оперуполномоченного до начальника подразделения управления. Будучи в командировке в г. Грозном, он выполнял обязанности зам. начальника отдела кадров УФСБ. В день своей гибели дважды

раненый Александр Иванович продолжал руководить обороной осажденного здания общежития УФСБ. Ультиматум одного из полевых командиров о сдаче оружия и выдаче документов в обмен на сохранение жизни отверг категорически. Сам подготовил операцию по выводу сотрудников из здания, благодаря чему удалось спасти многие жизни. 8 августа, прорываясь из окружения, подполковник Алексеев А.И. был смертельно ранен. Указом Президента России Б. Ельцина Алексееву Александру Ивановичу было присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). В соответствии с указом Главы Республики Коми Ю.А. Спиридонова ухтинская школа № 3, в которой учился Алексеев Александр Иванович, будет теперь носить его имя. (Минин Г. Год назад не вернулся из боя // Вечерний Сыктывкар. 1997. 14 ав.).

Корея, Куба, Чечня, Афганистан, Таджикистан - разное время, разные места. Роднит их одно. Цвет крови, горе матерей, ночные кошмары оставшихся в живых солдат. Но неизменна память. Горькая и страшная для одних, целебная для тех, кто должен сделать так, чтобы не плакали над могилами друзей ветераны.

***

1. Международное право в период вооруженных конфликтов. М., 1992.- С.5.
2. Перечень государств, городов, территорий и периодов ведения боевых действий с участием граждан РФ // Красная звезда. 1996. 5 мая.
3. Колосков А.Г., Цветкова Г.А. История Отечества в документах. 1917-1994. М., 1995. Т.4. С.120.
4. Абакумов Б.А. Советские летчики в небе Кореи // Вопросы истории. 1994. № 1. С.30.
5. Елькин Ю. Китайский доброволец из Куратова // Маяк Сысолы. 1997. 4 март.
6. Будапешт-56 (к 40-летию венгерского восстания) // Карта. № 13-14. 1996. С.41-46.
7. Международная жизнь. 1992. № 4. С.68.
8. Мананов В. Забытая мелодия для валторны с оркестром // Молодежь Севера. 1993. 20 авг.
9. Горбачев Б. Охота за секретным танком на Даманском // Аргументы и факты. 1994. № 18.
10. Кредер А.А. Новейшая история. XX век. М., 1995. Т.2.
11. Иванова О. Адрес памяти "Москва-400" // Молодежь Севера. 1996. 14 март.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЭКСПОЗИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРМСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

М.А. Федотова, Пермский областной краеведческий музей

Археологические коллекции ПОКМ представляют обширное собрание предметов материальной культуры, характеризующих историю Прикамья с периода палеолита до рубежа XIX-XX вв. В настоящее время археологические коллекции ПОКМ включают более 250 тыс. ед. хр. и составляют более половины всего фонда музея. Начало формированию археологической коллекции было положено в 1891г. пожертвованиями в историко-археологический отдел музея шести предметов и двух коллекций. Период складывания археологического фонда музея на рубеже XIX-XX вв. относится ко времени активизации исследований археологических памятников, целенаправленного сбора материала. В 1894 г. Пермская ученая архивная комиссия по инициативе Н.Н. Новокрещенных "начала принимать участие в устройстве и обогащении археологического и исторического отделов музея", пожертвовав отдельные предметы. В 1895 г. командирован в Чердынский уезд С.И. Сергеев на средства Императорской археологической комиссии. Пермская Ученая Архивная комиссия приобретает целый ряд предметов древностей (181 экз.), полученных в ходе этой экспедиции, которыми и пополняет коллекции музея. Нужно отметить, что наибольший интерес представляли в этот период так называемые "чуждые древности" - медные и бронзовые предметы. Они и составляли большинство приобретаемых музеем экспонатов. В дальнейшем коллекция пополнялась как за счет пожертвований и покупки предметов, так и за

счет материала археологических раскопок. Особенно богатыми были раскопки Гляденовского "чудского городища", произведенные Н.Н. Новокрещенных в 1896 г. Вошли в состав археологических коллекций и материалы раскопок Гаревского и Ильинского костыща, произведенных А.Е. Теплоуховым.

С начала складывания археологических коллекций музея предпринимаются попытки научного описания и систематизации материала. В 1894 г. был опубликован "Каталог выставки археологических коллекций и предметов древности Пермского края, устроенной Пермской Ученой Архивной комиссией и Уральским обществом любителей естествознания в Перми 8-19 июня 1894 г.". Ф.А. Теплоуховым было дано описание более 2600 предметов, составляющих "собрание древностей Пермской Чуди наследников А.Е. Теплоухова". Датировка предметов и их классификация были даны весьма условно. Кроме предметов, относимых Ф.А. Теплоуховым к "чудским", в данное собрание вошли каменные орудия, "принадлежащие ... несравненно более древней эпохе", и предметы, которые "могут быть отнесены к бронзовому веку".

По предложению Н.Н. Новокрещенных в 1897 г. в III выпуске Трудов Пермской Ученой Архивной Комиссии были опубликованы "Рисунки древностей Пермской Чуди, принадлежащие Пермскому музею". Описание и систематизация 137 предметов были даны Ф.А. Теплоуховым.

В 1918 г. вся коллекция Теплоуховых поступила на хранение в Пермский музей. Кроме этого, археологические коллекции пополнялись за счет пожертвований, покупок предметов и целенаправленных археологических раскопок. Позднее в музей поступили материалы раскопок А.В. Шмидта, Н.А. Прокошева, М.А. Талицкого.

Новый этап в формировании археологического собрания Пермского музея начался с конца 1940-х годов. В 1947 г. О.Н. Бадером при историческом факультете Пермского государственного университета была создана Камская археологическая экспедиция, что положило начало научному археологическому изучению Прикамья. Материалы ежегодных раскопок и разведок, проводимых КАЭ, передавались (частично) на хранение в Пермский музей, благодаря чему значительно пополнилась коллекция периода каменного века, средневековья и периода русской колонизации Прикамья. В настоящее время археологические коллекции Пермского музея продолжают комплектоваться за счет передачи части коллекций и отдельных предметов из собрания КАЭ и Пермского университета, последних работ археологов ПГУ и ПГПУ, проводятся совместные экспедиции сотрудников отдела археологии музея и университета.

Археологические коллекции музея экспонировались практически с момента их формирования. Одной из первых выставок археологических предметов в Перми была "Выставка археологических коллекций и предметов древности Пермского края", устроенная Пермской ученой архивной комиссией и Уральским обществом любителей естествознания в Перми в 1894 г. На выставке были представлены предметы из коллекции А.Е. Теплоухова, приобретенные в "западных уездах Пермской губернии и некоторых местностях Вятской и Вологодской губерний". Экспонаты располагались группами на "таблицах," или "картонах", размещенных в витринах или на стенах в соответствии с местом находки или археологическим памятником - "Предметы из Рождественского городища, на берегу р. Обвы, Рождественской волости, Соликамского уезда", "предметы из различных местонахождений по нижнему течению р. Обвы", "предметы из окрестностей с. Ильинского", "предметы, найденные при обработке полей на месте чудского селища у д. Ракитиной, на р. Ломоватовке, Слудской волости, Пермского уезда", "Предметы, добытые при раскопке Гаревского костыща" и т.д. В случае большого

количества находок с одного памятника или местности производилась некоторая классификация экспонатов по материалу, технике изготовления или функциональному принципу - "Бронзовые и медные предметы из Рождественского городища", "Железные предметы из того же Рождественского городища", "Черепки сосудов из того же Рождественского городища", "Костяные наконечники различных форм и величин, добытые при раскопке костища у с. Ильинского" и т.д. При описании предметов указывался материал, отличительные особенности, назначение, упоминались аналогии. Внутри групп экспонатов деление по хронологическому принципу не прослеживается, в ряде случаев есть указания на "сомнительную древность". Целью выставки являлся комплексный показ коллекции древностей, что и не предполагает размещения экспонатов в соответствии с определенными периодами истории края, наличия обобщений, использования дидактического материала.

Осенью 1897 г. Пермский научно-промышленный музей размещается в трехэтажном доме, пожертвованном городу А.С. Любимовой, где были выставлены предметы, сгруппированные в 9 отделов. Археологический отдел помещался в одной комнате, где в нескольких витринах были представлены его коллекции. В путеводителе по Пермскому научно-промышленному музею, изданному в 1907 г., называются кости жертвенных животных, глиняные сосуды и их остатки, бронзовые и медные бляшки, железные предметы, большое число бус. Помимо археологических находок, экспозиция включала фотографии и рисунки отдельных предметов, находящихся в Эрмитаже.

До конца 1940х гг. археологическая часть экспозиции Пермского музея была построена в основном на материалах коллекции Теплоуховых, что объясняет некоторые "белые пятна" в освещении древней истории края: нет материала по периоду неолита, не представлена эпоха бронзы, нет комплекса материала с памятников ананьинского и родановского времени. Позднее музейные коллекции были значительно дополнены результатами исследований КАЭ и включены в экспозицию музея в составе разделов "Первобытнообщинный строй в Верхнем и Среднем Прикамье" (автор А.Г. Милицина, 1948-49 гг.), "Первобытно-общинный строй в Верхнем и Среднем Прикамье, разложение его и складывание феодальных отношений" (автор В.А. Оборин, 1953 г.), "Первобытно-общинный строй на территории Верхнего Прикамья" (автор В.А. Оборин, 1968-69 г.). В последнем из названных разделов выделены следующие темы: первобытное стадо, первобытная родовая коммуна, первобытная соседская община. И хотя за основу взят принцип развития общественных отношений, эта часть экспозиции ориентируется на археологические памятники как таковые: подчеркивается значение археологических источников, дана карта археологических памятников Пермской области, отдельные экспозиционные комплексы посвящены конкретным археологическим памятникам - могильникам и местонахождениям. Экспонаты расположены в хронологическом порядке: памятники раннего палеолита, поздний палеолит, мезолит, неолит, эпоха бронзы, археологические культуры железного века Прикамья. В основе экспозиции - археологические находки, подлинные предметы, демонстрирующие развитие производительных сил, изменение в технике обработки камня и металла, торговые связи, миграции, этнические связи, зарождение и развитие религиозных представлений и искусства. Использован и вспомогательный материал. Наибольшее впечатление на посетителей производила диорама - макет стоянки первобытного человека. Ранее и позднее подобные макеты в выставочной деятельности ПОКМ не использовались.

На современном этапе собирательская и экспозиционная деятельность музея строится с учетом двойной задачи - научной и образовательно-просветительской.

Главная задача музея - показать памятник в соответствующем историческом контексте, стараясь при этом привлечь внимание к экономическим, социальным, политическим и религиозным факторам.

Археологические находки являются главнейшим источником по истории человечества дописьменного периода. Археологический материал в исторических разделах крупных экспозиций представляет собой иллюстрацию к истории развития общества на данном этапе. Постоянные экспозиции более универсальны, нежели другие формы музейной коммуникации, так как создаются на длительный срок и обладают более широким спектром материала. Но некоторые временные выставки позволяют осветить какую-либо актуальную или узкоспециальную тему с использованием исключительно археологические коллекции или в сочетании с другими материалами.

С 1993 года в центральной экспозиции отсутствует раздел "Первобытно-общинный строй на территории Прикамья", но археологический материал представлен в современных тематических выставках музея.

Действующая в настоящее время в помещении отдела археологии Пермского музея выставка "История и культура Древнего мира" (авторы Н.Е. Соколова, А.Н. Лепихин, 1996 г.) может служить заменой постоянной экспозиции по истории края со II тыс. до н.э. до XIV-XV вв. н.э. Создание выставки совпало с введением в школьную программу краеведческого курса "История Земли Пермской". Материалы по основной части этого курса и части курса всеобщей истории представлены на выставке, что делает основными ее посетителями школьников. Экспонаты представляют интерес и для индивидуального посетителя, но как часть школьной программы выставка предполагает проведение научными сотрудниками музея экскурсий и бесед.

Выставка построена полностью на археологическом материале (исключение составляют два экспоната - копия с картины Г. Семирадского и фотография реконструкции головы воина из Ананьинского могильника VII-V вв. до н.э.). Подбор экспонатов позволяет продемонстрировать культурные и торговые связи древнего населения Прикамья с центрами мировой цивилизации - Древним Египтом, Древней Грецией и Древним Римом. Демонстрация наиболее распространенных предметов обихода (украшения, гребешки, замки и ключи и т.д.) позволяет проводить межвременные параллели - использование подобных предметов в настоящее время и в прошлом. Подобный метод сравнения помогает созданию у посетителя цельной, "живой" картины социокультурной среды бытования предметов, активизирует интерес к познанию.

Отдельные экспозиционные комплексы могут служить различным целям. Например, реконструкция женского костюма ломоватовской культуры VII-IX вв. (погребальный инвентарь) демонстрирует разветвленность торговых связей ломоватовцев (восточные монеты, изделия мастеров Волжской Булгарии и русские украшения XI-XIII вв.); дает представление о сакральной обусловленности деталей костюма, религиозных представлениях (шумящие подвески, поясной набор); свидетельствует о высоком уровне развития бронзолитейного дела (бронзовые детали костюма, украшения местного производства) и т.д. Отдельный экспозиционный комплекс составляют предметы Пермского звериного стиля. Уникальные предметы выделены таким образом, что, вписываясь в общую картину, представляют собой самостоятельные исторические памятники: человекообразный идол турбинского времени, египетская статуэтка бога Амона, найденная на памятнике ананьинской культуры (Конецгорское селище) и наградной знак римского легионера I в. н.э. из Мокинского могильника IV в. н.э.

близ Перми. Рассказ об этих предметах помогает понять, что культура не статична и подвергается постоянным изменениям.

В отличие от выставки "История и культура Древнего мира", выставка "Древности Камской Чуди" (авторы Е.Н. Меркушева, А.Н. Лепихин, 1993 г.), основываясь на археологическом материале - предметах Пермского звериного стиля, включает достаточное количество документальных, этнографических и современных материалов. Археологические находки рассматриваются как самостоятельные произведения искусства, а не только как носители информации о развитии общества. Выставка ориентирована на индивидуального посетителя, на него рассчитано расположение экспонатов, витрин, художественное решение зала. Для школьников и студентов проводятся обзорные и тематические экскурсии.

Выделены отдельные группы изображений: зооморфные сюжеты, зооантропоморфные, птицевидные изображения, состоящие из отдельных экспозиционных комплексов - медведь, лось-олень, пушные звери, конь, человеко-лось, водоплавающие птицы и др. Экспозиционные комплексы расположены в отдельно стоящих витринах, что дает возможность осмотреть предметы со всех сторон и отвечает задаче показа ключевых экспонатов на минимальном пространстве. Оформление витрин подчеркивает тематику комплексов - задняя стенка витрины завершается прорезным стилизованным изображением. Для выделения сюжетных линий в искусстве Пермского звериного стиля использован и прием некоторого нарушения хронологической последовательности - в одном ряду располагаются археологические находки и современные акварели на тему основных образов произведений Пермского звериного стиля. Особое место занимает экспозиционный комплекс "Гляденовское костыще", представляющий собой частичную реконструкцию жертвенного места. Комплекс включает в себя изображение деревянного идола (новодел), остеологический материал, жертвенные чашки, votivные предметы. Музейная экспозиция в данном случае воссоздает отдельные функции и среду бытования предметов Пермского звериного стиля. С этой же целью в экспозицию включен этнографический материал - шаманский костюм XIX в. Кроме этого, этнографический материал иллюстрирует трансформацию Пермского звериного стиля в поздних эпохах, проявление его элементов в архитектуре, росписи и резьбе по дереву, ткачестве, вышивке, изобразительном и прикладном искусстве.

При строительстве подобных экспозиций распространен разрыв между показом древности, основанным главным образом на археологических находках, и более позднего времени, изучение которого осуществляется с помощью исторических и этнографических исследований. Данная выставка показывает, что этот разрыв может быть преодолен при помощи использования комплекса различных источников и отдельных приемов создания аналогий и параллелей, выделения ключевых экспозиционных комплексов.

Подобное использование древнейшего и более позднего материала позволяет получить представление как о культурных традициях, так и об их развитии.

Такой принцип использован при строительстве выставки "Камнерезное и ювелирное искусство Прикамья" (авторы А.Н. Лепихин, Э.В. Чурилов, 1995 г.). Но, в отличие от выставки "Древности Камской Чуди" (где этнографический и современный материал дополняет археологический), археологические предметы включены в экспозицию, посвященную истории обработки уральского поделочного камня на примере истории завода "Уральский камнерез", Пермского экспериментального ювелирно-гранильного завода "Ювекс". Материалы археологических раскопок, относящиеся к периоду каменного века и

средневековья, представлены в несколько нетрадиционном контексте - каменные орудия труда рассматриваются как произведения искусства.

Среди археологических находок были подобраны те, на которых наиболее ярко просматриваются следы обработки, а также наиболее распространенные в данный период времени. Комплекс орудий труда каменного века рассматривается как составная часть развития приемов обработки камня, есть возможность проследить эволюцию техники обработки камня в период от палеолита к неолиту, а наряду с этим и изменения в хозяйстве и социальной структуре общества. Таким образом, у посетителя есть возможность осматривать всю выставку или останавливаться более подробно на отдельных темах с помощью экскурсовода.

Расположение экспонатов в хронологической последовательности тем не менее позволяет сравнивать отдельные предметные группы. Нуклеусы со следами первичной обработки и образцы уральских поделочных камней (также подвергнутых начальной обработке) позволяют проводить некоторые аналогии, а также ставят перед посетителем вопрос о роли камня в человеческой истории.

Средневековые украшения из металла и полудрагоценных камней X-XIV вв. и аналогично расположенные современные украшения, использование одних и тех же пород камней (агат) и сходной техники (скань, филигрань) вызывают определенные мыслительные ассоциации, посетитель участвует в диалоге прошлого и настоящего. Подобные аналогии позволяют преодолеть разрыв между археологической и современной частью экспозиции, возникающий из-за хронологической удаленности предметов, пассивное созерцание экспонатов. Нетрадиционный подход к показу данных предметов и к вопросу о традиционности и преемственности в ремесле и искусстве привлек внимание специалистов - на базе выставки проводились выездные занятия Пермского камнерезного лица.

Подобный диалог прошлого и настоящего возникает при включении археологического материала в тематическую выставку "И улица меняется в лице" (История улицы Покровской (Ленина) (авторы - С.Е.Онянова, В.В.Гордеева, С.Н.Вивденко, 1994 г.). На примере одной из старейших улиц Перми рассматриваются история и современная жизнь города Перми. Одним из первых экспозиционных комплексов выставки является группа археологических находок конца XVIII - начала XIX в. из раскопок в исторической части г. Перми 1991-1992 гг.: предметы быта, печные изразцы, аптечная посуда, игрушки, курительные трубки московских гончаров. Экспонаты демонстрируют формирование улицы Покровской (современная улица Ленина), где находились государственные, торговые и культурные учреждения, а также жилые дома.

Итак, на примере отдельных экспозиций и выставок, построенных в разное время Пермским областным краеведческим музеем, можно увидеть, что возможности экспонирования и интерпретации археологического материала весьма разнообразны. Использование этнографических, документальных материалов, реконструкций памятников, современных произведений наряду с археологическими данными в различных сочетаниях позволяет создать у посетителя целостную картину, способствует возникновению осознанного интереса. В этом отношении немаловажную роль играет размещение экспонатов, техника показа, подчеркивающая особенности предметов, разумное использование дидактического материала.

***

1. Материалы научного архива ПОКМ.
2. Каталог выставки археологических коллекций и предметов древности Пермского края, устроенной Пермскою Ученою Архивною Комиссиею и Пермскою Комиссиею Уральского общества любителей естествознания. - Пермь, 1894.

3. Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1905.
4. Милицина А.Г. Молотовский областной краеведческий музей // Первое уральское археологическое совещание. 1948.
5. Пермский научно-промышленный музей. Краткий указатель. Пермь, 1907.
6. Теплоухов Ф.А. Рисунки древностей Пермской Чуди, принадлежащих Пермскому музею. Пермь, 1897.

ВЫСТАВОЧНАЯ РАБОТА ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ И.А.КУРАТОВА

Л.Д. Ильчукова, Литературно-мемориальный музей И.А.Куратова

Литературно-мемориальный музей И.А.Куратова в 1999 году будет отмечать 30-летие. Это первый литературный музей в Республике Коми. Сотрудники музея стараются быть в гуще литературной жизни столицы и республики, поэтому стало уже хорошей традицией проводить в нашем уютном доме встречи с писателями и поэтами, вечера памяти, юбилейные выставки. Материал, который экспонируется на данных выставках, собран сотрудниками музея. А фонды музея Куратова богатейшие, насчитывают около 14 тысяч экспонатов. Хранятся здесь архивы коми и русских писателей, литературоведов, композиторов: К.Ф.Жакова, А.С. Сидорова, В.И. Лыткина, В.В. Юхнина, А.Н. Фёдоровой, Г.А. Фёдорова, Я.М. Рочева. С.А. Попова, Я.С. Перепелицы, П.И. Чисталёва и др. Имеется неплохая коллекция живописных работ.

В последние годы сотрудниками музея накоплен большой опыт выставочной работы. В основном это юбилейные выставки. С 1990 года по 1997 год построены выставки, посвященные 125-летию со дня рождения профессора К.Ф.Жакова, 100-летию со дня рождения известного коми писателя и поэта В.Т. Чисталёва, ученых-лингвистов А.С. Сидорова и В.И. Лыткина, 25-летию основания музея Куратова. На выставке к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне экспонировались уникальные документы, фронтовые письма, фотографии, личные вещи, рассказывающие о неизвестных страницах жизни писателей-фронтовиков и тех, кто не вернулся с войны. Роль таких выставок очень большая. Они стали частью широкого общественного празднования памятной даты и в то же время это своеобразный отчет о научно-исследовательской, фондовой и экспозиционной работе музея. Это творческая работа художника и экспозиционера, которые с помощью музейных экспонатов открывают новую грань в восприятии личности человека.

В конце 1997 года, 26 декабря, вся общественность республики отметила 85 лет со дня рождения народного поэта Республики Коми С.А. Попова. Чествование старейшего писателя и журналиста состоялось в музее Куратова. К этой дате в выставочном зале музея была открыта выставка под названием "Тэ сьыв, поэт!" (Ты пой, поэт!). Для названия были выбраны строчки из стихотворения-посвящения Серафиму Алексеевичу его близкого друга поэта Ф.В. Щербакова. Эпиграф к выставке - заключительные строчки стихотворения:

"Тэ сьыв, поэт...

*Мед нэмным нюжалас,
пыр лоас дольд лун!"*

(Ф. Щербаков. Тэ сьыв, поэт... 1973 во)

Ты пой, поэт...

*Пусть наша жизнь станет долгой,
день светлым!*

(Подстрочный перевод - Л.И.)

Впервые в музее Куратова была построена выставка мемориального характера, рассказывающая о жизненном и творческом пути поэта, которого знает и любит вся республика. Тем более что к дате "85 лет со дня рождения" можно добавить еще одну - 60 лет творческой деятельности С.А. Попова. Его первое стихотворение "Томлун" («Молодость») было опубликовано в журнале "Ударник" в ноябре 1937 г.

Цель выставки - познакомить посетителей музея: учащихся школ, училищ, ВУЗов - с биографией первого в истории коми литературы народного поэта, раскрыть вехи его творческой деятельности и значимость поэтического творчества С.А. Попова. Об этом говорил в своем слове о Поэте В.Н. Демин, доктор филологических наук: "В истории коми литературы есть явления, обозначающие вершинные ее достижения, наивысшие проявления творческого духа. К таким явлениям относится творчество Ивана Куратова, Каллистрата Жакова, Виктора Савина, Вениамина Чисталёва. К этим же явлениям по праву принадлежит и творчество народного поэта Республики Коми Серафима Алексеевича Попова. 40-90-е годы 20 века по праву войдут в историю коми литературы как эпоха Серафима Попова, выразившего в своем творчестве суть этого времени, его смысл, его философию".

В основе главной идеи выставки лежит образ дороги, долгого жизненного пути человека, Поэта, который прожил жизнь честно, не прятался от трудностей, был гражданином своей Родины. Он был всегда там, где тяжело, с теми, кто нуждался в его помощи. Со старых пожелтевших фотографий удивительно добрыми глазами смотрят на нас родители Серафима Алексеевича - Алексей Иванович и Вера Федоровна. Это им он обязан жизнью, а может быть и тем, что мы называем судьбой. Наделили они своего сына бесстрашным сердцем, отзывчивостью, бескорыстностью, верой в человеческую доброту. Поэтому понятны нам строчки, написанные С.А. Поповым на обратной стороне фотографии 26 июля 1941 года: *"Еду на фронт. Вернусь, нет? Судьба... История губила и не таких замечательно-хороших людей, как я. Но на карту поставлена не только личная жизнь мелких граждан, а судьба нашей родины. Никогда, никогда не хочу быть рабом! Смерть за смерть. Запасной командир артиллерии огневого зенитного взвода Сима Попов"*.

А потом была Победа, о которой долгими холодными ночами мечтал гвардии капитан Попов, выживший в боях под Москвой и за Украину, прошедший через ад Курской битвы, много раз раненный и контуженный. Обо всем этом, а также о многолетней работе С.А. Попова в республиканских газетах, журнале "Войвыв кодзув", о друзьях и окружении, об общественной деятельности поэта, о его семье - детях, внуках и правнуках - расскажут экспонаты выставки: фотографии, рукописи, документы, письма, газеты, журналы и книги.

На экспозиции представлены фотографии, письма, книги с дарственными надписями С.А. Попову его друзей, с которыми он был близок не одно десятилетие: поэтов И. Михайлова, Н. Володарского, поэта и писателя А. Клейна. На обратной стороне фотографии, на которой С.А. Попов и Н.А. Володарский, рукой Серафима Алексеевича написано: "Н. Володарский скончался утром 7 февраля (1992 г. - Л.И.). Вечером 6 февраля он сделал перевод моего стихотворения "Занедужил дед Семен" и отнес свое письмо в редакцию газеты "Ухта". Его стихи и письмо опубликованы в газете 11 февраля 1992 года. Его смерть - это трагедия. Серафим Попов. 19 марта 1992 года". А вот и письмо Н.А. Володарского, полное оптимизма и энергии: "Дорогой Серафим Алексеевич! Как только получил твое стихотворение о бессмертном Семене, отложил все свои дела и занялся переводом... Перевод не дословный, а зачем? Я сохранил канву произведения, мысли, настрой и т.д. Мне кажется, перевод получился. Если ты благословляешь, я отдам его в "Ухту"...".

40 лет связывает творческая дружба С.А. Попова и А.С. Клейна. Познакомились они в Воркуте в 1958 году. Попал Александр Соломонович Клейн в наш северный город не по своей воле. За плечами у него, в 1941 году студента Ленинградского театрального института, с первых дней войны ушедшего в народное ополчение, 12 лет заключения: в плену у немцев и сталинские лагеря. Реабилитирован был только в 1966 году. В своем приветственном слове в адрес С.А. Попова на чествовании в музее Куратова А.С.Клейн сказал: "Я люблю Серафима Алексеевича как поэта и человека. Он такой был всегда - человек с большой буквы. Еще в далеком 1958 году, после знакомства, Серафим Алексеевич стал хлопотать об издании моих стихов, хотя это было и небезопасно для его репутации - ведь тогда он был заместителем Председателя Верховного Совета Коми АССР".

А.С.Клейн - прекрасный поэт, драматург, писатель. Прожив в Коми крае почти всю свою жизнь, он не только изучил Север, но и узнал и всем сердцем полюбил коми язык. На экспозиции выставки представлены рукописи стихотворений и поэм С.А. Попова в переводе А.С. Клейна, книга с дарственной надписью: "На очень добрую память Серафиму Алексеевичу Попову, поэту, старшему товарищу от Александра Клейна, с удовольствием и интересом переводившего его стихи. Город Воркута, 18 декабря 1961 года".

Давняя личная дружба связывает Серафима Алексеевича Попова с Любовью Вадимовной Жаковой, внучкой выдающегося сына коми народа, писателя, философа и лингвиста Каллистрата Фалалеевича Жакова. Совсем еще юной Любовь Вадимовна вынесла все тяготы 900-дневной блокады Ленинграда. А одно событие осталось в ее памяти на всю жизнь: 9 августа 1942 года. Оркестр музыкантов из 80-ти человек исполнял 7-ю симфонию Шостаковича, которая вошла в историю под названием "Ленинградская". После исполнения симфонии Люба Жакова вручила цветы дирижеру К.И. Элиасбергу. Именно это событие послужило основой для поэмы С.А. Попова "Ленинградская симфония".

По словам Серафима Алексеевича, познакомились они с Любовью Вадимовной в начале 70-х годов. А потом были письма, очень теплые, дружеские. Одно из них экспонируется на выставке: "Дорогой Серафим Алексеевич! Дона ёрт! Поздравляем со всеми праздниками мая, Днем печати, радио и особенно Днем Победы. Этот праздник выстрадан всеми нами... Прежде всего благодарю за книжечку-буклет "Молодость древнего села". Ничего, что нет упоминания дедушки Каллистрата. Верю - будет... Также храню, положила в архив, заметку в газете о книге А. Микушева. Никак, нигде не могла ее достать. Наконец сейчас получила от самого автора! С надписью нам со Львом (Лев Андреевич Жаков - супруг Л.В. Жаковой - Л.И.). Очень рада, прочитали вместе со Львом страницы о Вас. Перечитали тут и Ваши поэмы - "Тихая ночь", "Два кольца". Поклон Вам, народному поэту!".

На выставку в музей приходят учащиеся школ и техникумов, студенты. Им мы, сотрудники музея, рассказываем о жизни и творчестве С.А. Попова и, конечно же, во время экскурсий звучат строчки его стихов:

*"Косил я, пахал я и сеял,
И лес корчевал под посевы,
Поля расширял и луга...
И пусть-ка расскажет тайга,
Какое количество бревен
Срубил я своим топором,
А сколько их сплавил потом!"*

*("Притча о труде",
Перевод И. Михайлова)*

*На ветку рябины черпак берестяной
Повесил я. Сердце отрадою бьется:
Другой, обнаружив источник желанный,
Придет и серебряной влаги напьется".*

(Перевод И. Молчанова)

Звучат и песни, написанные на стихи С.А. Попова композиторами А.Осиповым, П.Чисталевым, Я.Перепелицей, И.Козловым: "Кузь сырья чышьян" ("Платок с кистями"), "Катшасинъяс" ("Ромашки"), "Сиктö локтис матрос" ("В село пришел матрос") и др. Записи песен в исполнении профессиональных и самодеятельных певцов нам любезно предоставили работники телерадиокомпании "Коми гор". Мы благодарны самому Серафиму Алексеевичу и его дочери Валентине Серафимовне за интересные фотографии из семейного архива. Мы надеемся, что фонды литературно-мемориального музея И.А.Куратова пополнятся новыми бесценными материалами о жизни и творчестве народного поэта, заслужившего всей своей жизнью, творчеством, чтобы память о нем сохранилась на многие годы.

Фрагмент экспозиции выставки "Ты пой, поэт!"

ПРАЗДНИКИ В МУЗЕЕ

Р.И. Ларукова, Национальный музей Республики Коми

Культура во все времена являлась духовной потребностью.

Еще в 1970 году академик П.Л. Капица в докладе на Международном конгрессе по подготовке преподавателей физики говорил о задаче культуры - "... придать досугу рядового человека творческий характер...", и заявил, что это задача, от решения которой может зависеть будущее нашей цивилизации. Конечно, под словом "досуг" он подразумевал не только свободное время, но и в какой-то степени образ жизни.

Важной составной частью культуры являются музеи. В современном обществе, где широко развиты средства массовой информации, музеи занимают особое место.

Но музей может работать для общества лишь в том случае, если он хорошо знает запросы своей аудитории и умеет формировать их, являясь своеобразным культурным центром своего региона.

Национальный музей РК, опираясь на системность в работе с аудиторией, активно и осознанно формирует культурную среду региона. Он продолжает совершенствовать и расширять программу "Музей и культура", которую начал вводить с 1985 года, проводит циклы лекций, организует выставки и т.д., а также музейные праздники. Думается, что праздники оказывают глубокое воздействие на участников, после них остаются отнюдь не поверхностные впечатления.

Своеобразие музейного праздника в том, что в нем творчески используются различные формы и приемы научно-просветительской работы музея, объединенные сценарием, единым замыслом.

В самом начале подготовки к празднику важно определиться: для кого он будет проводиться, кто станет его участником. От этого зависит содержание праздника, его деятельность, использование фондовых коллекций.

Настоящим праздником для самых юных посетителей НМРК - дошкольников и младших школьников - становятся новогодние утренники, которые ежегодно проходят по новому сценарию с использованием экспозиций отделов истории, природы, этнографии.

Так, 1997 год мы встречали на выставке "Пути мифов - пути народов" (воссоздание мифологической картины мира в представлениях древних коми). Экспонаты выставки - предметы народного искусства - легли в основу сценария "Путешествие в страну ведомую и неведомую".

Участников праздника - детей в маскарадных костюмах, родителей, педагогов - встречал холодный северный ветер Хансвей и вел их в сказочный лабиринт. В пути им помогали Снегурочка и Зарань (дочь бога Ена). Немало преград преодолели участники праздника, состязаясь с Ёмой-Бабой (Бабой-Ягой), Ворса (Лешим), Васа (Водяным); изготовляли кисточки к волшебному поясу, угощались хлебом, по коми обычаю, в доме Зарань.

Во время таких праздников экспозиция музея оживает, и нет числа самым восторженным отзывам: "Слушаешь, видишь и сам начинаешь верить в сказку и чудо!" - написали родители третьеклассников одной из сыктывкарских школ.

В сценарий музейного праздника необходимо заложить все, что сделало бы его запоминающимся: конкретность темы, вдумчивый подбор форм выражения, яркость, эмоциональность, зрелищность, а главное - определить место музейных коллекций в празднике.

В ходе проведения опроса мы выяснили, что у посетителей разных возрастов наибольший интерес к народным традициям. Тогда, используя действующую экспозицию отдела истории, мы разработали праздник "Пасха в Усть-Сысольске" и "Йёв вежалун" (Масленица) для ребят среднего и старшего школьного возраста, а также взрослых посетителей выставки "Пути мифов - пути народов". Во время праздника "Йёв вежалун" участники, одевшись ряжеными, (каждый получал маску, сделанную из бумаги), разыгрывали праздничные гонки на оленях, ходили по жердинке, катали с горки яйца, по обычаю, пришедшему к нам от древних языческих праздников - Прославления весеннего солнца. Они играли в одну из самых любимых игр "Охотник и медведь", вспоминали поговорки, приметы, загадки о весне и солнце и, конечно, угощались блинами.

Участники праздника "Пасха в Усть-Сысольске" узнают о различных приметах и обычаях, связанных с этим праздником: трясут решето с медными деньгами, чтобы жить в достатке; бегают с колокольчиками вокруг "дома", "чтобы скотина прямо с пастбища ходила домой и не плутала"; катают раскрашенные яйца по

желобу и, конечно, качаются на качелях. В заключении участники праздника складывают мозаику - три пасхальных символа: крашеные яйца, кулич или пасху (узнают рецепт приготовления пасхи) и приветствие "Христос воскрес" - "Воистину воскрес". Праздник заканчивается зажжением свечей. Эти музейные праздники органично вливаются в программу ежегодных общегородских праздников, проводимых отделом культуры Сыктывкарской администрации.

Разные точки зрения существуют насчет того, как часто нужно устраивать подобные мероприятия. Думается, что праздник должен быть праздником не только для посетителей, но и для музейных работников. К тому же он требует очень тщательной подготовки. А праздничность можно внести в любое музейное мероприятие.

Однако сейчас нелегкое время и вроде бы не до праздников, но добрые чувства нужны нам как воздух. И если у работников музея есть возможность дарить людям радость, ею надо пользоваться.

ПРАЗДНИК ТВОРЧЕСТВА

О.В. Долотовская, Национальный музей Республики Коми

Каждый из нас, наверное, хранит как самые дорогие воспоминания детства впечатления, полученные во время различных праздников. Радость и восторг, ожидание чуда и удивительная душевная раскрепощенность. Глаз радуется многоцветью украшений и нарядов, слух услаждает музыка, душа словно ощущает кипучую энергию добра, оптимизма и дружелюбия.

Но самым незабываемым праздником для взрослых и детей является Новый год. Уже пять лет сотрудники НМРК приглашают детей в волшебный мир сказок. В конце 1997 года юных посетителей ожидал сюрприз - выставка "Жили-были сказка да балет", подарок от музея и детской хореографической школы г.Сыктывкара. Экспонаты выставки - декорации, эскизы и костюмы детских балетов-сказок "Русалочка", "Чуккокола", "Каштанка", радовавшие жителей города на сцене Государственного театра оперы и балета, позволили сотрудникам музея ярко и необычно подготовить новогоднее представление.

Во время сказочного представления дети становятся его действующими лицами.

Ребят встречали ожившие сказочные герои выставки: Каштанка, которая знакомила со своими друзьями: свиньей Хавроньей Ивановной, гусем Федором Тимофеевичем, котом Иван Ивановичем; предлагала детям на миг стать цирковыми артистами и попрыгать через "огненный" обруч. А из лечебницы Доктора Айболита ребята отправлялись в путь на волшебном "паровозике", который изображали с помощью рук, на поиски Дед Мороза. Немало преград преодолевали они на своем пути: танцевали "Летку-Енку" для Таракана, преграждавшего им дорогу, помогали стать добрым злему разбойнику Бармалею. С помощью волшебного заклинания, которое произносили вместе со Снегурочкой и другими героями, вытаскивали Деда Мороза из "болота", а затем веселились у елки.

В новогодние праздники для детей большое значение имеют различные конкурсы. Именно они вносят в праздник азарт, веселье, задор, дух соперничества. Возле ёлки с Тараканом дети устраивали веселый "слалом" - змейкой преодолевали препятствия. А для Дедушки Мороза строили сказочный дворец, используя "ледяные" кубики и трубочки. При завершении коллективного дела дети вместе с героями любовались выполненной работой.

Праздник становится более красивым, выразительным, если дети приходят на утренники в маскарадных костюмах. Героев каких только сказок не увидишь возле елки: и Кота в сапогах, и Красную Шапочку, и волшебную Фею, и др. За лучший костюм был учрежден приз, а остальных ребят Дед Мороз и Снегурочка угощали сладостями.

Очень приятно, когда вместе с детьми на утренники приходят родители, воспитатели, учителя, которые принимают участие в подготовке костюмов, подарков.

Совместный труд, основанный на радостном ожидании, предвосхищении чуда - торжества, вносит в отношения между детьми и взрослыми положительные эмоции и радужные надежды, согревает теплом всех участников праздника.

О впечатлениях, оставшихся после новогодних утренников, говорят отзывы взрослых и маленьких посетителей. Вот что написали педагоги из педколледжа № 2:

"Замечательное новогоднее представление организовано сотрудниками музея. Дети принимают самое живое участие в действии, живо и непосредственно реагируют на появление героев из сказок. Они искренне поверили, что герои подлинные (одна девочка при виде Бармалея заплакала). Это, пожалуй, лучший из всех утренников, что видели".

А вот какие слова написали преподаватели Коми национальной гимназии:

"Такие замечательные праздники должны стать традицией музея и хотелось бы присутствовать на таких утренниках как можно чаще".

САМОЦВЕТЫ В ЭКСПОЗИЦИИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. А.А. ЧЕРНОВА

А.М. Фишман, Институт геологии КНЦ Уро РАН

Перспективные ресурсы Республики Коми и прилегающих территорий на камнесамоцветное сырье весьма значительны и разнообразны, что определяется наличием сложных геологических структур, тектоникой, разнообразным магматизмом, несколькими фазами метаморфизма Урала и Тимана. Запасов камнесамоцветного сырья, в особенности поделочного, по самым скромным подсчетам хватит на десятки лет.

На северо-востоке Европейской части России выделяются Северо-Уральская и Тиманская минералогические провинции, различающиеся геологическим строением и специфическим набором камнесамоцветов и коллекционного сырья, которые достаточно полно представлены в экспозициях музея и вызывают наибольший интерес посетителей. Привлекает внимание разнообразие природных окрасок и форм ювелирных, ювелирно-поделочных и поделочных камней. Образцы самоцветов занимают несколько витрин в зале полезных ископаемых. В заключение экспозиции на пяти настенных витринах демонстрируются некоторые художественно выполненные образцы изделий из самоцветов. Украшают зал крупные друзы кристаллов горного хрусталя и дымчатого кварца.

Расположение основных месторождений камнесамоцветов демонстрируется на карте полезных ископаемых региона в центре зала.

В пределах Северо-Уральской провинции выделяются Пайхойская, Полярно-Уральская и Приполярно-уральская субпровинции.

Специфику Пайхойской субпровинции определяют: бирюза, янтарь, яшма, флюорит и коллекционные вавелит, варисцит, сфалерит, юшкинит, сульванит, германит, крандолит.

Бирюза открыта в среднем течении р. Силова-Яхи (приток р. Кары). Локализуется в мелких жилах в кремнистых сланцах верхнего девона. Слойки мощностью 1-3 мм, иногда до 8 мм, цвет - зеленый и голубой. По характеру проявлений близка к бирюзе Кызылкумского типа. Имеет значение как коллекционное сырье, иногда отвечает ювелирным требованиям.

Многочисленные находки янтароносных ископаемых смол широко известны на всем побережье морей Северного Ледовитого океана. Ископаемая залежь янтаря обнаружена на берегах р. Песчаной, впадающей в Карское море. Преобладают зерна 3-6 мм. Есть предпосылки нахождения в более глубоких горизонтах крупных кусков янтаря.

Яшмовидные породы имеют верхнедевонский возраст и прослеживаются вдоль всего юго-западного и частично северо-восточных крыльев Пай-Хоя. Наиболее крупные месторождения по р. Кара, Силова-Яха, Серью. Яшмы полосчатые, пестрые. Цвет красный, сургучный, светло-коричневый. Прекрасно полируется. Запасы - десятки млн тонн.

Полярный Урал

Во всех современных сводках по камнесамоцветному сырью фигурируют полярно-уральские месторождения нефрита, жадеита, рубина, которые и определяют камнесамоцветный облик Полярного Урала. Кроме этого, необходимо отметить эклогиты, тулитовое габбро, ензорит, лазулит, гранат, горный хрусталь, яшма.

Рубин обнаружен в ультрабазитовом массиве Рай-Из на р. Макару-Рузь. Месторождение представляет собой тело слюдитовой породы содержащее гнезда с кристаллами удивительного темно-красно-малинового цвета размером 0,5-5 см. Основные дефекты - трещиноватость и параллельная отдельность по пинакоиду. Из редких разновидностей удается получить ограненные прозрачные камни весом до 1 карата. Часто встречаются разности, обладающие эффектом астеризма. В витринах залов "Минералогия" и "Полезные ископаемые" демонстрируются штUFFы рубинсодержащей породы со множеством вкрапленных кристаллов до 2-3 см в поперечнике.

Гранат известен в составе различных пород на Полярном, Приполярном Урале и на Тимане. Встречаются почти все разновидности. Наиболее широко распространены пиропы, альмандины, уваровиты. Реже встречаются андрадиты, в том числе и демантонды. На Полярном Урале гранаты связаны с эклогитами, амфиболитами, гнейсами, кристаллическими сланцами, кварцитами. Повсюду они являются породообразующими минералами, что определяет их широкое распространение и обуславливает высокие прогнозные перспективы. Встречаются кристаллы альмандинна размером несколько сантиметров. Цвет красно-розовый, бордовый, коричнево-бурый. Обычно непрозрачен. В районе хромитовых месторождений встречается уваровит в виде щеток. Размер кристаллов - 2-4 мм, цвет изумрудно-зеленый. Щетки используются для вставок в ювелирные изделия и как коллекционное сырье. Гранатосодержащие эклогиты используются как поделочное сырье. Это очень эффектная порода, состоящая из лилового и красного граната и светло-зеленого омфациита с примесью голубого кианита, зеленого фуксита, темно-зеленой роговой обманки и полевого шпата. Запасы эклогитов массива Марун-Кеу достигают десятки миллионов тонн.

Родингиты - породы, имеющие гранат-пироксеновый, хлорит-гранатовый состав, где пироксен замещается гранатом (гроссуляром). На массиве Рай-Из распространены калифорнитовые (везувиан) родингиты. Декоративность породы

определяется наличием желто-зеленого просвечивающего калифорнита и голубоватого диопсида. Запасы значительны.

Месторождения жадеита пространственно и генетически связаны с ультрабазитами. Наиболее значительные месторождения: Левый Кечпель, Нырдовомен-шор, Пусьерка. Выделяют ювелирный, ювелирно-поделочный и поделочный сорта жадеита. Некоторые разновидности ювелирного жадеита соответствуют сорту "Империл" знаменитых месторождений Бирмы, а по оценке некоторых отечественных специалистов, "по красоте и по стоимости не уступают изумруд".

Месторождения нефрита, так же, как и жадеита, пространственно и генетически связаны с ультрабазитами. Цвет темно-зеленый с голубоватым оттенком. Цвет ювелирно-поделочных разновидностей светло-зеленый, просвечивает. В витринах музея, кроме штуфов нефрита и жадеита с полированной поверхностью, выставлены изделия местных камнерезов, ваза из нефрита, ювелирные изделия.

На Полярном Урале приурочены к вторичным кварцитам, содержащим многослойные кварцевые жилы с гнездами кристаллов лазулита. Цвет от светло-синего до темно-синего. Прекрасно принимает полировку. Может быть использован для изготовления ювелирных изделий и поделок. По геммологическим качествам не уступает широко известному лазуриту.

Полярный Урал богат разнообразными видами поделочного сырья. Запасы их огромны, цветовая гамма и качество могут удовлетворить любой вкус.

Основными видами являются уже описанные гранатосодержащие эклогиты и родингиты, яшмы, мрамора, габбро-тулитовое - пестроцветная крупнокристаллическая порода, состоящие из кристаллов темно-зеленой, почти черной, роговой обманки и ярко-розового тулита (цоизита). Полоса пород протягивается вдоль Райизского и Войкарского массивов на 200 км.

Ензорит - декоративный базальт черного цвета с яркими белыми и красными пятнами гидроокислов железа. Гондит - гранатовый марганцево-кремнистый сланец коричневого цвета. Все породы обладают высокими декоративными качествами и могут быть использованы как для изготовления ваз, шкатулок, столешниц, так и для облицовки. В витринах музея демонстрируются подсвеченные снизу полированные пластины яшмы, тулитовое габбро, ензорит, мрамор, гондит, эклогит и другие.

Приполярный Урал

Кадастр минералов Приполярного Урала насчитывает около 200 видов. Около 40 из них встречается в виде монокристаллов или полиминеральных выделений, представляющих интерес в качестве ювелирного, ювелирно-поделочного и коллекционного сырья.

В пределах Приполярного Урала располагается одна из крупнейших в мире хрусталеносная провинция. Здесь насчитывается около 300 месторождений и проявлений горного хрусталя. В качестве ювелирного сырья наибольший интерес представляют аметист и цитрин. Наиболее качественные кристаллы аметистов добываются на месторождении Хасаварка. Они имеют насыщенную фиолетовую окраску, иногда встречаются друзы, обладающие высокими декоративными свойствами.

Цитрин добывается на месторождении "Желанное" и "Николай-Шор". Цвет кристаллов желтый, желто-зеленый, золотисто-желтый. Наибольшим распространением пользуются дымчатые кристаллы раухтопаза и горного хрусталя, которые тоже используются для огранки, кабошонирования и голтовки.

Известно, что после облучения бесцветный горный хрусталь может приобрести цитриновую или дымчатую окраску, а его природная окраска усиливается.

Значительным распространением на Приполярном Урале пользуются кристаллы с включениями сопутствующих минералов. Это игольчатые и чешуйчатые включения турмалина, рутила, асбеста, эпидота, актинолита, гетита. Особенно эффектны кристаллы с игольчатыми и волосовидными включениями рутила золотисто-желтого и медно-красного цвета с ярким металлическим блеском, пользующиеся большим спросом на всех международных выставках и аукционах.

В настенных витринах музея демонстрируются образцы кристаллов и ювелирных изделий из аметиста, цитрина, "волосатика", тиманских агатов и пренитов как с природной окраской, так и подверженных облучению и термической обработке. Демонстрируется эффект облучения или нагревания для облагораживания окраски минералов.

В вестибюле института геологии выставлен один из крупнейших в мире кристаллов горного хрусталя, так называемый "Великан-двухголовик". Его вес около 1,5 тонн. Уникальное явление природы. Двухголовики - кристаллы с полной огранкой, двумя головками, образованными гранями ромбоэдров. Образование таких кристаллов связано с тектоническими подвижками, в результате которых ранее образованные кристаллы отрываются от основания. Поступающие затем растворы регенерируют скол до образования полногранной формы.

Не менее уникальной является друза раухтопаза под названием "Черный айсберг", расположенная в зале полезных ископаемых, рядом с витринами камнесамоцветного сырья. Это блестящая черная глыба с удивительной степенью сохранности острых головок и граней кристаллов.

Родонит и родохрозит на Приполярном Урале связаны с железо-марганцевым оруденением. По цвету различают розовые, кремовые, темно-серые, принимающие полировку высокого качества.

Благородные серпентиниты и офиокальциты. Это метасоматически измененные карбонатные магнезиальные породы. Они распространены в верховьях рек Вангыра, Большая Патока и Косью. Цвет пород снежно-белый с розовым или зеленоватым оттенком до лавандово-желтого или бледно-зеленого с однородной текстурой. Они могут быть использованы в качестве сырья для приготовления керамики и как поделочное сырье. В витринах музея демонстрируются образцы поделок, ювелирных изделий и образцы керамики.

Тиман

Агаты Северного и Среднего Тимана связаны с базальтами. Базальты распространены в приосевой части Тимана и прослеживаются в меридиональном направлении от Баренцева побережья до Ухтинского грабена. Наиболее крупные месторождения располагаются на Северном Тимане: мыс Чаячий, реки Белая, Черная Иевка, Сула. На Среднем Тимане: Цильменское, Каменновалсинское, Нижнесенкинское.

С тиманскими базальтами связан оригинальный минерал пренит. О его ювелирных качествах говорит торговое название - "Капский изумруд". Встречаются ювелирные и ювелирно-поделочные разновидности с радиально-лучистой структурой желто-зеленого, серо-зеленого цвета и бесцветные.

В мае 1998 года музей им. А.А. Чернова отметит 30-летие. К этой дате сотрудники музея готовят при активной поддержке А.П. Боровинских, министра природных ресурсов и охраны недр, открытие нового зала "Самоцветы северо-

востока Европейской части России”, в котором планируется по возможности полно отразить все виды камнесамоцветного сырья данного региона.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДОВ И ЭКСПОЗИЦИЙ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

С.И. Плоскова, Институт геологии КНЦ УрО РАН

Геологические музеи представляют собой центры концентрации многоаспектных знаний о Земле как геологическом объекте. В большинстве случаев геологические объекты (за исключением палеонтологических и минералогических) в силу своих пространственных характеристик, не совместимых с пространством музея, не могут быть размещены в нем непосредственно, а представляются только коллекциями - своеобразными моделями реального объекта или их частями (фрагментами).

Геологические музейные коллекции имеют ряд особенностей, отличающих их от исторических или художественных коллекций. Если в последних музейный предмет является только памятником культуры, то в геологическом музее образец одновременно и памятник культуры, и памятник природы. Это вытекает из различия геологического объекта как реально существующего природного тела и как некоторого логического понятия, образованного в результате его разностороннего изучения. Первое консервативно, относительно устойчиво, материально и существует независимо от субъективных ощущений; второе постоянно меняется и совершенствуется по мере развития геологических исследований и нашего общего геологического знания. К первой категории будут относиться конкретные образцы (пород, руд, минералов и т.п.). Ко второй - описания, карты, схемы, макеты, в том числе и геологические коллекции (в целом), составленные по тому или другому геологическому объекту. И те, и другие могут представлять музейную ценность, но если первые являются фрагментами природы и сохраняют для нас историю природы (памятник природы), то вторые есть производные культуры и сохраняют историю культуры (памятник культуры, в том числе научной) (Наумов, 1997. С.8).

Какими же еще характерными особенностями обладают музейные геологические экспонаты?

Музейные предметы характеризуются множественностью информационных граней. Конкретная коллекция габитусных форм кристаллов может рассматриваться как собрание одного, так и разных минеральных видов, образованных в различной геологической и физико-химической обстановке. Она же является отражением эволюции кристаллографии и может служить объектом чисто эстетического наслаждения видом сверкающих кристаллов.

По мере дифференциации геологии, появления новых научных гипотез и методов исследования, а также из-за неоднократной детализации и коррекции номенклатур геологических видов, исследователь может неоднократно обращаться к одному и тому же образцу, получая при этом все новую информацию. Если, например, в начале XIX века большая группа пород называлась общим термином “граниты”, то сегодня в ней выделяются 19 разных типов, имеющих неповторимые характеристики. Процесс получения новой информации ведет, с одной стороны, к частичной ликвидации геологических образцов (из-за необходимости изготовления препаратов и проведения различных анализов), а с другой стороны - к их мультифидному росту, так как сами

препараты и шлифы после доисследования являются, по существу, самостоятельными музейными предметами.

Один и тот же образец выступает носителем научной информации разной степени глубины. Так, образец карбонатитовой лавы из Африки зрители будут воспринимать по-разному. Для школьников младшего возраста - это обломок недавно застывшей лавы, которая изливалась при вулканическом извержении в районе, близком к знаменитым заповедникам Нгоронгоро и Серенгети. Студенты заинтересуются удивительным химическим составом этой лавы, почти полностью совпадающим с составом известняков, которые являются классическими осадочными породами. Для геолога-специалиста карбонатитовая порода - бесспорный указатель существования на этой территории активных современных разломов земной коры - рифтовых систем (Брюшкова, 1994. С. 20-39).

Одним из свойств геологических образцов (как и всех природных образований) является их абсолютная неповторимость. Такие музейные понятия, как "копия" или "подлинник", обычные для музеев гуманитарных профилей, в геологическом музее не имеют смысла. Ведь природа не создала еще двух одинаковых объектов. Даже две половинки распиленного надвое образца горной породы будут отличаться количеством составляющих их минералов, формой и размером этих минералов, их расположением. Даже в мелкозернистых "монотонных" породах могут встречаться случайные включения, что не позволяет назвать "копией" даже внешне и вещественно близкие образцы.

Геологические образцы как музейные предметы обладают низкой степенью аттрактивности, за исключением минеральных образований, привлекающих яркостью цвета и (или) необычностью форм, и ряда палеонтологических образцов (особенно гигантских размеров).

Аттрактивность геологических образцов тесно связана с их информационным полем (в том числе и потенциальным). Даже серый невзрачный камень может вызвать интерес, если станет известно, что из него добывается золото или были построены египетские пирамиды. Нередко единичный предмет, не имеющий самостоятельного музейного значения, приобретает совершенно иные свойства, будучи включенным в коллекцию. Одно дело кусок абстрактного гранита, другое - образец гранита определенной части конкретного массива с данными геологического и радиологического возраста, минерального и химического состава, результатов исследования распределения микроэлементов, сведениями о возможностях его практического использования. Именно эти и аналогичные эмпирические факты придают научную ценность музейному предмету, не имеющему непосредственной эстетической привлекательности.

Геологические образцы являются также импульсом для представителей творческих профессий. Деятельность многих художников, писателей и сценаристов опирается на находки, найденные и изученные учеными. На их основе возникают яркие художественные образы, дающие целостное восприятие материала. Одним из примеров такого синтеза стало создание художественного фильма "Парк юрского периода", при этом отправной точкой можно считать коллекцию динозавров палеонтологического собрания Японии. Также на основе огромного фактического материала, собранного геологами, программисты создают компьютерные разработки, моделирующие динамику различных геологических процессов (к примеру, движение континентальных плит). Многочисленные художественные альбомы, книги и фильмы, повествующие о древних формах жизни на Земле, существенно расширяют информационное поле музейных экспонатов, их самих можно рассматривать как геологические образцы, ибо их уникальность защищена авторскими правами издательств. А также важно то, что в

этих произведениях геологические экспонаты получили еще одну жизнь, стали известны гораздо более широкому кругу людей.

Специфика геологических музеев проявляется также в формах и методах использования музейных фондов. Важным отличием естественнонаучных музеев от гуманитарных является более резкая дифференциация посетителей этих музеев по интересам, т.е. по уровню их заинтересованности в получении музейной информации. Часто целью посещения музеев гуманитарного профиля (художественных, исторических) является желание просто посмотреть на предметы старины, картины, скульптуру, создать себе определенное настроение, а нередко потому, что это модно. Совершенно иная картина наблюдается в геологических музеях, которые посещаются гораздо более узким кругом людей, значительную часть которых составляют специалисты и студенты, т.е. люди с профессиональным интересом к геологической информации. Можно условно разделить посетителей на три группы по уровню заинтересованности в получении той или иной конкретной информации: ознакомительный, учебный и исследовательский.

На разных уровнях процесс восприятия музейного образца происходит по-разному: на ознакомительном преобладает эмоциональное восприятие, а на исследовательском - аналитическое. Это отличие находит свое отражение и в экскурсионной работе, и в оформлении витрин и пояснительных этикеток.

Помимо общеобразовательных, музеи природы, в том числе геологические, выполняют воспитательную и нравственную функции.

Воспитательная цель состоит в том, чтобы вызвать у посетителя чувство гармонии с природой, связать в его сознании прошлое и настоящее, помочь увидеть связь его самого с окружающим миром и ощутить себя его составляющей. Нравственная функция памятников науки, к которым относятся и геологические коллекции, проявляется в том, что в них реализовано присущее человеку стремление сохранить память о результатах своего труда, что в свою очередь способствует максимальному проявлению его духовных и физических сил.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА И ПРИКАМЬЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

О МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХЕ В СВЯЗИ С ЮБИЛЕЕМ

А.В. Волокитин, КНЦ УрО РАН

Мезолит - в археологии каменного века эпоха следующая за палеолитом и предшествующая неолиту. Ее начало совпадает с окончанием ледникового периода и наступлением геологической современности. Содержание мезолита как эпохи и ее значение в истории человека обусловлено в значительной мере изменениями в природном окружении. Человек уже не мог охотиться в приледниковых тундрах на гигантских животных: мамонта, шерстистого носорога, первобытного быка. В продвинувшихся на север лесах были ограничены возможности коллективной загонной охоты. Зато широко стали использовать луки, как ручного типа для активной охоты, так и станковые - для пассивной, развивалось рыболовство сетями и ловушками, появились лодки, лыжи, сани. Как мы сейчас знаем, на территории, где расположена Республика Коми, у населения эпохи мезолита существовал подвижный образ жизни и сложная годовая организация хозяйственного цикла. Существовали сезонные (теплого времени и холодного времени года) стойбища, кратковременные зимние и летние охотничьи лагеря, были и долговременные круглогодичные поселения.

Население на эту территорию пришло после того, как в суровых климатических условиях конца ледникового периода она была необитаема. Мезолитическое заселение происходило с двух направлений: западного - из районов Прибалтики и Онежского озера и южного - из Прикамья. Интересно, что последних, т.е. племена из Прикамья, в науке принято считать древними уральцами, предками современных финно-угорских и самодийских народов.

Эти и многие другие не менее интересные сведения получены в результате 40-летних исследований археологов Республики Коми.

Первые мезолитические памятники на территории Республики Коми были открыты в 1957 г. Это было начало широкомасштабных археологических исследований в крае. В ходе сплошных первичных обследований обширных территорий археологи выявили памятники различных эпох, наносили их на карту и начинали стационарные исследования памятников, которые потом становились опорными для исследовательской базы той или иной эпохи. В бассейне р. Вычегды такие работы проводились Г.М. Буровым, на Печоре - В.И. Канивцом, на р. Ижма - В.Е. Лузгиным.

Первая же разведка в долине Вычегды позволила Г.М. Бурову обнаружить массу очень интересных стоянок древних людей, но все же самым замечательным явилось открытие мезолита. Исследование и раскопки мезолитических стоянок продолжались в 1958, 1959, 1963 гг. Это памятники Аныб 1, 2, Воль 1, Ульяново, Кузьвомын, Палевица 2, Нидзь 2, Пезмог 1, Курьядор, Ягкодз 3, Пожег. Стоянки Кузьвомын и Ульяново удалось полностью раскопать, а вот остальные оказались разрушенными в ходе современной хозяйственной деятельности, но сборы на стоянках Курьядор и Пезмог 1 дали обильные находки, и их коллекции также легли в основу исследований по мезолитической эпохе.

В 1957 г., когда были открыты первые памятники эпохи мезолита на Вычегде, у автора открытия Г.М. Бурова были определенные сомнения по поводу их мезолитического возраста. Описывая находки со стоянки Кузьвомын, он отметил

их сходство с материалами мезолитических памятников Прикамья (Огурдинской, Кама-Жулановской, Нижнеадищевской). Однако он добавил при этом, что обилие призматических пластинок и орудий труда, изготовленных из них, характеризующее вновь открытые вычегодские памятники, в Прикамье сохраняется вплоть до эпохи бронзы - II тыс. до н.э. В дальнейшем Г.М.Буровым совершенно справедливо эти сомнения были отвергнуты. Его точка зрения получила поддержку О.Н.Бадера, признанного авторитета в отечественной археологии, первооткрывателя мезолита на р. Каме.

Проведенное сравнение с камскими материалами позволило Г.М.Бурову утверждать, что вычегодские и камские стоянки образуют одну обширную область, и высказать предположение о расселении на Вычегду племен из Прикамья.

Дальнейшее накопление материала по мезолиту Вычегды и Печоры, использование вслед за О.Н.Бадером при анализе состава находок статистики дали основание для объединения мезолитических стоянок региона и Прикамья в одну группу. Этим основанием явилось прежде всего совпадение процентного соотношения количества пластин и отщепов из кремня в коллекциях стоянок. Г.М.Буров назвал данную группу стоянок камско-печорско-вычегодский мезолит и датировал временем "после VI тыс. до н. э."

В 1960-1967 гг. Г.М.Буровым исследовался один из самых известных мезолитических памятников Европейского Севера, Висский I торфяник и прилегающие к нему суходольные стоянки, часть материалов из которых была также отнесена к мезолиту. При раскопках торфяника была получена уникальная коллекция изделий из дерева, бересты, сосновой коры, травы хорошей степени сохранности. По сей день это наиболее яркие материалы мезолитической эпохи, позволяющие характеризовать жизнедеятельность, систему жизнеобеспечения и даже духовный мир населения эпохи мезолита. Впечатляет даже простое перечисление находок: луки, стрелы, копья, метательные дубинки, лыжи, санные полозья, весло, фрагменты сети, части ботала и верши, коробка из бересты и т.д. Многие из этих находок являются украшением экспозиции "Первобытно-общинный строй" в Национальном музее Республики Коми.

Исследователь предполагает, что вещи были просто выброшены людьми, проживавшими на берегу старичного озера. Они попали в воду, какое-то время плавали на поверхности, а затем затонули и были погребены по мере заболачивания водоема отложениями торфа. Этим и объясняется их хорошая сохранность по сравнению с другими памятниками, где аналогичные вещи находят прямо на поселении, там они сильно фрагментированы. Уникальная коллекция находок висского торфяника позволяла сомневаться какое-то время в ее глубоком, мезолитическом возрасте. Однако проведенное датирование образцов древесины радиоуглеродным методом рассеяло все сомнения. Было получено пять дат, которые укладывались в рамки VII - VI тыс. до н. э.

Помимо этого, отложения Висского I торфяника были подвергнуты спорово-пыльцевому анализу, подтвердившему радиоуглеродные датировки. Таким образом, не только по находкам аналогичных вещей в Карелии или Скандинавии, но и на основе естественно-научных датировок замечательную висскую коллекцию можно было отнести к мезолиту. Указанные аналогии заставляли связывать население древнего Синдора с мезолитическими культурами Балтики - кунда, суомусярви. Таким образом, кроме южного, Камского, выявлялось западное направление заселения региона в послеледниковье. Немногочисленный кремневый инвентарь торфяника также отличался от мезолитических материалов стоянок на Вычегде, тех, которые связывались с камским мезолитом. Висские

кремневые орудия чаще изготавливались из отщепов, а пластины отличались большими размерами.

В бассейне Печоры в 1962-1963гг. под руководством В.И.Канивца, при участии В.Е.Лузгина выполнялись разведочные археологические работы в связи с проектом переброски стока северных рек в Волгу. В зоне проектируемых водохранилищ были открыты мезолитические памятники Тыбью, Касьян-ель, пункт 2, Затон 1, пункт 1, Зареченская, Мартюшевская III, пункт 2, Мартюшевская IV, пункт 1, Кодач-ди I, Рогодинская II, Митрофан-дикост, Ванпи I, Деминская, участки 2, 3, Шердинская, участки 1,2,5, Черепанья-ди, обнаружены мезолитические комплексы на известных по работам Г.А.Чернова памятниках Петрушинская - участки 3,4,5,6 и Нижнепетрушинская - участок 3. С долей вероятности к мезолиту были отнесены наиболее ранние находки с поселений Усть-Пидж и Кодач-ди II. В связи с ограниченными сроками работ на памятниках в основном производились сборы подъемного материала. Лишь в отдельных случаях произведены зачистки культурного слоя. Не были продолжены исследования и открытой в 1965 г. В.И.Канивцом в долине р.Боровой (левого притока р.Печоры) стоянки Висса-яг. Однако финансирование археологических исследований за счет проектных работ позволило оперативно и полно опубликовать их результаты. Таким образом, печально известный проект переброса вод сыграл, как это ни странно звучит, положительную роль в развитии археологических исследований Печоры, в частности в разысканиях по мезолиту.

Уже в первой предварительной публикации мезолитических материалов В.И. Канивец, отметив наконечники стрел, высказал предположение, что наряду с тем, что мезолит Вычегды и Печоры связан с камским, он испытал также влияние мезолита Волго-Окского междуречья. Если быть более точным, то В.И. Канивец писал, что в эпоху мезолита Вычегодский и Печорский бассейны заселялись родовыми общинами с юга (Прикамья) и запада (Волго-Окского междуречья).

В 1964г. под руководством В.Е.Лузгина археологические исследования были начаты в долине р. Ижма. Они были связаны с проектированием Усть-Ижемской ГЭС. За время работы (1964-1967гг.) выявлены 4 мезолитических памятника: Кельчиюр I, Лек-Леса I, II, Турун-Нюр I. Раскопки произведены на стоянке Турун-Нюр I. В.Е. Лузгин, проанализировав материалы стоянки, сравнив их со всеми имеющимися сведениями по мезолиту Вычегды и Печоры, пришел к выводу, что Европейский Северо-Восток представлял "в конце мезолитической эпохи" единую местную этнокультурную область, своеобразие которой - в сочетании черт камского и волго-окского мезолита. На многослойной стоянке Пижма II (раскопки 1970г.), расположенной у Ямозера на р.Пижма, В.Е. Лузгиным среди находок различных эпох по характерным формам (типологически) выделен своеобразный мезолитический комплекс. В работах этого исследователя есть также упоминания о наличии мезолитических материалов на многослойных стоянках Пижма I и Кыско.

В 1968-1970гг. на Средней Печоре и р. Уса В.И. Канивцом открыты мезолитические памятники Топыд-Нюр V,VI, Зыбун-Нюр II, Адак II, III, а также повторно осмотрены открытые Г.А. Черновым Адзья I и Адак I. Раскопкам подвергнуты стоянки Адак II (1970г.) и Топыд-Нюр V. Очень своеобразным памятником явился Адак II. Он занимает площадку на вершине 30-метровой скалы и имеет отличный обзор. Данное обстоятельство послужило основанием для вывода, сделанного В.И. Канивцом, что заселение северного Приуралья в эпоху мезолита происходило на фоне борьбы между племенами за обладание территориями и ресурсами. Нужно отметить, что сейчас такой вывод представляется не совсем обоснованным, хотя расположение стоянки и наводит

на мысль о каких-то специфических чертах стратегии освоения данной территории, но, возможно, они были связаны с сезонностью и охотой.

Особенно важны исследования Топыд-Нюра 5 (1968г.). Здесь было изучено оригинальное жилище, которое в дальнейшем получило очень широкую известность. На его примере в основном иллюстрировались адаптивные возможности человека мезолитической эпохи на Европейском Северо-Востоке. В.И. Канивец полагал, что им были раскопаны остатки зимнего утепленного жилища. Оно было углублено в землю, а его наземный цоколь или даже крыша были засыпаны крупной галькой. И хотя в дальнейшем данная реконструкция была подвергнута сомнению, все же это была первая попытка выявить остатки жилых сооружений мезолитической эпохи и определить сезон стоянки. Но этим значение стоянки Топыд-Нюр 5 не исчерпывалось. Именно ее материалы подтолкнули В.И. Канивца на создание периодизации мезолита Печоры. Иными словами, исследователь выделил группу более ранних и более поздних памятников на основе технико-типологического анализа их кремневого инвентаря. В первую группу были объединены памятники Адак I, Адак II, Адзьва I, Зыбун-Нюр II. Ее возраст был определен в пределах VI тыс. до н.э. Во вторую группу включены стоянки Топыд-Нюр 5 и Черепанька-ди. Ее предполагаемый возраст - V тыс. до н.э. В.И.Канивец полагал, что инвентарь второй группы имеет признаки зарождения неолитической техники обработки камня. К таковым он относил возросшее количество отщепов, более частое их использование в качестве заготовок орудий, крупные размеры пластин, очень малое количество микропластинок, а также наличие шлифованных орудий - тесел. Нужно особо подчеркнуть, что в данной работе В.И.Канивец также дал определение понятия мезолит, рассмотрел вопрос о границах палеолит-мезолит, мезолит-неолит. В его трактовке мезолит - бескерамические комплексы, имеющие явно выраженный микролитический характер и не содержащие специфических форм.

Э.А. Савельевой, известным специалистом по средневековой археологии, были открыты мезолитические стоянки Божьюдор I, Ветью, Усть-Коин II, Часадор, мезолитический комплекс на многослойном Веслянском I поселении. На Вычегде в 1970г. В.И. Канивцом при участии археолога из Карелии Г.А. Панкрушева открыт мезолитический памятник Кебаньель, где обнаружены остатки ям с пятнами красной краски. Углубленное исследование данных памятников не проводилось. Однако одна из ям на Кебаньеле была раскопана. По свидетельству Э.С. Логиновой, во время раскопок обсуждался вопрос о сходстве данного памятника с мезолитическими погребениями Карелии. К сожалению, в дальнейшем здесь был размещен склад горючесмазочных материалов, который и уничтожил этот загадочный археологический объект. До сих пор ни одного погребения мезолитической эпохи не удалось обнаружить.

Если до этого времени изучение мезолитических стоянок, как уже отмечалось, проводилось во время сплошных обследований обширных территорий, то начиная с 1975 г. проводятся систематические исследования по эпохе мезолита. Их ведут специалисты по изучению каменного века

Э.С. Логиновой были открыты мезолитические памятники на средней Вычегде: Кужба, Кужью, Озьяг IV, Чертас I,II, Курьядор II (1980г.); раскопки проведены на памятниках Чертас I,II, Курьядор II; вскрыто (1982г.) мезолитическое жилище на неолитической стоянке Эньты III.

После раскопок мезолитических памятников Чертас I, II Э.С. Логинова предложила и в вычегодском мезолите выделить позднюю группу памятников, к которой отнесла материалы Висского I торфяника и стоянку Чертас II. Коллекции памятников сближает, по мнению Э.С. Логиновой, наличие крупных пластин,

более широкое использование отщепов, присутствие шлифованных топоров и тесел. По этим показателям стоянки сопоставлены исследовательницей с печорским памятником Топыд-Нюр 5. Таким образом, периодизация В.И. Канивца была распространена на мезолит всего региона.

Г.М. Буров в опубликованных в 80-е годы работах уточнил свои взгляды на мезолит региона. Им выделено два культурных типа: камско-печорский, датируемый VIII-VII тыс. до н.э. и висский (вторая половина VII - VI тыс. до н.э.). Камско-печорский тип, согласно Г.М. Бурову, включает мезолитические стоянки Приуралья, Валдая, Сухоны, Прииртышья и частично Поволжья. На Вычегде к этому типу отнесены стоянки средневычегодской культуры (Курьядор I, Пезмог I, Ульяново и др.). К этому культурному типу отнесены также большинство стоянок Печоры (включая и Большеземельскую тундру) и ижемская стоянка Турун-Нюр I. Культуры камско-печорского мезолита, по мнению исследователя, соответствуют диалектам древнего уральского языка, на основе которого сформировались в дальнейшем современные финно-угорские и самодийские языки.

Ко второму (висскому) культурному типу отнесены материалы Висского 1 торфяника, суходольных комплексов Виса 1, Симвы 3, стоянок Чертаc II на Вычегде и Топыд-Нюр 5 на Печоре.

Отличие взглядов Г.М. Булова от взглядов В.И. Канивца, В.Е. Лузгина и Э.С. Логиновой заключается, таким образом, в выделении в мезолите региона археологических культур и культурных типов.

Л.Л. Косинской на Выми с 1975 г. и по вторую половину 1980-ых гг. были открыты памятники Ляльский Бор, Ветью II, Евдино II, Остров, Ерозино I; раскопочные работы проведены на памятниках Ляльский Бор (1979, 1974), Ветью II (1983), Евдино II (1978, 1980, 1981, 1986). В.А. Семеновым открыты стоянки Божьюдор II (1980г.), Возиндор I (1981г.); раскопочные работы проведены на стоянке Усть-Коин II. Л.Л. Косинской на средней и нижней Вычегде (1981г. - 1987г.) выявлены памятники Кожмудор (полностью разрушен), Ыджыд-ты, Ревью II, Арабач II, Ярега, Корьев, Джиб-Вад; раскопки (1987г.) произведены на стоянке Ыджыд-ты (Косинская, 1988). В.А. Семеновым была исследована на нижней Вычегде разрушенная стоянка Розмановка (1978г.).

Л.Л. Косинская исследованные ею мезолитические памятники бассейна средней и нижней Вычегды разделила на две группы. В первую группу включены стоянки Евдино II, Ярега. Во вторую группу - стоянка Ветью II, а также Ыджыд-ты и разрушенные памятники: Остров, Кожмудор. Памятники евдинской (первой) группы сходны со стоянками верхнего и среднего течения Вычегды, изученными Г.М. Буровым, а также с мезолитом Прикамья и Камско-Вятского междуречья. Датируются по аналогиям с материалами соседних регионов VI - V тыс. до н.э. Л.Л. Косинская их рассматривает как составную часть вычегодского мезолита, который, в свою очередь, представляется ей одним из вариантов мезолитической общности Урала.

Стоянки группы Ветью II по ряду особенностей инвентаря обнаруживают аналогии в Волго-Окском междуречье, бутовской археологической культуре. Их возраст предполагается несколько более древним по сравнению с первой группой, но в пределах VI тыс. до н.э.

Л.Л. Косинская, в отличие от Г.М. Булова, не выделяет в мезолите региона культуры, а находит возможным говорить лишь о том, что в инвентаре первой группы выражены отчетливо камские (приуральские) традиции, а в инвентаре второй - ослаблено волго-окские. Вместе с тем можно считать, что взгляды Л.Л. Косинской и Г.М. Булова сходны по общеметодологическим подходам.

Напротив, И.В. Верещагина, проанализировав материалы всех мезолитических памятников Европейского Северо-Востока, продолжает развивать взгляды В.И. Канивца, В.Е. Лузгина, Э.С. Логиновой. По ее мнению, заселение региона в мезолите происходило с обширной территории, включающей Волго-Камский бассейн, восточные районы Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. В дальнейшем произошла нивелировка культурных традиций по причине обитания их носителей в одинаковых природных условиях и тесных контактов.

Представляется, что в настоящее время оба подхода к интерпретации мезолитических материалов региона имеют право на существование. Они оба вносят вклад в развитие представлений об этой эпохе. Основное же препятствие на пути разрешения проблем, в общем-то сходных у исследователей как выделяющих, так и не выделяющих культуры (культурные типы) в мезолите региона и, главное, на пути устранения противоречия между ними - это отсутствие надежных, так называемых независимых датировок. До недавнего времени мы располагали лишь серией радиоуглеродных дат и палинологическими данными по Висскому 1 торфянику. Все остальные датировки были основаны на аналогиях с материалами соседних регионов.

В свете вышесказанного очень важны исследования, проведенные автором на верхней Вычегде, средней Печоре и Ижме. Они позволили отчасти ликвидировать недостаток как датировок, так и информации о среде обитания мезолитического населения региона, а также предложить членение материала по культурным и хронологическим признакам.

В 1984 г. на верхней Вычегде во время рекогносцировочных работ под руководством Э.С. Логиновой был открыт мезолитический памятник Парч 1. Его раскопки, продолжающиеся до настоящего времени, были начаты автором в 1985 г. В 1986 г. в непосредственной близости от памятника Парч 1 обнаружены одновременные ему памятники Парч 2 и Парч 3, отличающиеся друг от друга и от ранее открытого памятника глубиной залегания культурных остатков, составом перекрывающих их отложений. На стоянке Парч 2 изучено (к сожалению, часть из них была смыта и разрушена течением реки) пять наземных жилищ, очаги которых содержали обожженные кости животных, рыб и птиц. Значительную часть фрагментов костей специалистам-археозоологам удалось идентифицировать, т.е. определить животных, которых добывали древние люди. Значение этой информации, полученной на нашей территории впервые, очень трудно переоценить.

На средней Печоре в 1984 г. А.М. Мурыгиным и автором в 1985 г. исследованы остатки сооружения мезолитического возраста, обнаруженного при раскопках известного раннесредневекового памятника Топыд-Нюр 7. Мезолитические материалы были типологически выделены среди находок еще одного раннесредневекового памятника Топыд-Нюр 4, раскопанного в 1984 г. А.М. Мурыгиным. Остатки мезолитического жилища Топыд-нюр 7 почти полностью повторяют таковые же на Топыд-нюр 5, да и расположены они в 300 м друг от друга. Тем не менее в ходе работ на Топыд-нюр 7 был сделан вывод о том, что оба жилища были наземными, а не землянками, как полагал В.И. Канивец. Камни же (растрескавшаяся галька) являются остатками очага или же каменной вымостки пола жилища.

На р. Ижме Т.В. Истоминой выявлены в 1986-1987 гг. памятники Усть-Ухта 1, Диюр 4, Морошкой 2, Выльсь-Том, пункт 6; обнаружен сохранившийся культурный слой на открытом ранее В.Е. Лузгиным памятнике Лек-Леса 1. Раскопки стоянки Лек-Леса 1 и стоянки Усть-Ухта 1 проведены автором в 1988-1989 гг. На Лек-Лесе

1 были обнаружены и раскопаны остатки двух наземных жилищ, кости животных, по углю определена дата 9010 ± 70 лет от наших дней.

Особенно большое значение имеют исследования памятников Парч 1,2,3 на верхней Вычегде. Уже первые годы раскопок предоставили материалы, которые по разнообразию форм и технико-типологическим показателям очень сильно отличались от коллекций мезолитических стоянок, исследованных ранее. Кроме того, эти памятники, приуроченные к отложениям пойменной террасы, дали возможность получения ценной информации с помощью естественно-научных методов. Все это позволило говорить об особой мезолитической индустрии, что являлось заявкой на выделение археологической культуры. На памятниках печорского бассейна: Лек-Леса 1, Усть-Ухта 1, Топыд-Нюр 7а, помимо выразительных коллекций кремневого инвентаря, также удалось получить палеогеографические данные, в том числе и датировки. С учетом этих сведений можно утверждать, что на территории региона в первой половине бореального периода существовали памятники с различающимися наборами кремневого инвентаря, или памятники различных археологических культур.

Выделение различных культурных традиций в мезолите региона подтверждено и статистическим анализом. Для этих целей методика, предложенная Л.Л. Косинской, основанная на измерениях длины и ширины, была применена ко всем мезолитическим коллекциям региона, где присутствует достаточное для статистической обработки количество пластин. Для сравнения при анализе использованы некоторые мезолитические коллекции сопредельных территорий: Прикамья, Зауралья и Волго-Окского региона. Полученные результаты весьма важны, это закономерный этап на пути культурной дифференциации мезолитических материалов региона.

Таким образом, постепенное накопление данных, как собственно археологических, так и полученных с помощью смежных наук, приводит к выводу о культурной (этнокультурной?) неоднородности мезолитического населения региона.

В заключение отмечу, что общее количество мезолитических памятников достаточно велико - 80. Тем не менее подсчет раскопанной площади на всех из них дал цифру около 2000 кв. м. Это очень мало, если учесть, что некоторые памятники более поздних эпох раскопаны гораздо большими площадями. Мне кажется, что все сделанное - это лишь начальный, хотя, может быть, и самый существенный этап и что дальнейшие исследования принесут открытия, не менее интересные и важные для понимания древней истории.

МИНИАТЮРНАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ БАСЕЙНА Р. ВЫМЬ

В.Н. Несанелене, В.А. Семенов, Сыктывкарский университет

В 1981 г. в верховьях реки Вымь (Республика Коми) было открыто поселение эпохи бронзы. В результате археологических работ отрядом Сыктывкарского госуниверситета было раскопано восемь жилищных западин, в одной из которых найдена каменная антропоморфная фигурка (Семенов, 1985. С. 131-132).

Памятник находится на мысу при впадении в Вымь небольшого притока Касьян-Кедваю. Жилища поселения располагались двумя компактными группами. В результате раскопок обнаружилось, что столь удобное для рыбного промысла

место использовалось не только в период ранней бронзы, но и позднее - в эпоху раннего железа.

Интересующая нас жилищная впадина (жилище I) находилась на самой стрелке мыса и была ориентирована по течению Кедвы. Жилищный котлован 6 x 4 м имел подпрямоугольную форму со скругленными углами и был опущен в слой материка на 50 см. В стратиграфии жилища наблюдалось характерное для большинства боровых памятников Севера чередование слоев: под тонким слоем мха и гумуса (1-6 см) располагался слой белесого песка мощностью до 40 см, подстилаемый слоем желтого смешанного песка мощностью до 30 см. Ниже шел материк, представленный красноватым твердым железистым песчаником.

Следы культурной деятельности человека прослеживались по всей площади раскопа в толще белесого и смешанного песка, однако основные находки были обнаружены в скоплениях в центре жилищной западины. Нижний слой скоплений (желтый смешанный песок) был насыщен органикой и мелкими пережженными костями. Основная масса находок представлена кремневыми орудиями и отходами кремнеобработки.

Антропоморфная фигурка была найдена при расчистке северного склона жилища, на контакте желтого смешанного песка с материком. Фигурка представляет собой скульптурное изображение головы мужчины высотой 45 мм. Глаза и рот переданы узкими прорезями, массивный нос резко выступает. От висков к подбородку проходит неглубокая бороздка, обрамляющая лицо. Возможно, таким способом подчеркнуты длинные ушные раковины. Дополнительной деталью изображения является шапковидное навершие, выделенное бороздчатым углублением. Вероятнее всего, описанный предмет являлся амулетом-подвеской и имел значение личного оберега.

В настоящее время уникальная находка хранится в фондах музея археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета под № 20/199А.

Кроме того, данное жилище отличается от остальных на поселении большим количеством заготовок и обломков наконечников стрел и дротиков (всего 112 экземпляров). Среди них выделяются орудия листовидной, треугольной и миндалевидной формы с различными видами оформления насада: с выемкой, прямым и округлым основанием. Для большинства наконечников характерна пильчатая ретушь. На дне жилища найдено небольшое количество фрагментов керамики очень плохой сохранности. Органическая примесь в глиняном тесте и плохой обжиг древних сосудов явились причиной активного расслоения керамических фрагментов. Полная характеристика орнамента сосудов не поддается реконструкции, можно лишь говорить об использовании зубчатого штампа при нанесении узоров. В целом общий облик керамики сопоставим с признаками посуды гарино-борского типа, широко распространенной на Европейском Северо-Востоке. В верхнем слое заполнения жилища были найдены фрагменты сосуда ананьинского времени, орнаментированные рядом ямок под горлышком и отпечатками зубчатого штампа и перевитого шнура.

Находки антропоморфных фигурок, подобных усть-кедвинской, известны в Западной Сибири, среди древностей юго-восточного варианта самуськой культурной общности, в частности на IV Самуськом поселении (Косарев, 1981. С.102, рис. 37, 7, 8.). Сходство фигурок проявляется в подчеркнуто выступающем массивном носе, удлиненной форме лица, специально оформленной бороздке для подвешивания предмета. Различия прослеживаются только в размерах самих головок: восточные аналоги значительно крупнее, 110-120 мм, и в трактовке глаз - на вымской головке они переданы узкими прорезями, а на сибирских изображениях обозначены округлыми ямками или выступами.

Находка антропоморфного изображения на Европейском Северо-Востоке и его близость к некоторым западно-сибирским предметам дает возможность для сопоставления древностей эпохи бронзы на широкой территории в контексте этногенеза финно-угорских народов. При этом необходимо отметить, что в материалах IV Самусьского поселения выделяется значительная доля керамики с гребенчато-ямочной орнаментацией. По мнению М.Ф. Косарева, данный факт свидетельствует об активном освоении накануне андроновского времени северной части самусьского ареала населением северо-западного таежного региона (Косарев, 1981. С. 99).

Общие элементы в культурах на огромной территории Северной Евразии от Финляндии до Енисея не раз отмечались исследователями. Следует упомянуть о находке глиняной статуэтки с бобовидным торсом у села Большой Ларьяк Нижневартовского района Тюменской области, аналогии которой широко представлены на западе - в памятниках Карелии, р. Онеги, Карельского перешейка, Финляндии и Восточной Прибалтики, материалы которых представляют культуры гребенчатой керамики (Мошинская, 1975. С. 118-121). Кроме того, хорошо известны находки сосудов в восточном Прионежье (Витенкова, 1996. С.180) и Зауралье (Ковалева, 1989. С.22-25,72; рис. 8-3, б), украшенных по краю способом налпа в виде схематических зоо- и антропоморфных изображений. При этом следует уточнить, что рельефные изображения на венчике сосудов характерны как в восточных, так и западных областях в основном для ранней - неолитической - керамики. Однако в Карелии предельно редуцированные головки в виде выступов встречаются на памятниках эпохи раннего железа.

Сходство столь специфичных предметов, отражающих духовную область культуры, найденных на значительном удалении друг от друга, дают основания предполагать о существовании определенной традиции в их изготовлении и назначении. Находки предметов скульптуры малых форм (как, впрочем, кремневой, и костяной, и деревянной миниатюры) на широкой территории Евразии позволяют выявить определенный уровень духовной культуры в эпоху неолита - бронзы в рассматриваемом регионе. Это не исключает существование определенных культурных связей древнего населения обширной лесной зоны Восточной Европы и Северной Евразии. Подобные высказывания уже не раз звучали в публикациях, касающихся не только вопросов культурных связей, но и проблем этногенеза финно-угорских народов.

***

1. Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск, 1989.
2. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
3. Мошинская В.И. Некоторые новые данные к вопросу о древних контактах в Уральской среде // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
4. Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
5. Семенов В.А. Об одной параллели искусству малых форм Сибири в эпоху бронзы на Европейском Северо-Востоке // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985.

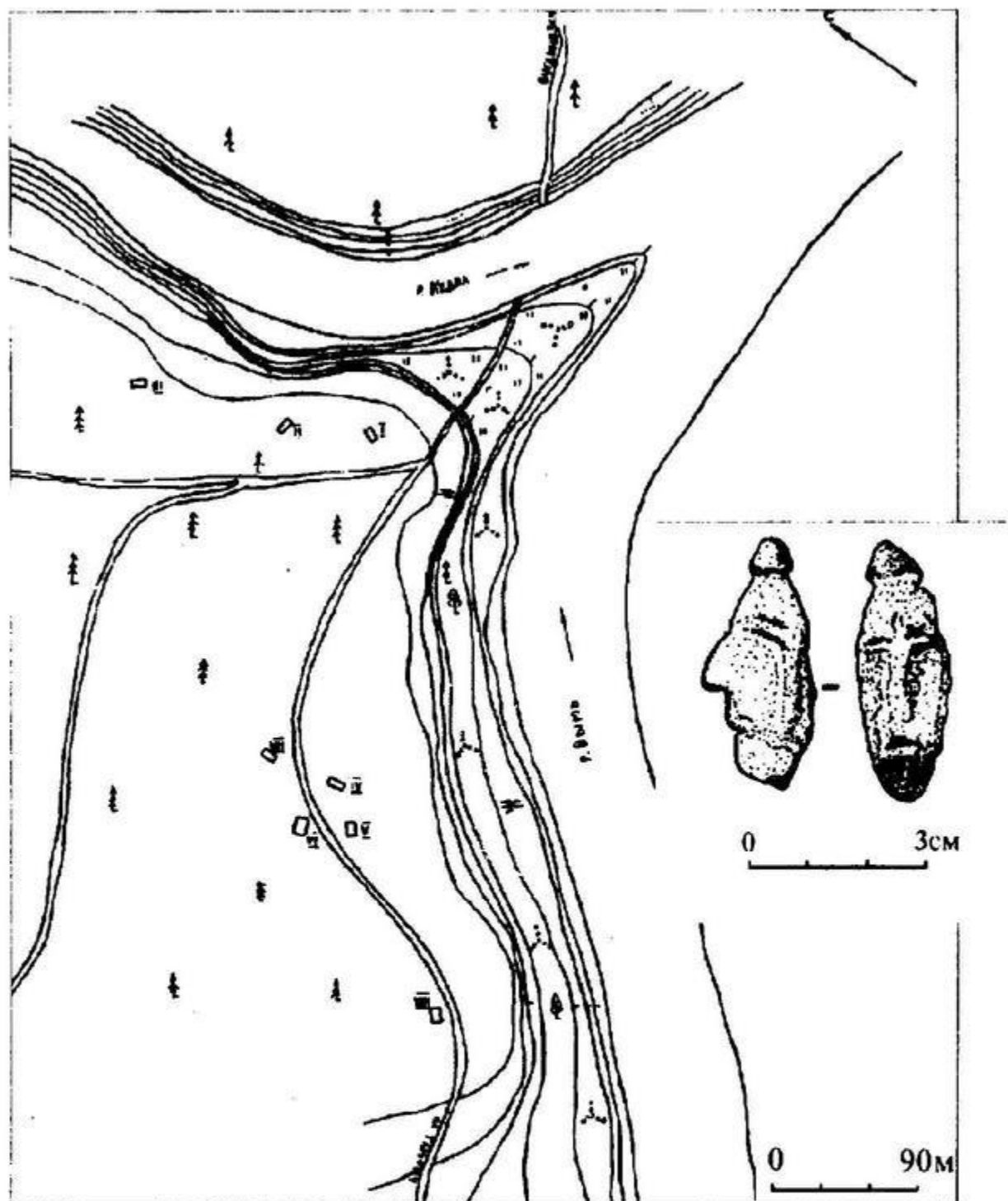

Рис. 1 План расположения археологических объектов в устье р. Кедва.

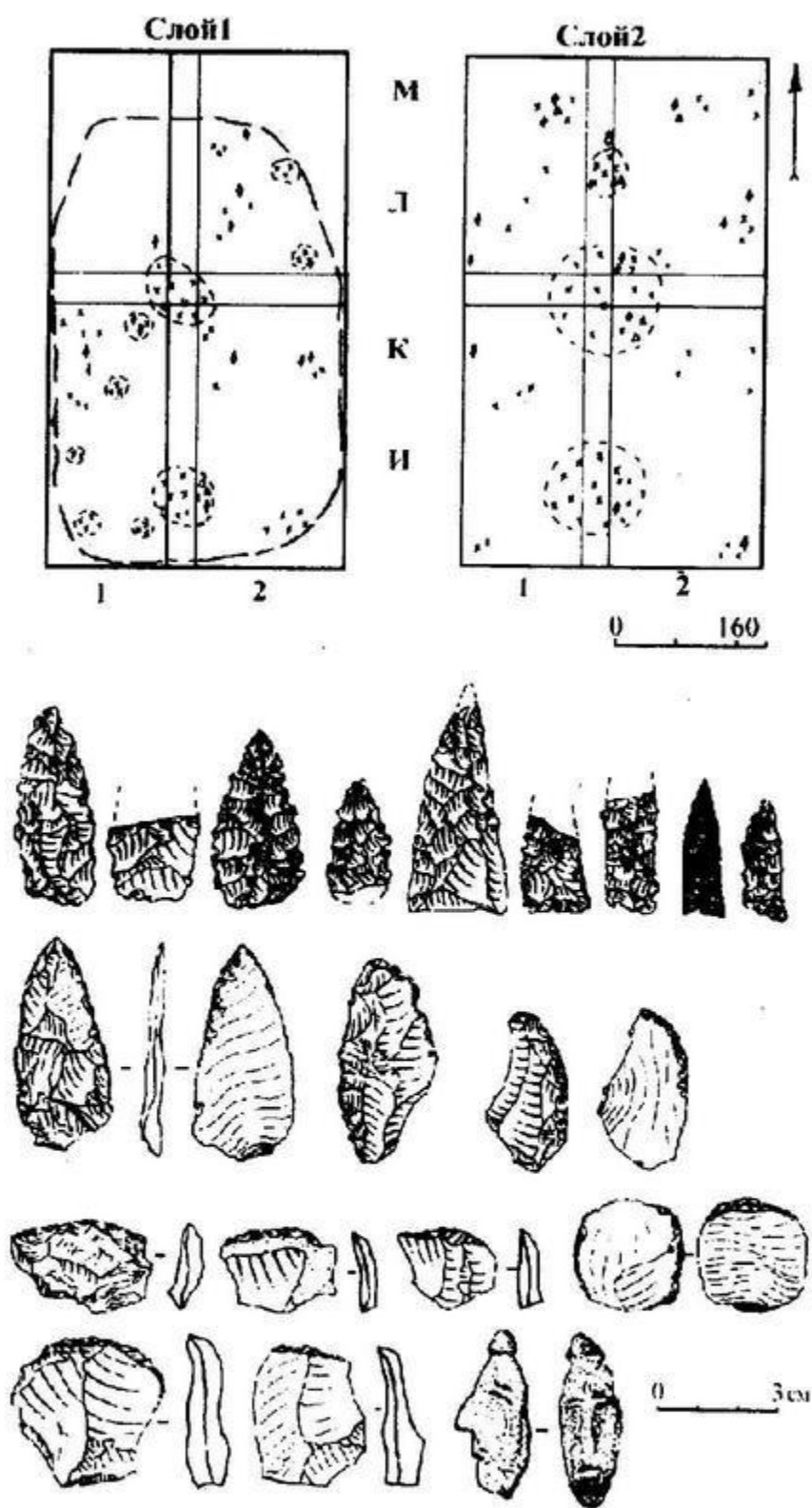

Рис. 2. План раскопа поселения Кедва и вещевой инвентарь.

ПОСЕЛЕНИЕ СИНЕГОРЬЕ II

В.С. Зеленский, Национальный музей РК

Памятник, открытый автором в 1982 году, находится на правом берегу р. Цильмы в 600 м от п. Синегорье Усть-Цилемского р-на Республики Коми. Расположен он на 4 метровой надпойменной боровой террасе ограниченной с запада болотом, с юга ручьем, впадающим в озеро Черное, а с северо-востока затапливаемой поймой р. Цильмы (рис.1). Поселение обнаружено на самом высоком месте террасы. Интересно, что поселение расположено не на берегу озера, а на противоположной стороне террасы рядом с болотом.

В 1990 году на поселении был сделан раскоп площадью 100 кв.м. (Зеленский, 1971. С. 4-7). Раскопки велись по квадратам 2 x 2 м до глубины 0,2 м. Стратиграфия почвы, характерная для боровых террас, растительный слой - 3-5 см, белесый песок (подзол) - 5-16 см, светло-желтый песок-материк. Вещественные находки встречаются в основном на границе белого подзола и желтого песка-материка. Наибольшая концентрация находок наблюдается в кострищах и вокруг них. На площади раскопа были расчищены три кострища, две ямы и один каменный очаг (рис. 2). Первое кострище, расположенное в кв. 3-А, имеет почти круглую форму размером 1,5 x 1,3 м и темно-коричневый слой мощностью 10 см. Под кострищем была линза прокаленного песка оранжево-красного цвета. В заполнении кострища собраны обломки керамики, кремневые скребки, мелкие обломки кальцинированных костей и обломки камней (рис. 2, б). Второе кострище находится в кв. 3-Б, В (рис. 2, а, б, г). Оно имеет линзовидную форму размером 2x1 м и мощностью 30см. Под растительным слоем идет слой серого песка с мелкими угольками толщиной 2-6 см, ниже темно-коричневая супесь толщиной до 20 см, под ним - темный зольный слой и слой прокаленного песка оранжево-красного цвета. Находки встречаются как в заполнении кострища, так и вокруг него. Они представлены мелкими фрагментами керамики, мелкими обломками кальцинированных костей, кремневых орудий и обломками тигля. С южной стороны кострища раскопана яма овальной формы размером 1 x 0,7 м. Глубина ямы 30 см от уровня материка. Яма была заполнена желтовато-серым песком с небольшим количеством мелких угольков и неорнаментированных обломков керамики. Третье кострище находится в 2 м к северу от кострища 2. Оно имеет чашевидную форму размером 1,6 x 2,6 м и мощностью 0,3 м (рис. 2, б, в). Стратиграфия кострища такая же, как в кострище 2. Под растительным слоем идет слой темно-серого песка толщиной 2-7 см, ниже слой темно-коричневой, бурой супеси - 10 см, ниже слой песка темно-серого цвета 2-5 см, а под ним прокаленный песок оранжево-красного цвета. Слой темно-коричневой супеси очень плотный и насыщен мелкими обломками кальцинированных костей, обломками керамики и обожженных камней. С восточной стороны кострища раскопана яма овальной в плане формы размером 1,3 x 0,85 м и глубиной 0,46 м от уровня материка, заполненная песком оранжево-серого цвета и перемешанного с мелкими угольками. Почти на дне ямы были найдены обломки тигля и несколько фрагментов неорнаментированной керамики. В юго-восточной части раскопа в кв. 7, 8-А расчищено большое скопление обожженных камней овальной в плане формы и размером 2 x 1,5 м. Под растительным слоем шел слой песка темно-серого цвета толщиной 3-5 см, затем слой растрескавшихся и обожженных камней - 10-12 см, а под ними прокаленный песок оранжево-красного цвета. Ни среди камней, ни вокруг них никаких находок не обнаружено.

Коллекция вещественных находок на поселении невелика и представлена керамикой, кремневыми орудиями, обломками тиглей и каплями металла. Основную часть материала составила керамика - 198 фрагментов, из них только 24 являются венчиками горшков и чаш, украшенных орнаментом. Керамика довольно сильно раздроблена, поэтому удалось сделать только одну графическую реконструкцию сосуда (рис. 3, 10). Глиняное тесто всех обломков керамики имеет примесь толченой дресвы. Поверхность керамики имеет желтовато-серый, коричневый реже красноватый цвет. По форме венчика все сосуды можно разделить на две группы. В первую группу входят сосуды, венчик которых утолщен и выполнен в виде "воротничка". Во вторую группу входят сосуды, венчик которых оформлен без "воротничка". Как в первой, так и во второй группе венчики сосудов почти прямые либо отогнуты наружу. Тулово горшков выпуклое и плавно переходит в округлое дно. Толщина стенок колеблется от 4 до 8 мм. Все сосуды орнаментированы. Обычно украшена верхняя часть сосуда - венчик и шейка. В половине случаев торец венчика также украшен оттисками зубчатого штампа. Основными элементами орнамента являются резные, зубчатые, ямочные и шнуровые оттиски. Часть сосудов украшены только одним элементом, например зубчатым (рис. 3, 2, 7, 10), но чаще несколькими (рис. 3, 1, 3, 4, 5, 6, 9). Орнамент довольно скромный и выполнен довольно однообразно, господствуют горизонтальные линии, ряды наклонных зубчатых оттисков штампа и редко зигзаг. Полученный в результате раскопок керамический материал принадлежал 11 - 12 сосудам. Каменный материал также невелик и представлен 25 кремневыми скребками, 5 отщепами со следами использования и 20 отщепами. Кремень в основном серого и темно-серого цвета. Орудия выполнены на крупных и толстых отщепах. Рабочий край, как правило, очень выпуклый или полукруглый и обработан крутой ретушью (рис. 4, 5).

Все орудия можно разбить на две группы по наличию рабочих лезвий. В первую группу входят орудия с одним рабочим лезвием (рис. 4, 1-14), во вторую группу - орудия с двумя рабочими лезвиями (рис. 5, 2-11). Состав найденного кремневого материала говорит о том, что на данном поселении древние обитатели обработкой кремня не занимались. Изготовление кремневых орудий происходило в другом месте. Жители поселения пользовались готовыми орудиями, по-видимому, принесенными с собой. Наибольший интерес представляет находка на поселении 21 обломка тиглей и в кострище 3 нескольких кусочков металла в виде капли. После склейки обломков получили два довольно крупных фрагмента длиной 12-13 см, принадлежащих, скорее всего, двум тиглям. Они имеют продолговатую, ладьевидную форму с закругленным дном и толщиной стенок от 1,5 до 2 см. Тигли грубо вылеплены из глиняного теста с небольшой примесью дресвы. Описываемые фрагменты испытали действие высокой температуры, их поверхности приобрели ноздреватую структуру и местами растрескались. На внутренней стенке тигля сохранились застывшие капельки металла зеленоватого цвета.

Весь вещественный материал с поселения Синегорье II, судя как по керамике, так и по кремню, представляет собой единый комплекс. Небольшая мощность культурного слоя и малочисленный материал позволяют говорить о сравнительно кратковременном существовании поселения. Расположено оно в стороне от долины реки, в глубине террасы, характеризуется довольно плотным расположением кострищ, вокруг которых найдены обломки бронзолитейных сосудов. Кремневый материал однообразен, в нем отсутствуют орудия охоты и вооружения. Все это позволяет предположить, что поселение Синегорье II было мастерской по выплавке металла. Как по топографии, так и по вещественному

материалу оно чрезвычайно схоже с поселением Перный, изученным В.И. Канивцом (Канивец, 1974. С. 87-108). Проанализировав материалы с поселения Перный, он отнес его к "развитому или позднему периоду ананьинского времени (конец IV - III вв. до н.э.)" (Канивец, 1974. С. 136-138). Поселение Синегорье II можно отнести к памятникам типа Перный и датировать поздним периодом ананьинского времени.

***

1. Зеленский В.С. Отчет Синегорского археологического отряда о полевых работах в Усть-Цилемском р-не за 1990 год. Сыктывкар. Архив Коми научного центра. 1971.
2. Канивец В.И. Печорское Приполярье в эпоху раннего металла. М., 1974.

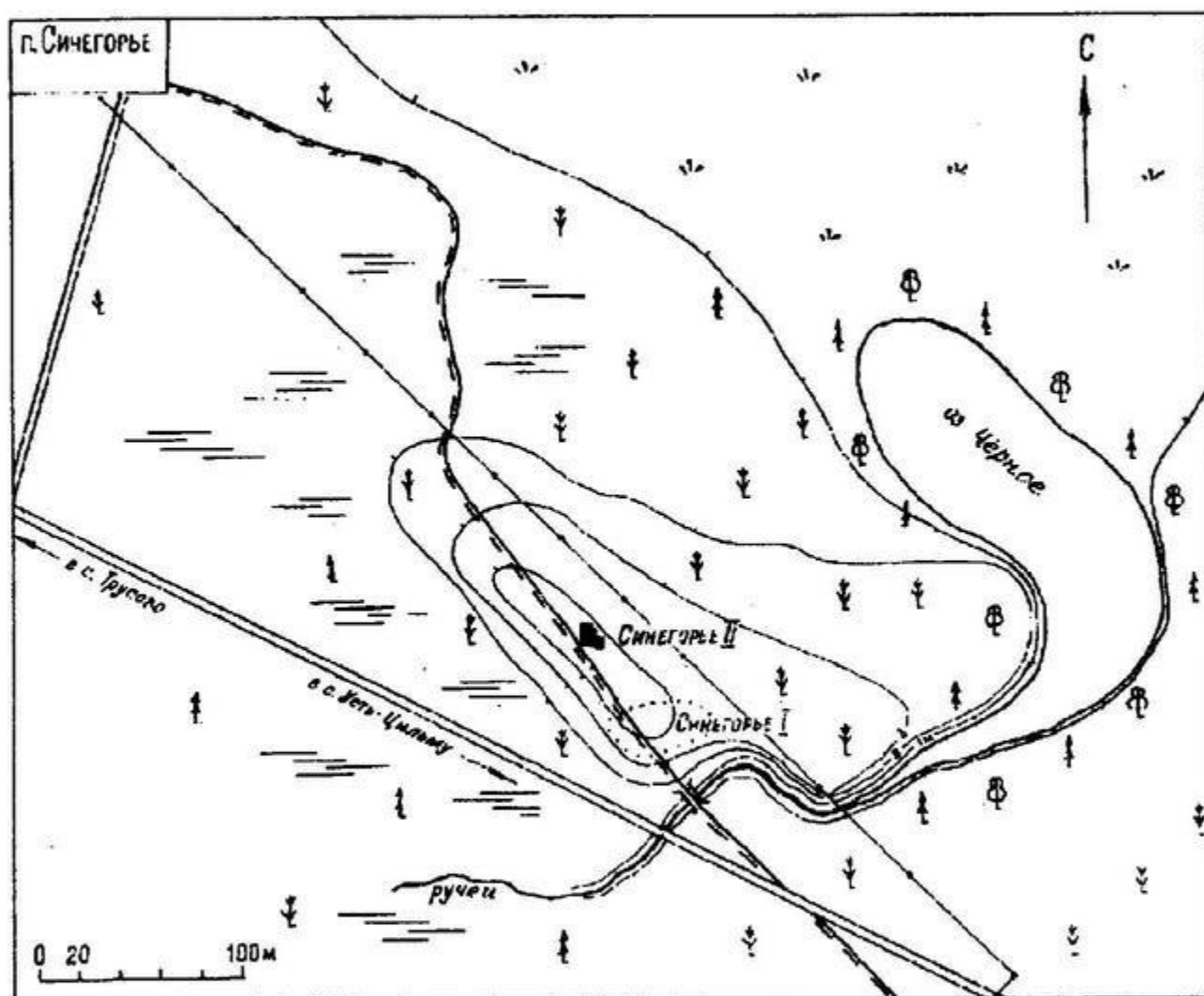

Рис. 1. План расположения поселения Синегорье II.

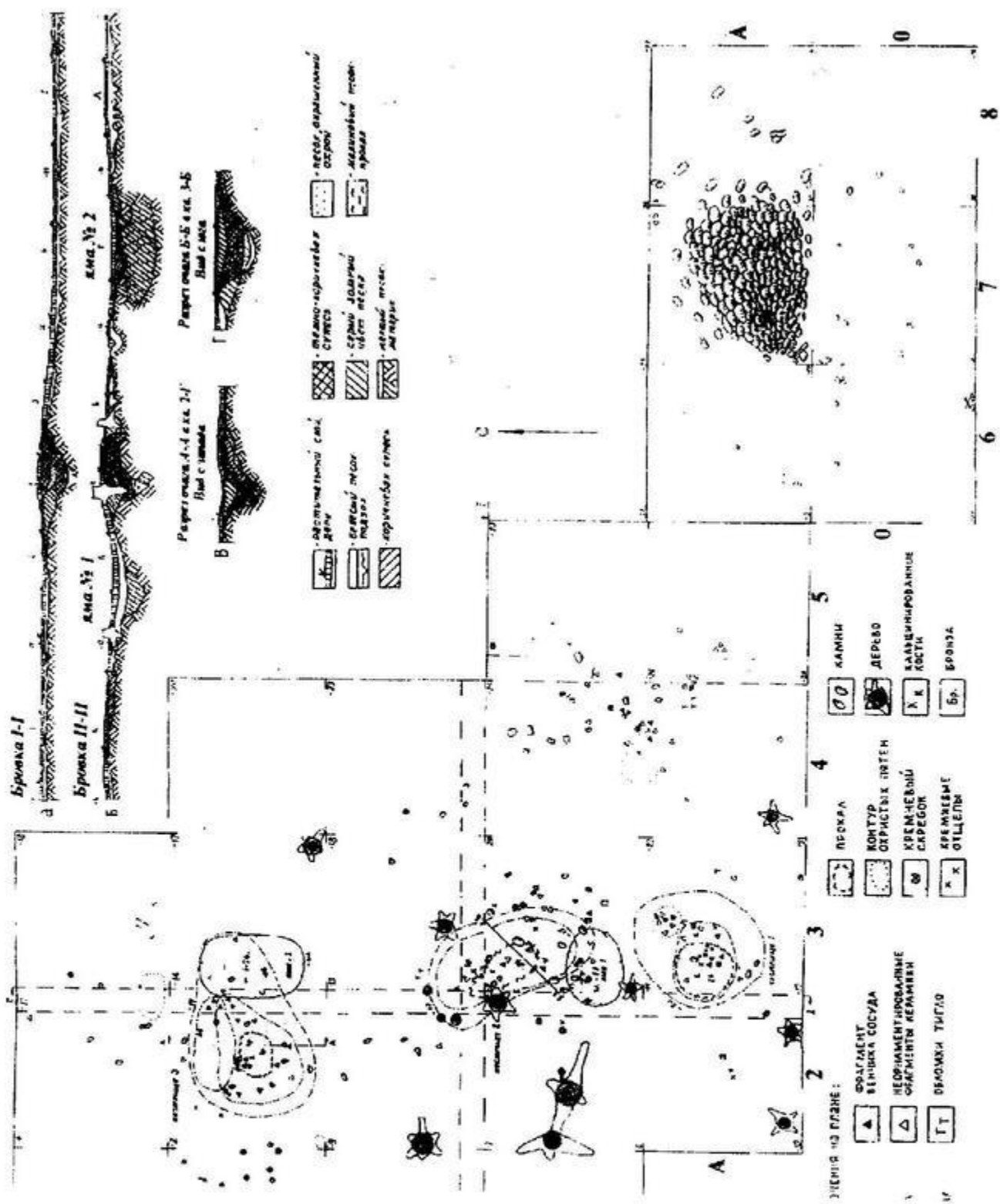

Рис. 2. План раскопа поселения Синегорье II.

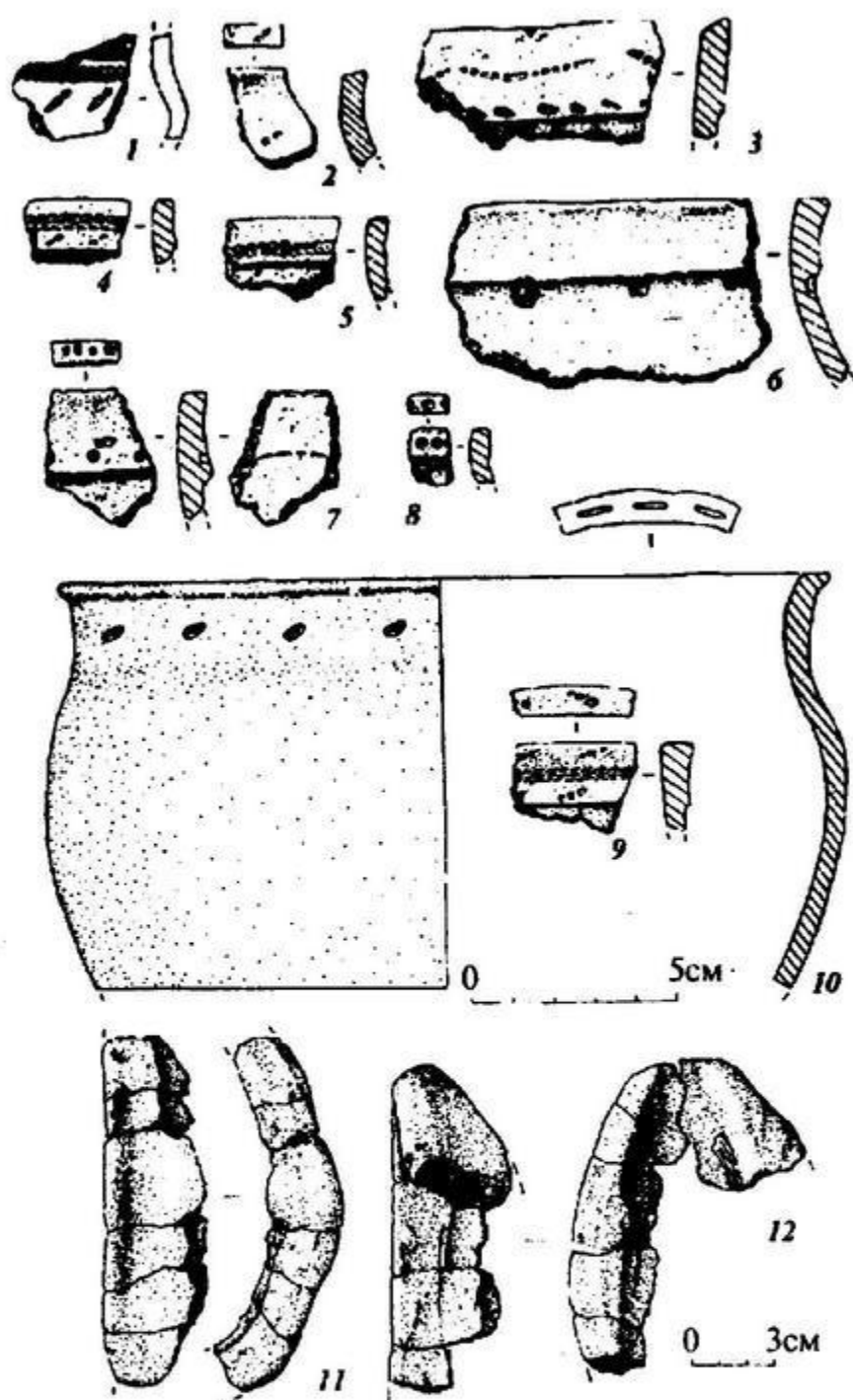

Рис. 3. Поселение Синегорье II. Керамика.

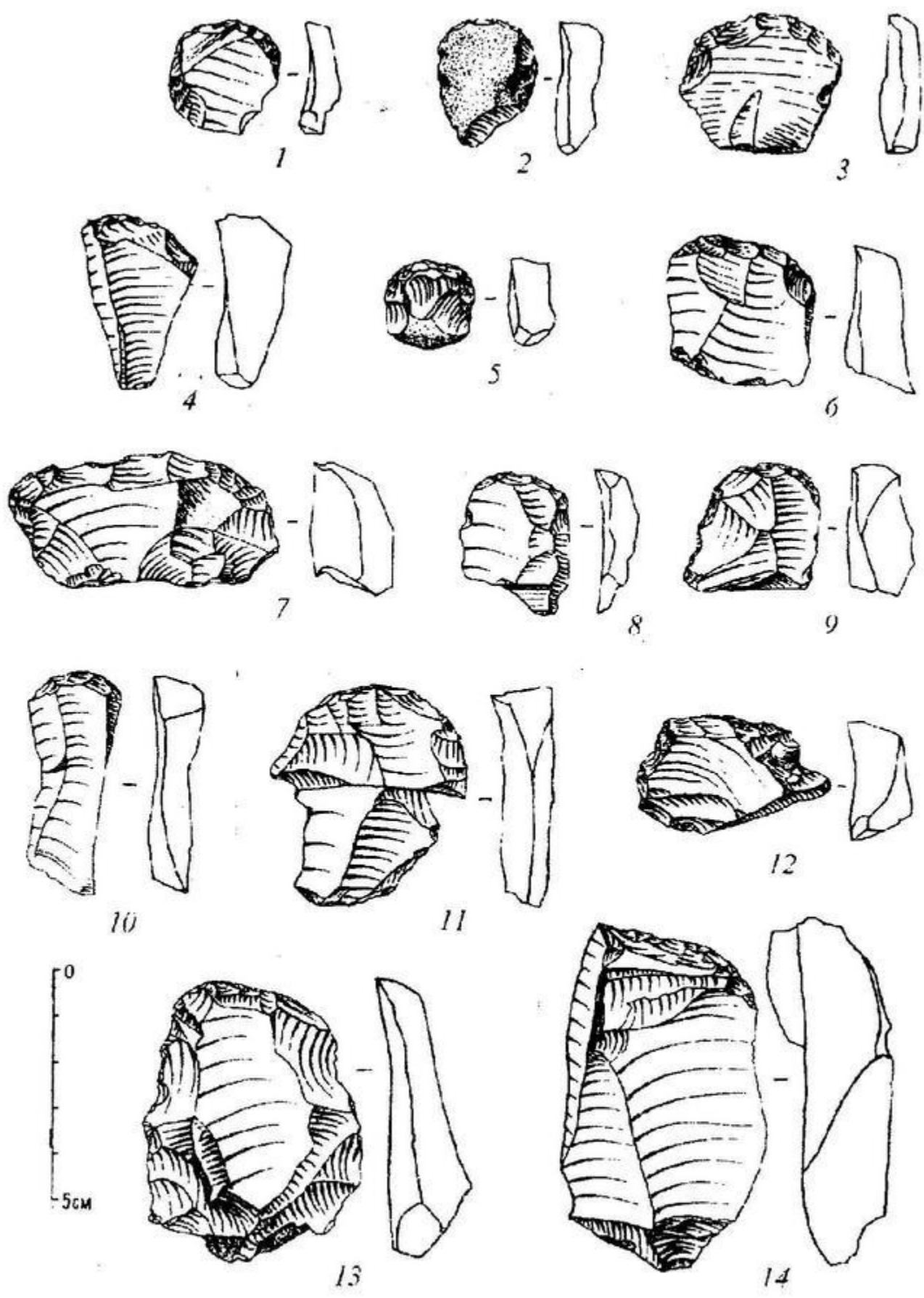

Рис. 4. Поселение Синегорье II. Кремневые орудия.

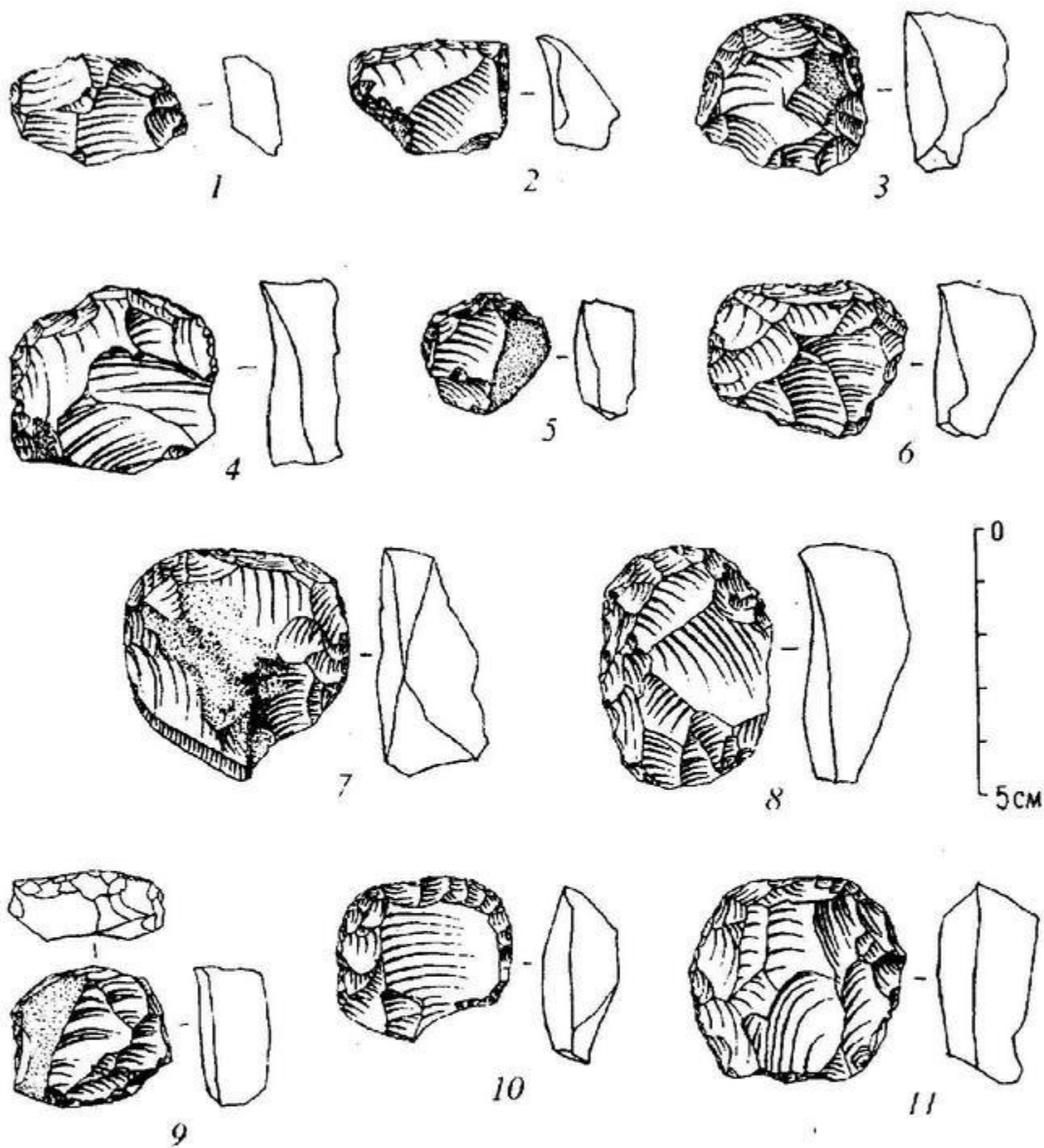

Рис. 5. Поселение Синегорье II. Кремневые орудия.

ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВЕСЛЯНА IV

Э.А. Савельева, И.О. Васкул, КНЦ УрО РАН

Памятник расположен на боровой террасе левого берега р. Вымь (правый приток р. Вычегда), примерно в 0,5 км к северу от д. Весляна Княжпогостского р-на Республики Коми. Поселение открыто и исследовалось в 1975-1976 гг. экспедицией Сыктывкарского университета под руководством Э.А. Савельевой (Савельева. Отчет за 1975 г. С. 31-34; Отчет за 1976 г. С. 2-5). Вскрыто 204 кв.м площади памятника. Стратиграфия почвенных напластований типична для поселений эпохи железа на Европейском Северо-Востоке (далее ЕСВ): 1) растительный слой (2-7 см); 2) белесый песок (2-26 см); 3) материковый песок (Рис. 1). В разрезах четко фиксируются линзы желтого смешанного песка (от корней деревьев) мощностью до 50 см и прослойка серого песка, имевшая мощность 4-14 см (Савельева. Отчет за 1975 г. С. 34; Отчет за 1976. С. 2-3). Находки и кострища зафиксированы в слое белесого песка (подзола) на глубине до 20 см (преимущественно 0-10 см).

Размещение находок на площади раскопа традиционно для поселений железного века ЕСВ. Они концентрировались в очагах-кострищах или в непосредственной близости от них. Вне пределов очагов находки располагаются скоплениями, которые выявлены на кв. 7-32 (здесь же расположены кострища 1-3) и на кв. 34-40, 43, 54, вокруг очагов кострищ 4-5. Кострища ориентированы по линии СЗ-ЮВ и располагаются группами (Рис. 1).

Характеристика кострищ дана в табл. 1. Особо следует отметить, что в кострищах 4 и 5 и в непосредственной близости от них зафиксированы остатки камней - остатки вымостки.

Таблица 1

Характеристика очагов-кострищ поселения Весляна IV

№	Наименование Объекта	Форма		Размеры (см)	Наличие вымостки
		в плане	в разрезе		
1.	очаг 1	неправильная	линзовидная	55 x 70 x 24	-
2.	очаг 2	округлая	"-	24 x 28 x 13	-
3.	очаг 3	неправильная	"-	64 x 28 x 16	-
4.	очаг 4	"-	"-	100 x 80 x 20	+
5.	очаг 5	"-	"-	180 x 160 x 20	+

Коллекция находок с поселения представлена обломками глиняной посуды, кремневыми изделиями, бронзовым наконечником стрелы, культовой бляшкой, обломком голубой глазчатой бусины (рис. 2).

Керамический комплекс памятника составляют фрагменты не более чем от 11 сосудов. Поверхность глиняной посуды различных оттенков коричневого цвета. В керамической массе пяти сосудов зафиксирована дресва, у шести сосудов - органическая примесь. На поверхности двух сосудов прослежены следы заглаживания внутренней и внешней поверхности. Судя по наиболее полно сохранившимся фрагментам, сосуды имели прямую или отогнутую наружу шейку, выпуклое тулово с хорошо выраженным переходом от шейки к плечикам.

Определен диаметр трех сосудов: 18, 22 и 24 см. Вся керамика орнаментирована. Узор расположен на венчике, шейке и плечиках. Орнаментация венчика отмечена у трех сосудов. Узор состоит из зубчатых оттисков, насечек и мелких ямок. По шейке сосуды украшены горизонтальными отпечатками тонкого шнура (девять сосудов), сдвоенными-строеными ямками (пять сосудов), горизонтальными линиями, зигзагом, елочкой, горизонтальным рядом зубчатого штампа (11 сосудов). Ямки, как правило, "просекают" отпечатки шнура, расположены под воротничком. Зубчатые оттиски чередуются со шнуровыми и замыкают орнаментальную зону. Таким образом, для веслянской керамики характерно сочетание шнуровых и зубчатых узоров (последние преобладают), половина сосудов украшена ямками. По форме и орнаментации она типологически едина. Подобная керамика известна в Вычегодском бассейне (Вис I-II, Джуджыдъяг, Ягуня), на Печоре (Судострой I, Перный, Топыд-нюр I и др.) (Буров, 1967. С.125-126, табл. XXVIII, 16; Королев, 1978. Рис. 2, 4; Ашихмина, Васкул, 1997. Рис. 6; Канивец, Лузгин, 1963. Рис. 51; 52, 3, 5; Канивец, 1974. Рис. 46, 3; 58). К сожалению, малочисленность сосудов не позволяет провести статистическое сравнение керамики этих поселений. Г.М. Буров датирует подобные сосуды в бассейне Вычегды V-III вв. до н.э. (Буров, 1967. С. 125-126). Канивец определяет время существования памятников типа Перный VI-III вв. до н.э. (Канивец, 1974. С. 137). Л.И. Ашихмина относит керамику, аналогичную веслянской, к III стадии развития ананьинской глиняной посуды в Вычегодском крае (Ашихмина, 1985. С. 32). В своих датировках исследователи опирались на аналогии в керамике ананьинских памятников Прикамья. Эта же дата (VI-V-III вв. до н.э.) приемлема и для поселения Весляна IV. Датировка подтверждается находкой обломка прозрачной голубой глазчатой бусины. Голубой глазок овальной формы окружен белым кольцом, которое в свою очередь окружено тонким голубым ободком. Глазчатые бусы бытовали с VI в. до н.э. в античных памятниках Северного Причерноморья (Алексеева, 1975. С. 55). Голубые глазчатые бусы известны в позднесарматских - раннепрохоровских погребениях V-IV вв. до н.э. (Смирнов, 1975. Рис. 31, 13. С. 139; Мажитов, Пшеничнюк, 1977. С. 63). Синие глазчатые бусы характерны для захоронений IV-III, III-II вв. до н.э. прохоровской культуры (Мошкова, 1963. Табл. 30, 32, 41). В Прикамье синие глазчатые бусы найдены на Концгорском селище IV-III вв. до н.э., Гляденовском костище (Збруева, 1952. Табл. XVII, 12; Спицын, 1901. Табл. XI). На ЕСВ обломок голубой глазчатой бусины обнаружен одним из авторов данной статьи в погребении 22 Шиховского могильника V-III вв. до н.э. на Печоре. Приведенные аналогии позволяют датировать бусину с поселения Весляна IV в пределах V-III вв. до н.э.

Представляет интерес бронзовый плоский черешковый листовидный наконечник стрелы. Общая длина изделия 8,8 см, длина черешка 3,3 см. Черешок круглый в сечении, имеет уплощенный приостренный конец. Аналогии этому изделию неизвестны. Для второй половины I тыс. до н.э. характерны бронзовые втульчатые и железные черешковые трехлопастные наконечники стрел. Бронзовые черешковые наконечники встречаются значительно реже. В материалах ананьинских памятников они, как правило, трехгранные.

Уникальной находкой является бронзовая культовая бляшка с петлей для подвешивания, отлитая в плоской односторонней литейной форме (Народное искусство коми. Рис. 3). На бляшке изображены два противостоящих друг другу животных. В верхней части помещен хищник (волк - ?). Переданы оскаленная пасть, глаза, уши, хвост. На туловище, в верхней части фигуры, две горизонтальные линии, от которых отходят четыре наклонных "зубчатых отпечатка". Еще две линии на шее животного. В нижней части бляшки изображена

лосиха (?). Отчетливо переданы морда и уши зверя, туловище изображено очень схематично. Ноги животных смыкаются. Аналогии описанному изделию неизвестны. На территории ЕСВ это изделие является самой ранней находкой, на которой изображена сцена противоборства двух животных.

К наиболее многочисленной категории находок относятся кремневые изделия, коллекция которых насчитывает 890 предметов. В их числе выделяется 66 скребков, четыре нуклеуса и скола с нуклеусов, две проколки (?), четыре скребла, три заготовки наконечников копий, две заготовки наконечников стрел, два обломка ножей, 807 отщепов, пластин, кусков, сколов. Кремень в основном серого цвета различных оттенков. Почти все орудия изготовлены на отщепах. На пластине изготовлен только один скребок. Отщепы абсолютно преобладают среди отходов кремневой индустрии. В коллекции насчитывается только 14 пластин и пластинчатых сколов.

Нуклеусы призматической и аморфной формы.

Проколки изготовлены на отщепе и пластинчатом сколе. Со стороны спинки один из краев ретуширован.

Среди кремневых орудий преобладают скребки. 65 из них изготовлены на отщепах, один - на пластине. Скребки имеют прямое, выпуклое или полукруглое лезвие. Рабочий край обработан крутой ретушью. Произведена технологическая классификация этих орудий (Медведев и др., 1981. С. 112-115). Изделия подразделяются на две группы: I - простые скребки (51 экз.) и II - комбинированные (15 экз.). В группе простых выделяются три типа скребков: 1) концевые (45 экз.); 2) угловые (2 экз.); 3) боковые (4 экз.). В группе комбинированных два типа: 1) криволинейные (13 экз.) и 2) конвергентные (2 экз.). Все описанные типы характерны для памятников эпохи железа ЕСВ.

Скребла, представленные в коллекции, изготовлены на крупных отщепах. Одно орудие - концевое, два - боковые. Четвертое орудие относится к группе комбинированных (ретушь нанесена на конце и краях изделия).

Заготовки наконечников копий и стрел, обломки ножей выполнены на отщепах различных размеров, обработанных двусторонней ретушью.

На памятнике найдены также 11 точильных камней и галька-отбойник.

Обилие кремневых изделий, разнообразие категорий орудий, большое число отходов кремневой индустрии и их соотношение с орудиями резко выделяют поселение Весляна IV среди других памятников второй половины I тыс. до н.э., кремневый инвентарь которых представлен, как правило, только скребками. Количество орудий и отходов производства примерно равно или орудия преобладают (Канивец, 1974. С. 103). Вероятно, веслянское поселение представляет собой мастерскую по производству кремневых изделий. Представляется, что на территории ЕСВ в раннем железном веке существовали специализированные кремнеобрабатывающие поселения-мастерские. Вопрос о существовании в этот период специализированных поселений впервые был поставлен В.И. Канивцом, предположившим, что поселение Перный на Печоре было производственным центром (поселком литейщиков - ?) (Канивец, 1974. С. 108).

Значение исследованного памятника заключается в том, что он представляет собой однослойный комплекс ананьинского времени, в коллекции которого содержится не только кремневый и керамический материал, что позволяет аргументировано датировать поселение. Впервые на ЕСВ изучена кремнеобрабатывающая мастерская (поселение-мастерская - ?) эпохи железа. Находка культовой бляшки представляет значительный интерес для

реконструкции мировоззренческих представлений населения бассейна р.Вычегда в раннем железном веке.

***

1. Ашихмина Л.И. Культуры эпохи раннего железа в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С.20-34.
2. Ашихмина Л.И., Васкул И.О. Памятники ананьинской культурной общности.// Археология Республики Коми. М., 1997. С.314 -348.
3. Алексеева Е.А. Античные бусы Северного Причерноморья. САИ. М., 1975. Вып. Г1-12.
4. Буров Г.М. Древний Симдор. М., 1967.
5. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. М., 1952.
6. Канивец В.И., Лузгин В.Е. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Сыктывкар, 1963.
7. Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М., 1974.
8. Королев К.С. Джуджыдыг - многослойный памятник на Вычегде // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978. С. 71-87.
9. Мажитов Н.А., Пшеничниок А.Х. Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-восточной Башкирии / Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 52-66.
10. Медведев Г.И., Савельев Н.А., Лежненко И.Л. Моделирование и технологическая классификация резцов и скребков / Описание и анализ археологических источников. Иркутск, 1981. С. 104-115.
11. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. М., 1963. Вып. Д1-10.
12. Народное искусство коми. М., 1992.
13. Савельева Э.А. Отчет об археологических исследованиях Северо-Двинской экспедиции в 1975 г. Сыктывкар, 1976. Архив кабинета археологии СГУ. Ф. 2, Д. 3.
14. Савельева Э.А. Отчет об археологических исследованиях Северо-Двинской экспедиции в 1976 г. Сыктывкар, 1977. Архив кабинета археологии СГУ. Ф. 2, Д.4.
15. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.
16. Слицын А.А. Гляденовское костище // ЗРАО. СПб, 1901. Т. 12. Вып. 1.

Список сокращений:

- ЗРАО - Записки Русского археологического общества.
- МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.
- САИ - Свод археологических источников.

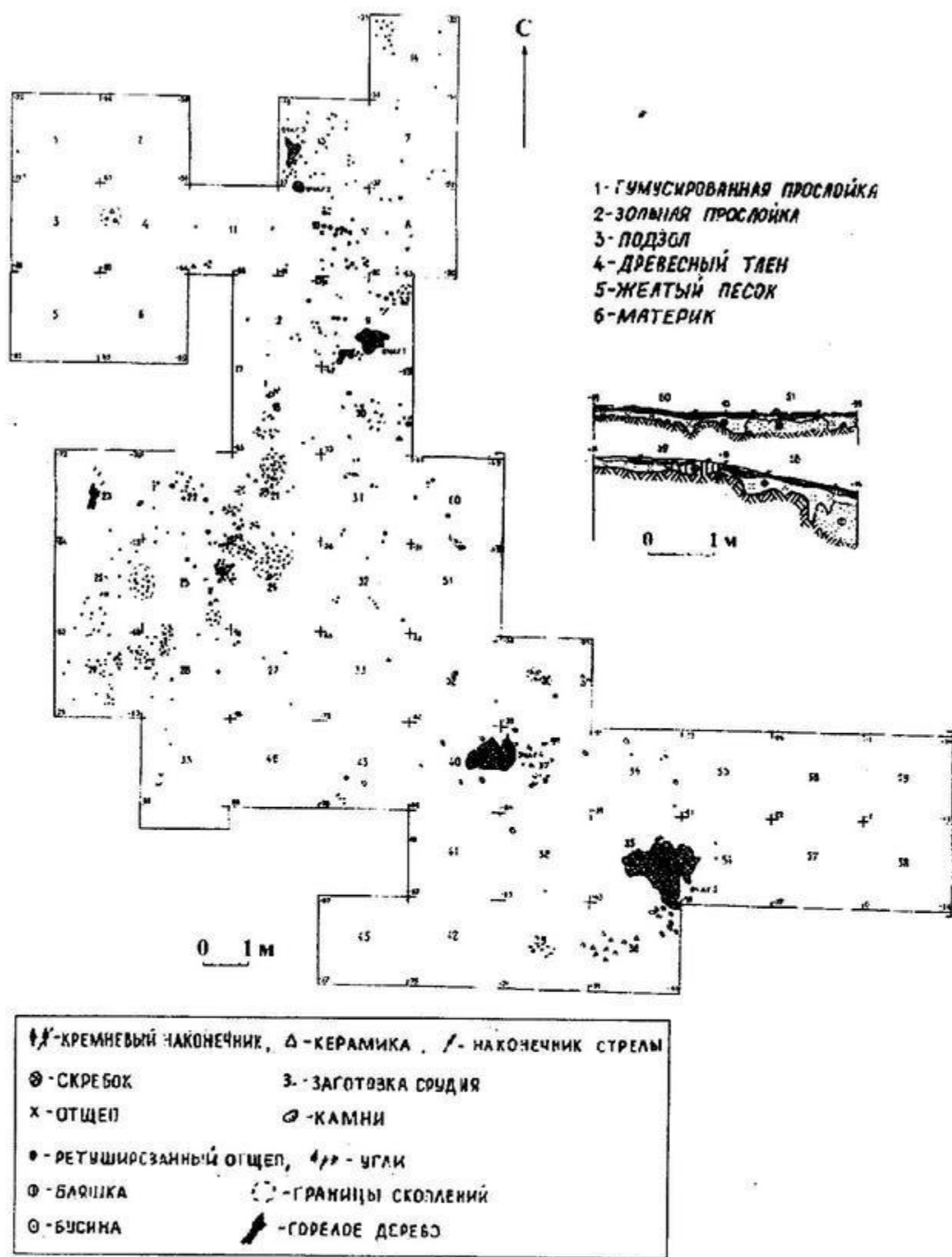

Рис. План раскопа поселения Весляна IV.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И НАЗНАЧЕНИИ КОСТИЩ ГЛЯДЕНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.Н. Лепихин, Пермский областной краеведческий музей

Крупные и богатые святилища, издавна получившие названия костыщ, являются самой яркой и своеобразной отличительной чертой гляденовской культуры. В настоящее время в Прикамье насчитывается не менее 13 памятников этого типа.

Костыща изучены весьма неравномерно. Наиболее масштабные исследования проводились на самом крупном и известном костыще – Гляденовском, и ему же посвящено наибольшее количество публикаций. Раскопки проводились и на ряде других памятников этого типа - Ильинском (1874-76 гг.), Усть-Туйском (1890, 1952 гг.), Юго-Камском (1964-65 гг.), Слепушкинском (1991-94 гг.), Гаревском (1871-72 гг.), однако материалы этих раскопок в литературе отражены гораздо слабее.

Мнения о датировке костыщ очень разнообразны. Так, первый исследователь Гляденовского костыща Н.Н. Новокрещенных относил его к началу нашей эры (Новокрещенных, 1914. С.34), А.А. Спицын - к III-IV вв. (Спицын, 1901. С. 41), А.В. Шмидт - к II в. до н.э. - III в н.э. (Шмидт, 1932. С. 18). А.П. Смирнов значительно расширил дату Гляденовского костыща и выделил три стадии его существования: 1. IV-II вв. до н.э., 2. II в. до н.э. - II в. н.э., 3. III-VIII вв. н.э. Ильинское костыще, по его мнению, относится к первым вв. н.э., Останинское существовало с IV-V вв. до н.э., остальные так называемые "малые" костыща датированы им 1-й половиной I тыс. н.э. (Смирнов, 1952. С. 82-95). Ю.А. Поляков датировал исследованное им Юго-Камское костыще IV в. до н.э. - IV-V вв. (Поляков Ю.А., 1967. С. 213). Р.Д. Голдина относит верхнекамские костыща к V-VII вв., т.е. к ломоватовской культуре (Голдина, 1985. С. 110). Наконец, В.Ф. Генинг датировал Гляденовское и Юго-Камское костыща III в. до н.э. - II в. н.э., а все остальные относил к гаревской культуре III-IV вв. (Генинг, 1988. С. 132-133). Таким образом, в вопросе хронологии костыщ среди археологов имеются существенные разногласия. Особенно это относится к Гляденовскому костыщу, наиболее известному и давшему название всей культуре.

Следует отметить, что все ученые, занимавшиеся проблемой датировки этого памятника, пользовались материалами раскопок С.И.Сергеева и Н.Н. Новокрещенных 1896-97 гг., которые были опубликованы в начале нашего века (Спицын, 1901, Новокрещенных, 1914.). После этих раскопок на костыще побывали А.В. Збруева, Н.А. Прокошев, В.Ф. Генинг и другие археологи, но ни один из них не проводил на памятнике стационарных раскопок, по-видимому считая костыще полностью исследованным. В.Ф. Генинг заложил на городище 11 шурфов и еще 16 - на площадке костыща, однако, судя по всему, эти шурфы дали очень небольшую информацию. Стационарные раскопки Гляденовского городища и костыща возобновились в 80-е годы. В результате этих работ получены новые интересные данные, позволяющие по-новому взглянуть на многие проблемы, связанные с этим уникальным памятником. Топографическое описание городища приведено во многих работах, поэтому достаточно лишь сказать, что наиболее высокая точка городища (106 м от уровня р. Нижняя Мулянка) находится у наружного вала, длина площадки мыса достигает 600 м, ширина колеблется от 15 до 200 м. Средняя площадка городища, на которой находится костыще имеет размеры 150 x 100 м, высоту 70-75 м и сильный наклон к северу и западу. С западной стороны она ограничена декоративным валом длиной 50 м и высотой не более 1 м. Костыща распространены на площади не менее 11 тыс. кв. м.

Прежде всего следует остановиться на вопросе о взаимоотношении городища и костища. По мнению В.Ф. Генинга, "Гляденовское городище следует относить полностью к эпохе не ранее V в., и костище существовало до появления здесь городища" (Генинг, 1988. С. 137). Однако этот вывод, основанный на данных шурфовки, не соответствует действительности. В 1980 г. на верхней площадке городища, почти полностью разрушенной карьером, А.Д. Вечтомовым были проведены раскопки, давшие довольно выразительный материал. Из 40 сосудов, выделенных по венчикам, 12 имели характерный для ананьинской посуды воротничок на шейке. Остальная керамика совершенно аналогична керамике из слоя костища. Кроме того, найден бронзовый наконечник стрелы кулайского типа и 4 песта-терочника.

Еще более показательны результаты исследований средней площадки городища, на которой расположено костище. Здесь в керамическом комплексе выделены фрагменты 76 воротничковых сосудов. Большинство из них найдено в темно-коричневом плотном суглинке, который залегает под костищенским слоем почти по всей раскопанной площади. Керамика имеет низкий индекс орнаментации - всего 45,5%. В орнаменте преобладают гребенчатые узоры - 62%, второе место занимает ямочный орнамент - 34%. Оттиски шнура (24%) встречены в основном в сочетании с другими видами орнамента. Ананьинская керамика Гляденовского городища в целом аналогична позднеананьинской керамике типа Конецгорского селища и датируется IV - III вв. до н. э. (Мокрушин, 1990. С. 92). Наконец на нижней, наименее изученной площадке городища 2 фрагмента подобной керамики были найдены В.Ф. Генингом в 1950 г. (Генинг, 1988. С. 137). Таким образом, вся или почти вся площадка Гляденовского городища была заселена уже в ананьинскую эпоху - не позднее IV в. до н. э. Аналогичная ситуация была и на Юго-Камском костище, где Ю.А. Поляков отмечал наличие ананьинского слоя (Поляков, 1967. С. 205).

Раскопки 1995-1997 гг. позволили уточнить дату возникновения святилища на Гляденовской горе. Впервые удалось обнаружить и исследовать закрытые жертвенные комплексы, относящиеся к позднему этапу ананьинской культуры. К их числу относится ряд ям, располагавшихся в северной части площадки костища:

1. Яма № 63. В плане имела почти круглую форму, в разрезе - вертикальные стенки и плоское дно. Диаметр 56 см, глубина 10-11 см. Яма была заполнена серой древесной золой. Помимо значительного количества костей (72 экз.), найдены кварцитовый отбойник, 37 галек (из них 28 расколотых), 35 фрагментов керамики и глиняная антропоморфная фигурка (рис. 1).
2. Яма № 64. В плане имела форму овала, вытянутого по линии запад-восток, в разрезе - вертикальные стенки и плоское дно. Размеры 75х60 см, глубина до 18 см. Яма была заполнена темно-серым суглинком с примесью золы. Найдены 290 костей и обломок глиняной антропоморфной статуэтки (рис. 2).
3. Яма № 66. В плане имела круглую форму, в разрезе - округлое дно. Диаметр 85 см, глубина 26 см. Яма была заполнена рыхлым серым суглинком с примесью древесной золы, угольков и комочков обожженной глины. Найдены фрагменты трех крупных сосудов, в том числе двух со сдвоенным воротничком по шейке, 65 кварцитовых галек, из которых 63 расколотых и значительное количество костей.

Глиняные статуэтки, найденные в ямах №№ 63 и 64, имеют многочисленные аналогии на памятниках позднего этапа ананьинской культуры, в частности на Конецгорском селище (Збруева А.В., 1952. С. 251), Гремячанском и Половинном I

святилищах и т.д. Керамика со сдвоенным воротничком также характерна для этого времени. Можно утверждать, что костнице возникает в финале ананьинской культуры - IV-III вв. до н.э. В это время на северной стороне средней площадки городища располагались не связанные в единый комплекс культовые объекты, что характерно для святилищ ананьинского времени - Гремячанского и др. Из вещей, найденных в культурном слое вне жертвенных ям, к этому периоду относятся бронзовые наконечники стрел (рис.3) и, вероятно, некоторая часть синих и голубых стеклянных бус с белыми глазками.

В гляденовское время костнице занимает уже всю среднюю площадку городища, планировка святилища принимает радиальный характер. К этому периоду относится наибольшее количество культовых объектов и жертвенных предметов. Наиболее важное значение для датировки этого периода имеют находки двух медных монет. Первая из них, найденная в слое перекопа 1997 г., отчеканена в Кушанском царстве в годы правления царя Хувишки, сына Канишки (рис. 4). На аверсе изображен сидящий со скрещенными ногами царь в высоком головном уборе с копьем в руке, на реверсе - бактрийский бог МАХ. К сожалению, хронология истории Кушанского царства разработана слабо. Дата начала правления наиболее известного царя Канишки определяется с 78 по 278 гг. Однако в советской историографии наиболее принята дата его правления с 78 по 123 гг. (Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, 1985. С. 206). Его сын и преемник Хувишка правил около 30 лет, следовательно, монета отчеканена не позднее середины II в. Вторая монета найдена в непо потревоженном культурном слое на северном склоне площадки костницы. Монета достоинством 5 шу чеканена в Китае в годы правления императора Гуан Уди (25-57 гг.) династии Младшая Хань (рис. 5). Определение обеих монет выполнено В.А. Калининым (Государственный Эрмитаж), за что автор приносит ему глубокую благодарность. К гляденовскому времени относится абсолютное большинство бус, прежде всего стеклянные бусы с золотой прокладкой, датируемые III в. до н.э. - IV в. н.э. (Алексеева, 1978. С. 28-29). Из бус, имеющих более узкую дату, при раскопках найдены две стеклянные полосатые многоцветные бусины (рис. 7-8), датируемые II-I вв. до н.э., но единично встречаемые в комплексах II-III вв. (Алексеева, 1982. С. 39) и бусина в виде птицы (рис. 10) из голубого прозрачного стекла I-II вв. (Алексеева, 1982. С. 4). Бронзовые украшения, найденные при современных раскопках костницы, или являются типично гляденовскими, или находят аналогии в материалах карабызской (гофрированные поясные накладки) и чегандинской (обломок эполетообразной застежки) культур. Наиболее поздними вещами в материалах раскопок являются прямой железный серп с крючком (рис. 6), аналогия которому имеется в материалах Тураевского могильника III-V вв. (Генинг, 1962. С.75, рис. 29; 5) и обломок бронзового пинцета, подобные которому найдены в харинских могильниках (Голдина, 1985. С. 240).

Таким образом, данные новых исследований позволяют сделать вывод, что Гляденовское костнице возникает на территории ананьинского городища в IV-III вв. до н.э., наиболее интенсивно используется в гляденовское время и заканчивает свое существование к началу V в. Юго-Камское костнице в целом синхронно гляденовскому, хотя ранняя дата его, возможно, несколько древнее.

Так называемые "малые костницы" Верхнего Прикамья и бассейна р.Сылвы изучены значительно меньше, чем Гляденовское и Юго-Камское. Несомненно, что они более поздние, но абсолютная их датировка вызывает большие затруднения. При решении этого вопроса необходимо учитывать, что материалы раскопок А.Е. и Ф.А. Теплоуховых, хранящиеся в Пермском областном краеведческом музее, частично депаспортизированы и перемешаны. Особенно это относится к

Гаревскому костыщу. Так, подвеска-лунница, которая считается одной из основных датирующих вещей, вообще не упоминается в работе А.Е. Теплоухова, посвященной этому памятнику (Теплоухов, 1880). Антропоморфный идол (Смирнов А.П., 1952, рис. XXI, 12) был найден в огороде одного из местных крестьян (Теплоухов, 1880. С. 20). Большие несоответствия имеются и в описании бус и их фактическим составом в коллекции. Вероятно, эта коллекция была частично депаспортизирована во время революции или позже. Более достоверно выглядят коллекции, происходящие с Ильинского и Усть-Туйского костыщ, если сравнить их с данными рукописи Ф.А. Теплоухова "Период древнейших костыщ", хранящейся в архиве Пермского музея, и материалы раскопок советского времени. Костыща, оставленные населением рек Б.Туя, Гаревой, Обвы, Сылвы и Косьвы по количеству и характеру материала существенно отличаются от Гляденовского и Юго-Камского. На них нет бронзовых наконечников стрел, почти нет бронзовых бляшек с ушками на обороте (кроме двух экземпляров на Усть-Туйском костыще), антропоморфные и зооморфные фигурки единичны. Значительны различия в наборе бус и керамике. Кроме того, ни одно из этих костыщ не располагалось на территории поселения - городища или селища. В то же время материал этих костыщ существенно отличается и от материала ломоватовских могильников. Особенно это касается бусинного набора. На всех костыщах, подвергавшихся стационарным раскопкам, абсолютно преобладают стеклянные бусы с внутренней позолотой. Так, на Ильинском костыще их 28 из 33, имеющих в коллекции, на Усть-Туйском (раскопки ё) - 8 из 9, Усть-Туйском (раскопки В.Ф. Генинга) - 62 из 74, на Слепушкинском - 22 из 40, на Гаревском - 161 из 177 имеющих в коллекции. Из 7 бус, собранных на Панкрашинском костыще, золоченых 5. В то же время в ломоватовских могильниках таких бус найдено всего 2 экземпляра (Голдина, 1985. С. 52). Бронзовые бусы, найденные на Ильинском и Усть-Туйском костыщах, также нехарактерны для ломоватовской культуры. Наиболее массовую категорию находок на верхнекамских костыщах составляют костяные наконечники стрел (от 52 на Останинском костыще до 206 на Слепушкинском), которых очень немного в ломоватовских могильниках. Следует также отметить, что костыща Сылвенской группы находятся за пределами ареала ломоватовской культуры. Расстояние по прямой от Слепушкинского костыща до ближайших ломоватовских памятников - селищ Грязное озеро I и II составляет 30 км, а Ломотинское костыще находится в два раза дальше. Все это заставляет признать правоту В.Ф. Генинга, относившего верхнекамские костыща к выделенной им гаревской культуре III-V вв.

Наиболее ранние датирующие вещи найдены на Усть-Туйском костыще. Это темно-синяя стеклянная глазчатая бусина, датируемая временем не позднее рубежа нашей эры (Алексеева, 1975. С. 65), шейная кольцевая подвеска (рис. 11), дата которой I-II вв. (Лещинская, 1995. С. 90), две круглые бляшки с двумя ушками на обороте. Исходя из этого раннюю дату Усть-Туйского костыща можно определить I в. Важное значение для датировки имеют находки бисера из непрозрачного зеленого, желтого и синего стекла. Он обнаружен на Слепушкинском (6 экз.), Усть-Туйском (8 экз.) и Ильинском (1 экз.) костыщах и четко датируется IV в. по аналогиям с материалами селища Пеньки (Мельничук, Соболева, 1986. С. 107-108), Красноярского могильника и ряда могильников мазунинской культуры (Казанцева, 1995. С. 157). Наконец, халцедоновые бусы, найденные по одному экз. на Ильинском и Слепушкинском костыщах, характерны, по мнению О.А. Казанцевой, для комплексов III-IV вв. (Казанцева, 1995. С. 157). Таким образом, можно считать, что Усть-Туйское костыще возникло не позже I в. и существовало до IV в. Слепушкинское и Ильинское костыща, скорее всего, появляются несколько позже. Их предварительная датировка II-IV вв., может быть,

начало V вв. Хронология Гаревского костыща требует дальнейшей разработки, но и его датировка не выходит за пределы II-V вв.

Особо следует остановиться на материалах Панкрашинского и Останинского костыщ, которые дают более широкую дату. На Останинском костыще найдены всего две бусины, но одна из них синяя с 9 белыми глазками датируется не позже II в. (Алексеева, 1975. С. 71.), а другая из непрозрачного черного стекла с белыми, красными и желтыми глазками (рис. 12) имеет близкую аналогию в погребении № 64 Деменковского могильника. В материалах Панкрашинского костыща, помимо стеклянных позолоченных бус, также имеется синяя глазчатая бусина и дисковидная сердоликовая бусина с белой инкрустацией (рис. 9). Такие бусы Р.Д. Голдина считает ярким признаком VII века (Голдина, 1985. С. 55). Таким образом, материал Останинского и Панкрашинского костыщ датируется временем не позднее II-VII вв. Можно предположить, что эти святилища, расположенные, соответственно, на северной и западной окраинах ареала гляденовской культуры, существовали дольше других и дожили до VII в. Но для того, чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, необходимы раскопки обоих памятников. Наконец, датировка таких памятников, как Ломотинское, Черновское, Пьянковское, Топосихинское, Очерское, Митрохинское и др. костыща, в настоящее время невозможна даже приблизительно, так как они известны по единичным находкам или только по сообщениям.

Особый интерес вызывает вопрос о назначении костыщ. Большинство исследователей считают их жертвенными местами. В.Ф. Генинг в ряде работ отстаивал мнение, что костыща, особенно Гляденовское, являются могильниками с обрядом трупосожжения (Генинг, 1977, 1988). Некоторое время эту точку зрения разделял Ю.А. Поляков (Поляков, 1967). С существенными оговорками ее поддерживает Р.Д. Голдина (Голдина, 1985. С. 99-112). В.Ф. Генинг привлек для аргументации своей гипотезы обширный археологический и этнографический материал. Однако, на наш взгляд, она все же недостаточно обоснована. Во-первых, остаются неясными причины столь резкого и внезапного изменения погребального обряда и столь коренного его отличия от погребального обряда соседних и родственных культур - чегандинской и кара-абызской. Насколько можно судить по накопленной в настоящее время информации, в финале ананьинского - начале гляденовского времени не произошло ни больших перемен в экономике, ни каких-либо крупных вторжений инокультурного населения, которые могли бы вызвать столь резкую перемену в религиозных воззрениях и, следовательно, в погребальном обряде. В то же время ряд признаков, характерных для костыщ (топографическое положение, наличие больших зольников, очагов, множество наконечников стрел и т.д.), имеет истоки в святилищах ананьинской культуры. Приводимые В.Ф. Генингом аналогии с погребальным обрядом таштыкской культуры малоубедительны, так как гляденовцы и таштыкцы принадлежали к совершенно разным культурным традициям, были разделены огромным расстоянием и нет никаких свидетельств их контактов. К тому же, как указывал сам В.Ф. Генинг, таштыкцы хоронили прах покойных в склепах значительных размеров и глубины (Генинг, 1988. С. 168), а ничего подобного на костыщах не зафиксировано.

Почти все авторы, писавшие о проблеме костыщ, считали, что сожжение жертв производилось на стороне, а затем зола и пережженные кости высыпались на площадку святилища. Основанием для этого было отсутствие на памятниках обугленных костей, угля, прокалов и т.д. Но это не совсем верно. Уже Ф.А. Теплоухов отмечал наличие слоя обугленных костей на Усть-Туйском костыще (Теплоухов, 1899. С. 21). На Слепушкинском костыще при раскопках 1991-94 гг.

вскрыто 10 углистых пятен, самое крупное из которых имело размеры 520 x 260 см при мощности до 30 см. Прослойки прокаленной глины отмечены на Гляденовском и Ильинском костыщах. Наиболее интересен в этом отношении жертвенник № 1, изученный на Гляденовском костыще в 1991 г. Он представлял собой овальное в плане пятно прокаленной глины размером 260 x 110 см и мощностью до 15 см, окруженное многочисленными ямками (Лепихин, Мельничук, 1996, рис. 2). В 1996-97 гг. на Гляденовском костыще был изучен еще один очаг размером 132 x 104 см и мощностью до 7 см. Вполне вероятно, что подобные объекты, связанные с использованием огня, будут найдены и при более детальном обследовании других костыщ. Таким образом, по меньшей мере часть костей и мяса жертвенных животных сжигалась на месте. К аналогичному выводу пришел Ю.А. Поляков на материалах Юго-Камского костыща, причем, по его мнению, топливом для жертвенных костров служили сырые кости животных.

Еще одним аргументом в пользу интерпретации костыщ как могильников является находка 106 обожженных человеческих костей на Усть-Туйском костыще, которые рассматриваются как останки кремнированных людей. Но на Юго-Камском костыще найдены и сырые человеческие кости (Поляков, 1980. С. 152), а это не укладывается в схему В.Ф. Генинга. Скорее всего, находки человеческих костей в обоих случаях свидетельствуют о человеческих жертвоприношениях. Истоки этого обычая прослеживаются еще в ананьинской культуре (Вечтомов, 1962. С.88). Человеческие жертвоприношения известны и в гораздо более поздние времена (Соловьев, 1990. С. 96-98).

Наконец, при обосновании своей гипотезы В.Ф. Генинг совершенно игнорировал наличие в Прикамье могильников гляденовской культуры с обрядом трупоположения. В настоящее время их известно три: Городок и Заосиновские I и II. Всего изучено 91 погребение. Погребальный обряд и немногочисленный вещевой инвентарь этих памятников описаны Ю.А. Поляковым, который убедительно доказал их принадлежность к гляденовской культуре, что не вызвало возражений и у других исследователей (Мокрушин, 1990. С. 95). Самой характерной чертой является исключительно малое количество инвентаря. Однако единичные вещи, найденные в могилах, не оставляют сомнений в гляденовской датировке могильников этого типа. Не исключено, что к гляденовской культуре относятся 5 безынвентарных погребений, изученных на Заосиновском V селище, и погребения ранней части Мокинского могильника. Кажется маловероятным, чтобы у одного и того же населения существовали такие столь разные обряды погребения, как описанный В.Ф. Генингом и тот, который выявлен при раскопках могильников гляденовской культуры.

В то же время следует отметить, что многие черты обрядности костыщ гляденовской культуры находят аналогии на святилищах и жертвенных местах, известных из этнографии финно-угорских народов Поволжья, Прикамья и Западной Сибири. Остановимся на некоторых из них.

1. Жертвоприношения животных. Животные, в основном домашние, приносились в жертву тремя основными способами. Самым распространенным было сожжение - пережженные и обугленные кости, линзовидные в сечении пятна костной золы найдены на всех костыщах, которые подвергались раскопкам. Другая часть жертвенного мяса с костями закапывалась в особые жертвенные ямы или канавки. Такие сооружения исследованы на Гляденовском, Юго-Камском, Усть-Туйском и Гаревском костыщах. И наконец, иногда части туш жертвенных животных оставались на поверхности. В основном это черепа и кости конечностей. Отдельные черепа и их

скопления также встречены на всех костяках. Самая крупная выкладка, изученная на Слепушкинском костяке, состояла не менее чем из 25 черепов, в том числе 17 лошадиных, 5 - крупного рогатого скота, 2 лосиных и 1 череп свиньи (определение А.И. Варова). Все три способа жертвоприношения находят аналогии в этнографическом материале. Например, у удмуртов вид животного и форма жертвоприношения зависели от того, какому божеству приносилась жертва. Для небесного бога Инмара мясо, кости и кровь сжигались, для бога подземного мира Кылдысина - закапывались, а для бога Куазя голова и шкура убитого животного развешивались на ели (Владыкин, 1994. С. 111). Черепа жертвенных животных хранились на полке в святилище деревни Удмуртский Сармак еще в 30-е гг. нашего века (Удмурты, 1993. С. 33). Скопления черепов медведя наблюдались и на жертвенных местах обских угров (Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 184).

2. Топографическое расположение. Костяки, как правило, расположены на возвышенных местах - на высоком мысу (Гляденовское, Юго-Камское, Ильинское, Останинское), водоразделе (Гаревское), на краю террасы (Усть-Туйское) или коренного берега (Слепушкинское, Ломотинское). Обычно рядом со святилищем или даже прямо на его площадке имеются выходы грунтовых вод. В этом отношении костяки больше всего напоминают удмуртские святилища типа Луда (Удмурты. С. 15-16), а также некоторые жертвенные места марийцев (Данилов, 1987. С. 14).
3. Вещевой набор. Самая распространенная категория находок на костяках - наконечники стрел. Их количество колеблется от 52 на Останинском костяке до 2000 на Гляденовском. Эта черта сближает их с жертвенными местами обских угров. На многих из них приносились в жертву стрелы и копии луков (Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 50). На мансийских святилищах часто встречаются также железные ножи, монеты, украшения и другие вещи, которые есть и в материалах костяков. Особый интерес представляют так называемые "вотивные" фигурки. В большом количестве они встречены на Гляденовском и Юго-Камском костяках, единично - на Усть-Туйском (антропоморфный и птицевидный идола и обломок еще одного изображения птицы), Ильинском (фигурки всадника и змеи) и Черновском (всадник) костяках. А.П. Смирнов интерпретировал эти изображения как вотивные приношения (Смирнов, 1952. С. 84), а В.Ф. Генинг, основываясь на этнографическом материале хантов и манси, считал антропоморфные фигурки изображениями умерших - мохарами, а изображения птиц, зверей и пресмыкающихся - вместилищами душ (Генинг, 1988. С. 161-163). Даже если безоговорочно согласиться с такой трактовкой, то все равно это не может служить безусловным доказательством того, что костяки - это могильники. У манси изображение умершего далеко не всегда хоронили вместе с покойником, часто их хранили в специальных амбарах или выбрасывали в лесу (Соколова, 1990. С. 67,70). Следует также отметить, что металлические изображения часто встречаются на жертвенных местах как обских угров (Могильников, 1988. С. 266-267), так и современных, исследованных этнографами (Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 48). У удмуртов изображения воршудов,

хранившиеся в святилищах-куалах, также иногда имели вид медных антропоморфных или зооморфных фигур (Удмурты, 1993. С. 33). Во всех перечисленных случаях изображения людей и животных находились именно на жертвенных местах и не были связаны с погребальной обрядностью.

Миниатюрные фигурки, найденные на костяках, не могли быть заменителями "настоящих" жертвенных животных, так как именно животные, изображения которых наиболее многочисленны (волки, собаки, птицы), не приносились в жертву. Их кости при раскопках не встречены или очень редки (Варов, 1993. С. 14). Большинство из них не были изображениями божеств, потому что они не имеют каких-либо деталей, присущих сверхъестественным существам. Исключение составляют фигурка птичеловека (Оборин, 1976, рис. 7) и изображение антропоморфного рогатого существа, стоящего на ящере (Спицын, 1901, рис. 1; 21). Вероятно, что каких-то божеств изображали и фигурки всадников. Большинство же антропоморфных и зооморфных фигурок скорее всего связаны с представлениями о трех ярусах мироздания и мировом древе или столпе, скрепляющем эти ярусы. Такие представления характерны для многих народов, в том числе и для финно-угорских. В данном случае фигурки птиц, пчел, свернувшихся в кольцо хищников символизировали верхний, небесный мир, изображения людей, лося, лошади и т.д. - средний мир, поверхность земли. С нижним, подземным, миром связаны изображения змей, ящеров, многоножек, а также собак, которые в мифологии марийцев, коми, удмуртов и манси связаны с подземным злым божеством (Омоль, Шайтан и т.д.). Сами эти фигурки могли развешиваться в соответствующем порядке на столбах или шестах, которые символизировали мировое древо. На ряде костяков изучены столбовые ямы, иногда достигавшие значительной глубины. Например, на Гляденовском костяке яма №53 при диаметре 16 см имела глубину 75 см, а яма № VIII, входившая в состав жертвенника № 1 - 80 см. Именно в районе подобных столбовых ям и найдено наибольшее количество зооморфных и почти все антропоморфные изображения.

Таким образом, информация, которая известна на сегодняшний день, позволяет сделать вывод, что костяки гляденовской культуры являются святилищами, а не могильниками, хотя очень вероятно, что на них, помимо прочих ритуальных действий, проводились и обряды, связанные с почитанием умерших, или культом предков.

***

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975.
2. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978.
3. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982.
4. Варов А. И. Археозоологические аспекты изучения костяков // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993. С. 13-14.
5. Вечтомов А. Д. Раскопки Гремячанского поселения на р.Тулве // ВАУ. Вып.2. Свердловск, 1962. С. 85-90.
6. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.
7. Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Новосибирск, 1986.
8. Генинг В. Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // ВАУ. Вып.2. Свердловск, 1962. С. 72-80.
9. Генинг В. Ф. Гляденовское костяки - могильник с обрядом трупосожжения // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 21-30.
10. Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. -М., 1988.
11. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
12. Данилов О. В. Ранние черты марийского язычества в поздних жертвенниках // Всесоюзная финно-угорская конференция. Тезисы докладов. Ижевск, 1987. С. 13-14.
13. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1986.
14. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА-30. М., 1952.
15. Казанцева О.А. Хронология погребальных комплексов Красноярского могильника // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. С. 156-166.

16. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовское костыще. Пермь, 1996.
17. Лещинская Н.А. Хронология и периодизация могильников бассейна р.Вятки I- начала II тыс. н.э. // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995. С. 88-128.
18. Мельничук А.Ф., Соболева Н.В. Селище Пеньки - памятник харинского времени на р.Чусовой // Приуралье в древности и средние века. Ижевск, 1986. С.99-109.
19. Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // СА-1. С. 263-267.
20. Мокрушин В.П. Некоторые итоги изучения комплекса археологических памятников д. Заосиновка // Взаимодействие древних культур Урала. 1990. С. 91-96.
21. Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще // Тр. / Пермская ученая архивная комиссия.Т.11. Пермь, 1914. С. 19-91.
22. Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь, 1976.
23. Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Уч. зап. ПГУ. № 148. Пермь, 1967. С. 197-208.
24. Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье. Дис... канд. ист. наук. 1980 // Архив Кабинета археологии ПГУ.
25. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., 1952.
26. Соколова З.П. О культе предков у манси // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 64-72.
27. Соловьев А.И.О жертвоприношениях людей у угорского населения Сибири // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 92-101.
28. Спицын А.А. Гляденовское костыще // Записки Русского археологического Общества. Вып. 1-2. СПб., 1901.- С. 228-269.
29. Теплоухов А.Е. О доисторических жертвенных местах на Уральских горах // Зап. УОЛЕ. 1880. Т.6. Вып. 1. С. 1-31.
30. Теплоухов Ф.А. Период древнейших костыщ. Рукопись 1899 // Архив Пермского областного краеведческого музея.
31. Удмурты. Историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993.
32. Шмидт. Жертвенные места Камско-Уральского края // Изв. ГАИМК, 1932.- Вып 1-2. Т.13.- С. 1-44.

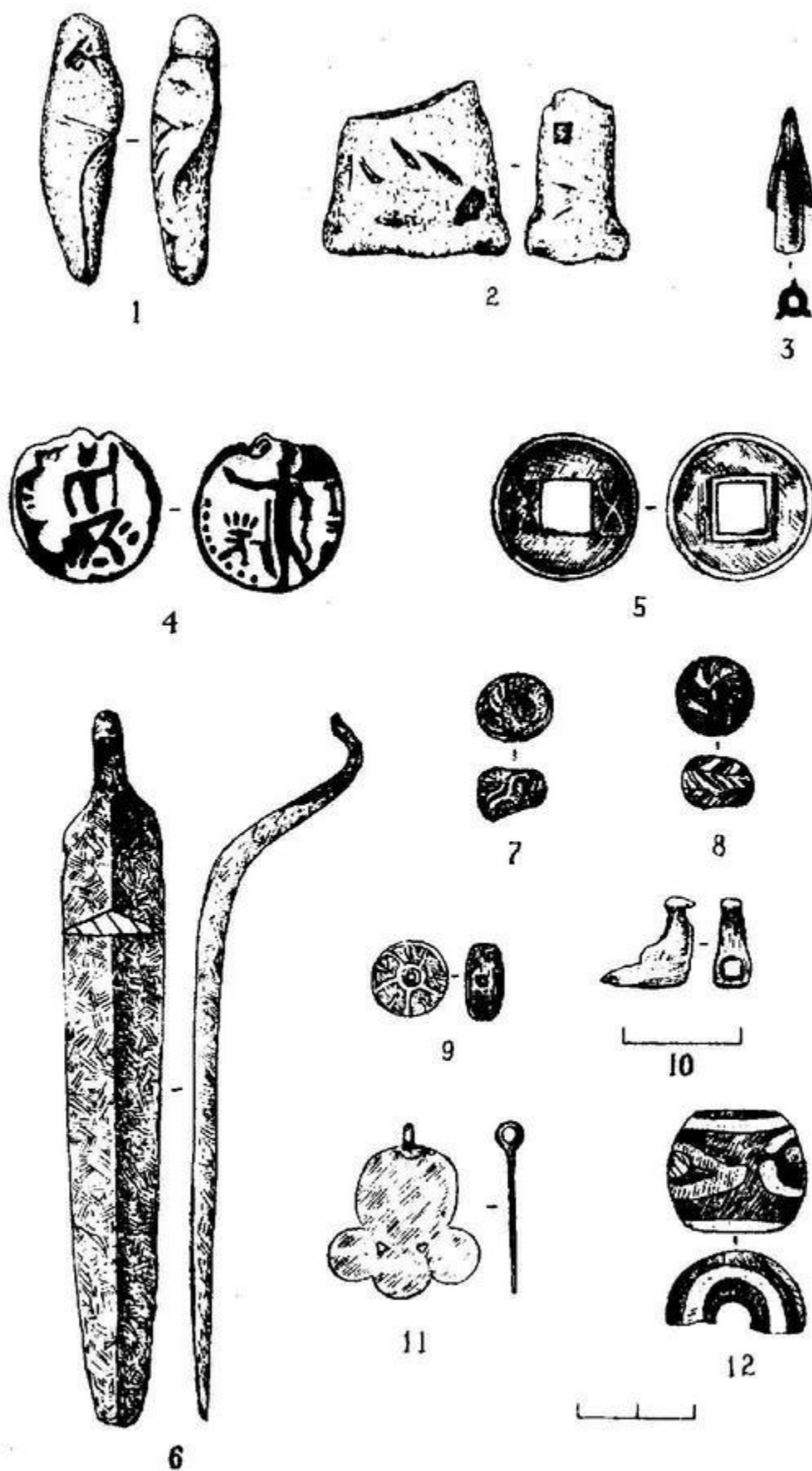

Рис. 1. Материал костниц гляденовской культуры: 1-8, 10 - Гляденовское, 9 - Панкрашинское, 11 - Усть-Туйсков, 12 - Останинское. 1-2 - керамика, 3-5, 11 - бронза, 6 - железо, 7, 8, 10, 12 - стекло, 9 - сердолик.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В С.ПЫСКОР

Н.Е. Соколова, Пермский областной краеведческий музей

Последние десятилетия пермские археологи активно изучают памятники периода русской колонизации Урала, а также русские поселения позднего средневековья и нового времени. Наиболее интересные памятники этого периода расположены в верхнем течении р.Камы, в районе городов Березники и Соликамск Пермской области. Этот район Верхнекамья был довольно плотно заселен уже в период, предшествовавший русской колонизации. На берегах Камы и ее притоков сосредоточены многочисленные поселения ломоватовской и родановской культур (VII-XV вв.), а также русские города XV-XVI вв.

Исключительным по насыщенности памятниками истории и археологии является село Пыскор, расположенное на правом берегу р.Камы в Усольском районе Пермской области. На его территории находятся родановское городище Камгорт (Пыскорское XI-XII вв.), первое русское поселение, основанное на Урале Строгановыми - Канкор-городок (1558 г.), Пыскорский Преображенский мужской и Введенский женский монастыри (XVI-XVIII вв.), а также первый на Урале медеплавильный завод - Пыскорский (XVII-XIX вв.).

Обследование и раскопки Пыскорского комплекса были проведены автором в 1993 г.

О существовании на территории с.Пыскор родановского поселения было известно уже в начале XX в. (Талицкая, 1952. С. 153). Оно расположено на высокой горе (до 30 м), на северной окраине современного поселка, в устье реки Верхней Пыскорки (или Камгортки). Площадка городища наклонена к Каме под углом 30 градусов, что несомненно является результатом многочисленных оползней. Культурный слой городища также активно разрушается оползнями. Сохранившаяся площадь памятника составляет около 300 кв.м. Надо полагать, что значительная часть городища уже снесена в Каму.

Раскоп площадью 106 кв. м был заложен на восточном склоне горы в непосредственной близости от обрыва. Мощность культурного слоя в среднем составляет 0,12-0,6 м. Слой беден находками. На одном уровне встречаются предметы родановской культуры и периода русской колонизации (последствия оползней). Не фиксируются также какие-либо сооружения (оборонительные, хозяйственные, жилые и т.д.), за исключением небольшого кострища, состояние которого не позволяет установить его назначение. Коллекция находок родановской культуры с городища состоит из железных ножей традиционной для культуры формы (3 шт.) с плоской спинкой и коротким суживающимся лезвием, фрагментов шумящих украшений: трубчатых (2 шт.) и шаровидных (2 шт.), пронизок и их фрагментов, бронзовой цепочки из 9 звеньев, подвески с ушком, половинки грушевидной подвески, слегка оплавленной в огне, а также бронзовых накладок прямоугольной формы с отверстиями, стеклянных и сердоликовых бусин (6 шт.), которые позволили установить дату существования поселения - XI-XII вв. (Голдина, Королева, 1983. С. 58-59).

Из 59 выделенных сосудов родановской культуры 53 сосуда были орнаментированы. По венчику - 38 сосудов. Среди орнаментации по венчику встречаются зацепы - 31 сосуд, гребенка - 3 сосуда, насечка - 3 сосуда, розетка - 1 сосуд. Кроме того, 15 сосудов орнаментированы по шейке и стенкам. Из элементов орнамента встречаются многочисленные ряды витого шнура и гребенки - 1 сосуд, гребенка, нанесенная рядами, расположенными вертикально или под углом - 5 сосудов, розетка - 3 сосуда, в том числе 1 сосуд с "жемчужинами" на внутренней поверхности, вертикальная насечка - 2 сосуда, сочетания гребенки,

ямки и линейно прочерченного орнамента с "жемчужиной" на внутренней поверхности сосуда - 1.

Пыскорское городище входит в комплекс одновременных ему памятников родановской культуры, среди которых можно назвать Эсперово и Тетеринское городища, расположенные севернее Пыскорского городища, в районе д.Тетерино, Плеховское городище, расположенное на левом берегу Камы (Талицкая, 1952. С.154), Абрамовское селище XI-XIII вв., Огурдинский могильник XI в. (Памятники археологии и архитектуры... 1994. С.26). Также в указанном районе фиксируется значительное количество находок кладов серебряной посуды и украшений, датированных X-XIII вв. (Талицкая, 1952. С. 153; Памятники археологии и архитектуры..., 1994. С.26).

В 1889 г. на территории д.Плехановой, в настоящее время входящей в черту поселка Пыскор, жительницей деревни А.Мишариной был обнаружен клад, состоящий из серебряных предметов, в который входили две серебряные арочные шумящие подвески, украшенные зернью и вставками из янтаря, серебряный браслет и четыре "колпачка" в виде полушарий, также украшенные зернью и вставками из малахита (Теплоухов, 1895. С.268, Спицин, таб. XII, рис. 2, 4). Клад был куплен известным пермским коллекционером Ф.А. Теплоуховым. Одна из арочных подвесок, браслет и два колпачка были отправлены в Санкт-Петербург, в коллекцию Строгановых и в настоящее время находятся в Эрмитаже (Талицкая, 1952. С. 153), а оставшаяся часть клада хранится в фондах Пермского областного краеведческого музея (ПОКМ, 19266/1, ПОКМ 3774, рис. 1/1-2).

Серебряные украшения, подобные Пыскорскому кладу, довольно часто встречаются на территории Прикамья. Арочные подвески входили в состав нагрудных украшений женского костюма, а "колпачки", по всей видимости, могли использоваться в качестве богатых перстней. При раскопках Огурдинского могильника (Усольский район Пермской области) было обнаружено два погребения, в которых "колпачки" располагались в районе кисти левой руки, причем к колпачкам были припаяны медные обручи. Известны находки "колпачков" и среди инвентаря Рождественского могильника в Карагайском районе Пермской области (Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997. С.110).

Городище просуществовало сравнительно недолго и, вероятно, было покинуто к XIII вв. связи с общим оттоком коми-пермяцкого населения на север, а также в связи с расселением вогул, которые к XIII в. занимают левый берег Камы (Памятники археологии и архитектуры..., 1994. С.6).

Начало русскому поселению было положено в 1558 году, когда на высокой горе в устье р. Верхней Пыскорки (Камгортки) Строгановы основали городок Канкор. Это было первое поселение Строгановых на Уральских землях. Городок был обнесен деревянной стеной, и в нем постоянно находились пушкари и пищальники. По всей видимости, к 1558 г. это место было пустынным. Через два года после основания городка Канкор на реке Нижней Пыскорке (южная окраина современного села Пыскор) Аникой Строгановым был основан мужской монастырь. Когда в 1570 году население городка Канкор было переведено во вновь созданное поселение вниз по течению Камы (Орел-городок или Кергедан), Строгановы предложили настоятелю монастыря занять опустевшие строения.

Монастырь быстро разрастался, к 1623 году, времени переписи И.Ф. Кайсарова, при монастыре было 2 церкви, колокольня с часами и колоколами, 18 братских келий, а также конюшня, скотные дворы, амбары (6 хлебных деревянных и 1 каменный), гостиный двор, несколько мельниц под горою. В монастырской слободе насчитывалось 25 дворов. Кроме того, монастырю принадлежали 10 деревень, три из которых продолжали существовать и в середине XIX в. - Лысьва,

Большая Новинка и Чудова Новинка (Словцов, 1869. С.3-12). Упоминание каменных построек при монастыре можно считать одним из наиболее ранних в Прикамье. После пожара 22 июня 1645 года в монастыре стали строить каменный соборный храм Преображения Господня, так как деревянный сгорел от молнии (Ярушин, 1876. С.574-575).

В период с 1696 по 1730 гг. Пыскорский монастырский комплекс полностью стал каменным. Рисунок, опубликованный в книге В. Генина, дает представление о внешнем облике Пыскорского комплекса (Генин, 1937. С. 545). В начале XVIII в. территория монастыря имела форму, близкую к четырехугольнику, со скругленными углами. На территории монастыря располагается каменный пятикупольный Спасо-Преображенский собор, каменная Никольская церковь, сохранившаяся до настоящего времени. Между собором и церковью располагались монастырские службы. Территория монастыря окружена каменной стеной с двумя башенками. Западная часть монастырской стены практически полностью состояла из встроенных служб. К 1755 году монастырский комплекс на берегу В.Пыскорки прекратил свое существование. Постройки (кроме Никольской церкви) были разобраны, а строительный материал переправлен вверх по Каме на р.Лысьву, где и был построен новый монастырь.

С Пыскорским Преображенским монастырем связан еще один интересный исторический факт. В 1915 году местными жителями был обнаружен подземный ход в горе, вершину которой занимал мужской монастырь. В тот же год подземный ход был обследован пермским ученым, археологом П.С. Богословским, который установил, что ход, несомненно, имел прямую связь с разрушенным к тому времени Спасо-Преображенским собором, а часть хода искусственно забита. Налево от входа в подземелье была обнаружена небольшая ниша с полуциркулярным верхом, в которой П.С.Богословский обнаружил следы копоти. Потолок самого хода был вырублен в глине в виде арки. Всего в тот год удалось расчистить 24, 91 сажень, но он, несомненно, продолжался дальше. Какие-либо находки обнаружить не удалось, поэтому точное время строительства хода не выявлено (Богословский, 1915). П.С.Богословским была установлена на отверстие входа деревянная дверь, но в 1930-е годы ее сняли, а в дальнейшем во время сильного ливня вход был перекрыт оползнем и в настоящее время недоступен.

Одновременно с подземным ходом П.С.Богословский провел раскопки на территории монастыря, которые позволили очертить фундамент разобранного Преображенского собора, собрать коллекцию изразцов, которыми были облицованы печи собора, фрагментов резных камней (колонки, карнизы, капители) - деталей украшения собора (Богословский, 1915. С.35-36). К сожалению, материалы раскопок П.С. Богословского в настоящее время утрачены.

На территории городища в 1940-е годы было найдено кремневое ружье и две небольшие пушки. Длина пушек составляла 0,5 м, диаметр ствола - 7 см. При раскопках 1993 года были обнаружены фрагменты гончарной керамики XVI-XVII вв., сапожный нож и керамическое грузило, аналогичное грузилам из коллекции Орла-городка (ПОКМ 16490).

В настоящее время северная часть горы, на которой находился монастырь, покрыта смешанным лесом и занята кладбищем. Большая часть территории свободна от застройки. Поверхность ее неровная, фиксируются остатки траншей, заложенных П.С. Богословским на месте Спасо-Преображенского собора, а также очертания западной монастырской стены и остатки зданий в виде задернованных груд битого кирпича и щебня. Восточная часть горы повреждена оползнем и в осыпях также видны остатки монастырской стены. Во время раскопок 1993 г. были обнаружены непотревоженные слои, которые можно отнести к периоду XVII-XVIII

вв. В заложенном вблизи Никольской церкви шурфе были обнаружены следы строительного мусора, состоящего из битого большемерного кирпича и извести, который можно отнести к периоду разборки монастыря, середине XVIII в., а также следы пожара, от которого пострадала какая-то постройка (обнаружены следы сгоревшего деревянного настила из досок шириной 0,1-0,3 м, фрагменты слюдяной окончины, битый большемерный кирпич и деревянная столбушка, возможно, опора навеса). Пожар, по всей видимости, можно отнести к XVII-XVIII вв. Общая мощность культурного слоя достигала 0,9 м.

Недостаточно сохранилось сведений о Введенском женском монастыре. Точное время его основания неизвестно, а первое упоминание относится к 1623 году (перепись И.Ф. Кайсарова). Располагался он на посаде под горою. Каменное строительство в монастыре также велось в первой половине XVIII в. Около 1755 года Введенский монастырь прекратил свое существование. Во время переноса Преображенского монастыря на р.Лысьву была разобрана и Введенская церковь. По данным пермского краеведа XIX в. И.Словцова, развалины монастыря были видны еще в 1800 г. (Словцов, 1869. С. 45-48).

Зондаж, проведенный в центральной части села, позволил установить, что Преображенская церковь (1808 г.) была построена на месте разобранного здания из большемерного кирпича. В шурфе, заложенном вблизи южной стены церкви, под слоем отложений XX в. были зафиксированы остатки разобранной постройки из большемерного кирпича и извести. Мощность слоя колебалась в пределах 0,5-0,85 м. В нем также встречались кости животных и мелкие фрагменты гончарной посуды, фрагменты слюдяной окончины. Настолько мощный слой битого кирпича и извести, несомненно, свидетельствует о существовании в этом районе каменной постройки, которая может быть разобранной каменной Введенской церковью женского монастыря.

Последние десятилетия во всем мире активно развивается направление в археологии, получившее название "промышленная" ("индустриальная") археология. Ведутся систематические полевые исследования: описания сохранившихся сооружений, раскопки, сбор воспоминаний местных жителей. Особое внимание уделяется вымирающим отраслям промышленности (Ниссер, 1994. С. 45). Уральская промышленная зона по своему содержанию уникальна. В ее состав входят предприятия цветной и черной промышленности, солевые заводы, горнорудные месторождения. Пыскорский завод, построенный еще в XVII в., был первым на Урале медеплавильным заводом.

В 1970-х гг. на территории Пыскорского медеплавильного завода свердловскими археологами были проведены раскопки, данные о которых отсутствуют. В 1993 году автором было обследовано современное состояние завода и выполнен зондаж культурного слоя.

Выплавка медных руд вблизи Пыскорского монастыря на речке Камгортке (В.Пыскорке) производилась еще в первой половине XVII в. По сведениям Н.Попова, медная руда добывалась в Кунгурском руднике под смотрением боярина Дея Андреевича Свитенщикова и переплавлялась в Пыскортский монастырь. Причины, по которым добыча и выплавка медных руд была прекращена, точно не известны. Возможно, это было результатом истощения залежей медных руд. Вскоре были обнаружены залежи руды в Григоровском руднике, в 28 верстах от Пыскора, и по указу Михаила Федоровича тот же боярин Д.А. Свитенщиков был отправлен на Урал для организации медеплавильного завода. Завод был построен около 1634 г. на р. Айве у д. Григорово, а в 1640 году перенесен на р. Камгортку, на земли Пыскортского монастыря, но продолжал находиться в казенном ведомстве. На заводе работало 15 человек иностранных мастеров. Работа завода

продолжалась около 20 лет, после чего он был отдан в содержание братьям Тумашевым, которые через 3 года уехали в Сибирь. По всей видимости, завод вновь перешел в казенное ведомство, и из Москвы был прислан иностранный мастер, после смерти которого другие мастера были отозваны в Москву указом Алексея Михайловича, а завод закрыт около 1656 г. Заводская плотина просуществовала до 1723 г., когда началось строительство нового завода (Попов, 1804. С. 208-209).

Для строительства нового завода на Урал был отправлен капитан В.Татищев. Летом 1723 г. была отремонтирована старая плотина и расчищено место для заводских построек. Работы были продолжены и в 1724 году после приезда В. Генина. Кроме старой плотины, были построены еще две: одна на расстоянии 100 сажень от р.Камы, так называемая Нижняя плотина, и Верхняя - запасная, для сдерживания вешних и осенних вод, на расстоянии 325 сажень от старой Средней плотины. Фактически, одновременно было построено два отделения завода, одно около Средней плотины и второе около Нижней плотины. Оба отделения были пущены в 1724 году.

В казенном управлении завод находился до 1757 года, после чего был передан в содержание графу Воронцову, а затем вновь возвращен в казенное ведомство указом от 21 декабря 1780 года. К заводу было приписано 210 мастеровых и 216 душ женского пола, которые проживали при заводе в поселке, где находилось 52 обывательских дома. Окончательно завод был закрыт в 1829 году (Попов, 1804. С.249-250).

Следы Пыскорского медеплавильного завода до настоящего времени видны на обоих берегах р.Верхней Пыскорки на протяжении 2 км от ее устья. В основном это отвалы медных шлаков, угля, а также задернованные развалины заводских построек, сложенных из большемерного кирпича. Также отчетливо фиксируются остатки всех трех плотин.

Нижняя плотина сохранилась в виде двух небольших возвышенностей, расположенных на противоположных берегах В.Пыскорки. До недавнего времени на месте плотины располагался деревянный мост, следы которого также видны. Планировка села Пыскор свидетельствует, что через Нижнюю плотину пролегла основная дорога вдоль берега Камы.

Выше по р. Пыскор сохранились остатки Средней плотины, по которой в настоящее время проложена дорога. В районе плотины также видны остатки деревянных конструкций, выступающих из берегов реки, а также до настоящего времени сохраняются завалы бревен в реке. По всей видимости, на протяжении XIX-XX вв. даже после закрытия завода плотина подновлялась. На правом берегу р. В.Пыскорки сохранились остатки задернованных заводских сооружений из большемерного кирпича, а также остатки фундаментов.

Неоднократно подновлялась и Верхняя плотина. В настоящее время она существует в виде двух высоких валов, расположенных на окраине д. Ближнее Шварево, а также деревянных конструкций, выступающих из береговых насыпей. В 1940-1970-е гг. между Верхней и Нижней плотинами существовал пруд. В середине 1970-х гг. после обильного дождя Среднюю плотину прорвало, и в настоящее время Верхняя Пыскорка представляет собой неширокий ручей. Выше Средней плотины фиксируются шлаковые отвалы - отходы медеплавильного производства, а также следы углежогого производства.

В культурном слое бывшего Пыскорского медеплавильного завода в большом количестве встречаются шлаки, следы угля, красной прокаленной глины, а также в районе Средней плотины обнаружены следы пожара второй половины XVIII - начала XIX вв. Мощность культурного слоя на территории завода достигает 2-4 м.

Село Пыскор является уникальным историко-археологическим комплексом, объединившим на незначительной площади памятники периода средневековья, русской колонизации и промышленной археологии. До настоящего времени существуют значительные пробелы в его истории, крайне мало данных о первых десятилетиях существования монастыря, о работе медеплавильного завода, существовавшем в XVIII в. Фрагментарные исследования памятника на протяжении XX столетия, утрата коллекций, собранных при раскопках, грабительские раскопки нанесли ему серьезный урон. Многие безвозвратно погибли. Проблема сохранения Пыскорского комплекса может быть решена только путем его музеефикации.

***

1. Богословский П.С. Подземный ход и археологические раскопки в селе Пыскор Соликамского уезда. Пермь, 1915.
2. Генин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937
3. Голдина Р.Д., Королева О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 40-71.
4. Крыласова Н.Б., Бочаров И.В., Бочарова Е.О. Некрополь Рождественского археологического комплекса // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып.1. Екатеринбург, 1997. С. 101-124.
5. Ниссер М. Мировое индустриальное наследие: опыт изучения и организация работы, достижения последних лет // Сохранение индустриального наследия: мировой опыт и Российские проблемы. Материалы международной научной конференции ТИССИИ. Екатеринбург, 1994. С. 41-46.
6. Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района: Каталог. Усолье, 1994.
7. Попов Н. Урал. Хозяйственное описание. Пермь, 1804. Ч.1.
8. Слоцов И. Пыскорский Преображенский ставропигальный 2-го класса монастырь. Пермь, 1869.
9. Спицин А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. Вып.26. СПб., 1902.
10. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным И.В.Талицким) // МИА-27. М., 1952.
11. Теплоухов Ф.А. Древности Пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути // Пермский край-3. Пермь, 1895. С. 247-290.
12. Ярушин П. Материалы для истории Пыскорского монастыря // Пермские епархиальные ведомости. 49. Неоф. отд. Пермь, 1876. С. 574-575.

Список принятых сокращений:

МАР - материалы по археологии России. СПб.
ИИА - Материалы и исследования по археологии СССР. М.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВЕЙ И МОНАСТЫРЕЙ ПРИКАМЬЯ XV - НАЧ. XX ВЕКОВ

С.Г. Онянова, Пермский областной музей

*Не велика там братья,
Ибо уставом строг тот божий дом,
Монахи ловят в сети рыбу,
Живя молитвой и трудом,
Чтоб лучше храм украсить божий,
Разбив подворья там и тут,
Пенькою, солью, лесом, кожей
В миру торговлишку ведут.*

Д. Кедрин

Христианизация Пермского края неразрывно связана с колонизацией Перми Великой русским государством. Предпосылки ее заложил миссионер православной церкви Стефан Пермский, создавший в 1383 г. первую Пермскую епархию с центром в Усть-Выми. Таким образом, к Московскому княжеству в конце XV в. был присоединен богатейший Вычегодский край. В XV в. преемник Стефана - Иона крестил Пермь Великую: жителей Чердыни, Соликамска и берегов реки Чусовой. Летопись повествует: "Иона крестил Пермь Великую и князя ее Михаила и церкви постави, игумены и попы" (Полное собрание русских летописей. СПб, 1901, т.6). Он же заложил основы церковного строительства в крае, построив в честь Иоанна Богослова первый храм монашеской обители с одноименным названием в Чердыни, долгое время остававшейся единственным оплотом православия в Прикамье. Второй храм в честь Вознесения Господня был построен в XVII в. По второму храму и сама обитель, состоящая на тот период из 22 старцев, нередко называлась "обитель Вознесения Господня Иоанна Богослова" (А. Дмитриев, 1891. С.19; фото 1). Оба храма сгорели во время пожара в Чердыни в 1700 г. В 1704-1718 г. был построен вместо двух сгоревших деревянных храмов один каменный, верхний этаж которого был освящен в честь Вознесения Господня, а нижний - в честь апостола Иоанна Богослова. Храм строился пленными шведами, прибывшими в Чердынь по распоряжению сибирского губернатора М. П. Гагарина, поскольку часть территории Перми Великой в XVIII в. входила в состав Сибирской губернии. Двухэтажное здание, повторяющее в камне композицию древних клетских храмов, переходящее от трапезной церкви "под колокола", и сегодня возвышается на крутом берегу реки Колвы (Памятники истории культуры Пермской области. 1976. С. 112-113). В административном отношении Иоанно-Богословский мужской монастырь с 1580 г. по 1631 г. составлял самостоятельную административную единицу в пределах Пермско-Чердынского уезда. В XVIII в. вследствие переживаемого им кризиса был приписан к Троице-Сергиевой лавре, под покровительством которой он состоял до его упразднения по церковной реформе Екатерины II в 1764 г. К 300-летию царствования Романовых в 1911 г. на месте Иоанно-Богословского монастыря возник Романовский женский монастырь (Агафонов. 1993. С.43).

Одновременно с мужским в XVII в. в Чердыни существовал также Успенский девичий монастырь, в котором проживало 33 монахини (Дмитриев. 1891. С.20). Монастырь был закрыт в 1764 г. Ныне на его месте стоит каменная Успенская церковь.

Чердынский пожар 1792 г. навсегда унес от нас архитектуру деревянного города. Сгорело 425 жилых и общественных зданий, в том числе церкви (Чагин. 1972. С.34). В XVIII веке на чердынских холмах было выстроено 5 каменных церквей, о двух из них речь шла выше. Третья, Богоявленская (1756 г.), ее монументальное здание хорошо просматривается с долины реки Колвы и удачно дополняет силуэт города. Две другие пятиглавые Преображенская (1756 г) и Воскресенская (1750 г.) церкви расположены на центральном из семи чердынских холмов. К последней в нач. XX в. была пристроена пятиярусная колокольня, которая не только удачно вписывается в композицию храма, но является и сегодня самой высокой точкой в городе (Памятники истории и культуры Пермской области. 1976. С.113).

В середине XVIII в. в Чердынском уезде насчитывалось 18 приходских церквей, из них две в Ныробе. Ныроб - место ссылки опального боярина Михаила Никитича Романова, скончавшегося здесь в 1502 г. Первоначально он был похоронен в Ныробе, а затем переведен в родовую усыпальницу в Новоспасский монастырь в Москве. В память о нем в середине XVI в. в Ныробе были воздвигнуты 2 деревянные церкви - Никольская и Богоявленская, которые в 1704 г. и 1736 г. заменены на каменные (Кривошеков. 1914. С. 565-566; фото 2). Над ямой, в которой содержался Романов, была построена каменная часовня, разобранная в 1930-е гг. Белокаменная, украшенная великолепной резьбой Никольская и миниатюрная, построенная на месте усыпальницы боярина Богоявленская церкви составляют единый архитектурный ансамбль, украшающий старую часть Ныроба.

В Чердынском районе в с.Верх-Боровское находится и древнейшая каменная церковь Прикамья, построенная в 1678 г. И.И.Калинниковым, представителем семьи первых солепромышленников Перми Великой (Кривошеков. 1914. С.264-265). Надо заметить, что каменное зодчество в XVII в. явление довольно редкое. К этому времени в современной Пермской области относятся еще две каменные церкви, расположенные в Усольском районе: Свято-Троицкая (1687-1788 гг.) в Ленве и часовня Спаса Убруса (посл. треть XVII в.) в Усолье, центре пермской вотчины династии Строгановых (Памятники истории и культуры Пермской области. 1976. С.103,110; фото 3). В XVIII - нач.XIX в. в Усолье наряду со строительством резиденций-усадб, торгово-производственных зданий активно велось церковное строительство. Было построено 4 церкви, соборная колокольня и часовня (Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района. 1994. С.68). Главенствующую роль занимает пятиглавый, украшенный полукруглой папертью-ротондой Спасо-Преображенский собор (1724-1731 гг.).

В обширных владениях Строгановых крупнейшим центром освоения Прикамья стал Пыскорский Спасо-Преображенский ставропигиальный (независимый) мужской монастырь, основанный в 1560 г. Аникой Строгановым на р. Нижняя Пыскорка. В 1570 г. монастырь был перемещен на р. Верхняя Пыскорка на место строгановского городка Канкор, население которого было переведено во вновь созданный Орел-городок. В XVII в. Пыскорскому монастырю принадлежали земли по берегам Камы, Кондаса, Сылвы, Сиры и Лысьвы, до 50 сел и деревень, три подворья - два в Москве и одно в Соликамске, Рождественская пустынь (в 17 км от Кунгура) (Описание церквей и приходов Кунгурского узда Пермской губернии. Историко-географический и церковно-биографический очерк. 1896. С.42). В XVIIIв. к монастырю была приписана Троицкая Варлаамская Плесенская пустынь (в 315 км от Чердыни). В монастыре было также создано солеваренное производство, состоящее из 20-25 варниц. Ежегодно вываривалось более 11 тонн соли (Описание церквей и приходов. 1896. С.42.). Многочисленными царскими грамотами за монастырем была закреплена беспшленная торговля солью,

пушшиной, холстом и др. товарами, а также право самостоятельного суда и расправы в его вотчинах. На старом монастырском месте на р. Нижняя Пыскорка в нач. XVII в. был создан Введенский женский монастырь (Дмитриев. 1890, Вып.2. С.111). Пыскорские монастыри мужской и находившийся в его зависимости женский прекратили свое существование в 1755 г. вследствие переноса первого на р. Лысьву. Монастырские здания (к тому времени каменные) были разобраны, за исключением Никольской церкви (1696 г.) мужского монастыря. Она сохранилась до наших дней. В 1915 г. территория мужского монастыря была обследована пермским историком и археологом П.С.Богословским, в связи с обнаружением жителями села Пыскор подземного хода. Открытию подземного хода, по рассказам местных жителей, предшествовал сон мальчика-подростка (Богословский. 1915. С.35). Он видел во сне старого монаха, который приказал разрыть провал, образовавшийся вследствие стока дождевой воды в горе, где когда-то располагался монастырь. Мальчик рассказал сон отцу и тот вместе с односельчанами сделал попытку раскопать провал. Так был обнаружен подземный ход. В результате его обследования группой Богословского было обнаружено, что подземный ход имел связь с разрушенным каменным зданием Спасо-Преображенского собора. Вероятно, он служил тайным выходом из монастыря в случае опасности. Подземный ход был расчищен на 53 метра вглубь, но из-за отсутствия каких-либо вещественных доказательств археологам так и не удалось определить точное время его создания. По мнению П.С. Богословского, подземный ход "весьма возможно монастырской работы, если не дело более ранних отшельников" - монахов (Богословский. 1915. С.33). Обнаруженные на месте Спасо-Преображенского собора остатки фундамента, стен, куски карниза, слюды, печные изразцы - все эти находки подтверждали данные пермских летописцев о монументальности и стильности постройки. Если бы Преображенский собор сохранился до наших дней, то был бы достойным соперником церквям Соликамска и Перми. В настоящее время часть территории монастыря занимает сельское кладбище.

Разрушенный Пыскорский монастырь, однако, не переставал существовать. Под руководством архимандрита Иуста при впадении р. Лысьвы в Каму (в 1 км. от д.Лысьва) была создана новая обитель (Древние монастыри Прикамского края. 1912. С.10-12). Возведенные в спешке, без соблюдения даже основных строительных правил постройки монастыря оказались недолговечными. В их числе и новый Преображенский собор, свод которого, обрушившись, задавил около 70 человек. Пыскорцы говорили: "Иуст сделал монастырь пуст" (Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии. 1897. С.42). Преследуя цель укрупнения обители, он на деле привел к упадку один из богатейших не только в Прикамье, но и в России монастырей. Несмотря на упадок, по монастырской описи 1762 г. за ним числились три каменных церкви, колокольня высотой 64 м, более тысячи священнических одежд из золотой и серебряной парчи, 5 богатейших митр, украшенных бриллиантами, алмазами, жемчугом, 13 Евангелий в серебряных и позолоченных окладах, 15 напрестольных серебряных крестов, 50 серебряных паникадил и множество вещей (Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии. 1897. С.42-43). Ставропигия монастыря первоначально продолжалась до 1658 г., года подчинения Усть-Вымской Пермской епархии Вятской. В 1756 г. с переносом монастыря на р. Лысьву он снова получил статус ставропигиального. По реформе 1764 г. все земли монастыря были изъяты в казну, кроме 9 га земли для сенокоса и Соликамского подворья (Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии. 1897. С.43). В 1775 г. он переведен в Соликамский Вознесенский мужской монастырь.

В строгановских владениях находились также Чусовской Успенский монастырь, Осинский Преображенский мужской монастырь, а также Шерьинская Оханского уезда, Верх-Язьвенская Соликамского уезда, Богородско-Успенско-Введенская и Зосимо-Савватиевская в Оханске пустыни (Древние монастыри. 1912. С.13-16). Все они были упразднены в сер. XVIII в.

Второе место по своему историческому значению занимал Соликамский Вознесенский мужской монастырь, который, как и Пыскорский, был освобожден от денежных поборов в пользу казны и в гражданских и судебных делах был самостоятелен. Основали монастырь посадские люди и уездные крестьяне в к. 80-х гг. XVI в., заведовавшие его хозяйством до 1614 г. (Дмитриев. 1890. С.112-115). Хозяйство монастыря в XVII в. было внушительным, ему принадлежало 545 га земли, несколько соляных варниц, мельница. В его ведении находилась Воздвиженская пустынь (в 2 км от Кунгура), а также Соликамский Михаила Архангела девичий монастырь, сгоревший в 1672 г (Дмитриев. 1890. С.209-221). На месте последнего в 1683 г. Е.Н.Щепоткиной, вдовой московского купца, имевшего торговые дела в Соликамске, основан Преображенский женский монастырь (Соликамск. 1969. С.11). В 1764 г. Соликамский мужской и женский монастыри были упразднены. Церкви женского монастыря - нарядная пятиглавая Преображенская (1692 г.) и небольшая покрытая осиновым лемехом Введенская (1713 г.) - стали приходскими. Возрождение мужского монастыря начинается с переводом в него Пыскорского монастыря, а затем в 1795 г. Троицко-Истобинского монастыря Вятской губернии, меняется и его название на Свято-Троицкий мужской монастырь. В нач. XX в. он, кроме церквей и братских келий, имел трапезную с кухней и пекарней, странноприимный дом, амбары для муки, несколько деревянных флигелей, в которых размещались бани, столярная мастерская, книжная и иконная лавка, жилые комнаты, два сада (Древние монастыри. 1912. С.9). В настоящее время на его месте сохранились две церкви: одноглавая, украшенная декоративным узором из фигурного кирпича Вознесенская (1704 г.) и надвратная церковь Михаила Малеина (1743 г.) (Соликамск. 1969. С.11; фото 4).

Ансамбли церквей Преображенского женского и Свято-Троицкого мужского монастырей создают сегодня вместе с созвездием храмов центра Соликамска своеобразное архитектурное лицо города.

На Сибирско-Верхотурской Бабиновской дороге был основан Верх-Яйвенский Введенский монастырь (Дмитриев. 1891. С.158). Его возникновение связано с именем боярина Ивана Никитича Романова, который по случаю своего благополучного возвращения в Москву из Сибирской ссылки (Пелым) оказал материальную поддержку обители. К сожалению, как долго он существовал, неизвестно, ныне на его месте село Верх-Яйва.

На территории Прикамья во второй пол. XVII - нач. XVIII вв. существовало 8 монастырей, 11 пустынь и не менее 132 церквей (Памятники истории и культуры Пермской области, 1976. С.67-69; Древние монастыри Прикамского края. Историческая справка. 1912). Первые православные церкви строились на местах языческих святынь и нередко в них находилось место языческим идолам. Этим, наверное, объясняется достаточно мирная христианизация Прикамья, которая в целом была завершена к сер. XVII в. Русское государство путем внедрения в среду прикамского населения православия прочно укрепило свои позиции в Перми Великой.

С учреждением наместничества, а вслед за ним губернии и города Перми в 1799 г. была создана самостоятельная Пермская епархия. При открытии в ней находилось 393 церкви, из них на территории Прикамья - около 200 (Религия в

истории и культуре. 1995. С.141). В самой же Перми, кроме архиерейского дома, действовали три церкви: первое каменное здание города - Петропавловская (1764 г.), второе каменное здание - Рождества-Богородицкое (1789 г.) и деревянная - Всесвятская на старом городском кладбище (1784 г.) (Верхоланцев. 1994. С.57). Петропавловская церковь, сначала деревянная, а затем каменная, существовала с начала основания Егошихинского завода и считалась соборной. Рождество - Богородицкая церковь была построена на средства пермского купца В.Г. Лапина, занимавшегося экспортной торговлей с Англией, Индией и Китаем. По преданию, рассказанному его потомками, в последнюю из торговых экспедиций купеческий корабль с товарами - кожей и мехами потерпел крушение в Тихом океане. Сам Лапин был выброшен на песчаный, пустынный берег, где его неизбежно ждала мучительная смерть от голода и жажды. Горячо молясь в эту критическую минуту Богородице, он дает обет в честь ее имени построить храм (Вологдин. 1891. С.32). Он был спасен английским кораблем, и по возвращении в Пермь исполнил свой обет. Первоначально здание церкви было одноэтажным, в дальнейшем росло вширь и ввысь: надстроено вторым этажом, с обеих сторон сделаны пристрои, воздвигнута 53-метровая колокольня со шпилем, на которой было 10 колоколов, самый тяжелый из них весил более 8 т (Вологдин. 1891. С.23). Автором постройки предположительно является архитектор П.Т. Васильев. Здание сохранилось до нас в сильно измененном виде, ныне фарминститут.

Деревянная Всесвятская церковь на новом городском кладбище позднее была переименована в Успенскую и заменена по проекту архитектора А.И.Ожегова в 1905г. на каменную.

По предложению первого пермского наместника генерал-губернатора Е.П. Кашкина Св. Синод приказал в марте 1701 г. перевести из Соликамска в Пермь всю ризницу, утварь, деревянный резной иконостас, колокола и строительные материалы Пыскорского Спасо-Преображенского монастыря для строительства архиерейской резиденции (Религия в истории и культуре. 1995. С.140). В 1798 г. был освящен первый храм создаваемой обители во имя св. Стефана Пермского (архитектор Г.Х.Паульсен), тем самым подчеркивалась преемственность Усть-Вымской епархии и будущей Пермской. В этом же году был заложен Кафедральный собор Пермского Спасо-Преображенского монастыря, летний и зимний храмы которого были освящены в 1819-1820 гг. (архитектор М.Ф.Казаков). В год учреждения Пермской епархии состоявший из одной Стефановской церкви Спасо-Преображенский монастырь был обращен в архиерейский дом. В 50-е гг. XIX в. по проекту архитектора Г.П. Летучего два храма, колокольня (1831 г., арх. И.И.Связев), архиерейский дом были соединены крытыми галереями и составили единый архитектурный ансамбль в стиле русского классицизма, в котором сегодня размещаются Пермские художественный и краеведческий музеи (Памятники истории и культуры. 1976. С.81).

Усиленное церковное строительство отмечалось при 20-летнем (1831-1851 гг.) управлении Пермской епархией архиепископа Аркадия. В этот период количество церквей Пермской епархии (с учетом ее Екатеринбургской части) увеличилось с 440 до 606 (Агафонов. 1993. С.33). В Перми же было построено 5 церквей: деревянная единоверческая (сгорела во время пожара 1842 г.), единоверческая Свято-Троицкая на Сенной площади (ныне Октябрьская площадь), домовая церковь при Александровской больнице (ныне областная больница), а также две ныне действующих - Свято-Троицкая церковь на Слудке и Всесвятская на старом городском кладбище (арх. И.И. Связев).

Украшением старой Перми была Воскресенская церковь, построенная по проекту арх. Г.П.Летучего в память реформы 1861 г. и исключительно на средства

крестьян Пермской губернии. Торжества по случаю ее открытия 1 октября 1869 г. начались крестным ходом, возглавляемым пермским епископом Антонием, от Кафедрального собора к старой Сенной площади, месту нахождения церкви (ныне угол ул. 25 Октября и Луначарского), и закончились обедом и балом в Благородном собрании, устроенных губернатором Б.В. Струве (Дмитриев. 1889. С.275; фото 5). Церковь взорвана в 1940.

Рубеж веков характеризуется небывалым ростом церквей и монастырей. Например, в 1891 г. в Пермской епархии (без учета образованной в 1885 г. Екатеринбургской) насчитывалось 375 церквей, а в 1918 г. - 435. Еще более поражает рост монастырей: за 27 лет число их увеличилось с 4 до 17 (Агафонов. 1996. С.31; Религия в истории и культуре. 1995. С.142). В нач. XX в. в Перми существовало 3 обители: подворья Белогорского и Обвинско-Язьвинского монастырей, Пермский Успенский женский монастырь. Пермский Успенский женский монастырь обязан своим созданием пермским купцам - пароходчикам братьям Каменским. Для устройства монастыря они приобрели усадьбу между ул.Покровской (Ленина), Пермской (Кирова) и Дальней Брюхановской (Толмачева), общей площадью в 3 га (Игумен Серафим. 1913. С. 8). В одном из небольших домиков, размещавшихся на усадьбе, была устроена церковь во имя Казанской Божьей Матери, освященная в 1873г. В день освящения первого храма братья-благотворители внесли на содержание обители в Марьинский банк 50 тыс.руб. Главный монастырский Успенский храм (от него и название монастыря) был построен в 1877г. Храм одновременно вмещал около трех тысяч верующих. 1877-1882 были годами благоустройства обители. В этот период монастырская усадьба обогатилась новыми постройками: больницей, пекарней, трапезной, а также была обнесена с трех сторон каменной стеной. Параллельно с улучшением внешнего облика обители идет заметное увеличение количества сестер. Так, только за 3 года (1877-1879) число монахинь возросло с 85 до 100 (Игумен Серафим. 1913. С.33). К монастырю была также приписана пригородная женская Бахаревская община, причем с содержанием отдельного хозяйства. В 1882 г. состоялось официальное открытие Пермского общежительного Успенского женского монастыря. Он являлся родовой усыпальницей семьи Каменских. Под сводами главного храма монастыря был захоронен один из его основателей Ф.К.Каменский, а в склепе за алтарем деревянной Казанской церкви Н.С.Каменская - жена его второго создателя Г.К.Каменского. Их сын И.Г.Каменский в 1908 г. на месте деревянной построил каменную Казанскую церковь-усыпальницу. Храм построен в древнерусском стиле. Приемы композиции и декоративное его оформление дают право утверждать, что автором проекта являлся известный русский художник Б.М.Васнецов, проживавший в это время в Перми и расписывавший Успенский храм. Распятие для церкви было выполнено другим известным русским художником М.В.Нестеровым, а в росписи иконостаса предположительно принял участие Н.К.Рерих (Михайлова. 1985. С.42-50). В усадьбе монастыря находилась также часовня, построенная в память 300-летия царствования Романовых. В настоящее время уничтоженный в годы советской власти монастырь возрождается. Единственная уцелевшая Казанская церковь в 1995 г. передана Пермской женской общине и вновь освящена.

На рубеже XIX - XX вв. усилия Пермской епархии были направлены на те районы Пермской губернии, где проживало коренное население Прикамья и старообрядцы. Только за 10 лет (1892 -1901 гг.) управления Пермской епархией преосвященным Петром, неутомимым и выдающимся проповедником, из раскола и язычества в православие было обращено 8 тыс. человек (Преосвященный Петр, епископ Пермский и Соликамский. 1902. С.6). Для коми-пермяков и марийцев,

вновь обращенных в православие, были созданы Стефановский женский монастырь в д. Пешнигорт Соликамского уезда и Боголюбский миссионерский общежительный женский монастырь в Сарсах Красноуфимского уезда (Преосвященный Петр. 1902. С.7).

В окружении старообрядческого населения в Осинском уезде был построен самый крупный на этот период Свято-Николаевский мужской монастырь на Белой горе в 100 км от Перми. Датой его основания считается 9 июня 1890 г. В этот день пермский миссионер Стефан Луканин посетил Белую гору. Пораженный величественной красотой местности, он собственноручно воздвиг деревянный крест (Летопись Белогорского Свято-Николаевского мужского общежительного монастыря. 1897. С.5-7,16). Официальное утверждение обители состоялось в 1897 г. Наивысшего расцвета монастырь достиг при первом его настоятеле Варлааме. Его стараниями обитель строилась, увеличивалось число ее братии. Если первоначально в ней насчитывалось 12 человек, то в 1910 г. - свыше 400 (Федорущенко. 1996. С.39). В обители процветали многие ремесла, о чем свидетельствуют устроенные здесь мастерские: иконописная, переплетная, портняжная, кожевенная, сапожная. Кроме того, монастырь имел кирпичный завод, лесопилку, пашеку, мельницу, в его распоряжении находилось 514 га земли. Монахи не только полностью обеспечивали себя, но и ржаным хлебом кормили в течение трех дней каждого из многочисленных паломников. Свидетельством духовного роста монастыря стало учреждение Свято-Стефановского скита, где проживало 35 старцев, ведущих уединенную, более строгую духовную и нравственную жизнь. Скит располагался в 5 км от Белой горы (Федорущенко. 1996. С.53).

В 1894 г. епископом Пермским и Соликамским Петром был освящен первый Свято-Николаевский храм монастыря, а 1895 г. Иверский. Вершиной духовного и хозяйственного расцвета обители стало строительство величественного соборного Крестовоздвиженского храма. Собор предположительно был построен по альбому К.А. Тона (автора проекта храма Христа Спасителя). Размеры его составляли около 53 метров в длину, ширину и высоту. Он был рассчитан на 5 тыс. человек. Освященный в июне 1917 г. епископом Пермским и Кунгурским Андроником, он стал крупнейшим на Урале. За красоту и величие Белогорскую обитель в народе прозвали "Уральским Афоном".

Белогорская братия служила примером для монашеских общин Пермской епархии, многие из которых были созданы либо по их инициативе, либо их стараниями. Среди них Спасо-Преображенская община в Оханском уезде, Фафорская пустынь в Осинском уезде, Свято-Троицкая обитель на Благодатной горе (в 42 км от Перми). В память посещения великой княгиней Елизаветой Федоровной в 1914 г. Белогорского монастыря была основана Елизавето-Мариинская женская обитель в 7,5 км от станции Шамары Кунгурского уезда (Куляшов. 1915. С.14-15; Обзорение путешествий Андроника по церквам Пермской епархии. 1915. С.18, 27-28). Обитель стала настоящим форпостом православия, т.к. Шамарские леса с давних пор считались центром старообрядчества всего Уральского края.

В нач. XX в. в Пермской епархии число православных выросло до 1,5 млн., а общее число старообрядцев сократилось до 100 тыс. Кроме того, в Прикамье проживало 100 тыс. мусульман, свыше 20 тыс. язычников, 3 тыс. католиков и лютеран (Религия в истории и культуре. 1995. С.143). В епархиальном центре наряду с православными церквами действовали лютеранская кирха (1864 г.), католический костел (1875 г.), мусульманская мечеть (1903 г.) и еврейская хоральная синагога (1903 г.). Однако общее количество православных церквей в

городе превосходило число церквей других конфессий. Так, из 27 - 20 были православными.

Таким образом, к нач. XX в. православная церковь заняла лидирующее положение среди других конфессий Пермской губернии. Казалось, были созданы все условия для ее успешной деятельности. Однако в XX в. общество отвернулось от церкви, в советский период большинство монастырей, храмов были разрушены и закрыты. Только в середине 1980-х гг. началось возрождение православия. Примером этому является Белогорский монастырь, который в год 600-летия представления Св. Стефана Пермского был вновь освящен патриархом Московским и Всея Руси Алексием, а также возрождение церквей Пермской епархии.

***

1. Агафонов П.А. Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской общежительный монастырь. Пермь, 1996.
2. Агафонов П.А. Епископы Пермской епархии 1383-1918 гг. Пермь, 1993.
3. Богословский П.С. Подземный ход и археологические раскопки в с. Пыскор Соликамского уезда. Пермь, 1915.
4. Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994.
5. Вологдин П.А. 100-летие Рождество-Богородицкой церкви в Перми 1789-1889 гг. Пермь, 1891.
6. Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи г. Перми 1845-1890гг. Пермь, 1889.
7. Дмитриев А. Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Пермь Великая. Пермь. 1890. Вып. II.
8. Дмитриев А. Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Пермь, 1891. Вып. III.
9. Древние монастыри Прикамского края. Историческая справка / Сост. И.Шестаков. СПб, 1912.
10. Игумен Серафин. Пермский Успенский первоклассный женский общежительный монастырь. Н.-Новгород, 1913.
11. Куляшов А. Торжественное освящение места для миссионерского Елизавето-Марьянского женского монастыря в Шамарах Кунгурского уезда. Пермь, 1915.
12. Кривошеков И.Я. Словарь, географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии с приложением карты бассейна р. Камы с иллюстрациями. Пермь, 1914.
13. Летопись Белогорского Свято-Николаевского мужского общежительного монастыря, находящегося в Осинском уезде Пермской губернии. Пермь, 1897.
14. Михайлова Л.Г. Об атрибуции Казанской церкви - усыпальницы Каменских в Перми. - //Сб. Из истории художественной культуры Урала. Свердловск, 1985.
15. Обзорение путешествий Андроника по церквам Пермской епархии в 1915 г. Пермь, 1915.
16. Описание церквей и приходов Кунгурского уезда Пермской губернии. Историко-географический и церковно-биографический очерк. Кунгур, 1896.
17. Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района. Усолье, 1994.
18. Памятники истории и культуры Пермской области. Пермь, 1976.
19. Полное собрание русских летописей. СПб., 1901. Т. IV.
20. Преосвященный Петр, епископ Пермский и Соликамский (Некролог). Пермь, 1902.
21. Религия в истории и культуре / Под ред. М.Г.Писманика. Пермь, 1995.
22. Соликамск: Краткий путеводитель. Пермь, 1969.
23. Федорущенко О. Белогорский Свято-Николаевский православно-миссионерский мужской общежительный монастырь. Пермь, 1996.
24. Чагин Г.Н. Чердынь: Краткий исторический очерк. Пермь, 1972.

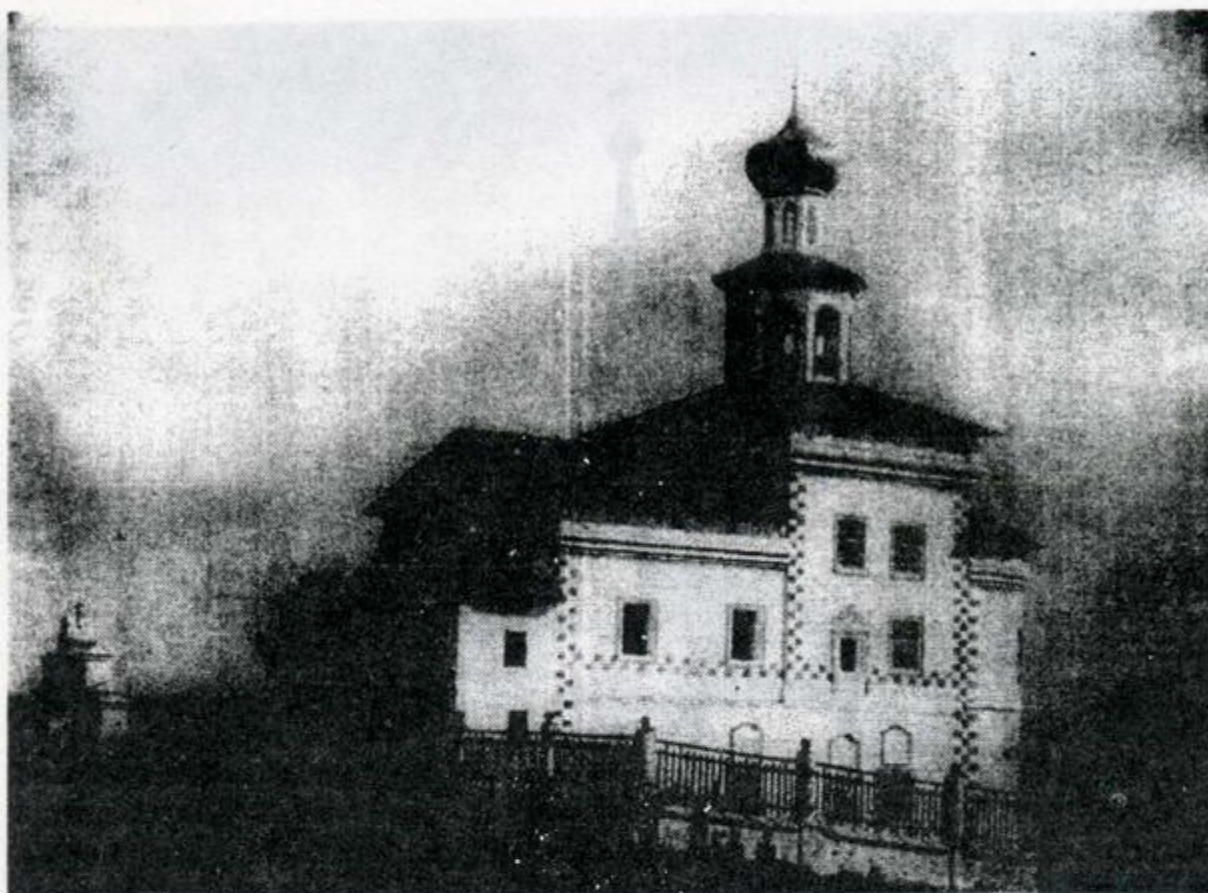

Рис. 1

Рис. 2

Рис.3

Рис. 4

Рис. 5

ЯРЕНСКИЕ ВОЕВОДЫ

В.А. Лукошников, Яренский краеведческий музей

*История предков всегда любопытна для того,
кто достоин иметь отечество.*

Н.М. Карамзин.

Воеводская власть устанавливается в Московском государстве с XVI в., прежде всего в пограничных городах и в XVII в. распространяется повсеместно в связи с общегосударственными процессами централизации управления государственной власти на местах. Она постепенно вытесняет, подчиняет себе выборные органы местного управления. Воеводская служба была привилегией служилых людей по отечеству, то есть бояр и дворянства.

Представитель верховной власти, присланный из Москвы по царскому выбору, воевода управлял всем городом и уездом. Служилый человек, чаще из московского дворянства, желая получить место воеводы, подавал об этом прошение государю и писал: "Прошу отпустить покормиться воеводой в таком-то городе".

Каждому воеводе при назначении его давался наказ, как управлять городом и уездом, но оставался полный простор управлять не по указу, если то "казне будет прибыльно, а всякого чина людям не тягостно". Всякий наказ непременно заканчивался предписанием "делать все по сему наказу и смотря по тамошнему делу и по своему выбору, как будет пригоже и как его, воеводу, Бог вразумит". Немудрено, что недобросовестные воеводы пользовались своей властью с корыстными целями, во зло, вымогали и брали с людей "посулы и поминки многие", несмотря на то, что доброму и справедливому воеводе и без намеков с его стороны всякого "припаса и почести" носили столько, что можно было в короткое время поправить довольно расстроенное состояние. Воеводских мест поэтому служилые люди мелкого и среднего достатка добивались с большим старанием.

В начале XVII века (при Василии Шуйском) из отдельных земель-волостей складывается Яренский уезд. Уезд занимал бассейн средней и верхней Вычегды и ее притоков Сысолы и Выми, верховьев Мезени и ее притока Вашки, на северо-востоке - верховье Печоры. В 1606 г. в Еренский городок (Яренск) был впервые послан воевода. В его ведении находились вопросы обороны уезда, суда, поддержания на должном уровне феодального правопорядка. Он отвечал за исправный сбор податей и выполнение повинностей крестьянами уезда.

При воеводском управлении в Еренском городке имелись государственные учреждения: приказная изба, съезжая изба, таможенная изба, земский бурмистр. В аппарате воеводы находились подьячие, приставы, тюремные сторожа. Обычно они были "поверстаны в государеву службу" и получали определенное жалованье. Подьячие отвечали за ведение делопроизводства. Приставы выполняли разные поручения воеводы: ездили по районам уезда приглашать выборных в Еренский городок для заслушивания царских грамот и решения различных дел, несли полицейскую службу и т.п. Подьячие, приставы, сторожа нанимались в основном из местных жителей. Подьячие с 1657 г. находились на государственном жаловании, выдаваемом из "неокладных сборов".

Наряду с воеводами продолжало существовать и выборное управление. Вычегодско-Вымские земли находились в ведении Яренских воевод, а остальная часть уезда, под названием "отхожих" волостей, управлялась выборными

земскими судейками и старостами, которые по судебным и податным делам обращались непосредственно в Москву.

Воеводы назначались, как правило, на 1-3 года, но некоторых оставляли на второй и даже на третий срок. Так, в 1678 г. воевода Вас. Иванович Шаховский был оставлен на Яренском воеводстве на третий срок. По социальному происхождению они были дворянами, иногда из захудалых княжеских родов, но среди Яренских в архивных документах не встречаются воеводы из бояр.

В Вычегодско-Вымской летописи под 1606 год указано: "Повеле государь князь великий Василий Иванович в уезде Еренскова городка быти воеводе. Дотоль на Еренском воеводы не были, а нанове воевода заступил Василий Якович (Яковлевич) Унковский". Записи в летописи велись по 1619 год, и в ней указаны фамилии 7 воевод.

В Вологодских губернских ведомостях № 37 от 10 сентября 1849 г. опубликован список Яренских воевод с 1600 по 1700 гг., подготовленный штатным смотрителем Яренского училища П.Протопоповым.

В этом списке вначале указывается, что "первым здесь известен воевода князь Репнин", но годы его воеводства в Яренске не указаны. А под № 2 указан воевода Елизар Карсаков - до 1626 г., а с 1600 до 1626 гг. фамилии воевод не перечисляются.

Назначение воевод в Еренский городок (Яренск) проводилось Новгородской четвертью, которой подчинялись город и уезд. Передача города от одного воеводы другому чаще происходила в зимнее время (январь-февраль).

В некоторые годы в Еренском городке было одновременно по два воеводы. Так, в 1623 г. Е.Ф.Карсаков и Зиновьев Иван, Д.Ф.Бессонов (1625-1627) и Л.М.Раевский (1625-1629 фев.), а с Раевским был на воеводстве Л.М.Юшков (1627-1628 июнь).

Посылали в Еренский городок из Москвы служивых людей с разными поручениями, которые после оставались в Яренском городке воеводами. Например, Г.А.Неронов расследовал спор между яренчанами и сольвычегодцами по поводу ямской гоньбы и организации системы ямов (станций) на Сибирской дороге. После воеводства Г.Неронова с декабря 1638 г. в Еренском городке было только по одному воеводе.

Среди воевод не все отличались какими-либо дарованиями или заслугами, некоторые были даже неграмотные. Но были и способные администраторы, имевшие заслуги перед Отечеством, своей деятельностью прославившие Россию. К таким принадлежал Мина Кириллович Грязев (1632), который до воеводства в Яренске был воеводой в Койгородке, а позднее направлялся царем по всяким посольским поручениям в Персию, вел успешные переговоры о переходе Ногайской орды в русское подданство. Вас. Александрович Даудов показал себя умелым дипломатом и храбрым военачальником во время Крымского похода 1687 г. Вас. Петр. Кропаткин (1635) в смутное время воевал в дружине Скопина-Шуйского. Г.М.Юшков (1628) после Яренского воеводства был назначен "сотенным головой у жильцов в Москве".

Вот новый воевода въезжает в город, старый воевода сдает ему крепостное строение, здания, вооружение, запасы, деньги, деловые бумаги. Новый воевода пересматривает все по описи, считает по приходным и расходным книгам, проверяет списки "служилых и посадских людей, их детей, братии и племянников, которые в возрасте".

Воевода привез с собой длинный царский наказ, где исчислены все его обязанности. В Воеводской избе слушают царский наказ все местные власти и присматриваются: каков-то новый воевода? Но вот прочли наказ. Воеводу

поздравляют с царской милостью, он кланяется, благодарит за добрые слова и заверяет, что рад послужить городу, что от него-то уж никаких продаж и убытков посадским и всеуездным людям не будет. Посадские и уездные выборные власти выслушали речь воеводы, кланялись и говорили, что они рады ублажить государева слугу, рады его приезду и просят принять "в почесть для приезда", ради великого государева имени, хлеб-соль. Воевода угощал властей обедом, а после обеда приглашенные одаривали хозяина.

Поддержка добрых отношений при помощи различных даров и подарков обходилась довольно дорого городу. Несмотря на закон, прямо запрещающий "корма, посулы и поминки", их ждал воевода, приехавший "покормиться", давать их считали своим долгом обыватели. Это была "почесть".

Обычай заставлял всякого, кто бы он ни был, зачем бы ни шел на воеводский двор, - нести какой-нибудь подарок воеводе. Так, при поездке усть-вымских посыльщиков в Яренск с данными и оброчными деньгами воеводе Г.А.Неронову было поднесено рыбой, мясом и деньгами 3 р. 65 коп., а подъячему всего 7 коп., и то по требованию воеводы. В 70-е годы XVII в. считалось нормальным, если "почести" воеводе будут немного больше, чем подъячему. А в 90-х годах "почести" лично воеводе и подъячему стали равными. В 1692 г. в июле ездили посыльные той же Усть-Вымской волости в Яренск для подачи челобитной. Воеводе Г.Р.Украинцеву "почести несено 3 ал. 2 де. Приказным подъячим - 3 ал. 2 де." В мирских записях зафиксировано множество таких "почестей".

Посадские и уездные люди прямо собирали меж себя деньги "на корм и поминки" воеводе, и земский староста вел точный и аккуратный счет расходов этих мирских денег на ежедневные выдачи и самому воеводе и его "лакомым" подъячим. Эти и другие мирские расходы на воеводу и его подчиненных, домочадцев были делом обыкновенным и не возбуждали ни ропота, ни жалоб. Но были воеводы, которые не довольствовались обычными полюбовными приношениями и сами назначали, что и сколько должны ему поднести. Тогда в земской избе поднимались громкие жалобы. Земский староста отправлялся на воеводский двор и "лаял" воеводу, т.е. бранил его на чем свет стоит и упрекал в неправде. Когда это не помогало, призывался дьячок земской избы и под диктовку старосты строчил слезную челобитную в Москву на воеводу от имени всех "уездных и посадских людишек". Так, челобитная Вожемского земского целовальника Семена Радионова о развертке и сборе налогов содержит жалобу, что Яренский воевода А.П.Акинфов захватил в архиепископской вотчине несколько крестьянских дворов с их населением и земли.

В 1765-66 гг. в Яренске работала следственная комиссия, созданная при воеводской канцелярии по многочисленным жалобам населения на притеснения Яренского воеводы М.Бурцева и связанных с ним должностных лиц. Бурцев был смещен.

Земский вычегодский староста (Еренского городка) обращается в приказ Москвы с просьбой обуздать воеводу, начавшего ретиво обогащаться, собирая "дань" с промышленников и торговцев, вывозивших меха из Сибири. Этот воевода Р.А.Яковлев, кроме того, вторгся в компетенцию органов самоуправления и начал диктовать крестьянам, каких людей ставить на выборные должности. В ответ из новгородского приказа Москвы пришла грамота с указом: "... в таможную и на кабаки, и для сбора денежных доходов, и к сибирским хлебным запасам, целовальников выбирать мирским людям, потому что мирские люди меж себя знаютца, хто каков человек. А для своей корысти добрых людей и кто государеву делу годен и таких ему (воеводе) не переменять...". То есть правительство напомнило воеводе, что он не должен вмешиваться не в свои дела.

В челобитной вологодского архиепископа Маркеля патриарху Москвы и всея Руси Никону на "озорство" воеводы Новосельцова сообщается, что этот воевода пытается людей огнем, раскаленным железом, мучает в тюрьме голодом.

Почва для злоупотреблений оставалась, и многие "лихие" воеводы могли своевольничать сколько хотели. Уездные люди продолжали давать дары воеводе, не разбирая, законно это или незаконно, а когда приходилось невмочь от воеводских насильств и налогов, то "чинились сильны" и отказывались повиноваться воеводе даже в его законных требованиях.

XVII век - "бунтарское время" - две крестьянские войны под руководством И.Т.Болотникова и С.Т.Разина. В Вычегодском крае не отмечалось каких-либо массовых выступлений (восстаний). Но произвол воевод вызывал сопротивление крестьян: уклонение от выполнения повинностей, самовольный уход в Сибирь и другие места. В документах упоминаются события 1636 г., произошедшие вскоре после переноса Яренска (Еренского городка) на новое, нынешнее место, к Архангельскому монастырю. Поводом, очевидно, явились злоупотребления воеводы Ивана Кропотова. Возмутившиеся 23 крестьянина Чакульской волости с нижней Вычегды во главе с Яковом Корепиным и Минеем Меншиковым, к которым присоединились крестьяне из других волостей, двинулись на Яренск. На новом месте Еренского городка острог (крепостную стену) не возводили, и возмущенные крестьяне без особого труда захватили Яренск, учинив погром воеводе.

О событиях в Москву сообщалось, что крестьяне воеводу Ивана Кропотова "забили и к воде водили и в тюрьму сажали и два человека его в воду посадили (утопили) и Иваново животы (имущество) разделили меж себя и держали у себя, а иные животы его продавали". Из Устюга в Яренск было направлено несколько стрельцов. Меншикова схватили, но по дороге братья его и "иные заговорщики освободили его". В 1636-37 гг. в нижевычегодских волостях было неспокойно. Там действовал отряд "разбойников" во главе с Андреем Сибирцевым, которых укрывали крестьяне Чакульской волости. Крестьяне, которые предоставляли "разбойникам" убежище, были схвачены и брошены в тюрьму.

В 1637 г. из Москвы "для сыска татинных и разбойных дел" в Яренск были посланы сыщик Яков Загрязский и подьячий Иван Качалов со стрельцами. Сыщик был беспощаден. Жители должны были содержать прибывших карателей за свой счет, что являлось дополнительным бременем.

Несмотря на суровую расправу, в Яренске было неспокойно. Воеводе из Москвы было дано указание: "собрать с посада и из уезда ратных людей и держать у себя для бережения от разбойников".

Неспокойно было в Яренском уезде и после восстания С.Т.Разина. В 1680 г. стольник-воевода Р.А.Яковлев вынужден был послать "память" (наказ) Еренского городка приставу Андрею Клепикову ехать в волости Яренского уезда: "Прошлом во 187(1679) году и нынешнем 188(1680) г. во всех и разных местах и числах, в еренском уезде объявились воры, разбойники, и крестьян грабят и жгут и ему приставу во всех волостях учинить наказ накрепко, чтобы всяких чинов людей воровских и всяких пришлых людей у себя не держали и на ночлег не пуцали, и хлебом не кормили, имав приводили в Еренский провожатыми; в разбойников и татей, собрався многими людьми с оружием, имать и на поимке стреляли имав приводили в Еренский..."

Воеводы прежде всего должны были нести государеву службу. В смутное время 1608-1612 гг. неоднократно организовывали сбор ратников на спасение страны от иностранных интервентов. 12 декабря 1608 г. с Выми, Вычегды и Сысолы двинулись ратные люди под начальством Яренского головы Григория Середена и десятника Вас. Тетюкова в Соль Галицкую, которой угрожали "воры"

(тушинцы). 23 января 1609 г. Яренский воевода Вас. Яков. Ларионов вновь обратился с грамотой на Сысолу, призывая дать ратников. В октябре 1612 г. князь Дм. Пожарский лично отправил послание Яренскому воеводе Фед. Осип. Янову, в котором сообщал о разгроме под Москвой войск польского гетмана Хоткевича. Одновременно Пожарский предупреждал яренского воеводу о возможности появления поляков и литовцев на Вычегде. Действительно, 22 января 1613 г. один из разбитых отрядов литовцев подошел к Сольвычегодску и после жестокого боя город был взят и разграблен. Яренский воевода готовил свой острог (крепость) к обороне.

Всего с 1606 по 1611 год было привлечено в войска и ополчение 354 человека из Яренского уезда. Воины Яренского уезда сражались против тушинцев у Соли Галицкой и Костромы, были под Ярославлем и в Кашине. Поддержали в 1611 г. борьбу первого ополчения за освобождение Москвы, в 1612 г. - второе ополчение.

В 1632 г. воеводе М.К.Грязеву поступил указ царя Михаила Федоровича о переносе города и острога на новое место, на левый берег р. Кижмолы. "А ставити б тот острог плотно и бои на башнях и на остроге и всякие крепости сделати крепко и прочно, чтоб в осадное время сидеть в осаде надежно".

В 1653 г. по распоряжению правительства воевода А.П.Акинфов собрал всех кузнецов, живущих на Яренском посаде и в уезде, и отправил их в Москву "для кузнечных скорых дел".

На протяжении XVII века правительство постоянно привлекало крестьян Яренского уезда в стрельцы, солдаты, на саперные работы по строительству военных городков (даточные люди), по укреплению южных рубежей Московского государства. С покорением Сибири в конце XVI в. из Яренского уезда направлялись крестьяне в служивые люди и казаки в формируемые сибирские гарнизоны новых городков. Все это требовало значительного напряжения в руководстве уездом и в работе воеводской канцелярии.

На протяжении XVIII в. местное управление подвергалось многочисленным изменениям. В начале века в Яренске оставалась приказная изба во главе с уездным воеводой, которому принадлежала вся административная и судебная власть, а также раскладка и сбор податей. В 1715 г. приказная изба заменена ландратской канцелярией, а в 1719 г. канцелярией земского комиссара.

В 1724 г., наряду с земским комиссаром, создается учреждение под названием канцелярии Выборгского полкового двора, которая занималась сбором подушной подати с населения, выполняла судебные функции, выдавала паспорта населению, уходящему на заработки.

После реформы местного управления в 1727 г. в Яренске вновь восстанавливается воеводское управление, которое с незначительными изменениями просуществовало до губернской реформы 1775 г. Все это время Яренская воеводская канцелярия была подведомственна Устюжской провинциальной канцелярии. В 1730-е годы в Яренске ликвидируется полковая канцелярия, а в 1754 г. - таможня.

При создании в 1708 г. первых губерний Яренский уезд вошел в состав Архангелогородской губернии. С разделением ее в 1719 г. на три провинции: Двинскую, Вологодскую и Устюжскую - уезд был отнесен к Устюжской провинции, в составе которой находился до губернской реформы 1775 г.

Список Яренских воевод XVII века

(Из книги: Н.П.Воскобойникова. 1997. Очерки феодальной России, № 1, УРСС. Москва)

№№ п/п	Годы воеводства	Имена воевод
1.	1605-1608	Унковский Василий Яковлевич
2.	1608 дек. - 1611 сен.	Ларионов Василий
3.	1608 сен.	Янов Федор Осипович
4.	1613-1614	Палицын Северга Иванович
5.	1615 фев. - нояб. 20	Засецкий Никифор Игнатъевич
6.	1616 апр. 20	Поленов Алексей Федорович
7.	1616 дек. - 1619 дек. 18	Хилков Петр Андреевич, князь, стольник
8.	1619 янв. - 1620	Демьянов Яков Афанасьевич
9.	1620 фев. 8 - 1623 июль 4	Корсаков Елизар Фомич
10.	1623 июль 4	Зиновьев Иван
11.	1625 - 1627 янв.	Бессонов Дементий Федорович
12.	1625 февр. - 1629 сент.	Раевский Лаврентий Михайлович
13.	1627 янв. - 1628 июнь	Юшков Григорий Михайлович
14.	1629 окт. - 1631 март 20	Милославский Яков Михайлович
15.	1632 июнь 3 - 1634 март 15	Приклонский Борис Васильевич
16.	1632 март 26 - 1633 май 17	Грязев Мина Иванович
17.	1634 - 1635 сен. 10	Кропаткин Василий, князь
18.	1635 июнь 3 - 1636 фев. 20	Кропотов Иван Иванович
19.	1636 июнь 3 - 1638 дек. 17	Унковский Василий Яковлевич
20.	1636 дек. 20 - 1637 фев. 11	Елизаров Федор Кузьмич
21.	1637 - 1640 нояб. 20	Неронов Григорий Орефьевич
22.	1640 апр. 27 - 1642 май 8	Дубровин Тит Иванович
23.	1643 июнь - 1644 апр. 11	Ласкирев Никита Иванович
24.	1644 март 4 - 1645 янв. 29	Нельянов Петр Павлович
25.	1645 апр. 22 - 1646 июнь 15	Бегичев Иван Ольферьевич
26.	1646 июнь 19 - 1648 февр. 6	Выповский Иван Никифорович
27.	1648 март 7 - 1650 февр.	Акинфов Иван Павлович, стольник
28.	1650 февр. - 1652 янв. 30	Хрущев Иван Иванович
29.	1652	Хвостов Никита
30.	1652 апр. - 2 ноября	Новосельцев Захарий Петрович
31.	1652 окт. - 1654 авг. 26	Акинфов Андрей Павлович
32.	1655 сент. - 1657 сент. 2	Палицын Игнатий Васильевич
33.	1657 июнь - 1658 дек. 8	Неелов Иван Саввинович
34.	1659 сент. - 1661 март 12	Хвостов Никита Иванович
35.	1661 февр. - 1663 янв. 24	Веровкин Елисей Максимович
36.	1663 фев. - 1665 окт.	Вяземский Иван Иванович, князь, стольник
37.	1665 - 1668 янв.	Чириков Григорий Григорьевич
38.	1668 янв. - 1670 фев.	Чигин Иван Иванович
39.	1670 март 28 - 1671 авг. 25	Мусоргский Михаил Иванович
40.	1671 сен. 27 - 1673 сен. 24	Кайсаров (Койсаров) Борис Константинович
41.	1673 сен. 25 - 1675 янв. 22	Даудов Василий Александрович
42.	1675 янв. - 1676 авг.	Шишкин Василий Федорович, сыщик
43.	1676 сен. - 1679 янв.	Шаховский Василий Иванович, князь
44.	1679 янв. - 1681 янв.	Яковлев Роман Аристархович, стольник

45. 1681 фев. 25 - 1682 дек. 20	Николаев Иван Федорович, стольник
46. 1682 дек. - 1685 янв.	Нефедьев Дмитрий Ермолаевич
47. 1685 янв. - 1687 янв.	Белкин Михаил Богданович
48. 1687 янв. - 1688 авг.	Беклемишев Борис Иванович, стольник
49. 1688 авг. 31 - 1689 нояб.	Неплюев Константин Васильевич, стольник
50. 1689 окт. 8 - 1691 март 17	Скрябин Павел Михайлович, стольник
51. 1691 март 16 - 1694 апр. 30	Украинцев Гурий Родионович, стольник
52. 1694 апр. - 1695 март	Украинцев Савва Игнатьевич, стольник
53. 1696 нояб. 28 - 1697 окт.	Грос Петр Леонтьевич
54. 1698 янв. 11 - 1699 март 24	Полозов Василий Борисович
55. 1699 март - 1700	Шанский Данила Иванович

Пояснения:

Приказная изба	главное гос. учреждение города и уезда. Возглавлял это учреждение, ведавшее военной, административной, финансовой с раскладкой и сбором налогов, сам воевода. В 1715 г. Яренская приказная изба реорганизована в Ландратскую канцелярию, а в 1719 г. - в канцелярию земского комиссара.
Съезжая изба	воеводская канцелярия.
Таможенная изба	возглавлял таможенный голова, ведала сбором пошлин.
Кабацкая изба	с 1652 г. кружечный двор, возглавлялась кабацкой головой, ведала "государственными кабаками".
Земский бурмис	заведовал посадским населением.
Стольник	первоначально застольные слуги князя, в 16-17 вв. несли государственную службу. Звание стольник обычно жаловалось людям знатного происхождения.

**ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ВОЛОСТЕЙ КОМИ КРАЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII - СЕРЕДИНЕ XIX ВВ.**

**(по материалам Государственного архива
Архангельской области)**

И.Л. Жеребцов, КНЦ УрО РАН

Материалы ревизий, как это неоднократно подчеркивалось в публикациях историков, имеют важнейшее значение в изучении развития народонаселения России и ее регионов XVIII - середины XIX вв. (Кабузан, 1963, 1971, 1990). Немалый интерес представляют, в частности, хранящиеся в Государственном архиве Архангельской области (ГААО) ревизские сказки, относящиеся к ижмопечорским волостям и располагавшейся на Мезени Пысской волости. Эти источники недостаточно использовались исследователями. Подробнее изучены только данные IV и V ревизий (Жеребцов, 1995). В публикации Т.И.Беленкиной, посвященной численности населения Коми края в конце XVIII - середине XIX вв. (Беленкина, 1985. С.3-16), использовались, главным образом, данные административно-полицейского учета, сведения по волостям не приведены. В настоящей статье публикуются подробные данные о количестве жителей северных волостей Коми края и входивших в их состав поселений, извлеченные из фондов

ГАОО. Сведения по расположенной в низовьях Печоры вне современных границ Республики Коми Пустозерской (Устинской) волости не приводятся.

В середине XVIII в. территории по нижней Печоре и Ижме составляли Пустозерский уезд, а Пысская волость относилась к Яренскому уезду. В ходе реформ административного деления и местного управления, осуществлявшихся Екатериной II в 1775 г., Пустозерский уезд был ликвидирован, его территория была включена в состав Мезенского уезда. К последнему отошла также Пысская волость Яренского уезда (Жеребцов, 1993. С.19-20). Все сохранившиеся в ГАОО ревизские сказки касаются только крестьянского населения, сказки церковнослужителей отсутствуют. Однако, учитывая немногочисленность последних, можно сказать, что имеющиеся материалы позволяют дать достаточно полную, хотя и не исчерпывающую характеристику численности населения исследуемого района и динамики ее изменения в изучаемый период.

Самые ранние ревизские сказки по Коми краю, имеющиеся в ГАОО, относятся к IV ревизии 1782 г. Материалы первых двух ревизий хранятся в РГАДА (РГАДА, ф.350, оп.2, д.157), сказки третьей ревизии 1762 г. пока не обнаружены. В ГАОО имеются лишь донесения сотских Усть-Цилемской и Ижемской слободок от 11 февраля 1763 г., согласно которым в слободках и относившихся к ним деревнях в подушном окладе насчитывалось соответственно 230 и 574 души мужского пола (ГАОО, ф.1548, оп.1, д.9, л.1-3). Отдельные данные имеются по раскольникам. Согласно окладной книге по сбору денег за раскол 1765 г., в Усть-Цилемской слободке в указанный год насчитывалось 82 раскольника (37 муж., 45 жен.) (ГАОО, ф. 1548, оп.1, д.17).

По IV ревизии сохранились достаточно полные сведения о населенных пунктах и крестьянском населении (табл. №1). Кроме сказок собственно IV ревизии, данные о численности жителей в 1782 г. отмечены в сказках следующей, V ревизии 1795 г. В Пысской волости в 1782 г. насчитывалось 680 крестьян. В состав волости входили шесть населенных пунктов, самыми людными из которых являлись погост Пысский (совр. с. Большая Пысса Удорского р-на) и д. Латьюга; остальные деревни значительно уступали им по населенности. В Ижемской волости насчитывалось 2227 крестьян обоего пола. Самыми крупными из 22 селений волости являлись Ижемская слободка (с. Ижма), деревни Сизябская (Сизябск) и Могчешская (Мохча). В ревизских сказках отмечено, что д. Усть-Аранец основана в 1776 г., а деревни Поромос (Поромес), "У речки Кедвы" (Кедвавом), Красный Бор (Краснобор), Диюр, Дибож (Большое Галово), Галово (Малое Галово), Келчишарюр (Кельчиюр), Выжемская (Усть-Ижма) и Щельяюр возникли после III ревизии, т.е. между 1762 и 1782 годами. Следовательно, остальные селения появились раньше. Так как в 1745 г., согласно материалам II ревизии, существовали только Ижемская слободка и деревни Нерица и Гаревое, то можно заключить, что деревни Сизябск, Мохча, Гам, Злоба, Мошьюга, Ластва, Картаель и "В речке Колье" (Усть-Уса) появились между II и III ревизиями, т.е. в 1745-1762 гг. В Усть-Аранце поселились выходцы из Троицко-Печорска и Савинобора, остальные поселения были основаны выходцами из Ижемской слободки. В пяти селениях Усть-Цилемской волости в 1782 г. проживало 1040 крестьян, большинство из них – в Усть-Цилемской слободке; остальные деревни, возникшие между 1745 и 1782 гг., были немногочисленны. Еще 12 человек жили в Великопоженском ските.

Таблица 1

Численность крестьянского населения ижмо-печорских и пысской волостей мезенского уезда во II половине XVIII века

ВОЛОСТИ, ВХОДЯЩИЕ В НИХ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ	1782 г.			1795 г.		
	Муж. пола	Жен. пола	Всего	Муж. пола	Жен. пола	Всего
1. Пысская волость	340	340	680	330	354	684
В том числе:						
Погост Пысский (Большая Пысса)	112	109	221	113	122	235
Д. Малописса	18	27	45	22	27	49
Д. Латьюга	146	138	284	139*	141	280
Д. Политова	18	19	37	15	16	31
Д. Пазозерская	34	26	60	23	27	50
Д. Небская	12	21	33	18	21	39
2. Ижемская волость	1033	1194	2227	1403	1604	3007
В том числе:						
Ижемская слободка	195	242	437	256	291	547
Д. Сизябск	211	253	464	277	329	606
Д. Мохча	181	182	363	235	244	479
Д. Гамская	75	82	157	77	90	167
Д. Злоба	58	75	133	70	91	161
Д. Мошьюгская	26	41	67	42	50	92
Д. Ластинская	41	35	76	45	50	95
Д. Картаеоль (Картаэль)	12	22	34	21	30	51
Д. Поромос (Поромес)	15	14	29	13	20	33
Д. У речки Кедвы (Кедвавом)	4	6	10	13	13	26
Д. Красный Бор	42	43	85	58	63	121
Д. Диюр	9	9	18	22	20	42
Д. Дибож (Большое Галово)	10	8	18	16	21	37
Д. Галова (Малое Галово)	9	7	16	14	14	28
Д. Келчишарюр (Кельчиюр)	14	11	25	16	17	33
Д. Выжемская (Усть-Ижма)	13	17	30	23	25	48
Д. Брыкаланск	13	22	35	25	30	55
Д. Щельяюр	21	29	50	59	74	133
Д. В речке в Колье (Усть-Уса)	5	5	10	11	17	28
Д. В речке Нерице (Нерица)	28	41	69	45	52	97
Д. В Гаревом ручье (Гарево)	13	8	21	19	16	35
Д. Усть-Кожва		Не было		17	13	30
Д. Усть-Аранец	6	10	16	Отписана к Усть-Сысольскому уезду		
Незаконнорожденные и приписанные к Ижемской	32	32	64	29	34	63

волости, но проживающие в Пустозерской и Усть-Цилемской волостях						
3. Усть-Цилемская волость	477	563	1040	620	714	1334
В том числе:						
Усть-Цилемская слоб.	387	459	846	518	584	1102
Д. Хабариха	8	8	16	8	10	18
Д. Гарева (Гарь)	29	23	52	34	42	76
Д. Быковская	16	20	36	30	35	65
Д. Загривочная	19	26	45	24	30	54
Раскольники	18	27	45	6	13	19
4. Великопоженский скит	8	4	12	7	8	15

Источники: ГААО. Ф. 51, оп. 11, д. 12, 2669, 2683.

Примечание: *По другим данным, 138.

Данные о численности жителей в конце XVIII в. содержатся в сказках V ревизии 1795 г., а также приводятся в посемейном списке 1803 г. и в материалах следующей, VI ревизии 1811 г. Согласно этим сведениям, к 1795 г. население Пысской волости почти не возросло (всего на четыре человека, менее чем на 1%); в некоторых поселениях волости численность обитателей немного уменьшилась, в других – немного увеличилась, но эти изменения в целом были невелики. В ижмопечорских волостях наблюдалась совсем иная картина: в Усть-Цилемской волости количество жителей увеличилось на 28% (1334 чел., и еще 15 чел. жили в Великопоженском ските), в Ижемской – на 35% (3007 чел.) - при том, что одна из деревень Ижемской волости, Усть-Аранец, была передана в состав Усть-Сысольского уезда. Во всех ижмопечорских селениях в 1782-1795 гг. численность населения возросла.

VI ревизия 1811 г. учла только мужское население. В ГААО сохранилось два дела, содержащих ревизские сказки 1811 г. Сведения, сообщаемые этими источниками, несколько различаются между собой. Так, в Пысской волости в 1811 г. проживало, по одним данным, 273 чел., по другим – 272 чел. мужского пола – на 18% меньше, чем в 1795 г. В 1795-1811 гг. сократилось население во всех селениях волости, кроме д. Политовской. В Усть-Цилемской волости в 1811 г. насчитывалось, по одним данным, 862 жителя мужского пола, по другим данным – 861, т.е. на 39% больше, чем в 1795 г.; в Великопоженском ските проживало девять человек. В Ижемской волости численность мужского населения в 1795-1811 гг. возросла на 42% и составило 1995 чел. (табл. 2).

Сказки VII ревизии 1816 г. также сохранились в ГААО в двух вариантах. Кроме того, в посемейных списках 1818 г. приводятся как данные о наличном населении, так и сведения по ревизии 1816 г. К 1816 г. население Пысской волости возросло по сравнению с 1811 г., но по-прежнему было примерно на 25% меньше, чем в 1782 и 1795 гг. – 512 человек обоего пола. На Ижме и Печоре в этот период происходили противоположные процессы. В Ижемской волости в 1811-1816 гг. население сократилось примерно на 0,6% и составило 4285 человек обоего пола. В Усть-Цилемской волости численность жителей уменьшилась приблизительно на 6% и составила 1658 душ обоего пола. В Великопоженском ските жили 14 человек (табл. 3).

В 1835 г., по данным IX ревизии, в Пысской волости проживало 280 мужчин – лишь на 2,5% больше, чем в 1816 г. В то же время в Ижемской волости

численность населения увеличилась на 63% (3245 мужчин), в Усть-Цилемской волости – на 56% (1272 души мужского пола; бывший Великопоженский скит стал к этому времени деревней в Усть-Цилемской волости) (см. табл. 2). Полные данные X ревизии по Пысской волости, к сожалению, не сохранились. Имеющиеся данные по четырем поселениям (Пыссе, Латьюге, Малопысской и Политове) свидетельствуют о приросте населения волости в 1835-1850 гг. примерно на 15%, однако число жителей в них по-прежнему оставалось несколько меньшим, чем в 1782 и 1795 гг. В Ижемской волости в 1835-1850 гг. население возросло на 43% и достигло 9539 человек обоего пола, в Усть-Цилемской волости – на 20% (1488 душ обоего пола) (табл. 4).

Таблица 2

Численность крестьянского населения мужского пола Ижмо-Печорских и Пысской волостей Мезенского уезда в 1811, 1818 и 1835 годах.

Волости, нас. пункты	1811 год	1818 год	1835 год
1. Пысская волость	273*	235	280
Пысса	98	86	103
Д. Малопысская	12	11	18
Д. Латьюжская	107**	93	103
Д. Политовская	22	18	20
Д. Патраковская	18	16	18
Д. Небская	16	11	18
2. Ижемская волость	1995	1934	3245
Ижемская слободка	333	319	542
Д. Брыкаоланская (Брыкаланск)	47	38	73
Д. Гамская	117	119	183
Д. Злобская	110	99	156
Д. Мошьюгская	64	60	104
Д. Ластинская	71	76	141
Д. Кедвавомская	25	20	36
Д. Поромовская (Поромес)	22	19	33
Д. Большепоженская	Нет	Нет	14 (в 1836 г.)
Д. Усть-Ухтинская	Нет	Нет	40 (в 1836 г.)
Д. Сизябская	378	383	604
Д. Усть-Кожвинская	36	39	66
Д. Могчинская (Мохча)	332	341	504
Д. Картаольская (Картаэль)	27	25	47
Д. Колвинская (Усть-Уса)	23	20	33
Д. Паспомская	Нет	Нет	21
Д. Красноборская	85	86	146
Д. Диюрская	31	28	43
Д. Дибожская (Большое Галово)	29	29	56
Д. Галова (Малое Галово)	19	16	33
Д. Кельчишарьюрская (Кельчиюр)	20	16	28
Д. Усть-Ижемская	25	25	52
Д. Щельяюрская	72	67	108
Д. Нерицкая	62	59	110
Д. Гарева	22	23	Не отмечена

Незаконнорожденные, новокрещенные самоеды и приписанные к Ижемской волости, но проживающие в Пустозерской и Усть-Цилемской волостях	45	27	72
3. Усть-Цилемская волость	862***	805	1272
Усть-Цилемская слободка	585****	539	802
Д. Сергеевощельская	43	36	58
Д. Уежная	102	90	116
Д. Хабариха	16	15	29
Д. Гаревая (Гарь)	35	34	93
Д. Загривочная	52	58	104
Д. Чуркина	7	8	19
Д. Кривомежная	21	25	38
Д. Верховская	Не отмеч.	Не отмеч.	7
Д. Великопоженский скит	Не входила	в волость	6
Незаконнорожденные	1	Не отмечены	Не отмечены
4. Великопоженский скит	9	Нет сведений	В Усть-Цилемской вол.

Источники: ГААО. Ф. 51, оп. 11, д. 34, 3257.

Примечания: * По другим данным, 272; ** По другим данным, 106; *** По другим данным, 861; **** По другим данным, 584.

Таблица 3

Численность крестьянского населения ижмо-печорских и пысской волостей мезенского уезда по VII ревизии (1816 год)

Волости, входящие в них нас. пункты	Мужского пола	Женского пола	Всего
1. Пысская волость	233*	279	512
В том числе:			
Пысса			190
Д. Малопысская			33
Д. Латьюжская			201
Д. Политовская			36
Д. Патраковская			25
Д. Небская			27
2. Ижемская волость	1984	2301	4285
В том числе:			
Ижемская слободка	333**	405	738
Д. Сизяибская	388***	444	832
Д. Могчская (Мохча)	355	369	724
Д. Гамская	121	127	248
Д. Злобская	102	190	292
Д. Мошьюгская	64*****	59	123
Д. Ластинская	76	83	159
Д. Картаольская (Картаэль)	26	40	66
Д. Поромовская (Поромес)	20	31	51

Д. Кедвавомская	20	25	45
Д. Красноборская	86	93	179
Д. Диюрская	31	33	64
Д. Дибожская (Большое Галово)	30	24	54
Д. Галова (Малое Галово)	17	26	43
Д. Кельчишарьюрская (Кельчиюр)	16	31	47
Д. Усть-Ижемская	25	39	64
Д. Брыкаланская	41	40	81
Д. Щельяюрская	67	87	154
Д. Колвинская (Усть-Уса)	20	17	37
Д. Нерицкая	59	54	113
Д. Гарева	23	30	53
Д. Усть-Кожвинская	39	33	72
Незаконнорожденные, новокрещенные самоеды	25	21	46
3. Усть-Цилемская волость	807	851	1658
В том числе:			
Усть-Цилемская слободка	552	582	1134
Д. Сергеевощельская	34*****	50	84
Д. Уежная	91	73	164
Д. Хабарицкая	15	16	31
Д. Гарева	34	38	72
Д. Загривочная	57*****	64	121
Д. Кривомежная	24*****	28	52
4. Великопоженский скит	8	6	14

Источники: ГААО. Ф. 51, оп. 11, д. 24, 4043, 8431.

Примечания: *По другим данным, 239; **По другим данным, 334; ***По другим данным, 389; ****По другим данным, 61; *****По другим данным, 37; *****По другим данным, 58; *****По другим данным, 25.

Таблица 4

Численность крестьянского населения ижмо-печорских и пысской волостей мезенского уезда в середине XIX века

Волости, входящие в них населенные пункты	1850 г.			1858 г.		
	Муж.	Жен.	Всего	Му ж.	Же н.	Все го
1. Пысская волость	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	376	396	772
Д. Пысская	125	106	231	141	119	260
Д. Малопысская	20	25	45	26	32	58
Д. Латьюжская	109	122	231	122	141	263
Д. Политовская	27	28	55	31	35	66
Д. Патраковская	17*	8*	Нет свед.	26	30	56
Д. Небская	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	30	39	69
2. Ижемская волость	4650	4889	9539	5506	5792	11298
Ижемское сел. о-во:	1809	1845	3654	2398	2478	4876
Д. Ижемская	631	652	1283	747	799	1546

Д. Сизябская	935	943	1878	1130	1149	2279
Д. Брыкаланская	152	162	314	192	186	378
Д. Усть-Кожвинская	91	88	179	110	105	215
Д. Ластинская	В Мохченском сел. о-ве			219	239	458
<i>Мохченское сел. о-во:</i>	<i>1736</i>	<i>1876</i>	<i>3612</i>	<i>1827</i>	<i>1959</i>	<i>3786</i>
Д. Ластинская	183	217	400	В Ижемском сел. о-ве		
Д. Мохченская	680	734	1414	809	873	1682
Д. Гамская	218	230	448	265	248	513
Д. Злобская	149	175	324	176	207	383
Д. Мошьюгская	141	121	262	175	170	345
Д. Картаольская (Картаэль)	69	79	148	72	87	159
Д. Поромовская (Поромес)	77	68	145	81	84	165
Д. Кедвавомская	80	95	175	91	114	205
Д. Усть-Колвинская (Усть-Уса)	51	55	106	68	72	140
Д. Большепоженская	17	14	31	20	16	36
Д. Усть-Ухтинская	59	76	135	70	88	158
Новокрещенные самоеды	12	12	24	Не отмечены		
<i>Красноборское сел. о-во:</i>	<i>1105</i>	<i>1168</i>	<i>2273</i>	<i>1281</i>	<i>1355</i>	<i>2636</i>
Д. Красноборская	334	355	689	390	411	801
Д. Диюрская	139	134	273	165	152	317
Д. Дибожская (Большое Галово)	81	83	164	96	103	199
Д. Галова (Малое Галово)	39	50	89	43	60	103
Д. Кельчишарьюрская	52	75	127	64	66	130
Д. Усть-Ижемская	109	97	206	126	122	248
Д. Щельяюрская	233	257	490	259	312	571
Д. Нерицкая	116	116	232	138	129	267
Приписанные к Ижемской вол.	2	1	3	Не отмечены		
З. Усть-Цилемская волость	1488	1658	3146	1731	1912	3643
С. Усть-Цилемское	975	1045	2020	1083	1158	2241
Д. Сергеевощельская	65	63	127	66	68	134
Д. Уежная	100	128	228	104	133	237
Д. Хабарицкая	30	36	66	34	46	80
Д. Гарева	111	127	238	128	138	266
Д. Загривочная	115	150	265	63	63	126
Д. Чуркина	20	17	37	28	30	58
Д. Кривомежная	49	57	106	61	69	130
Д. Великопоженская	3	8	11	5	11	16
Д. Верховская	11	17	28	25	43	68
Д. Филипповская	9	11	20	12	14	26
Д. Замежная	Не отмечена			78	103	181
Д. Степановская	Не отмечена			33	23	56
Д. Харьинская	Не отмечена			11	13	24

Источники: ГАО. Ф. 51, оп. 11, д. 23, 313, 429, 430, 431, 437, 443.

Примечания: *Данные неполные.

Наконец, по сведениям последней, X ревизии 1858 г., население Пысской волости составило 772 человека обоого пола (примерно на 16% больше, чем в 1850 г., и на 13% больше, чем в 1795 г.). В Ижемской волости численность жителей в 1850-1858 гг. возросла на 18% и составила 11298 человек, в Усть-Цилемской волости – на 16% (3643 человека). В целом с 1782 по 1858 гг. численность населения Ижемской волости увеличилась на 407% (на 9071 чел.), Усть-Цилемской волости (с Великопоженским скитом) – на 246% (на 2591 чел.), Пысской волости – на 14% (на 92 чел.). Таким образом, материалы Государственного архива Архангельской области содержат богатую информацию о численности населения северных районов Коми края во второй половине XVIII - середине XIX вв.

***

1. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII - первой половине XIX вв. М., 1963; Он же. Изменения в размещении населения России в XVIII - первой половине XIX вв. М., 1971; Он же. Народы России в XVIII в. М., 1990.
2. Жеребцов И.Л. Численность населения Коми края в XVIII в. // Крестьяне европейского севера России в дореволюционный период: экономика, демография, культура. Сыктывкар, 1995.
3. Беленкина Т.И. Население Коми края в конце XVIII - первой половине XIX вв. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII-XIX вв.). Пермь-Сыктывкар, 1985. С. 3-16
4. См.: Жеребцов И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV – начало XX века). Сыктывкар, 1993. С.19-20.
5. РГАДА. Ф. 350, оп. 2, д. 157, 2717.
6. ГААО. Ф. 1548, оп. 1., д. 9, л. 1-3.
7. ГААО. Ф. 1548, оп. 1, д. 17, л. 2об., 3об., 5об.

ИЗ ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСТЬ-СЫСОЛЬСКОМ УЕЗДЕ

Л.Д. Люосева, Национальный музей Республики Коми

Коми край занимал огромную территорию в бассейнах рек Вычегда, Печора, Мезень, Луза и их притоков. Из 215,6 тысяч человек, насчитывающихся в Коми крае в 1909 году, 115,6 тысячи проживали в 32 волостях Усть-Сысольского уезда (Очерки по истории Коми АССР, т.1, 1955. С.316). Суровый климат, плохие санитарно-гигиенические условия, отсутствие санитарно-эпидемической службы - всё это сказывалось на состоянии здоровья населения края. Медицинское обслуживание хотя и развивалось, но, учитывая огромные площади и расстояния между населенными пунктами, было далеко не достаточным. Почти ежегодно наблюдались эпидемии тех или иных болезней. Чаще это были брюшной и сыпной тиф, натуральная оспа, дизентерия, скарлатина, корь, коклюш и т.д. Если даже в охваченных эпидемией населенных пунктах и открывались временные приемные покои, они не могли охватить лечением всех больных. Довольно медленно росло число медицинских учреждений и медицинского персонала.

При учреждении земства на весь Усть-Сысольский уезд существовало только три приемных покоя с тремя фельдшерами в Визинге, Усть-Куломе и Ношуле и 10-ю оспопрививателями. Причем эти приемные покои на четыре кровати каждый были "крайне бедны бельем, одеждой, необходимой мебелью, а главное - аптечными принадлежностями и медикаментами". (Систематический сборник постановлений Усть-Сысольского земского собрания за 30 лет (1869-1898), 1899. С.55, далее - "Систематический сборник постановлений...").

На первой же сессии Усть-Сысольского уездного собрания было решено открыть, кроме указанных, еще 4 приемных покоя: в Троицко-Печорской волости,

Койгородке, Усть-Неме и Небдине (Систематический сборник постановлений, 1899. С.554). Открытие приемных покоев шло с трудом. В 1874 г. в полном объеме работали покои только в Визинге, Усть-Куломе и Ношуле, а в Койгородке и Небдине, хотя фельдшера были, не действовали "по недостатку средств и дороговизне квартир". В Троицко-Печорском и Усть-Немском приемные покои не были открыты "за несоисканием фельдшеров" (Систематический сборник постановлений, 1899. С.555). На следующий год было решено увеличить помещения приемных покоев в Визинге и Усть-Куломе до двух комнат: для мужчин и женщин отдельно; а в Ношуле до трех комнат: две для мужчин и одну для женщин. Остальные же приемные покои были закрыты, оставлены только фельдшерские пункты. К четырем имеющимся добавили еще два: в Лойме и Щугоре (Систематический сборник постановлений, 1899. С.557). Но уже решением от 21 октября 1878 года должность фельдшера в Щугоре была отменена. А в следующем году недостаток средств в земстве заставил упразднить должности участковых фельдшеров в Койгородке, Усть-Неме, Печоре, Лойме и оставить только четыре фельдшера в Ношуле, Визинге, Усть-Куломе, Небдине с жалованием 300 рублей в год. Но жизнь без всякой медицинской помощи в весьма отдаленных друг от друга населенных пунктах заставила земство в 1880 году вновь открыть фельдшерские пункты в Лойме, Койгородке и Печоре, а в Усть-Неме открыть лишь в 1892 г. (Систематический сборник постановлений, 1899. С.583-584, 587-588). Попытка содержания с 1 января 1888 года приемного покоя в Печоре (имеется в виду Троицко-Печорск - Л.Д.) закончилась его закрытием в 1891 году, а инвентарь и другие принадлежности переданы в Усть-Куломский приемный покой. С сокращением оборота Ношульской пристани в связи со строительством Вятско-Котласской железной дороги уменьшилось количество населения в с.Ношуль. Кроме того, 10 июня 1893 года был получен "Устав лечебных заведений ведомства Министерства Внутренних дел", по которому земская управа должна была доложить свои предложения земскому собранию о претворении с 1895 г. нового устава и штатах по каждому из существующих лечебных заведений. В дальнейшем обо всем доложить Губернскому правлению. По новому уставу заведование приемными покоем возлагалось на врачей, а так как в Ношульском приемном покое врачей не было, то его решено было закрыть. Помещение решено отдать под квартиру фельдшеру "если он пожелает" (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1894 г., 1895. С.563). Ранее этот дом был куплен под приемный покой у крестьянина Ношульской волости Супрядкина Ф.Я. за 210 руб. (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1890 г., 1891. С.94).

Однако по обсуждении вопроса собрание постановило "Ношульский приемный покой не закрывать, как значится в штатах, составленных земской управой, а оставить его на прежнем основании" (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1894 г., 1895. С.563-564).

В наиболее крупных селениях земство стремилось улучшить условия работы в приемных покоех. Как уже говорилось, был куплен дом в Ношуле под помещение приемного покоя. В 1882 году в Визинге было куплено новое помещение у крестьянина Еньяибского общества Попова за 500 рублей. Этот дом члены ревизионной комиссии "нашли прочным и удобным". Дом был обшит тесом и выкрашен масляной краской. Имелось в нем "четыре комнаты, где были две печи обшитые железом. Кухня построена особо. В одной связи с домом находились погреб и амбар, сарай и каретник и стояла особо баня" (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1894 г., 1895. С.27-28, Систематический сборник постановлений, 1899. С.558).

В Усть-Куломе для размещения приемного покоя "в более удобных условиях" по контракту на три года был взят дом крестьянской вдовы Турьевой Ксении Осиповны за 70 рублей в год. Дом был ветхий и не пригоден для больничного заведения, поэтому приемный покой здесь мог размещаться только временно, до постройки новых больничных зданий (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1890 г., 1891. С.96).

На основе решения земского собрания от 18 октября 1889 года Усть-Сысольский уезд был разделен на три врачебных участка. 1-й участок включал город и Богоявленскую волость, позже ему же отошли Выльгортская волость и деревни Визябожская, Додзская, Озельская, Сейтыская и Корткеросская. 2-й участок охватил волости I стана уезда (селения по р. Сыsole и Лузе - Л.Д.). 3-й участок - волости II стана уезда (Верхневычегодские и Верхнепечорские волости Усть-Сысольского уезда - Л.Д.).

С 1890 года в Визинге и Усть-Куломе приемными покоем стали заведовать врачи, "имеющие пребывание на местоживании сих заведений". В Визингу прибыл врач Серков Василий Сергеевич, в Усть-Кулом - Шмелев Вячеслав Александрович (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1890 г., 1891. С.93-97; Систематический сборник постановлений, 1899. С.572-573).

Но и "улучшенные" приемные покои были недостаточны. Понимая это, на одном из заседаний уездного земского собрания еще в 1883 г. врач Доброхотов предложил в Визинге и Усть-Куломе устроить небольшие больницы с одним врачом и двумя фельдшерами или одним фельдшером и одной акушеркой. Предложение было рассмотрено, но "оставили уездную медицину на прежнем основании с прежним составом медицинского персонала" (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1889 г., 1890. С.26; Систематический сборник постановлений, 1899. С.559). Но вскоре снова пришлось вернуться к рассмотрению этого вопроса. На очередной сессии 15 октября 1890 года постановили:

1. "Построить за счет земства здания больниц в с. Визинге и Усть-Куломе согласно представленным собранию планом и смете стоимостью на 9382 рубля 32 копейки в каждом пункте.
2. Первоначально приступить к постройке больничных корпусов и служб как-то: погреба, бани и покойницей.
3. Ассигновать на возведение вышеупомянутых построек по 5 тысяч рублей на каждый участок, всего 10 тысяч рублей, которые внести в смету расходов на будущий год.
4. Наблюдения и все распоряжения по постройке домов поручить земской управе, которая в случае необходимости имеет право приглашать членов ревизионной комиссии и других сведущих лиц" (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1890 г., 1891. С.25; Систематический сборник постановлений, 1899. С.561, 564).

Подряд на строительство Усть-Куломской больницы взял Антоновский Дмитрий Потапович за 1980 рублей. Работы начались 13 августа 1891 года, а с 12 сентября начались работы по устройству фундамента Визингской больницы, где работы вел крестьянин Сольвычегодского уезда Метлинской волости Петр Южаков (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1891 г., 1892. С. 78,79).

На следующий год подряд на строительство Визингской больницы взял крестьянин Выльгортской волости Костин Афанасий Андреевич, который в помощь пригласил крестьянина той же волости Шеболкина Степана Ивановича за 1900 рублей. Наблюдение за исполнением работ вел член уездной управы Морозов и участковый врач Серков. К октябрю месяца больничный корпус вчерне был

выстроен и покрыт крышей из ранее приготовленного теса. В стадии завершения находились надворные службы и баня (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1892 г., 1893. С.82,83). Под крышей уже в 1892 году находилась и Усть-Куломская больница. Начата была кладка печей. Надворные службы доведены до готовности. За качеством исполняемых работ следил член управы Игнатов и участковый врач Дундуков. Выяснилось, что Антоновский работы провел некачественно, с нарушением договора, за что ему был предъявлен иск на 355 рублей, а работы были отданы местному крестьянину Егору Кипрушеву (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1893 г., 1894, ч.3. С.3).

Если Визингская больница после небольших исправлений в строительных работах перешла в новое здание 14 сентября 1893 года, то Усть-Куломская смогла перейти лишь в конце года (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1894 г., 1895. Ч.3. С.21).

С 1894 г. было увеличено количество кроватей в Визингской и Усть-Куломской сельских больницах до 10, а в 1897 г. доведено до 15. В Ношульском приемном покое оставлено прежнее количество (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1897 г., 1898. Ч.1. С.24; Систематический сборник постановлений, 1898. С.563).

На своем заседании летом 1898 года Врачебный совет предложил земскому собранию выделить из 1-го Визингского врачебного участка новый с Прилузскими волостями, центром определить селение Ношульское. Из 2-го врачебного участка решено было выделить волости по реке Вычегде от Корткеросской, включая Подъельскую, с центром в Небдино (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1898 год, 1899. Ч.2. С.137,138).

Земское собрание, рассмотрев этот вопрос на очередной сессии, решило согласиться с мнением Врачебного Совета определить центрами селение Небдино, а вместо Ношуля - Объячево и пригласить на новые участки врачей.

На заседании собрания выступил управляющий Кажимским заводом В.С.Косолапов с предложением об открытии отдельного врачебного участка в Кажиме, куда можно будет присоединить "общества от деревень Палаузского общества по тракту на Кажим и Кобру до границ уезда". При этом заводу управление обязывалось дать помещение с 5-ю кроватями, а земству предлагалось содержать медицину.

Гласный М.И.Тур предложил открыть отдельный участок и пригласить врача в Печорский край, который находился "в стороне" на довольно большом расстоянии от врачебного участка в селении Усть-Кулом (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1898 г., 1899. Ч.1. С.16, 17).

Итак, по решению очередной сессии уездного земского собрания врачебные участки определились следующим образом:

1-й - Городской, включающий город Усть-Сысольск и ближайшие к нему волости: Богоявленскую, Вильгортскую, часть Корткеросской. В этом участке 6 приходов, 2647 дворов с населением 8532 жителя.

2-й - Визингский включал следующие волости: Визингскую, Межадорскую, Вотчинскую, Ыбскую, Благовещенскую, Воронцовскую, Койгородскую, Киберскую, которые содержали 14 приходов с 4508 дворами и 29034 жителями.

3-й - Объячевский с Шиловской, Уркинской, Борисовской, Ношульской и Кочергинской волостями. Состояли из 7 приходов с 2225 дворами, где проживало 14779 человек.

4-й - Небдинский, куда входили Небдинская, Богородская, Подъельская, Мординская и часть Корткеросской волостей с 10 приходами, в которых проживало 14315 человек.

5-й - Усть-Куломский с Усть-Куломской, Деревянской, Керчомской, Усть-Немской, Помоздинской волостями, включавшими 8 приходов с 3032 дворами 19301 жителя.

6-й - Печорский состоял из 3-х волостей: Печорской, Савиноборской, Щугорской, на территории которых было 6 приходов, 1275 дворов с 3929 жителями.

7-й - заводо-земский врачебный участок (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1901 г., 1902. С.149,150; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1906 г., 1907. С.241; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1898 г., 1899. Ч.2. С.137,138,171,172).

Из предполагаемых к открытию четырех новых участков к началу следующей сессии (к 1899 г.) удалось открыть только Объячевский, а в Кажиме и Печоре нет "из-за неприбытия вызванных врачей" (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1899 г., 1900. Ч.3. С.117). На что врачебный совет отреагировал следующим постановлением: "в Кажиме и Печоре открытие врачебных участков приостановить до более благоприятного времени" (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1899 г., 1900, ч.3. С.6).

Но уже в следующем году в Троицко-Печорск, т.е. Печорский врачебный участок, прибыл врач Е.Савастьянов, в Кажим - врач Кон (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1901 г., 1902. Ч.4. С.834).

При врачебных участках были или больницы: в Усть-Сысольске на 35 кроватей, в Визинге и Усть-Куломе по 15 кроватей, или лечебницы: в Кажиме, Объячеве, Небдине и Печоре по 5 кроватей.

Таким образом, в общем по уезду 1 больничная койка приходилась на 1124 человека, в городе на 243 человека, в Визингском участке на 1935 человек, в Усть-Куломском на 1286, Объячевском - на 2956, Небдинском - на 2863, Печорском - на 786 человек (Медицинский отчет по уезду за 1900г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1901г., 1902. Ч.3,4. С.1; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1902г., 1903. С.150).

Больницы получали медикаменты из городской земской аптеки. Из них больницы в специально устроенных зданиях находились в городе, Визинге, и Усть-Куломе; а лечебницы, открытые в 1899-1900 гг., - в наемных домах, кроме Кажимской, которая размещалась в заводском здании.

В наиболее неблагоприятном состоянии находились помещения Объячевской и Печорской лечебниц, как отмечалось в отчете медицинской части по уезду, они "не отвечают своему назначению по малопригодности для рационального ухода за больными". Исходя из этого, 15 сентября 1900 г. на очередном заседании уездное земское собрание ассигновало средства на заготовку строительных материалов для постройки больничных зданий в Объячеве и Троицко-Печорске.

Место под Печорскую больницу было отведено к юго-востоку от места, отмежеванного притчу Печорской церкви площадью пол-десятины по выбору строительной комиссии, о чем и был составлен акт волостным старшиной от 19 июня 1901г. В этот же год заготовлен материал, а в строительный сезон 1902г. производилась постройка здания в отведенном месте. Подряд с торгов был сдан крестьянину Богоявленской волости Дмитрию Ивановичу Камбалову за 1888 рублей 50 копеек. К концу сезона постройка почти была закончена, и стоимость материала и работы составила 5881 руб. 13 коп. (Журналы Усть-Сысольского

уездного земского собрания за 1901г., 1902. Ч.4. С.2, 151; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1903г., 1904. С.99).

В январе 1903г. Печорская больница перешла в новое здание, построенное земством, а летом были построены баня с прачечной, амбар с погребом, вырыт колодец с навесом (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1903г, 1904. С.102).

В селении Объячевском отвод места под больницу произошел по приговору схода 30 августа 1901г. у деревни Пунеговской близ озера - старого русла р.Лузы. В следующем году заготовлен материал. Торги на получение подряда на строительство Объячевской больницы состоялись 10 февраля 1903 года в Борисовском волостном правлении. Подряд получил крестьянин Вятской губернии Орловского уезда Егор Карпович Черных на 1930 руб. Строительные работы начались в мае месяце. Фундамент был построен кирпичный, сруб поставлен на мох, покрыт деревянным тесом. А в 1904 году проведены внутренние работы: кладка печей, устройство дверей и окон. 2 октября 1904г. Объячевская больница перешла в новое здание (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1901 г., 1902. С.2; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1902г., 1903. С.152; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1903г., 1904. С.100; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1905 г., 1906. С.92).

Все еще в наемном помещении находилась Небдинская лечебница. После обсуждения данного вопроса на собрании 29 сентября 1904г. заключением Врачебного Совета более целесообразным сочли построить больницу для этого участка не в Небдине, а в Подъельске "как более центральном для предполагаемого по плану больничной сети пункте и расположением в весьма здоровей местности на высоком сухом берегу реки Вычегды у соснового бора, пригодной даже для санатория" (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1904 г., 1905. С.233; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1907г, 1908. С.597).

На основании предписания Вологодского управления Земледелия и Государственных Имуществ от 11 ноября 1905 г. за № 20881 27 апреля Небдинским лесничим был отведен для постройки Подъельской больницы "участок казенной земли площадью 3 десятины 2394 кв. саженей и передан во владение земства с произрастающим на нем дровяным сосновым лесом, с уплатою в доход казны стоимости его в размере 35 рублей 80 коп. (Отчеты по врачебному Небдинскому участку за 1906 г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1907 г., 1908. С.597).

Здание больницы решено было строить каменным, одноэтажным. Техническая смета, утвержденная управой, составила 14093 рублей 07 коп. (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1907 г., 1908. С.598).

В 1906 и 1907 гг. шло производство кирпича крестьянином Айкинской волости Яренского уезда Михаилом Степановичем Лютоевым у деревни Керосской. За 1906 год изготовлено 201600 штук, а в 1907 год - 200 тысяч штук кирпичей. Параллельно шла заготовка камня для фундамента и щебня, гидравлического цемента для цоколя и черного пола, извести и т.д.

Подряд на постройку здания с платою 500 рублей за фундамент и по 4 рубля 50 копеек с тысячи складенного в стены здания кирпича взял мастер Н.Г.Кононов. В 1907 году залит фундамент. В 1908-1909 годах шла кладка здания больницы и строительство заразного барака при больнице. А осенью 1910г. исполняющий обязанности земского техника Г.Сорокин докладывал о завершении строительства Подъельской больницы, что засвидетельствовано актом ревизионной комиссии от

20 сентября 1910 г., как о приемке в целом, так и отдельных работ подрядчиков. Осенью этого же года больница из Небдино переехала в Подъельск. В Небдине оставлен приемный покой на 5 коек (Сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 13 лет (1898-1910), 1913. С.346-350; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1909 г., 1910. С.224; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1910 г., 1911. С.398 и 86 (приложение); Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1911г., 1912. С.328).

В 1909 году шла заготовка материала, а в следующем году приступили к строительству двухэтажного деревянного здания под квартиру врача на II этаже, а на 1-м этаже под квартиры двух фельдшеров. Подряд с торгов взяли крестьяне Подъельской волости братья Киршины и Исаков за 2000 рублей. Сметная стоимость составляла 11796 рублей 79 копеек. К 1913 году работы в основном были завершены, оставались внутренние работы: штукатурные и малярные, которые решено было отложить до следующего года, чтобы дать зданию осесть и время для сушки полов и потолков (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1909 г., 1910. С.22; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1911 г., 1912. С.759; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1914 г., 1916. С.35,529).

К 1911г. предполагалось закончить и строительство заразного барака при больнице, половину которого предполагалось выделить для больных сифилисом (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1910г., 1911. С.398; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1911 г., 1912. С.380; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1914 г., 1916. С.750).

Происходят дальнейшие изменения по учреждению врачебных участков. Так, на очередном уездном земском собрании 6 октября 1906 г. упразднен Печорский врачебный участок. Постановили при этом открыть здесь приемный покой на 5 кроватей с опытным и знающим фельдшером с окладом 600 рублей в год и с готовой квартирой. За врачебный надзор в трех припечорских волостях, причисленных к Усть-Куломскому врачебному участку, жалование врачу этого участка увеличено было на 300 руб. в год (Отчет за 1906 г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1907г., 1908. С.261, 262).

Еще в 1907 году по предложению представителя казны Лобурцева решено открыть врачебный участок Корткеросский с местом жительства врача в с.Корткерос, окончательное решение по этому вопросу было принято на заседании от 28 сентября 1908 г. (Отчет за 1906 г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1907г., 1908. С.267; журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1908г., 1909. С.515; Сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 13 лет (1898-1910), 1913. С.359).

На чрезвычайном заседании уездного земского собрания 2 августа 1908 г. постановили: со следующего (1909) года открыть земские больницы в с.Усть-Немском и Ыбском. В итоге уезд предположительно по проекту разделения, составленному Врачебным советом, должен состоять из восьми врачебных участков:

1-й - Городской: в него вошли г.Усть-Сысольск, Вильгортская волость и Богоявленская волость.

2-й - Корткеросский: волости Корткеросская, Мординская и Пезмогская.

3-й - Подъельский: волости Подъельская, Вишерская, Нившерская и Небдинская.

4-й - Усть-Куломский: Усть-Куломская, Деревянская, Керчомская волости.

5-й - Помоздинский (вместо названного Усть-Немского): Помоздинская, Усть-Немская, Пыелдинская, Пожегодская и весь Печорский край.

6-й - Ыбский: Благовещенская, Ыбская, Межадорская волости.

7-й - Визингский: Визингская, Вотчинская, Веронцовская, Койгородская и Киберская волости.

8-й - Объячевский: Уркинская, Шиловская, Борисовская, Ношульская, Кочергинская волости (Сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 13 лет, 1913. С.350; Отчет по медицинской части по уезду за 1907г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1908 г., 1909. С.515, 664).

Но в Помоздино и Ыбе были открыты приемные покои с комплектом на 5 кроватей, заведование возложено на фельдшеров до прибытия фельдшеро-акушеров (Отчет по медицинской части по уезду за 1908г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1909г., 1910.. С.111, 153).

И лишь 29 сентября 1910г. в своем докладе гласный Н.Мелехин поднял вопрос о необходимости открыть врачебные участки в Троицко-Печорске и Койгородке. Собрание большинством голосов утвердило заключение ревизионной комиссии и решило открыть вновь врачебный участок на Печоре, население которой было лишено врачебной помощи. С этого года и начал работу вновь открывшийся врачебный участок. И только после Печорского собирались решать вопрос об открытии такового в Койгородке (Отчет по медицинской части по уезду за 1909г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1910г., 1911. С. 23, 274).

Реорганизацию переживает Корткеросский. врачебный участок: был образован Пригородный врачебный участок, куда вошли часть волостей городского участка и Корткеросского. В него вошли восемь волостей: Вильгортская, Шошкинская, Пажгинская, Слободская, Богоявленская, Корткеросская, Позтыкеросская и Мординская с населением 22779 человек. В Корткеросе открыты приемный покой с двумя фельдшерами и 4 фельдшерских пункта в селениях Вильгорт, Пажга, Зеленец, Мордино с акушерскими пунктами. Врач жил в Усть-Сысольске и больных принимал на своей квартире, при разъездах посещал больных на дому (Отчет по Пригородному врачебному участку за 1912г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1913г., 1914. С.284, 853).

Как говорилось выше, во главе городской больницы на время создания земства находился врач, а во главе имеющихся приемных покоев - фельдшера. В 1878 г. для заведования городской больницей и пригородными волостями - Вильгортской и Богоявленской - земством была открыта должность второго врача. Двумя врачами Усть-Сысольский уезд обходился до 1889 г. Один из них - уездный правительственный - заведовал городской больницей и лечением больных пригородных волостей, другой же врач - уездный земский - заведовал всей медициной в уезде и под его наблюдением находились участковые медицинские фельдшера (Медицинская часть. Систематический сборник постановлений, 1899г.. С.569, 570). И лишь в 1890г. появляются в уезде сельские врачи на основе решения земского собрания от 18 октября 1888г., когда уезд был разделен на три врачебных участка с местом пребывания врачей в Усть-Куломе и Визинге, где они заведовали приемными покоями. Им было определено жалование в 1500 рублей в год. В Визингу прибыл врач Серков Василий Сергеевич, а в Усть-Кулом - Шмелев Вячеслав Александрович, переведенный в г.Усть-Сысольск в 1895 г. (Отчет по медицинской части по уезду за 1889г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1890г., 1891. С.93,97; Систематический сборник постановлений, 1899. С.572, 573).

К этому времени относится и создание Врачебного совета, в состав которого вошел председатель, члены Земской Управы - врачи, местный соборный протоиерей, уездный исправник и чиновник по крестьянским делам. Врачебный совет рассматривал вопросы, касающиеся медицины в уезде, и свои решения, предложения выносил на обсуждение для дальнейшего принятия решения по этим вопросам Земской Управе и уездному земскому собранию (Медицинская часть. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1889 г., 1890. С.204).

На уездном земском собрании в 1898 г. Врачебным советом было выдвинуто решение об увеличении врачебных участков и, естественно, врачей еще на 2 - в Небдино и Объячево. По предложению гласного М.И.Тура и управляющего Кажимским заводом В.С.Косолапова решено пригласить врачей в Троицко-Печорск и Кажим, которые стали центрами новых врачебных участков. Но вместо вышеуказанных четырех участков к началу сессии 1899г. удалось открыть Объячевский и Небдинский. В Объячево прибыл врач Архангельский, в Небдино - Матулайтис (Медицинская часть. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1898 г., 1899, ч.1. С.16, ч.2. С.137-138; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1899г., 1900, ч.3. С.117, 163).

И только в 1900г. в Кажим приехал врач Кон, проработавший недолго, затем его заменил Герцфельд, а в Печору - Е.Савастьянов, которые возглавили врачебные участки (Отчет по медицинской части по уезду за 1900г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1901г., 1902, ч.4. С.4, 125).

Итак, в уезде на 1900 г. было 6 врачей во главе шести земских врачебных участков и 1 во главе завоодно-земского врачебного участка.

В конце 1901г. оставил службу врач Небдинского участка Матулайтис, вместо него был переведен из Печорского участка Е.Савастьянов. Выбыл и врач из Объячевского участка, на его место был переведен врач из Кажима Герцфельд Г.С., т.к. завоодно-земский врачебный участок был упразднен. Таким образом, место в Печорском врачебном участке осталось вакантным и было таковым до апреля 1903г., когда прибыл врач И.М.Милотворский; временно замещал должность врач Усть-Куломского участка И.Попов (Отчеты по уезду за 1901г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1902г., 1903. С.154; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1903г., 1904. С.102).

В 1902г. была открыта должность санитарно-эпидемического врача; несмотря на неоднократные приглашения Управы, желающих не оказалось (Отчеты за 1903г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1904г., 1905. С.95).

С началом русско-японской войны врачи Милотворский И.М., Герцфельд Г.С. и Дзюба Н.И. были призваны на военную службу. В уезде остались врачи в Усть-Сысольске, Небдине, Усть-Куломе, соответственно: Шмелев В.А., Кедровский А.Н. и Попов И.С. После демобилизации вернулся на прежнее место работы в Визингский врачебный участок только Николай Иванович Дзюба. На вакантные должности были сделаны вызова в газетах Санитарного отделения Губернской земской управы и Пироговского общества русских врачей. На должность земского врача Печорского участка был определен Блашне-де-ла-Ром Александр Викторович, но в 1906 г. был уволен по предложению Вологодского губернатора. На вакантную должность врача Объячевского участка до прибытия нового врача назначен прибывший на должность запасно-эпидемического врача в 1907 г. Фомин Н.В. Решением от 6 октября 1906 г. снова был упразднен Печорский врачебный участок (Отчеты от 26/XI-1906г. за 1905г. по уезду; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1906г., 1907. С.242; Отчеты по уезду

за 1906г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1907г., 1908. С.263, 514).

В 1907г. с открытием нового Корткеросского врачебного участка и решением чрезвычайного земского собрания в августе 1908г. об открытии земских больниц в селениях Усть-Немском и Ыбском уезд должен был быть поделен на 8 врачебных участков. Но так как Усть-Немскую и Ыбскую больницы возглавили фельдшера, то количество мест врачей в уезде оставалось прежним; два из них были вакантны (Отчеты за 1907г.; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1908г., 1909. С.516).

Так как Н.В. Фомин, принятый на должность временно эпидемиологом, исполнял обязанности участкового врача Объячевского участка, то на должность эпидемиолога временно был принят С.Н. Старченко. Но т.к. Фомин оставил службу в Усть-Сысольском уезде, то Старченко с 1 октября 1909г. заменил его, но в конце марта 1910г. оставил службу. Так же обстояли дела и в Корткеросском врачебном участке: в 1909г. была принята первая женщина-врач Е.В. Бельская, которая тоже на задержалась здесь долго, оставив участок в 1910г. Ее заменил А.С. Ключарев, но с августа и он оставил службу.

Удаленность Печорских селений, население которых лишено было врачебной помощи, заставило земство вновь открыть здесь врачебный участок. 17 января 1911г. врачом сюда определен А.А. Марутин, а с 1 сентября - Д.И. Розанов, который прибыл на службу в апреле 1911г. и некоторое время работал в Объячеве (Отчеты за 1908г. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1909г., 1910. С.153; Отчеты за 1909г. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1910г., 1911. С.276; Отчеты за 1910г. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1911г., 1912. С.262).

В 1912 году на новый врачебный участок Пригородный, который был создан в результате реорганизации Корткеросского и городского врачебных участков, прибыл врач Н.Бронников, который после окончания университета 7,5 лет работал в с.Усть-Вымь Яренского уезда. В новом Койгородском врачебном участке в 1913 году врача еще не было, и временно исполнял его обязанности врач Пригородного участка Н.Бронников. В этот же год в Объячевском врачебном участке появился врач П.И. Гаврилов (Отчет за 1912г. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1913г., 1914. С.853; Отчеты за 1913 г. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1914г., 1916. С.620, 656).

Итак, на 1914г. в уезде работали 7 земских врачей: В.А. Шмелев, Н.И.Дзюба, И.С. Попов, А.Н. Кедровский, Д.И. Розанов, П.И. Гаврилов и Н.А. Бронников. Хотя часто бывало, что в уезде работали по 5-6 врачей и им приходилось заменять уехавших с мест службы или на повышение квалификации коллег или исполнять обязанности врачей во вновь открытых участках до прибытия назначенных на этот участок врачей.

Жалование врачей с годами не изменялось. Так, в 1875 г. городскому врачу назначено было жалование 1200 руб. в год, квартирные – 300 руб., всего - 1500 руб. В 1889 г. врачам Визингского и Усть-Куломского участков оклад определен в размере по 1500 руб. в год. Не изменилось жалование и в 1907 г., когда ставился вопрос об открытии Корткеросского врачебного участка, заработная плата была также определена в размере 1500 руб. в год. И только врачу Печорского врачебного участка в 1910 г. было определено жалование в 2200 руб. в год, т.к. на этом участке врачи не задерживались не только из-за отдаленности участка, но и потому, что большую часть населения составляли старообрядцы (Систематический сборник постановлений, 1899. С.543, 672; Отчеты отделений Усть-Сысольского уезда на три врачебных участка. Журналы Усть-Сысольского

уездного земского собрания за 1889г., 1890. С.76; Сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 13 лет, 1913. С.361; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1907г., 1908. С.37).

Важным событием стало решение земского собрания 22 октября 1898г. о прибавке жалования за выслугу лет врачам, фельдшерам, т.е. через 8 лет работы прибавка составляла 60 руб., через 6 лет - еще 60 рублей, и еще через 6 лет - 60 рублей. Получалось, что за 20 лет службы добавка составляла 180 руб., и это была пределом. Это становилось возможным лишь при условии добросовестного отношения к работе, засвидетельствованного Врачебным советом (Сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 13 лет, 1913. С.365; Отчет по уезду за 1912г. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1913г., 1914. С.853).

Несмотря на сложности в работе, отдаленность края от центральных городов России, некоторые врачи надолго связали свою жизнь с этим краем. Так, коллежский советник Михаил Иванович Тур был назначен заведующим больницей в г. Усть-Сысольске в 1883 г. и с тех пор навсегда связал свою жизнь с городом. Кроме работы заведующим больницей, он был и в должности правительственного врача, и уездного, а с 1885 г. бесплатным врачом в женской прогимназии. За свои труды награжден орденом Станислава 3-й степени. В 1903 г. он скончался в Усть-Сысольске (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1890г., 1891. С.62; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1889г., 1890. С.176, Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1903г., 1904. С.5).

С 1890 г. в Усть-Сысольском земстве работал Вячеслав Александрович Шмелев. О нем член Земской Управы С.П.Конов говорил на сессии в сентябре 1911г.: "Как глазной врач обслуживает весь уезд, откуда к нему приходят все лишившиеся зрения и большая часть их возвращаются зрячими". С представления представителя казны Лобурцева было принято решение земского собрания: выразить земскому врачу В.А.Шмелеву благодарность за труд и полезную службу в пользу края с пожеланием видеть его еще много лет своим земским врачом и повесить его увеличенный портрет в золотой багетной раме в приемной городской больницы с надписью: "От благодарного и умеющего ценить заслуги Усть-Сысольского земства". О его безупречной работе было сообщено Вологодскому губернскому врачебному инспектору (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1906г., 1907. С.41; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1908 г., 1909. С.299; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1911г., 1912. С.12, 147).

Более 15-ти лет проработали в земстве сельские врачи Николай Иванович Дзюба и Ипполит Степанович Попов. Первый - в Визингском врачебном участке, второй - в Усть-Куломском врачебном участке. Заслушав доклады на сессии о работе этих врачей, было решено: "возбудить установленным порядком о всемилостивейшем награждении врачей Попова и Дзюбы орденами за долговременную и полезную службу в уездном земстве" (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1911г., 1912. С.13).

Наряду с врачами, большую роль в медицинском обслуживании сыграли фельдшера, акушерки и оспопрививатели. На момент передачи всего медицинского дела в руки земства было 3 фельдшера и 10 оспопрививателей. На первой же сессии количество фельдшеров было решено увеличить на 4, на следующий год еще на 2 единицы, но не на все места находили специалистов. Поэтому не все фельдшерские места были заняты, и в 1879г. фактически работали 4 фельдшера. С 1880г. снова начинается рост количества фельдшеров. В 1889г. их

насчитывалось уже более десяти, а в 1895г. - 15 фельдшеров, в 1900 - 18, 1901 - 20, а в 1905г. было принято решение об открытии фельдшерских пунктов во всех волостях. Этот вопрос был заслушан на заседании Врачебного совета 27 сентября, где и предложен список очередности открытия дополнительных фельдшерских участков, после чего бы каждая волость стала иметь фельдшера. Открывать решено в следующем порядке: 1. в с.Вочевском Керчомской волости; 2. в с.Межадор Межадорской волости; 3. в с.Летка Кочергинской волости; 4. в с.Локчим Мординской волости; 5. в с.Зеленец Богоявленской волости; 6. в с.Кибра Киберской волости; 7. в с.Деревянск Деревянской волости; 8. в с.Керчомском Керчомской волости; 9. в с.Вильгорт Вильгортской волости (Систематический сборник постановлений, 1899. С.551,554,583,588; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1895 г., 1896, ч.3. С.6; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1906г., 1907. С.243).

Вопрос об учреждении двух акушерских должностей рассматривался на собрании Земства 21 октября 1878 г., но был отклонен. В 1879 г. этот вопрос был снова поднят, и вопрос ставился так: "О необходимости иметь в уезде если не акушерок, то хотя бы подготовленных повитух". Дано было задание разработать проект подготовки повитух, который и был представлен на следующий год. Предполагалось обучать их при городской больнице под руководством городского врача в течение 2-х лет, после испытания по усмотрению Управы и выбора мест направить в уезд. Но собрание решило по-другому: посчитало возможным отправить двух девиц, не моложе 16 лет, из зырян, в Вологодское училище повивальных бабок, по окончании которого они должны будут отработать земству не менее трех лет (Систематический сборник постановлений, 1899. С.583). Уже в 1883г. были назначены акушерка в Визингу и повитуха в Усть-Кулом, а в 1885г. должность повитухи была упразднена, и вместо нее в 1888г. учреждена должность акушерки-фельдшерицы. Но коль скоро такого специалиста не нашли, то учредили должность акушерки, а в 1890г. было решено отправить акушерок еще в Ношуль и Небдино (Систематический сборник постановлений, 1899. С.585, 586).

В 1894г. учреждены должности повитух в с.Ыб, Койгородке, Небдино и Троицко-Печорске с жалованием 180 руб. в год (Систематический сборник постановлений, 1899. С.590).

1898 год представлен был 3-мя акушерками-фельдшерицами и 7-ю повивальными бабками (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1898г., 1899, ч.2. С.215). Было решено, что фельдшера и акушерки должны быть в каждой волости (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1906г., 1907. С.30). Жалование фельдшерам и акушеркам было почти одинаковое: около 420 руб. и 36 руб. квартирных. Но решением сессии в 1910г. квартирные акушеркам увеличили в городе до 120 руб., а в уезде - до 60 руб. в год. Выше оклад был дан и фельдшеру в Печорском участке - 540 руб. в год (Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1902г., 1903. С.15; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1909г., 1910. С.21; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1910г., 1911. С.23,24,399).

Имевшиеся при передаче земству всей медицинской части 10 оспопрививателей "не имели никакого образования и по своему развитию и знаниям ничем не отличались от крестьян". Поэтому на первой же сессии было решено их заменить на двух фельдшеров с жалованием 180 руб. в год каждой. (Систематический сборник постановлений, 1899. С.591, 592). Однако это решение оказалось невыполнимо, т.к. уезд очень большой и двум фельдшерам охватить прививками всех детей было не под силу. Уже в следующем году уезд был разделен на 22 оспопрививательных участка с 16-ю оспопрививателями с

жалованием по 30 руб. в год каждому, а чтобы увеличить жалование решили сократить число оспопрививателей наполовину (Систематический сборник постановлений, 1899. С.593).

К 1877 г. число оспопрививателей составило 14. И так было до 1888 года, когда снова был поднят вопрос о необходимости замены их на фельдшеров в Пажге, Небдине и Помоздине с жалованием 300 рублей в год плюс 36 рублей квартирных. Но так как работа по оспопрививанию отвлекала фельдшеров от основной работы, то в 1890г. снова были введены должности оспопрививателей по 2 человека на врачебный участок с жалованием по 120 рублей в год. В 1900г. добавили еще одну должность, а в следующем еще одну. С открытием фельдшерских пунктов во всех волостях необходимость в оспопрививателях отпала, так как их работу распределили между фельдшерами и акушерками (Систематический сборник постановлений, 1899. С.600; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1901г., 1902, ч.4. С.4; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1902г., 1903. С.154; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1907г., 1908. С.264).

На фельдшеров, акушеров и оспопрививателей распространялось решение от 22 октября 1898г. и 1902г. о прибавке жалования за выслугу лет (Сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 13 лет, 1913. С.362, 366). В 1900г. прибавку получили по 60 руб. фельдшера Суханов и Козлов, а в 1902г. первый оспопрививатель Никодим Попов (Сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 13 лет, 1913. С.365). Многие работали по несколько десятилетий: еще в 1878г. по предложению М.И.Тура за 58-летнюю службу оспопрививателем в г.Усть-Сысольске был награжден Е.М.Сорвачев, золотой медали удостоена в 1910 г. "за долговременную и полезную службу в земстве" фельдшерица-акушерка А.Н. Попова из Усть-Кулома (Систематический сборник постановлений, 1899. С.650; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1911г., 1912. С.13).

Многие награждались денежными суммами: фельдшер Дурицкий из Усть-Сысольска, Холковских из Шиловского фельдшерского пункта и др. Фельдшер С.Я.Попов из Корткероса был отмечен в 1905 г. за 37-летний фельдшерский стаж денежным награждением, а в постановлении уездного земского собрания от 31 октября 1914 г. указывалось о представлении его к званию потомственного гражданина и награждению денежной премией в 100 рублей (Систематический сборник постановлений, 1899. С.650; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1887г.,1888. С.250; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1905 г., 1906. С.182; Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1913г, 1914. С.97, 805).

***

1. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т.1. С.316.
2. Войровская С.В. Из истории Усть-Сысольской земской больницы // Сборник тезисов I городской конференции по историческому краеведению "Это нашей истории строки". Сыктывкар, 1990.
3. Рогачев М.Б., Цой А.И. Усть-Сысольск, страницы истории. Сыктывкар, 1989.
4. Систематический сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 30 лет (1869-1898). Вологда, 1899.
5. Сборник постановлений Усть-Сысольского уездного земского собрания за 13 лет (1898-1910). Усть-Сысольск, 1913.
6. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1885 г. Вологда, 1886.
7. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1886 г. Вологда, 1887.
8. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1888 г. Вологда, 1888.
9. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1888 г. Вологда, 1889.
10. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1889 г. Вологда, 1890.
11. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1890 г. Вологда, 1891.
12. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1892 г. Вологда, 1893.
13. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1893 г. Вологда, 1894.

14. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1894 г. Вологда, 1895.
15. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1895 г. Вологда, 1896.
16. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1896 г. Вологда, 1897.
17. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1897 г. Вологда, 1898.
18. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1898 г. Вологда, 1899.
19. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1899 г. Вологда, 1900.
20. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1900 г. Вологда, 1901.
21. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1901 г. Вологда, 1902.
22. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1902 г. Вологда, 1903.
23. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1903 г. Вологда, 1904.
24. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1904 г. Вологда, 1905.
25. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1905 г. Вологда, 1906.
26. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1906 г. Вологда, 1907.
27. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1907 г. Усть-Сысольск, 1908.
28. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1908 г. Усть-Сысольск, 1909.
29. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1909 г. Усть-Сысольск, 1910.
30. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1910 г. Усть-Сысольск, 1911.
31. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1911 г. Усть-Сысольск, 1912.
32. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1913 г. Усть-Сысольск., 1914.
33. Журналы Усть-Сысольского уездного земского собрания за 1914 г. Усть-Сысольск, 1915.

Фото 1. Н.И.Дзюба,
врач Визингского участка.

Фото 2. Н.А.Бронников,
врач Пригородного врачебного участка.

Фото 3. Здание Усть-Сысольской городской больницы.

ТАЙНА "МОРТУСОВ" (ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ТЕРРОРИЗМА)

Г.И. Тираспольский, Коми государственный педагогический институт

В наши дни, когда терроризм стал едва ли не обыденным явлением общественной жизни, а значит, и культуры в целом, поучительно заглянуть в прошлое терроризма, разглядеть те зловещие зачатки, из которых развился нынешний кровавый монстр.

В России, как и в большинстве стран мира, насилие нередко служило испытанным средством устрашения и ликвидации политических противников. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить низложение Петра III в 1762 г., дело В.Я.Мировича 1764 г., убийство группой заговорщиков Павла I в 1801 г. и ряд подобных событий отечественной истории. Однако первым российским террористическим актом в его классической форме стало, пожалуй, покушение на императора Александра II.

Совершил этот теракт 4 апреля 1866 г. в Петербурге двадцатилетний студент Московского университета Дмитрий Каракозов. Когда Александр II после прогулки вышел из калитки Летнего сада и остановился возле своего конного экипажа, Каракозов, стоявший в толпе зевак, выстрелил в императора из пистолета, промахнулся, бросился наутек, вскоре был схвачен и разоружен.

Закрытый суд над террористом и его сообщниками велся с 10 августа по 1 октября 1866 г. в помещении Петропавловской крепости. Каракозова приговорили к смертной казни через повешение, большинство его поделельников были отправлены на каторгу и в ссылку. Многим из них император смягчил меру наказания. В двухтомнике "Покушение Каракозова" (т.1: М., 1928; т.2: М.-Л., 1930), ставшем библиографической редкостью, содержатся документальные материалы, на основании которых можно составить социально-психологический портрет первых российских террористов, воссоздать особенности той среды, в которой созрел террористический заговор, выявить приемы подготовки и осуществления террористического акта (далее цитаты из указанного двухтомника приводятся без ссылок на него).

В историческом сознании современников Каракозов запечатлелся как фигура сумрачно-трагическая, своенравная и одинокая. Его угрюмый индивидуализм упоминается во многих показаниях подсудимых по каракозовскому делу. Так, подсудимый В.Н.Шаганов сообщал: "Вообще я могу сказать о Каракозове, что он был по большей части человек молчаливый, не высказывавший своих мнений, и я вообще не замечал его...". Вторит ему подсудимый П.Д.Ермолов: "Определенного ничего Каракозов не выражал - он больше молчал...". В ходе же предварительного следствия Ермолов дал впечатляющие показания, согласно которым замкнутость Каракозова принимала порой патологические формы: Ермолов якобы слышал от Н.А.Ишутина, двоюродного брата Каракозова, что тот после исключения его из Казанского университета почти год пролежал на одном месте, не проронив ни слова.

Сам Каракозов на суде главным мотивом покушения на цареубийство упорно называл свое расстроенное здоровье. "Факт преступления я признаю, признаю также, что болезненное мое состояние было первой причиной, побудившей меня совершить покушение", - утверждал он. Крупный деятель российского подпольного движения И.А.Худяков, правдивость мемуаров которого, несмотря на конспиративные недомолвки, общепризнанна, рисует поведение Каракозова как

далеко не типичное: "Однажды в Москве он [Каракозов] шел вечером по улице и наткнулся на будочника, с ожесточением колотившего извозчика. Без всяких предварительных увещаний Каракозов немедленно ухватил будочника за шиворот, поднял его на воздух, потряс несколько раз и бросил в сторону со словами: "Всех бы вас перевешать!" Через нескольких минут после подобных порывов волнуемая страсть улеглась, и он, согнувшись, шел, сидел или лежал неподвижно, думая какую-то думу" (Худяков И. А. 1930. С.111).

Многие из привлеченных по делу Каракозова без обиняков называли его сумасшедшим. Так, О.А.Мотков, один из прежних ближайших соратников лидера московской подпольной группы Н.А.Ишутина, показывал: "По общему мнению, Каракозов был человек сумасшедший, и всем было известно, что Каракозов, бывший в больнице, просил яду у своих товарищей, и, кроме того, Иванов Александр говорил мне, что в больнице он [Каракозов] вел мемуары сумасшедшего".

Эти и подобные свидетельства рисуют Каракозова если не психопатической личностью, то, похоже, лицом, которое страдало маниакально-депрессивным психозом - заболеванием, протекающим в форме приступов понижения или повышения настроения (при этом названные фазы обычно разделены периодами полного здоровья).

С 11 ноября 1865 г. по 13 января 1866 г. Каракозов лежал в терапевтическом отделении факультетской клиники Московского университета. Его болезнь была определена как желудочно-кишечный катар, соединенный с общим истощением в умеренной степени. Во время пребывания в клинике Каракозов, кроме того, подвергся приступу возвратного тифа.

Можно думать, что заболевание, уложившее Каракозова на больничную койку за несколько месяцев до покушения, в какой-то степени ухудшило его неуравновешенное психическое состояние.

На это недомогание, по-видимому, наслоилося если не пристрастие, то нередкая для тогдашнего студенческого круга склонность к употреблению спиртных напитков. Описывая свое поведение накануне 4-го апреля, Каракозов показывал следствию: "День и ночь, предшествующие совершению преступления, я провел в Знаменской гостинице и оттуда отлучался только для того, чтобы выпить водки. Водка была в этом случае средством отвлечь свои мысли от мыслей о смерти, которые постоянно бродили в моей голове".

Примечательно, что Казанский университет, в котором Каракозов учился в 1861 г., характеризовался в 40-50-х годах XIX в. как "пьяный", питейные традиции которого не были изжиты и в 1860-х годах.

Сказанное не означает, что покушение на Александра 11 Каракозов совершил в состоянии помрачения рассудка или под влиянием неумеренного винопития. Факты свидетельствуют о том, что выстрел в императора был произведен Каракозовым вполне осознанно, а подготовка к покушению велась им и его единомышленниками по обдуманному, детально разработанному плану. Вместе с тем очень вероятно, что маниакально-депрессивный психоз, которым страдал Каракозов, обусловил некоторые необычные особенности его поведения до 4-го апреля и в момент покушения, а также ряд обстоятельств, оставшихся нераскрытыми или неверно истолкованными в ходе следствия и судебного процесса.

Чтобы разобраться в этом, вернемся к событиям, предшествовавшим покушению.

На основе пензенского землячества студентов Московского университета в 1863 г. возникло тайное общество революционеров, возглавляемое

Н.А.Ишутиным. На первых порах в ишутинский кружок входили Д.А.Юрасов, М.Н.Загибалов, П.А.Федосеев и В.С.Карачаров. Несколько позднее в него влились П.Д.Ермолов, Н.П.Странден и другие, затем Каракозов. После того как в основном завершилось организационное оформление кружка и выработка его программы, кружок принял облик двухступенчатой структуры. Основу тайного общества составляла "Организация". В ее задачи входили консолидация и укрепление революционных сил, вербовка новых кадров подполья и некоторые другие. Над "Организацией" возвышался так называемый "Ад", объединявший узкий круг наиболее доверенных подпольщиков, которые были уполномочены применять методы террора к представителям власти, лицам, препятствующим деятельности "Организации", а также к провинившимся подпольщикам.

После установления москвичами тесных контактов с петербургской революционной группой И.А.Худякова была принята в качестве программной идея царевубийства как одного из действенных средств побуждения трудовых масс к революционному выступлению.

Так как покушение на императора - непростая задача, поручить ее решение можно было лишь очень узкому кругу специально подобранных лиц. "Организация" ввиду ее широкого характера для этого не годилась. Не справился бы с ее решением и сравнительно громоздкий "Ад", в состав которого, по приблизительным подсчетам, входило не менее девяти человек. Среди членов "Ада", кроме того, в 1866 г. возникли острые разногласия, едва не приведшие к взаимному истреблению. В одну из фракций "Ада" входили наиболее решительно настроенные подпольщики: Ишутин, Каракозов, Ермолов, Загибалов, Странден. Именно они взяли на себя подготовку и осуществление террористического акта против царя.

Представление о программе действий этой группы дают показания К.Ф.Кичина, который не входил в ядро организации Ишутина и своими откровенными признаниями стремился в предельной степени добиться смягчения приговора. О планах боевиков Кичину и другим непосвященным подпольщикам стало известно потому, что их лидер, Ишутин, отличался крайней невоздержанностью на язык и постоянно нарушал правила конспирации. На судебном процессе Кичин рассказывал: "Ад" есть общество, которое должно было посредством систематических царевубийств достигнуть социальной революции; для того чтобы вернее достигнуть этой цели, члены "Ада" должны были вести известную частную жизнь. Тот, который должен покуситься на царевубийство, назначается по жребию или по желанию, хорошенько не помню; но только для этого назначалось как-то двое; если один сделает промах, то другой должен стрелять..."

Из этих показаний следует, что в группу царевубийц (в дальнейшем будем называть их боевиками) входили по меньшей мере двое: главный боевик и боевик-дублер. Это же подтверждает Мотков: "...я рассказывал о порядке, каким образом предполагалось совершить преступление. Для этого идут двое, один за другим; если один сделает промах, то другой стреляет; даже если первый сделает промах, то второй убивает его".

О том, что цитированные показания правдивы, убедительно свидетельствует уникальный документ, полный текст которого впервые был опубликован В.Г.Базановым (Базанов В.Г. 1962, № 4). Этот документ представляет собой конспект разговоров, которые в 1867-1868 гг. вел с Худяковым, находившимся в якутской ссылке, приставленный к нему III Отделением столоначальник канцелярии восточно-сибирского генерал-губернатора А.Трофимов, выдававший себя за преследуемого поляка Трохимовича. Отзываясь о покушении Каракозова и

о том, что его в момент выстрела толкнули под руку, Худяков заявил: "Все это можно бы было устроить лучше; можно было **сходить двоим, троим, у одного** подтолкнули, **другой** бы выстрелил [выделено мной - Г.Т.]".

Мы еще вернемся к этому ценному документу; пока же остановимся на вопросе о том, кто из состава членов "Ада", кроме Каракозова, мог входить в группу боевиков.

В ходе предварительного расследования и судебного разбирательства неоднократно всплывало упоминание о неких "мортусах". Большинство подсудимых на вопросы "Что такое мортус?", "Кого называли мортусами?" отвечали либо уклончиво, либо малосодержательно. Лишь в одном случае прозвучал ясный и недвусмысленный ответ: "Мортус - это такой человек, который взял на себя обязанность убивать царей" (наименование мортус этимологически восходит к латинскому причастию *mortuus* - "умерший, мертвый"). Такое показание мог дать лишь тот, кто был надежно осведомлен о группе боевиков и, возможно, сам входил в нее. Дал это показание уже не раз упоминавшийся П.Д.Ермолов.

Его признание не было случайным. Изучение документов и обстоятельств дела дает основание полагать, что, наряду с главным "мортусом", Каракозовым, в группу боевиков входил и его дублер - Ермолов, а запасным дублером был Н.П.Странден. Подтверждается это многочисленными фактами.

Прежде всего, после вступления Каракозова и Ермолова в революционный кружок их связывали с Ишутиным весьма доверительные отношения.

Этому способствовали узы родства между Ишутиным и Каракозовым, а также проживание Ишутина, Каракозова, Ермолова и Страндена на одной квартире. Согласно свидетельским показаниям, Ишутин, Ермолов и Странден усиленно распространяли среди подпольщиков идею покушения на императора. Так, на вопрос члена суда принца Ольденбургского "Кто высказывал сочувствие плану цареубийства?" многознающий Мотков без запинки отчеканил: "Высказывал Ишутин, Ермолов и Странден". Второстепенный ишутинец Ф.А.Борисов показывал: "Он [Странден] был один из основателей этого общества. Об нем я могу сказать то же, что и об Ермолове. Я познакомился с ним, как и с Ермоловым, в одно и то же время, так как они жили вместе". Ишутин, который, конечно же, стремился отвести от себя и от своих ближайших сообщников опасные подозрения в подготовке цареубийства, невольно проговариваясь, характеризует их как своих верных подручных: "... мое участие в "Организации" было следующего рода: я образован школу, где я, Каракозов и Ермолов занимались как черною работою, так и были учителями...", "... ничего не было решено о том, чтобы непременно совершить цареубийство; я это совершенно искренне говорю. Я сказал по этому поводу несколько своих мыслей Ермолову и некоторым другим..."

Словоохотливый Мотков в своих показаниях, повторяющих во многих подробностях свидетельства Кичина, дал понять, что Ермолов, который, согласно Моткову, служил послушным рупором Ишутина, и его единомышленник Странден были не только деятельными пропагандистами идеи цареубийства, но и соавторами подробного плана покушения на царя: "На замечание мое и Юрасова, что план "Ада", кроме того что преступен, но и неисполним, Ермолов, а также Странден сообщили подробности относительно исполнимости плана. Они говорили, что те, которые бы составляли общество "Ад", должны были бросить все связи свои, стараться жить совершенно отдельно от своих прежних товарищей, от всех кружков революционных, даже не дорожить своею репутациею, стараться нарочно очерниться для того, чтобы после того, как кто-нибудь из членов

решился бы на что-нибудь резкое, то не могли бы сказать, что этот человек принадлежит к кружку, с которым он имел связь в начале своей жизни...”

Анализ драматических событий, разыгравшихся накануне и в день покушения Каракозова, свидетельствует о большой вероятности непосредственного соучастия Ермолова в террористической акции 4 апреля 1866 г. Согласно показаниям Д.Л.Иванова и Ермолова, в начале 1866 г. Каракозов, который, по свидетельству Ермолова, сам вызвался совершить цареубийство, приобрел пистолет, порох и пули и внезапно покинул Москву. В двадцатых числах февраля Каракозов приехал в Петербург и не позднее 26 февраля, не имея рекомендательного письма, явился к Худякову. По свидетельству последнего, этот визит был для него полной неожиданностью и поначалу вызвал подозрения в возможной провокации. Побеседовав с Каракозовым, Худяков на следующий день спешно выехал в Москву, где имел встречу с ишутинцами. По-видимому, Каракозов сообщал Худякову о своем намерении совершить цареубийство, а тот, пораженный этим импульсивным и не согласованным с петербургскими подпольщиками решением, решил срочно известить о неожиданно возникших обстоятельствах своих московских сообщников и выработать план совместных действий. В Петербурге Каракозов познакомился и с другими лицами, от которых ему стало известно о существовании так называемой конституционной (иначе - константиновской, от имени великого князя Константина Николаевича) партии, состоявшей из высших придворных. Эта партия якобы ставила задачу произвести политический переворот и поэтому была заинтересована в цареубийстве (Виленская Э.С. 1965. С.360, 411, 435-462). Названное обстоятельство еще более укрепило Каракозова в его намерении совершить теракт.

В конце февраля или начале марта Ермолов и Странден (снова те же доверенные лица!) срочно выехали в Петербург с поручением разыскать Каракозова, воспрепятствовать выполнению задуманной им акции и вернуть строптивца в Москву. Первую скрипку в этом дуэте посланников играл, несомненно, Ермолов. Странден не мог принимать активного участия в предполагаемом цареубийстве, так как в октябре 1865 г. он получил ответственное задание возглавить операцию по осуществлению побега Чернышевского с сибирской каторги (Виленская Э.С. 1965. С.357).

Согласно свидетельским показаниям, Ермолов и Странден приехали в северную столицу, не зная петербургского адреса Каракозова, в течение двух или трех дней безуспешно разыскивали его по городу и встретили совершенно случайно. Принимая во внимание, что целью поездки Ермолова и Страндена было немедленное предотвращение задуманного Каракозовым теракта, мы должны признать упомянутые свидетельские показания сомнительными. Если бы ишутинские посланники не имели петербургского адреса непокорного боевика, они были бы обречены на неопределенно долгие поиски Каракозова, рискуя упустить его именно в тот момент, когда он приступил бы к осуществлению своего замысла.

Не позднее 12 марта Ермолов и Странден, взяв с Каракозова слово временно отказаться от нападения на императора, вернулись в Москву. Каракозов пообещал выехать вслед за ними, однако задержался в Петербурге до 25 марта.

Если сопоставить дату приезда в Петербург ишутинских посланников - конец февраля или начало марта - и указанную дату их возвращения в Москву, можно заметить, что находились Ермолов и Странден в северной столице не менее недели. Согласно свидетельским показаниям, ишутинские посыльные все это время только и делали, что разыскивали Каракозова и, найдя его, горячо убеждали отказаться от цареубийства. Чтобы понять, что в те дни Ермолов и

Странден на самом деле занимались не только поисками и уговорами, необходимо привести следующую выдержку из показаний Страндена: "Приехавши в Петербург, мы... стали ходить около таких мест и около дворца". Странден подразумевает места Петербурга, где имел обыкновение прогуливаться император, по пятам которого, крадучись, мог следовать Каракозов с намерением напасть на Александра II. Ни Ермолов, ни Странден никогда постоянно не проживали в Петербурге и, следовательно, не могли быть более или менее регулярными свидетелями императорских прогулок по городу. Значит, их длительные перемещения по центральным улицам и площадям северной столицы преследовали только одну цель - изучить маршрут прогулок Александра II, чтобы выбрать наиболее подходящее место и время для будущего террористического акта.

Как уже упоминалось, Странден должен был возглавить операцию по освобождению Чернышевского, ввиду чего участие его в будущем цареубийстве могло рассматриваться лишь как запасной вариант. Вот почему длительное пребывание Страндена в Петербурге после обсуждения с худяковцами указанной операции утрачивало смысл. Существуют сведения о том, что Странден и Ермолов вернулись в Москву порознь, причем второй вернулся позднее.

С этим как будто расходится свидетельство мастерового Монетного двора А.А.Голубцова о том, что Каракозов, приехав в Петербург, "писал письмо" Ермолову. Однако это свидетельство не только не противоречит высказанным здесь предположениям, но, напротив, подкрепляет их. Демонстративное написание Каракозовым письма Ермолову в присутствии Голубцова было предпринято с целью внушить бдительному мастеровому мысль о том, что боевик-дублер якобы находится вне Петербурга.

По возвращении Каракозова в Москву вопрос об отношении подпольщиков и конституционной партии к цареубийству стал предметом оживленной дискуссии. Каракозов был твердо убежден в необходимости безотлагательно совершить убийство императора, чтобы перехватить у сановных заговорщиков политическую инициативу. Сумел ли он убедить в этом Ермолова и Страндена или хотя бы первого из них? Полностью исключить этого нельзя.

На сей раз Каракозов не отступил от задуманного. Прибыв в Петербург в среду вечером, 30 марта, он, как явствует из материалов следствия, "...в субботу ходил в оружейный магазин Вишневого за пистолетом и пулями, но пистолета у него не купил, а купил на рынке и к этому пистолету прибрал пули у Вишневого..., потом ходил за порохом в лабораторию на Выборгскую сторону... и, возвратившись в гостиницу, зарядил пистолет; в воскресенье он пробыл целый день в гостинице и никого из знакомых не видал, а в понедельник, около четырех часов пополудни, совершил покушение на жизнь государя императора..."

В цитированной части обвинительного заключения содержится упоминание о покупке Каракозовым на петербургском рынке пистолета во время его второй отлучки из Москвы. Между тем в тексте того же заключения несколькими строками выше, где речь идет о первой поездке Каракозова в Петербург, указано, что Каракозов "приобрел пистолет, порох и пули... [и] внезапно скрылся из Москвы...". Получается, что Каракозов купил два пистолета, один из которых, двустольный, приобретенный в Москве, был изъят у него после покушения. Дважды добывал Каракозов и боеприпасы: один раз в Москве, второй - в Петербурге.

Куда же девались другой пистолет и комплект боеприпасов, добытые Каракозовым в Петербурге накануне террористического нападения, и для кого они предназначались?

Есть основания считать, что они были переданы Ермолову, который по конспиративным соображениям делал все возможное, чтобы создать у членов "Организации" впечатление о своей полной непричастности ко второй попытке цареубийства (необходимость законспирированности Ермолова, несомненно, диктовалась и тем соображением, что его пензенское имение было в то время единственно надежным источником финансирования ишутинцев). Каракозов, за которым в глазах членов "Организации" уже закрепилась репутация нестигаемого "мортуса", мог совершать приготовления к террористической акции достаточно открыто. Понятно, что вторую поездку в Петербург вместе с Каракозовым или вслед за ним Ермолов должен был осуществить тайно. Это ему вполне удалось. В маскировочных целях накануне отъезда двух "мортусов" в Петербург на сходке московских подпольщиков была распространена дезинформация о якобы готовящейся поездке Каракозова и Ермолова по российской провинции. Как показывал А.И.Иванов, "На этой сходке Ермолов заявил, что они хотели ехать в [пензенское] имение, чтобы продать его..."

Не противоречит ли оценка тогдашнего труднопредсказуемого поведения Каракозова предположению о планомерно подготовленной акции покушения, в котором принимал участие боевик-дублер Ермолов? Одно не исключает другого. Убедившись в непреклонности намерения Каракозова, Ишутин, Ермолов и Странден решили уступить ему и принять все меры к тому, чтобы намеченная террористическая операция была осуществлена в соответствии с разработанным планом, предусматривавшим участие в ней боевика-дублера. Важным, если не решающим, доводом в пользу скорейшего совершения цареубийства была, как полагали ишутинцы, круглая финансовая помощь со стороны конституционной партии, обещанная в качестве платы за физическое устранение Александра 11. Финансовое положение подпольщиков накануне покушения стало критическим, и они волей-неволей пошли на эту, довольно сомнительную, сделку с сановными заговорщиками.

В уже упоминавшихся записях бесед с Худяковым, которые вел с сосланным подпольщиком жандармский агент А.Трофимов, содержится ряд таких подробностей о покушении Каракозова, какие могли стать известными Худякову только от прямого свидетеля этой террористической акции. "Да, все было бы хорошо, говорит Худяков, - читаем в доносе, - если бы Каракозов не сглумил; а то выбрал место, где стрелять... где толпа народа, и пистолет заряжен двойным зарядом, так что при выстреле из одного ствола у него [пистолет] вырвало из рук". Сообщить Худякову о таких подробностях, кроме Ермолова, не мог никто.

Почему же Ермолов, возможно, стоявший в толпе у ограды Летнего сада и наблюдавший за сценой покушения, не выполнил своих обязанностей боевика-дублера? Причин было несколько, и одну из них, видимо, главную, называет тот же Худяков. Подробно описывая психологическое состояние боевика в момент покушения и опираясь при этом, как можно думать, на свидетельства Ермолова, Худяков пишет: "Прицел сделан, а рука отказывается спустить курок... Так возмущается человеческое чувство против самого дозволенного убийства для защиты собственной свободы... Образованному человеку, как бы он ни был убежден в правоте своего поступка, чрезвычайно тяжело убить другого "человека". В то время как мозг его убежден в крайней правоте и необходимости известного поступка, нервы всего тела, непривычные к такому явлению, неожиданно протестуют..." (Худяков И.А. 1930. С.113).

Отзывы Худякова о Ермолове свидетельствуют о близком знакомстве между ними. Давая оценку подпольщикам, Худяков писал: "Эти люди большей частью отказались от всех радостей жизни и посвятили себя делу народного

освобождения. Ермолов пожертвовал с этой целью всем своим состоянием. Некоторые владели замечательным талантом: Ермолов, Николаев, И. Воскресенский, князь Оболенский и др." (Худяков И.А. 1930. С.103). Несмотря на то, что Ермолов дал на суде ряд откровенных показаний, Худяков не порицает его, поскольку Ермолову удалось скрыть от суда и следствия главное - свое участие в группе боевиков.

Психологически важная подробность содержится в показаниях, представленных городскими унтер-офицерами Лукьяном Слесарчуком и Степаном Заболотиним, которые в качестве ординарцев сопровождали Александра 11 в день и час покушения. Рассказывая о том, как они схватили убежавшего Каракозова, Слесарчук сообщил: "Мы с Заболотиним его повели к князю Долгорукому, **только он идет и все назад оглядывается...**" Еще более интересно показание Заболотина: "Мы его и повели, за нами шла толпа народу, а **он все оглядывается назад в толпу; мы подумали, что нет ли в толпе какого подозрительного человека**, и потому посадили его на Прачешном мосту на извозчика и отвезли его к князю Долгорукому [выделено мной - Г.Т.]". Как видим, простоватые городские были недалеко от истины, которая ускользнула и от следователей, и от судей.

Почему и предварительное, и судебное расследования прошли мимо тех фактов, которые свидетельствовали о прямом участии в террористическом акте по меньшей мере двух боевиков?

Причин этого несколько. Прежде всего, расследование дела производилось крайне неудовлетворительно (Виленская Э.С. 1965. С.32). На его качестве отрицательно сказались непомерные амбиции М.Н. Муравьева, возглавившего следствие, бюрократическая разобщенность Московской и Петербургской следственных комиссий, сложные закулисные интриги царских сановников, в том числе, по-видимому, приверженцев конституционной партии, которые были озабочены сокрытием их связей с террористическим подпольем. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что Александру 11, бесстыдно, влиявшему на ход предварительного и судебного расследований, важно было создать у российской и мировой общественности впечатление о незначительности и "наносности" революционного подполья, по известному принципу "француз гадит". Вот почему квалификация покушения Каракозова как безрассудного действия одиночки, подстрекаемого горсткой молодых авантюристов, которые попали под пагубное влияние зарубежных революционных идеологов, вполне устраивала императора и преданных ему царедворцев. Любая попытка расширить состав подозреваемых "мортусов" в этих условиях потерпела бы неудачу.

Несколько слов о жизненном пути того, кто признан здесь дублером Каракозова. Павел Дмитриевич Ермолов родился 21 декабря 1845 г. в Пензенской губернии в дворянской семье. Рано осиротел и в своем имущественном положении в определенной степени зависел от опекуна. Ермолов намеревался по достижении совершеннолетия пожертвовать все свое немалое состояние на революционную деятельность. Переехав в Москву, собирался сдать вступительные экзамены в университет, посещал лекции по физике, но потом от своего намерения отказался. По каракозовскому делу был приговорен к двадцатилетней каторге, замененной императором десятилетней. Каторгу отбывал в Александровском заводе. В 1872 г. прибыл на поселение в Намский уезд Якутской области. Занимался хлебопашеством. По возвращении из ссылки в 1884 г. жил постоянно в Пензе, служа протоколистом в дворянском собрании. Умер 8 октября 1910 г.

Деятельность каракозовцев нашла свой отклик в Коми крае. 5 февраля 1865 г. на имя усть-сысольского уездного исправника (начальника уездной полиции)

М.И.Никитина поступил донос политссыльного Максимилиана Водзыньского. В доносе сообщалось, что политссыльный Викентий Журавский ведет тайную переписку с петербургским подпольем и через него - с польскими повстанцами (подробнее см.; Тираспольский Г.И. "Письмо преступного содержания"/// Родники пармы. Сыктывкар, 1990. С.161). Петербургским адресатом Журавского в доносе назван некий Андрей Игнатьевич Тучков. Предпринятые нами поиски в архивах Петербурга и обследование опубликованных работ с целью установить личность Тучкова привели к заключению, что в настоящем случае мы имеем дело не с реальным лицом, а с псевдонимом.

Чтобы установить, кто скрывался под ним, следует принять во внимание, что Журавский был одним из лидеров тогдашнего подпольного движения и, следовательно, не мог не переписываться с другими ведущими деятелями подполья, среди которых был уже знакомый читателю глава петербургской подпольной организации Иван Александрович Худяков. Псевдоним Тучков служил для Худякова надежным конспиративным прикрытием, представляя собой так называемый антоним - наименование, образованное по противоположности смысла с подлинной фамилией какого-либо лица, ср.: Худяков "худой, тощий" и Тучков "тучный, полный, толстый". Примечательно, что инициалы Худякова и Тучкова также находятся в обратном соотношении: И.А. и А.И.

Тесную связь с каракозовцами поддерживал и сосланный 24 июня 1862 г. в Усть-Сысольск видный подпольщик Порфирий Иванович Войноральский, который, согласно мемуарным свидетельствам Ф.И.Забоевой, интересовался личностью коми поэта и просветителя И.А.Куратова, пытаясь после отъезда в Вельск завязать с последним переписку (НАРК, ф.1346, оп.1, д.41, лл.14-15). В перехваченном полицией письме из Петербурга в Вельск от 18 ноября 1865 г. ишутинца Д.А.Юрасова к Войноральскому сообщается: "Житье-то у и нас не больно хорошо, в последнее время как-то все расхворались, Каракозов лежит в больнице..." (Архангельский областной архив, ф.1, оп.4, т.1, д.1826, лп.157об.-158).

Был причастен к каракозовцам и Лев Тимофеевич Самарин, автор некролога о Куратове. Имя Самарина сочувственно упоминается в уже цитированных мемуарах Худякова (Худяков И.А. 1930. С.83, 913).

Как видим, тлетворный дух терроризма в той или иной степени помрачил нравственное сознание не только такой болезненной личности, как Каракозов, но и людей крепкого духовного склада и ярких творческих задатков.

Какой же урок можно извлечь из рассмотренных событий? Главный из них, как представляется, - это создание в обществе той морально-психологической атмосферы, в которой жизнь человека, независимо от вида его деятельности, политических взглядов и общественного положения, считается высшей ценностью. Необходима также упорная культурно-просветительская работа, направленная на развенчание стародавней заповеди "око за око, зуб за зуб" и тем самым - на окончательное устранение из российского законодательства смертной казни. Важно продолжить исследование истории терроризма, вооружив полученными знаниями правоохранительные органы. Эти меры, если полностью и не предотвратят террористические вылазки озлобленных психопатов и невозмутимо-расчетливых громил, то резко сузят круг их возможных сторонников и намеченных жертв.

***

1. Худяков И.А. Записки каракозовца. М.; Л., 1930.
2. Базанов В.Г. И.А. Худяков и покушение Каракозова // Русская литература. 1962. № 4.
3. Виленская Э.С. Революционное подполье в России. 60-е годы XIX в. М., 1965.

НЕБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В КОМИ КРАЕ (1905-1914 гг.)

М.В. Таскаев., КНЦ УрО РАН

В советской историографии меньшевистские партийные организации и их деятельность в Коми крае в начале XX в. не изучались. Исключение составляют несколько работ, содержащие разрозненные сведения об эсерах и польских социалистах (Попов, 1927; Подоров, 1933; Давыдов, 1958; Раевская, 1974; Чупров, 1974).

Процесс формирования политических партий в России накануне и в период первой российской революции (1905-1907 гг.) коснулся и национальных окраин страны, в частности, Коми края. Здесь были созданы партийные группы и объединения кружкового типа общероссийских партий: РСДРП, Партии социалистов-революционеров (ПСР), Союза эсеров-максималистов, анархистов и кадетов. Большую роль в создании партийных организаций в Коми крае сыграли политические ссыльные. Поражение первой российской революции значительно увеличило количество административно-высланных по России. На 1 января 1907 г. их насчитывалось 9000 чел. (Вестник Европы, 1908. С.739). Отсталый в социально-экономическом плане Коми край являлся идеальным местом политической ссылки на Европейском Северо-Востоке России. По мере усиления репрессий правительства в отношении революционного движения количество политссыльных в Коми крае возрастало. Если в 1905 г. в Коми крае насчитывалось 51 административно-высланных, то к 1908 г. эта цифра увеличилась в 24 раза и составила 1224 чел. (Раевская, 1974. С.37,73).

Партийный состав ссылки в Коми крае был разнородным. В основной массе политссыльных преобладали беспартийные участники революционного движения, высланные преимущественно за организацию аграрных беспорядков и участие в забастовках. В партийном отношении ссыльные представляли РСДРП; ПСР; Польскую социалистическую партию (ППС); Союз социалистов-революционеров-максималистов; Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд); Армянский Революционный Союз ("Дашнакцутюн"); Сионистско - социалистическую рабочую партию ("Серп"); группы анархистов-коммунистов и др.

В апреле-мае 1909 г. яренский и усть-сысольский уездные исправники сообщали в Вологодское губернское жандармское управление (ВГЖУ): "... в Яренске и его уезде числится 527 ссыльных, из них социал-демократов (без подразделения на большевиков и меньшевиков) - 40 человек, эсеров - 31, остальные 458 человек падают на другие политические партии (кадеты, анархисты, бундовцы, ППС)... в Усть-Сысольске и его уезде ссыльных - 504 человека, из них социал-демократов - 33 человека, эсеров - 43. Остальные 428 ссыльных - на все другие партии..." (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.47, л.1). Партийную работу в условиях ссылки смогли возобновить только социал-демократы, социалисты-революционеры, польские социалисты, эсеры-максималисты, анархисты-коммунисты и кадеты. Представители других партий если и занимались политической деятельностью в ссылке, то без оформления партийных организаций. Касаясь деятельности ПСР в Коми крае до 1917 г. советские историки на протяжении десятилетий ограничивались фразой: "Значительно было тлетворное влияние эсеров" (Очерки истории Коми партийной

организации, 1964. С.7). Что собой представляло это "тлетворное влияние" - в работах историков прежних лет не рассматривалось.

Известны 4 организации ПСР в Коми крае до 1917 г. Это "Усть-Сысольская окружная организация социалистов-революционеров", возникшая в 1905 г и существовавшая до 1914 г.; Нювчимская организация, возникшая в 1905 г. (по другим данным, в 1907 г.) и распавшаяся в 1908 г. (по другой версии, в 1909 г.); Яренская организация, существовавшая в 1907 - 1909 гг.; Усть-Цилемская организация, существовавшая в 1908 - 1910 гг. Все организации ПСР в Коми крае были созданы благодаря инициативе ссыльных эсеров. В состав организаций, помимо ссыльных, входили коми крестьяне, рабочие, служащие, представители церковного причта. В общей сложности в организациях ПСР в Коми крае насчитывалось не менее 100-150 чел.

Главными направлениями работы эсеров в Коми крае стали агитационно-пропагандистская и организационная деятельность. Эсеровская печатная продукция получила большое распространение в крае. Советский историк В.Н.Давыдов в статье "Классовая борьба в Коми крае в годы первой русской буржуазно-демократической революции" вынужден был признать, что "... больше всего сведений имеется об обнаруженных листовках и брошюрах эсеровского содержания" (Давыдов, 1958. С.41). За распространение подобной продукции полиция задерживала как политссыльных, так и уроженцев Коми края.

Наиболее организованной и дееспособной из организаций ПСР в Коми крае являлась "Усть-Сысольская окружная организация социалистов-революционеров". Впервые о ее существовании полиция узнала 14 июля 1905 г., когда по Усть-Сысольску было распространено 36 привозных прокламаций под названием "Товарищи!" (с девизом "В борьбе обрешь ты право свое!") и "К запасным солдатам!" Первая прокламация была эсеровская, вторая - социал-демократическая. За устную агитацию и распространение прокламаций полиция задержала четырех человек, в том числе усть-сысольского мещанина С.О.Латкина, заявившего о своем членстве в ПСР. Прокламации призывали расквартированных в Усть-Сысольске запасных солдат гарнизона к "... неповиновению властям и ниспровержению существующего в Империи государственного порядка и самодержавия" (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.48, л.1). После завоза в Усть-Сысольск в 1906 г. гектографа началось тиражирование собственных прокламаций. Всего известно 4 прокламации, выпущенные усть-сысольской организацией ПСР и распространявшиеся по всему Коми краю: "Письмо от русских крестьян царю Николаю II", "К учащим и учащейся молодежи г.Усть-Сысольска и уезда", "Первое мая", "Крестьяне и рабочие". Все они были отпечатаны в 1907 г.

В усть-сысольскую организацию ПСР входили главным образом ссыльные, поэтому состав постоянно менялся, по мере отъезда и прибывания административно-высланных. По некоторым данным, лидером организации являлся Н.В.Лодыгин, осевший в Усть-Сысольске. Активную роль в организации в разное время играли К.И.Бучинский, Ш.Г.Золенштейн, Г.П.Крошка, Н.М.Владимиров и др. Из местных членов организации выделялись С.О.Латкин и М.В.Латкин. Кроме распространения прокламаций ПСР, С.О.Латкин в 1907 г. сделал попытку заняться журналистикой и написал ряд статей на крестьянские темы под псевдонимом "Дядя" (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.48, л.69). М.В.Латкин появился в Усть-Сысольске в конце 1900-х гг. уже как опытный партийный деятель, член Петербургского Боевого комитета ПСР, отсидевший некоторый срок в петербургской тюрьме "Кресты" за политическую деятельность. Имя М.В.Латкина было хорошо известно в усть-сысольском обществе, поскольку в 1906 г. усть-

сысольская группа кадетов собирала пожертвования политзаключенным Санкт-Петербурга, в первую очередь для М.В.Латкина.

Наибольшую активность усть-сысольская организация ПСР проявила в 1907 и 1909 гг. Тщательно подготовленная ссыльными первомайская акция 1907 г. стала известна полиции. В результате жандармской облавы в ночь на 1 мая 1907 г. на конспиративной квартире было задержано свыше 70 политссыльных Усть-Сысольска. Жандармы конфисковали красные флаги, 185 экз. эсеровских прокламаций и 2 экз. прокламаций РСДРП. Провал акции все же не остановил распространение первомайских прокламаций усть-сысольской организации ПСР как в самом Усть-Сысольске, так и сысольских волостях. Агитационно-пропагандистская деятельность преобладала в работе усть-сысольской организации ПСР, хотя эсеры в истории революционного движения России получили известность прежде всего как партия террора. Тем не менее и в Коми крае эсерами были предприняты попытки организации терактов. В частности, в 1907 г. полиция арестовала в Усть-Сысольске эсера А.Д.Добромильского за изготовление ручных бомб. Возможно, А.Д.Добромильский был связан с Нювчимской ячейкой ПСР, готовившей террористические выступления.

Активизация деятельности усть-сысольских эсеров в 1909 г. была вызвана резким увеличением контингента политссыльных в Коми крае, среди которых было немало эсеров. Новые люди энергично принялись за партийные дела в Усть-Сысольске. 5 июня 1909 г. местная администрация информировала ВГЖУ: "... в Усть-Сысольске существует среди ссыльных (преимущественно интеллигентов) группа партии социалистов-революционеров, которая имеет свою печать "Усть-Сысольской организации партии социалистов-революционеров". Устраивают собрания для обсуждения вопросов по делам партии, на которых составляются протоколы и выносятся резолюции. Такие собрания были 28 февраля - 16 человек, 2 марта (4 часа) - 17-18 человек, 5 марта - 18 человек (6 часов). Группа ведет конспиративную заграничную переписку. Адрес: Германия, Мюнхен, м-ль К.Филипповой" (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.47, л.34).

По сведениям агентов полиции, между 20 и 28 июля 1909 г. в Усть-Сысольск с целью установления более прочных контактов ЦК с колониями политссыльных на Севере приезжал "будто бы" В.М.Чернов, один из лидеров и видный теоретик ПСР. В.М.Чернов читал на партийных собраниях реферат о новых задачах партии. На чтениях присутствовало 15-20 чел. (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.48, л.41). После отъезда В.М.Чернова 4-5 августа 1909 г. в окрестностях Усть-Сысольска были организованы маевки политссыльных, где в общей сложности участвовало до 40 чел. Обе маевки были разогнаны полицией.

Стремясь вовлечь в партийную работу как можно больше представителей Коми края, усть-сысольская организация ПСР образовала в 1909 г. два политических кружка, где изучалась партийная и революционная литература. Кружки посещали в основном учителя и старшие гимназисты: М.А.Молодцова, М.А.Надеева, Т.Забоева, Е.Ф.Вежева, А.Е.Заболоцкая, Т.М.Маегова, А.Я.Шешукова, Х.Н.Забоева, Кузнецов и др. Кружки были обнаружены полицией и запрещены. Однако спустя два года подобный кружок почти с тем же составом вновь появился в городе. 21 августа 1911 г. члены кружка были арестованы. За участие в эсеровском кружке М.А.Надеева была уволена с работы, отсидела в усть-сысольской тюрьме 3 месяца и один год сидела в крепости по приговору суда. Незадолго до первой мировой войны она эмигрировала в Швейцарию. Е.Ф.Вежева за участие в эсеровском кружке также была уволена с работы и отсидела в тюрьме 2 месяца (неделю в одиночной камере). Т.М.Маегова, М.А.Молодцова,

Х.Н.Забоева по представлению полиции были также уволены с работы и в течение длительного периода являлись безработными по политическим мотивам.

В связи с резким сокращением политической ссылки незадолго до I Мировой войны партийная деятельность эсеров в Усть-Сысольске прекратилась.

Наряду с усть-сысольской организацией ПСР не менее активной была деятельность нювчимской ячейки ПСР. По одним данным, ячейка ПСР на Нювчимском чугунолитейном заводе наследников Д.Е.Бенардаки возникла весной-летом 1905 г., по другим - в феврале 1907 г. (Попов, 1927. С.60-61; КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.46, л.27 об., д.57, л.2 об.). Значительную роль в становлении ячейки ПСР на заводе сыграли усть-сысольские эсеры Н.В.Лодыгин, К.И.Бучинский, Н.М.Владимиров (или А.А.Владимиров). Кроме эсеров, революционную агитацию в 1905 г. вели на заводе и социал-демократы. По данным краеведа А.А.Цембера, рабочие первое время не хотели и слушать революционеров, говоря, " вас без царей нужно бросить в горн. Потом привыкли... и заинтересовались, стали читать брошюры" (НАРК, ф.963, оп.1, д.17, л.142). С приездом в Нювчим диакона Н.В.Кашина, эсера по убеждениям, ячейка ПСР на заводе организационно оформилась. Н.В.Кашин взял на себя роль "идейного руководителя всех работ", а председателями ячейки в разное время были рабочие Н.В.Соколов, Д.Н.Улитин, М.Я.Распутин и П.Ф.Анисимов (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.57, л.2 об., 4 об.). Численность ячейки колебалась от 30 до 80 чел. В ее состав входили, главным образом, рабочие и приказчики Нювчимского завода, а также некоторые церковные служители (в частности, помимо Н.В.Кашина, активную роль в ячейке играл псаломщик Д.Д.Маракулин).

Деятельность ячейки в 1905-1907 гг. развернулась в нескольких направлениях: пропаганда революционных идей, организация экономической борьбы на заводе и подготовка терактов. Для агитационно-пропагандистской деятельности ячейка использовала гектограф, установленный в доме управляющего заводом П.В.Косолапова. Тиражированные на гектографе прокламации распространялись в Нювчине и окрестных селах Пажге, Лозыме, Гарье и Ыбе. Названия и текст нювчимских прокламаций ПСР не сохранились, за исключением листовки "Братья-зыряне!", призывающей коми крестьянство к антиклерикальным действиям. Кроме того, полиция предполагала, что авторами воззвания "От зырян к зырянам", распространявшегося весной 1907 г. по Усть-Сысольскому уезду, также были нювчимские эсеры. Наиболее активно распространяли прокламации в окрестных селах под Нювчимом Н.В.Леушев, А.В.Соколов, Д.Д.Маракулин и др.

Ячейка ПСР организовала экономическую борьбу рабочих на Нювчимском заводе. К октябрю 1905 г. администрации завода были выставлены следующие требования: повышение зарплаты, сокращение рабочего дня до 10 часов, улучшение условий труда в литейном цехе. Администрация, встретившись с организованным рабочим движением, была вынуждена пойти на уступки. В течение ряда лет эсеры выступали с инициативой проведения первомайских акций на Нювчимском заводе, а в день открытия II Государственной Думы 20 февраля 1907 г. устроили политическую демонстрацию в Нювчине с красными флагами и лозунгом "Долой самодержавие!" Завод был остановлен, демонстрация закончилась митингом в литейном цехе. Любопытную трактовку событий на Нювчимском заводе 20 февраля 1907 г. предложили в своих работах некоторые советские историки: "... ни проклятия попов, ни провокации эсеров не смогли отвлечь рабочих от борьбы за свои справедливые требования" (Давыдов, 1958. С.43). Получалось, что не благодаря эсерам, а вопреки им состоялась рабочая

демонстрация в Нювчиме. Подобные утверждения значительно искажали историю революционного движения в Коми крае.

Во всех исследованиях по истории революционного движения в Коми крае роль Н.В.Кашина однозначно оценивается как "провокационная". Однако нет никаких архивных документов, которые бы подтвердили факт сотрудничества Н.В.Кашина с полицией. В работах историков прежних лет связи Кашина с охранкой также отсутствуют. В.М.Подоров в 1933 г. обосновывал работу Н.В.Кашина на охранку наличием диаконского облачения: "Ведь работал же поп Гапон в охранном отделении. Попы по своей должности должны были ставить в известность соответствующее начальство о всем, что угрожало существованию самодержавного строя" (Подоров, 1933. С.144). С легкой руки Подорова за Кашиним закрепилась кличка "зырянского Гапона". В воспоминаниях рабочих Нювчимского завода Н.В.Соколова, А.В.Соколова и Н.В.Леушина, написанных в 1925 г., упоминается, что "... среди... ячейки был шпион, которого удалось выявить после Февральской революции", но это был не Н.В.Кашин, о котором, кстати, рабочие отзывались с неизменным уважением (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.47, л.35-35 об.).

Помимо агитационно-пропагандистской деятельности и организации экономической борьбы на заводе, нювчимская ячейка ПСР совместно с группой усть-сысольских ссыльных анархистов взялась за подготовку и осуществление терактов. Впервые о попытке взрыва квартиры усть-сысольского исправника Баженова нювчимскими рабочими написала в 1973 г. Л.И.Сурина (Сурина, 1973. С.60). Нювчимские эсеры активно готовились к терактам: было изготовлено до 200 разрывных бомб, в тайниках складированы винтовки и револьверы. Созданный при ячейке Боевой комитет поджигал казенные леса вокруг завода, разрушал заводские строения. Все эти действия чрезвычайно раздражали местные охранные отделения. Неоднократно Нювчим подвергался полицейским облавам и обыскам.

Для прикрытия революционной деятельности рабочие организовали клуб "Общество трезвости", председателем которого числился П.В.Косолапов. Революционная литература, оружие, документы ячейки ПСР - все хранилось в лесу. По существу, нювчимская организация ПСР полностью выполняла директиву центральных органов партии 1907 г. по созданию партизанских отрядов или боевых дружин на местах для подготовки всеобщего вооруженного восстания.

В 1908 г. в связи со спадом рабочего движения, а также отъездом Н.В.Кашина из Нювчима деятельность ячейки фактически прекратилась. По распоряжению вологодского губкома ПСР все архивы ячейки были уничтожены (по другой версии, в частности по воспоминаниям самих рабочих, литература и оружие были спрятаны в лесу). Связь с усть-сысольской организацией ПСР и вологодским комитетом ПСР поддерживалась до 1909 г., а затем по каким-то причинам прекратилась.

О деятельности Яренской и Усть-Цилемской организаций ПСР известно очень мало. 14 ноября 1907 г. яренское охранное отделение информировало ВГЖУ, что, согласно агентурным данным, "проживающие в Яренске политссыльные образовали особую общину социалистов-революционеров. Каждый вечер устраиваются рефераты, на которые приглашаются как оппоненты местные ссыльные социал-демократы. Ведется успешная пропаганда среди местных крестьян. Устраиваются митинги и выпускаются листовки" (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.47, л.31). В декабре 1909 г. ВГЖУ вновь получило донесение, в котором, в частности, отмечалось, что "в Яренске будто бы... имеется организация социалистов-революционеров, находящаяся в связи с Усть-Сысольском. Активными революционными деятелями в Яренске являются три сестры - первая -

начальница женской прогимназии, вторая - врач (невеста ссыльного студента Мартюшина) и третья - провизор местной земской больницы" (речь в документе идет о сестрах Н.К., В.К. и С.К.Писаревых - М.Т.). 3 марта 1910 г. яренский уездный исправник докладывал начальству, что в Яренске "по сведениям моего секретного сотрудника "Петра",... после... ареста главных деятелей из ссыльных среди политических никаких партийных групп не существует", сестры Писаревы "не замечены в политической неблагонадежности" (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.47, л.41, 45 об.).

Эсеры оказали заметное влияние на формирование революционного мировоззрения у определенной части яренцев. К примеру, Ф.С.Коковкин (яренский уездвоенком в 1918-1921 гг.- М.Т.) писал в "Автобиографии" в 1921 г.: "Должен сказать, что я считал себя сочувствующим партии эсеров уже давно, примерно с 1907-1909 гг. (период, когда у нас были политические ссыльные)" (КРГАОПДФ, ф.18, оп.3, д.2, л.61). Имеются сведения и о других яренцах, политические взгляды которых сформировались под влиянием пропаганды эсеров.

В Печорском уезде эсеровские листовки и другая печатная продукция стали распространяться начиная с 1907 г. 31 января 1907 г. печорский уездный исправник получил рапорт, что в Красноборе обнаружены воззвания "Крестьянам от группы народных учителей - социалистов-революционеров". О существовании Усть-Цилемской группы ПСР можно утверждать с 1908 г. Численность, лидеры и состав группы неизвестны. В письме политссыльного И.Г.Гилева от 31 января 1909 г. сообщается, что в Усть-Цильме "... большинство ссыльных рабочие и крестьяне. Среди первых преобладает анархический элемент, а вторые - аграрники. Эсдеков всего 25, за эсеров больше. Против социал-демократов составился блок анархистов и эсеров... С Нового года началась эра рефератов" (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.47, л.123). В 1910 г. тайный агент охраны Северяковский сообщал, что в Усть-Цильме существуют "партийные кружки социал-революционеров и социал-демократов..." (История Коми края в документах и материалах, 1991. С.149). В архивах сохранились сведения о фактах распространения эсеровских листовок на лесозаводе "Стелла Полларе", участии эсеров в перомайских акциях в Усть-Цильме.

Деятельность ПСР в Коми крае оказала существенное влияние на местное крестьянское и профессиональное движение. В программах организаторов печорского отделения Всероссийского крестьянского союза А.И.Терентьева и движения визингских крестьян А.И.Митюшева в 1906 г. получила отражение эсеровская идеология. Тяготели к программе ПСР и отделения Всероссийского учительского союза в Усть-Сысольском и Печорском уездах в 1908 г.

Близко к ПСР стояли в России Союз эсеров-максималистов, отделившийся от ПСР в октябре 1906 г., и отдельные группы движения анархистов. В политической ссылке в Коми крае существовали небольшие группы эсеров-максималистов и анархистов-коммунистов. Например, усть-сысольская группа анархистов-коммунистов во главе с А.С.Бучинской по прозвищу "Гуния" участвовала в подготовке терактов нювчимской ячейкой ПСР в 1906-1907 гг. В декабре 1909 г. ВГЖУ получило сведения, что в Усть-Сысольске "имеются небольшие группы максималистов и анархистов" (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.47, л.39). Губернский резонанс получила террористическая акция ссыльных эсеров-максималистов в Печорском уезде в августе 1907 г. - вооруженное столкновение с командой парохода "Доброжелатель", в результате которой один человек был убит, а двое ранены. Узнав о событиях на борту парохода, колония политссыльных в Усть-Цильме организовала ряд митингов и нелегальных собраний. Для подавления волнений из Архангельска были вынуждены выслать роту солдат.

В истории деятельности меньшевистских партийных организаций в Коми крае имеются сведения и о группе Польской социалистической партии в Усть-Сысольске. По данным Т.П.Раевской, группа была организована в 1907 г. среди политссыльных поляков членом Варшавской организации ППС ссыльным А.М. Жито. Группа располагала собственной библиотечкой, в ее составе были в основном польские рабочие и крестьяне, высланные в Усть-Сысольск за аграрные беспорядки 1906 г. (Раевская, 1974. С.96).

Помимо партийных организаций, представлявших революционно-демократический лагерь политических партий России, в Коми крае в 1905-1908 гг. имелись и небольшие кадетские группы, относящиеся к либеральному крылу партийного движения России. Согласно рапорту ротмистра Плотто, в Яренске в 1907-1908 гг. существовал конституционно-демократический кружок (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.47, л.35-35 об.).

Усть-Сысольская группа кадетов была образована в конце 1905 г. по инициативе учителя Визингской начальной школы А.Н. Вешнякова и фактически полностью состояла из представителей коми интеллигенции (учителей, земских служащих). Прокадетское мировоззрение А.Н. Вешнякова в годы первой российской революции (после февраля 1917 г. А.Н. Вешняков изменил свои политические взгляды, вступив в партию эсеров - М.Т.) хорошо отражают строки из его письма к В.Ф.Попову от 2 декабря 1905 г.: "Я желаю, чтобы был царь, но царь, ограниченный демократической конституцией... Чтобы белое духовенство, если оно нужно в данное время, реформировалось и было направлено к проповедованию любви и братства. Я желаю всеобщей волости как мелкой земской, но самостоятельной единицы на началах равноправия всех членов, входящих в общину. Я желаю, чтобы народное образование было поставлено на высокую ступень, для чего нужна коренная реформа учебного дела. Вообще я желаю, чтобы русский народ размахом своего самоопределения и усиленного труда догнал культурный Запад и энергичный красный Восток" (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.47, л.107).

В состав усть-сысольской кадетской группы входили М.Макарьина, гимназисты братья Н.А. и И.А.Кузьбожевы. С.П.Ольшук и др. Тесно сотрудничали с кадетами В.Ф.Попов, увлекавшийся в 1905-1906 гг. социал-демократическими идеями, и А.М.Мартюшев (полиция была уверена, что они входили в состав кадетской группы). Группа имела контакты с политссыльными Бердником, Ткаченко, Фокиным. Первой политической акцией усть-сысольских кадетов стал сбор пожертвований в фонд помощи политзаключенным Санкт-Петербурга. Всего было собрано по подписному листу 150 рублей.

Наибольшую активность группа проявила летом 1906 г., предприняв распространение по Усть-Сысольску и Усть-Сысольскому уезду широкоизвестного "Выборгского воззвания". Этот документ появился в июле 1906 г. по инициативе лидеров кадетской партии Ф.Ф.Кокоткина и П.Н.Милюкова в связи с роспуском I Государственной Думы. "Выборгское воззвание" призывало население России к пассивному сопротивлению властям - отказе от уплаты налогов и рекрутской повинности. В конце июля - начале августа 1906 г. усть-сысольская группа кадетов растиражировала "Выборгское воззвание" на гектографе в имении Кузьбожевых в Пезмоге, там же находился склад готовой продукции. Воззвание переводилось на коми язык - это был первый политический документ в истории Коми края на коми языке. 8 и 9 августа 1906 г. члены группы расклеили и разбросали по Усть-Сысольску несколько десятков экземпляров воззвания, что вызвало ответную реакцию властей.

11 августа полиция устроила облаву в Пезмоге. 14 августа 1906 г. усть-сысольский исправник докладывал в ВГЖУ, что "вследствие подозрений на учеников Устюгской гимназии Николая и Ивана Анфаловых Кузьбожевых и их сестры (жены учителя) Марью Макарьину о распространении ими Выборгских воззваний "Народу от народных представителей" 11 августа в доме Кузьбожевых произвел обыск" (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.47, л.81). Полиция конфисковала в Пезмоге гектограф, готовый тираж воззвания, флакон гектографических чернил, письмо Гапона и массу других противоправительственных прокламаций и брошюр. Одновременно волна обысков прокатилась на квартирах подозреваемых в связях с кадетами С.П.Ольшукова, Н.М.Суворова, Н.А.Цивилева, Н.Багина, Захаренкова, Поляченкова, Скоробогачева, священника Турбева (Турьева?) и др. В ходе обысков удалось обнаружить еще какое-то количество "Выборгского воззвания" и прочую революционную литературу. Полиция вскрыла частную почтовую переписку А.Н.Вешнякова и обнаружила в пакетах, отправленных им в Лойму и Занулье, "Выборгское воззвание". Вешняков как организатор кадетской группы был арестован. Несмотря на это, распространение "Выборгского воззвания" продолжалось и в октябре 1906 г.

Последней акцией членов кадетской группы стала организация протеста-обращения к гласным усть-сысольской земской управы в связи с увеличением количества конных и пеших стражников и урядников в городе. Протест был написан В.Ф.Поповым и растиражирован, но не получил распространения. 15 октября 1906 г. полиция произвела обыск на квартире В.Ф.Попова и конфисковала весь тираж.

После ареста руководителей кадетская группа в Усть-Сысольске прекратила существование. А.Н.Вешняков по приговору Московской судебной палаты от 2 мая 1908 г. был осужден за антиправительственную деятельность на 6-месячное заключение в крепость. В.Ф.Попов лишился места земского статистика. По постановлению вологодского губернатора А.М.Мартюшев отсидел 3 месяца в усть-сысольской тюрьме за причастность к кадетской группе. В дальнейшем наблюдение за активистами кадетской группы велось постоянно. 17 ноября 1914 г. унтер-офицер Ильчуков составил рапорт "О лицах, принадлежащих в 1905-1906 гг. к конституционно-демократической партии", где приводились агентурные данные на А.Н.Вешнякова, В.Ф.Попова и А.М.Мартюшева (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.47, л.81).

К началу первой мировой войны все меньшевистские партийные группы в Коми крае прекратили свое существование. Это было связано прежде всего с сокращением контингента политических ссыльных - главных инициаторов антиправительственных беспорядков и волнений в крае. В 1911 г. в Усть-Сысольском уезде, например, насчитывалось 123 политссыльных, в Яренском уезде - 72 политссыльных, в Печорском уезде - 112 политссыльных. К концу 1914 г. в Усть-Сысольском уезде проживало всего 7 политссыльных (четверо в Усть-Сысольске и трое в Усть-Куломе) (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.24, л.132-133). В связи с резким сокращением ссылки какие-либо партийные противоречия между ними полностью сошли на нет. 21 августа 1912 г. в Усть-Сысольске состоялось собрание всех политссыльных, на котором было принято решение "об объединении всех левых организаций при Российском восстании (с-р, с-д, анархистов и других)" (КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.47, л.77-78).

В "Очерках истории Коми областной организации КПСС" 1987 г. издания выдвигался тезис: "На крестьянские массы оказывали свое влияние и политссыльные из числа меньшевиков и эсеров. Это затрудняло развитие классовой борьбы и национально-освободительного движения в конкретных

условиях северной провинции страны" (Очерки истории Коми областной организации КПСС, 1987. С.14). Однако факты свидетельствуют о другом. Небольшевистские партийные группы внесли значительный вклад в революционное движение в Коми крае, являющееся частью общероссийского антигосударственного процесса в начале XX в. Оценка их деятельности не входит в задачу данного исследования.

***

1. Попов М. Заметки о политическом прошлом Нювчима // Коми му. 1927. №10-11.
2. Подоров В.М. 1933. Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Сыктывкар, 1933. Т.2.; Давыдов В.Н. Классовая борьба в Коми крае в годы первой русской буржуазно-демократической революции (1905-1907 гг.) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып.4.
3. Раевская Т.П. Под гласным надзором полиции. Сыктывкар, 1974.
4. Чупров В.И. Политическая ссылка в Коми крае в начале XX века (1900-1917 гг.) (Серия препринтов "Научные доклады", Вып.12). Сыктывкар, 1974.
5. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1908. №8. С.739.
6. История Коми края в документах и материалах. Часть 1. Сыктывкар, 1991.
7. Очерки истории Коми областной организации КПСС. Сыктывкар, 1991; Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1908. № 8.
8. КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.д. 46,47,48,57.7. КРГАОПДФ, ф.520, оп.1, д.48, л.1.
9. КРГАОПДФ, ф.18, оп.3, д.2.
10. НАРК, ф.963, оп.1, д.17.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ В КОМИ КРАЕ

Н.А.Галаган, И.Л.Жеребцов, М.В.Таскаев, КНЦ УрО РАН

До настоящего времени практически не было специальных публикаций по истории противопожарной службы Республики Коми (за исключением статьи П.А.Куратова о строительстве пожарной каланчи в Усть-Сысольске). Данная работа является первой попыткой выявить основные события в длительном процессе становления пожарного дела в Коми крае.

Территория Коми края окончательно закрепилась в составе единого Русского государства во II половине XV в. С этого времени для Коми края обязательными становились все законы, действовавшие на территории единого Русского государства, в том числе и те, которые относились к мерам противопожарной безопасности - а именно при Иване III зарождается российская служба пожаротушения, вводятся в действие первые противопожарные правила. Общий контроль за проведением противопожарных мероприятий находился в ведении уездного воеводы. Несколько подчинявшихся воеводе приставов несли полицейскую службу, включая, очевидно, и надзор за соблюдением противопожарных мер. В волостях, на которые делился уезд, крестьянами избирались местные должностные лица, в том числе и целовальники, в функции которых входило поддержание правопорядка; они же, вероятно, занимались и осуществлением противопожарных мероприятий на местах.

Специальные служащие, в обязанности которых входила борьба с пожарами, появились в Коми крае только в XIX в. В 1812 г. в г.Усть-Сысольске произошел пожар в «присутственных местах» (учреждениях городской администрации). Вероятно, это повлияло на принятие в 1813 г. городской думой решения о найме трубчиста. Был заключен контракт с мещанином, который был обязан, «когда сделается тревога, с поспешностью мчаться на двух собственных лошадях с инструментом на место пожара». В Петербурге приобрели пожарную трубу

(ручной насос). В 1823 г. городские власти располагали уже тремя пожарными трубами, нанимали три пары лошадей, был построен сарай для пожарных инструментов. Проведенная в Усть-Сысольске в 1840 г. ревизия показала, что «пожарные инструменты и все к оным принадлежности найдены в возможной исправности, кроме незначительных повреждений, о исправлении коих сделаны надлежащие распоряжения».

В сельских поселениях Коми края пожарные инструменты появились во II половине XIX в. (первоначально только в волостных центрах). В 1879 г. было проведено обследование волостей Усть-Сысольского уезда. Оно показало, что, например, в Керчомской волости весь пожарный инвентарь, заведенный несколькими годами ранее, состоял из двух телег, двух бочек, четырех ухватов, пяти багров, пяти ведер. Пожаротушением в селениях руководил один из членов волостного суда. В 1891 г. пожарные инструменты имелись уже во всех селах Коми края.

В 1903 г. «с целью тушения пожаров и вообще противодействия пожарным бедствиям в пределах города Усть-Сысольска с пригородными слободами» было организовано городское добровольное пожарное общество, при котором была создана первая в Коми крае общественная пожарная команда из вольнонаемных служащих в количестве шести человек. Секретарем правления общества являлся А.А.Цембер. В 1913 г. он как член Императорского Российского пожарного общества был награжден юбилейной медалью в память 300-летия царствования дома Романовых.

В 1900-1908 гг. в Усть-Сысольске был построен каменный дом с каланчой для пожарного обоза. На 1 января 1913 г. в Усть-Сысольске и уезде действовали следующие пожарные организации: городская пожарная команда в Усть-Сысольске, вольная пожарная команда в Усть-Сысольске, пожарная дружина в с. Выльгорт, пожарная дружина на Нювчимском заводе, пожарная дружина в с. Троицко-Печорск. Кроме того, во всех волостных центрах и более многолюдных селениях уезда имелись пожарные трубы и другие огнегасительные инструменты.

На 1 августа 1916 г. инвентарь Усть-Сысольского добровольного пожарного общества состоял из ручной пожарной трубы системы Лангензайена, насоса «Челенж», огнетушителя (гидропульта), 120 аршин выкидных рукавов, одной 30-ведерной бочки, двух двадцативедерных бочек, одной лестницы «Гиста», одной деревянной лестницы, одной веревки с карабином и двух лошадей. Обоз имел пожарные принадлежности, но в ограниченном количестве — ведра, лопаты, факелы, крючья и т.д.

Усть-Сысольская городская пожарная команда в 1917 г. имела в своем распоряжении летний и зимний обозы с трубным, бочечным и багорным ходами. В штате пожарной команды состояло 16 человек (старший команды, 15 кучеров). Ствольщиком был по совместительству старший команды. Кучера исполняли обязанности и дежурных на пожарной каланче. Выезжавшая на пожар команда (смена) состояла из старшего команды и четырех кучеров. На пожар вывозились восемь багров, четыре топора, два лома, одна ручная труба и 30 сажень рукавов. В 1917 г. в Усть-Сысольске имелся также профессиональный Союз трубочистов, предотвращавших возгорания домов чисткой дымоходов.

17 апреля 1918 г. Совнарком РСФСР принял декрет «Об организации государственных мер борьбы с огнем». Эта дата считается днем рождения современной российской пожарной охраны. После принятия декрета на местах, контролируемых советской властью, началась перестройка пожарного дела. 16 декабря 1918 г. в Усть-Сысольске был образован уездный Пожарный комитет. Его председателем стал Ф.А.Лобанов. Комитет возглавил борьбу с пожарами на

территории Усть-Сысольского уезда. В 1919 г. уездный пожарный комитет был преобразован в пожарный отдел при совнархозе. 13 мая 1920 г. пожарный отдел был реорганизован в пожарно-страховой. В Коми автономной области, созданной в 1921 г., организация пожарного дела была возложена на пожарно-технический подотдел областного Комиссариата внутренних дел. Так происходило становление противопожарной службы на территории Республики Коми. Таким образом, в 1998 г. исполняется 185 лет возникновению пожарной охраны в Коми крае, 95 лет - созданию здесь первого добровольного пожарного общества и 80 лет - организации современной пожарной охраны на территории Республики Коми.

ФОТОГРАФЫ ВЯТКИ

*Т.Дворецкая, Кировский Государственный объединенный
историко-архитектурный и литературный музей*

*Альбом - музей родного круга.
Ах, без него не полон дом!
Шершавой кожей стянут туго.
Лежит на столике альбом.
На крышке бронзовые латы.
Вдоль рёбер золотая грань.
Шаблон? Ну что ж, пусть память свято
Отдаст шаблонам добрым дань...
Вот сестры, выгибая спинки,
Лежат на шали нагишом,
Вот мама в белой пелеринке
Глядит испуганным ершом...
Отец в мундире реалиста
Такой безбожно-молодой...
Рябая няня Феоктиста
И дед с огромной бородой!*

Так с ностальгической грустью вспоминал в эмиграции о семейном альбоме - неременной и дорогой черточке старого русского быта - поэт Саша Черный (Простор. 1991. С.79).

Такие альбомы и сотни фотографий из них хранятся в фондах нашего музея. На них изображены зачастую малоизвестные, а то и совсем неизвестные люди. Но на обороте этих снимков всегда стоит фамилия фотографа. К сожалению, кроме фамилий мы ничего не знаем о них. А ведь они оставили нам целый мир. Гимназисты и гимназистки, епархиалки и семинаристы, учителя и врачи, священники и купцы - словом, вся Вятка смотрит на нас с этих фотографий. Глядя на них, мы понимаем не только прошлое, но и нас, сегодняшних, и то, что утеряно нами, и не только в плане духовном. Многие соборы, церкви, известные дома Вятки мы можем теперь увидеть лишь на снимках, лишь благодаря им, старым фотомастерам.

Невольно возникает интерес к их личностям, судьбе, делу. В год 150-летия фотографии газета "Комсомольское племя" писала: "Если брать вятскую дореволюционную фотографию, то сведений о ней маловато. Ну, например, что можно сказать о некоем Тихонове, сделавшем целый альбом о Вятке? (Кстати,

нельзя ли в музеях виды наших улиц сопровождать подписями с именами авторов?" (Ильин, 1989. С.8).

Наиболее известен только один из вятских фотографов - С.А.Лобовиков. А ведь его международное признание и авторитет не случайны: появление мастера подготовлено во многом работой его предшественников в течение без малого сорока лет.

11 октября 1847 года в "Вятских губернских ведомостях" появилось объявление "вновь прибывшего экзаменованного в Московском университете зубного лекаря" Михаила Ольшванга: "Чсть имею известить почтеннейшую публику, что я прибыл в сей город не на долгое время и желаю быть полезным. Делаю все операции по зубной части. Вместе с тем я снимаю дагеротипные портреты разных величин" (Вятские губернские ведомости. 1847. С.271). На объявление откликнулись многие, сама губернаторша подала пример.

У Ольшванга снимался и ссыльный Салтыков-Щедрин.

Дату открытия первой вятской фотографии - 27 февраля 1861 года - дает Я.Мултановский в "Вятском местном историческом календаре". (Мултановский, 1909. С.49). Это фотография учителя первого приходского училища Ефима Лихова. Уже тогда фотографы не ограничивались портретами. Лихов снимал праздник Свистопляски.

"Вид этот, как мы слышали, скоро появится в продаже", - писали "Губернские ведомости" (Вятские губернские ведомости. 1861. С.170).

В последующие годы в городе постоянно работало три-четыре фотографии. Фотографический бум начинается в 10-е годы XX века: в 1912 г. в Вятке 6 фотографий, в 1913-1914 гг. - 7. Всего в Вятке работало, по официальным данным, 39 фотографов. Более двух десятков лет трудились на фотографической ниве Петр и Василий Репины, П.Г.Тихонов. С.А.Лобовиков.

Отличительная черта в работе фотографов - преемственность: прекращая свое дело, мастер передавал мастерскую другому. Так, в 1872 г. фотография И.Рытвинского передана М.Ивановой, затем В.Бишевскому, П.Тихонову, а в 1903 г. - В.Репину, заведение Масленикова - И.Романовскому, П.Репина - В.Чарнецкому и П.Помеховскому, И.Зеббина - Э.Бельзеру.

"Фотографические" дома Вятки - дом Г.Давыдовича (бывш. А.Сунгуровой) на Царевской улице, где в разное время располагались фотографии П.Хлебникова, П.Репина, И.Зеббина (ул.Свободы, 69), в доме П.С.Лаврова на углу Московской и Вознесенской (Николаевской) - фотографии П.Г.Тихонова, В.Бишевского, Э.Бельзера. С.Лобовикова (ул.Ленина, 69). Дом Лаврова был куплен И.А.Смоляниновым, к нему сделан в 1911 году пристрой - "вышка", в нем работали фотографии Б.Е.Жакевича, В.М.Репина, П.М.Усольцева, М.А.Шардакова.

Были и семейные династии фотографов. Жене фотографа Иосифа (Юзефа) Помеховского Виктории Михайловне было разрешено заниматься фотоработами на дому и в пределах губернии, а в 1910 г. сын фотографа Ян Помеховский получает разрешение на открытие фотографии.

Становились фотографами и бывшие ученики фотоателье: С.Лобовиков - ученик П.Тихонова, М.Шиляев - Лобовикова; Ян Помеховский работал ретушером у Шиляева. В.Бишевский, А.Буйневич начинали служащими у местных фотографов; Н.Сапожников - ученик Репина.

Когда знакомишься с архивными материалами, поражает удивительная для нас, выросших за железным занавесом, открытость миру маленького провинциального городка.

Представителей каких только стран мы не встретим среди вятских фотографов!

Среди них - норвежский поданный Альберт Матисен, который приехал в Слободской в 1909 году, уже имея "20-летнюю фотографическую практику в разных государствах Европы" (ГАКО ф.582, 583, 721). В 1915 г. в Вятке поселился фотограф Генрих Грюбель, бразильский гражданин, артист цирка, который занимался производством фотографических портретов, брошей и медальонов. В 1880-х гг. в Вятке работал саксонский подданный Иоганн Зеббин, в начале 1890-х гг. - вюртембергский подданный Эрнст Готлиб Фридрих Вильгельм Бельзер, который, однако, во всех документах фигурирует как вятский мещанин. Историю превращения вюртембергского подданного в вятского мещанина содержит архивное дело 1884 года, из которого мы узнаем, что 27 августа 1853 года в городе Якобштадте в семье учителя музыки Христофора Бельзера родился сын. Эрнст Бельзер становится фотографом и работает в Петербурге, Оренбурге, Казани. В апреле 1882 года он приезжает в Вятку и работает в фотографии Зеббина в качестве помощника фотографа. Отсюда посылает прошение в Петербург о принятии в русское подданство. 24 августа 1884 года Эрнст Бельзер приведен к присяге на подданство России. Клятвенное обещание подписывает новоиспеченный российский подданный Эрнст Васильевич Бельзер. А через два года вместе с женою Ольгою Капитоновною он был причислен в мещане города Вятки.

Есть особая страница в истории вятской фотографии - польская. Связана она с волнениями в Польше и соседнем Западном крае в 50-60-е гг. XIX в. Вятка стала местом ссылки для многих участников этих волнений.

В 1855 г. в Вятку приезжает дворянин Иван Рывинский, сосланный "на службу" за "прикосновенность к правительственному заговору". Новому ссыльному покровительствует сам минский губернатор. В письме вятскому губернатору он пишет: "Этот молодой человек, окончив с успехом свое воспитание в учебном заведении (Минской гимназии - Т.Д.), проводя впоследствии время в праздности, только по неопытности своей был вовлечен в дело влиянием на него неблагонамеренных людей...". Рывинский служил в канцелярии губернатора. Служил "усердно", "достойно полного одобрения", а потому просьба его матери о все милостивейшем прощении была удовлетворена.

Уже через год, по его словам, "удостоился милости Монарха - жить и служить, где сам пожелаю, не считая проступка моего ни к каким преимуществам службы". Он мог бы уехать, но остался в Вятке, перешел на службу в полицию, служил становым приставом в Глазовском, Нолинском, Слободском уездах, женился на дочери вятского чиновника Лучинина. В 1866 году как гром среди ясного неба последовал приказ об увольнении с полицейских должностей лиц польского происхождения (в связи с польскими волнениями). И несмотря на безупречную службу, на "преданность законному и благодетельному правительству России", несмотря на "потoki слез" всего семейства, пристава Рывинского увольняют. Он снова приезжает в Вятку, служит в губернском правлении, а через год открывает фотографию на Спасской улице в доме наследников чиновника Шукевича. Службы, однако, не бросает, довольно быстро продвигаясь от писца I разряда до коллежского асессора. В декабре 1872 г. возвращается на полицейскую службу в Нолинский уезд. Фотографию свою он передает Марье Ивановой, вдове коллежского секретаря, а через год заведение переходит В.Бишевскому. Кстати, И.Ф.Рывинский внес свою лепту в создание первого музея в Вятке: в 1864 г. он пожертвовал десять древних монет различных государств "в пользу публичного музея".

Но главная заслуга Ивана Рытвинского, человека, по-видимому, энергичного, делового, предприимчивого, была в том, что в его фотографии "выросли", сформировались два будущих вятских фотографа - В.Бишевский и А.Буйневич.

Средства позволяли Рытвинскому держать довольно большой штат. Управляющим с жалованьем 200 рублей в год был Вишевский, помощниками - И.Дубовик и С.Гринеvский (отец будущего писателя А.Грина), получавшие 120 рублей в год, и "в услужении" - А.Буйневич с жалованьем 6 рублей в месяц.

Всё это были политические ссыльные, земляки Рытвинского, которым затеянное им дело давало возможность выжить. Заведением широко пользовались польские ссыльные. Как видно из писем, почти каждый из них посылает домой свою фотографическую карточку. В фондах музея хранятся карточки, сделанные у Рытвинского, с дарственными надписями по-польски.

Непосредственным преемником И.Рытвинского стал Владислав Бишевский. Родился он 24 апреля 1845 г. в фольварке Теплом Чаусовского уезда Могилевской губернии в семье помещика Ефима Бишевского. В 1865 г. за "политическое преступление" был сослан в Тобольскую губернию, а в марте 1868 г. переведен в Вятку. Через два месяца Бишевский получил прощение "как замешанный в политические дела, не имея 20 лет от роду". Прощение выразилось в праве свободного проживания в пределах Вятской губернии и освобождении от предварительного просмотра корреспонденции.

Молодой человек делает неоднократные попытки вырваться из вятского плена, но, несмотря на "безукоризненное поведение", получает отказ.

Ссылка затянется на долгие двенадцать лет. Правда, в 1871 г. ссыльным было разрешено проживать во всех губерниях, кроме столичных и западных. Бишевский пытался устроиться в Варшаве, но дороговизна жизни и отсутствие работы вынудили его вернуться в Вятку, где был уже налаженный быт, связи, любимая работа. К фотографии Бишевский относился как к искусству и достиг определенного мастерства, особенно в поздних портретах, которые приближаются к художественным благодаря их психологизму, умению передать характер, создать образ. У Бишевского нет рисованных задников. Фон нейтральный, предельно лаконичный. Главное - человек с его неповторимым внутренним миром. Большую роль в портретах мастера играют руки, поза изображаемого. От его работ веет душевным теплом, подлинным уважением к человеку.

А дружеские связи, которые завязались у Бишевского в Вятке? Они тоже влекли его сюда. Он принадлежал к небольшому кружку католиков, которые собирались в доме ссыльного виленского епископа А.Красинского. Люди образованные, сохранившие в тяжелых условиях ссылки достоинство и верность убеждениям, они вызывали уважение даже у полицейских чинов. Это кандидат прав О.Авейде, содержатель литографии В.Котлевич, кондитер С.Якубовский, чиновники Каминский, С.Драверт, Э.И.Циолковский (отец ученого). В кругу ссыльных Бишевский также пользовался уважением. Так, Юлия Оленская в письме сосланному в Вятку брату советует "познакомиться с известными ей хорошими людьми Игнатием Дубовиком и Владиславом Бишевским".

Все годы вятской ссылки Бишевский ничего не получал от казны, "трудами своими приобретая средства к жизни", как уважительно писал о нем вятский полицмейстер.

Мечта вернуться на родину не оставляла фотографа. Всего один раз его отпустили в трехмесячный отпуск домой. И лишь в октябре 1879 г. пришло долгожданное разрешение жить на родине. В 1880 г. он продает свое заведение купцу П.Г.Тихонову и уезжает в Могилев. В 1881 г. ему были возвращены права состояния, он был восстановлен в списках дворян Могилевской губернии.

Последняя известная нам дата в жизни Бишевского - 14 марта 1881 г. Он выслал в этот день письмо с выданным ему для проезда на родину билетом. На конверте - печать с изображением фамильного дворянского герба.

Польское восстание дало Вятке еще одного фотографа - Антона Буйневича. Сентябрьским днем 1867 г. в Вятку из Ялуторовска Тобольской губернии прибыла одна из первых партий польских ссыльных. Среди них - 27-летний Антон Буйневич "из рядовых Гродненской губернии", принимавший "деятельное участие в "мятеже". Человек, который через несколько лет сделает снимки края, "где он страдал, где он любил" (перефразируя поэта), края сурового и так не похожего на родной западный край, где в местечке Деревячицы остались родители, где ждала любимая девушка.

Он был лишен всех прав состояния, права служить в государственных учреждениях и у частных лиц, права зарабатывать на жизнь, права создать семью без разрешения департамента полиции.

Но он выстоял, он не возненавидел этот край, этот город, запечатлел его для современников и потомков, и сейчас на пожелтевших снимках с надписью на паспорту "А.О.Буйневич" мы видим улицы Вятки, знакомые и незнакомые дома и вывеску над одним из них "Фотография Буйневич". Так он отблагодарил край, приютивший его, и мы сегодня благодарны ему.

Он не сломался еще и потому, что помогла ему в этом приехавшая из далекой Виленской губернии невеста Стефания Комаркович. Политическому Буйневичу пришлось униженно просить и долго ждать разрешения на брак: бдительные чиновники дотошно проверяли, не был ли он женат. И товарищи по сибирской ссылке, жалея жениха, по его просьбе пишут удостоверение, что друг их холост. Но чиновники не успокоятся и возьмут с него подписку: "Если откроется, что я женат, то буду подлежать за вторичный брак ответственности по суду".

Стефания Буйневич станет верной помощницей мужа в его делах. Ей разрешат открыть фотографию в Уржуме. Но это будет много лет спустя, а тогда, в 1869 году, польские ссыльные писали губернатору:

"Мы хотели бы, чтобы эта вторая родина была для нас матерью, а не мачехой... До сих пор вся деятельность наша ограничивается самой узкой и мало вознаграждаемой сферой - должностями лакеев, кучеров, дворников и чернорабочих, хотя многие из нас могли бы трудиться с большей пользой для себя и других на поприщах, требующих нравственных, умственных условий".

В этих словах - весь трагизм положения польских ссыльных. Чем они только не занимались: рубкой дров, деланием шляп, кожевенным ремеслом, кондитерским, поварским делом, были актерами бродячих трупп.

Большинство из них были дворянами и в это понятие вкладывали целый комплекс нравственных понятий и принципов. Не случайно после освобождения в 1871 г., получая свидетельство на право свободного проживания, бывший политический ссыльный Буйневич потребует, чтоб там было написано "дворянин", и с тех пор слово это всегда рядом с его фамилией.

Судьба Антона Буйневича была нелегкой. Нужда преследовала его. Престарелые родители были бедны, брат Ромуальд находился в ссылке в Сибири. От казны Буйневич получал 5 копеек в день. Как отмечает вятский полицмейстер, он постоянно находился при занятиях.

Некоторое время он жил "в услужении" у чиновника Александра Красовского", где бывали его ученики Н.Блинов, И.Красноперов, ссыльный Ф.Павленков и другие "нигилисты", по выражению полиции. С первых лет вятской ссылки он занимался фотографией у здешних фотографов, и это стало его профессией. После освобождения он жил в Вятке, затем в Варшаве, а в 1879 году возвратился в

Вятку, где в течение пяти лет содержал фотографическое ателье на Московской улице в доме Захарова. Через пятнадцать лет в этом же доме откроет фотографию С.Лобовиков.

Умер Буйневич в Вятке в 1918 г. и был похоронен на Богословском кладбище (Книга записей смертей Вятской городской управы. 1918).

Как видим, участники польского восстания внесли большой вклад в развитие фотографии на вятской земле.

Фотография, казалось бы, мирное, безобидное дело, была тесно связана с политикой, находилась под бдительным полицейским надзором. Без удостоверения в политической благонадежности никто не имел права открыть фотографическое дело.

Характерна в этом отношении история крестьянина Малмыжского уезда Федора Горячкина. В апреле 1909 года он посылает прошение губернатору о разрешении на производство фоторабот. Однако малмыжский исправник дает просителю отнюдь не лестную характеристику: "В месте приписки проживает около года, и, хотя ведет себя хорошо, ... но произведенным у него обыском обнаружены листок с нелегальными стихотворениями и револьвер с десятью патронами, на хранение которого он свидетельства не имел, за что и подвергнут аресту на пять дней" (ГАКО, ф.582).

Губернатор отказывает Горячкину. Но тот настойчив: в ноябре он снова пишет губернатору: "Не найдете ли возможным осчастливить меня свидетельством к новому 1910 году". Малмыжский исправник сообщает: "в политическом отношении не заслуживает одобрительной аттестации, т.к. знакомство свое и дружеские отношения ведет исключительно лишь с лицами подозрительными и сомнительными в политических взглядах, как-то: с административно ссыльными и другими неблагонадежными людьми... Кроме того, он подвергнут штрафу в размере 10 рублей за производство фотографических работ без надлежащего разрешения. Ввиду чего, по моему мнению, ходатайство Горячкина не заслуживает удовлетворения, т.к. он во время разъездов по губернии, пользуясь отсутствием надзора со стороны полиции..., может проявить антиправительственную деятельность в виде агитации или распространения нелегальной литературы". И на второе прошение последовал отказ. Но неугомонный крестьянин обращается в третий раз, приехав для этого в Вятку. В прошении своем он использует весь запас красноречия: "Но как в нем (свидетельстве - Т.Д.) нуждаюсь, как насущный кусок хлеба, занял у доверчивых людей денег - нужда заставила - и приехал просить лично Ваше Высокопревосходительство о выдаче свидетельства. Справился в канцелярии, ответили: разрешения мне нет, а почему нет, не можем знать... Еще раз прошу, пожалуйста, Ваше Высокопревосходительство как начальника нашей губернии, стремящегося об улучшении быта крестьянина, также о распространении ремесла...

Нахожусь в крайне жалком положении, прошу, пожалуйста, пожалейте...".

"Но счастливые глухи к добру..." И на горячие мольбы следует холодная резолюция, начертанная бестрепетной рукой: "Ходатайство Горячкина мною оставлено без удовлетворения".

Фотография и политика, фотография и война. Они оказались связанными и в другой истории, сохранившейся в пожелтевших архивных папках.

В 1915 г. владелица газетного агентства крестьянка Анна Болотова решила начать новое дело: аппаратом "Чудо-Пушка" снимать публику на броши и медальоны. Первая мировая война была в разгаре, когда фотограф Анны Болотовой отправился делать портреты сестер милосердия в губернскую земскую

больницу. К несчастью, неподалеку располагалась воинская часть, и проходящий мимо офицер застал фотографа, снимающего попросивших его об этом солдат. Фотограф был тут же заподозрен в шпионаже и под конвоем этих же солдат препровожден в расположение полка, откуда через некоторое время спасся бегством, оставив в руках неприятеля свидетельство на право фоторабот. Губернатору же поступает возмущенное письмо А.Болотовой, требующей возместить убытки, считая по 10 рублей за каждый день до возвращения свидетельства. За ним хозяйка посылает другого фотографа, который по приходе в часть был арестован и отправлен в полицию.

Последним в дело подшито то самое свидетельство, сильно помятое, со следами многотрудной своей судьбы, которого так добивалась владелица и которое так и не дошло до нее. Эта история - лишь один эпизод, рисующий быт выездного фотографа начала века. Как видим, хлеб фотографа был нелегким.

Изучение документов показывает, насколько популярным было занятие фотографией. Им занимались представители самых разных сословий и профессий: крестьяне, мещане, дворяне, сельские обыватели, военные в отставке, духовенство, купцы, учителя, чиновники. Не отставали от мужчин и женщины. Среди просителей на право фоторабот жена сельского священника Софья Селивановская, крестьянка Серафима Присяженко, потомственная дворянка Фелицата Боброва.

В 1900 г. монахи Яранского Пророчицкого монастыря приобретают фотографию и просят монастырю разрешить производить фотоработы в Яранске и уезде, а фотографию поместить в доме монастырского подворья. Однако вятский архиерей охлаждает пыл не в меру ретивых монахов: "Заведение должно быть сдано в арендное содержание какому-либо благонадежному лицу, и чтобы иноки не принимали участия как в управлении фотографическим заведением, так и в производстве самих работ". При рассмотрении просьб о разрешении фотографических работ учитывались и нравственные качества просителя. Так, нолинский исправник сообщает о просителе Питиримове: "Ведет себя хорошо, под судом не был, но состоял под следствием по делу о нанесении обиды матери своей" (1910 г.).

Учитывалась и национальность, особенно когда дело касалось евреев. Так, в 1909 году воскресенский мещанин Н.С.Гольдзберг подает прошение, а в ответ губернатор запрашивает полицию: "Если он еврей, то имеет ли право проживать в городе Вятке и на каком основании?" И хотя оказалось, что Гольдзберг вероисповедания православного, в разрешении ему было отказано.

Фотографии оказывали самые разнообразные услуги: снимали пейзажи, виды городов (А.Буйневич, В.Бишевский, П.Тихонов, В.Чарнецкий, С.Лобовиков), изготавливали памятные адреса, альбомы, групповые снимки служащих и учащихся, работали по заказам учреждений. Высоко отзывались в прессе о снимках С.Лобовикова, посвященных 50-летию губернского земства (1914 г.). П.Г.Тихонов по заказу управления Пермь-Котласской железной дороги снимал железнодорожные планы и чертежи. Делались и репортажные снимки. Так, С.Лобовиков снимал полёт авиатора Васильева в Вятке (Вятская речь. 1911. С. 3). По заказу земства фотографы М.Шилев, П.Тихонов снимали кустарные промыслы. Фотограф Г.Давингоф предлагал снимки лошадей (Вятские губернские ведомости. 1873. С. 4). Делались в фотографиях акварели, медальоны, стереоскопические картины, копии с гравюр, литографий.

Самым именитым среди вятских фотографов был С.А.Лобовиков, получавший награды столичных и зарубежных конкурсов и выставок. Его фотография была самой большой в Вятке - в 1902 г. в ней работало шесть человек: ретушеры,

копировщики, швейцар, посыльный. Лобовиков приобретал новейшую импортную технику, которой восхищались и зарубежные фотографы. Порядок в мастерской был идеальный, четкая документация, чистота. Так, посетив одну из пермских фотографий, Лобовиков отметил в дневнике: "Тенета в витринах" (Лобовиков, 1900. С. 7). Такого он себе не позволял.

Как видно из дневника Лобовикова, не было ни одной известной западно-европейской фотографии, где бы он ни снялся во время своей зарубежной поездки 1900 года.

Глаз наблюдательного, педантичного хозяина подмечал всё: и расположение мебели в фотоателье, и приемы работы, и оформление.

Четкая организация работы, высокая репутация фотографии, неплохие доходы позволяли Лобовикову давать своим служащим отдых в выходные и праздничные дни, чего не могли себе позволить другие фотографы ввиду убытков. По этому поводу между ними и Лобовиковым разгорелся спор на страницах газеты "Вятская речь" в 1911 году. Рабочий день служащих фотографии Лобовикова также был значительно короче. "Хотя я претерпел от этого потерю на несколько сот рублей, коллеги мои не только не посочувствовали мне, но даже воспользовались, работая, когда у нас закрыто... Постараюсь и впредь сделать все в пользу отдыха для служащих. Вознаграждением также не обижу, если плачу ученику жалование до 20 рублей" (Вятская речь. 1911. С. 3).

Тут, наверное, сказались воспоминания о службе в фотографии П.Г.Тихонова в течение 5 лет без платы, за хлеб, одежду и угол, а затем с жалованием 10 рублей в месяц. Воспоминания о тяжелой и грязной работе, о ночах на полу в кухне, о грубости хозяина и членов его семьи, унижавших достоинство мальчика.

Были помощники, которыми Сергей Александрович гордился.

"В феврале (1904 г. - Т.Д.) закончили у меня Хвостанцев и Шиляев. Об успехах их говорит то, что они остались у меня за главных мастеров, так что других приглашать не было надобности, хотя г. Пантюхин предлагал свои услуги, а также г. Печенкин из Москвы".

Через несколько лет Михаил Шиляев откроет собственную фотографию. Сохранившиеся его работы отличаются высоким качеством, чувствуется в них школа мастера.

"Мы научились вас уважать не только как хозяина, а как человека, входящего в нужды своих рабочих, с добрым и сердечным отношением", - писали Лобовикову его служащие в 1914 г.

Крупным фотографом Вятки был Петр Григорьевич Тихонов. Бывший царевококшайский мещанин, а впоследствии вятский 2-ой гильдии купец, Тихонов приехал в Вятскую губернию в конце 1870-х гг., работал сначала в Яранске, Слободском, в 1881 г. купил фотографию у Бишевского в доме Лаврова, а в 1888 г. переехал в собственный дом на Московской улице со съемочным павильоном, у которого крыша и одна стена были стеклянные. По этому же типу оборудовал свою мастерскую и Лобовиков.

Тихонов был награжден медалью "За трудолюбие и искусство" (1890 г.) и медалью Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге 1887 года, участвовал в Нижегородской выставке. В 1903 г. фотография Тихонова была передана В.М.Репину под фирмой "Центральная фотография" (ГАКО, ф. 582, д. 21, 1, 35). Об объеме работ фотографии Тихонова можно судить по альбомам контрольных снимков 1890-х годов: в среднем в месяц делалось 100 снимков-портретов (фотография Тихонова, 1890-1897). По воспоминаниям Т.С.Лобовикова, сына фотографа, П.Г.Тихонов был расстрелян большевиками в 1918 г. в числе других заложников.

В 10-е годы XX в. в Вятке появляется новое поколение фотографов: М.Шиляев, А.Худяев, Н.Сапожников, П.Фалалеев, П.Лалетин. Из старшего поколения продолжают работу С.А.Лобовиков и В.М.Репин.

После Октябрьской революции честные заведения закрываются. В истории фотодела начинается новый этап. Но старые фотографии продолжают жить в частных собраниях и музейных коллекциях. В них - история края в живых образах и картинах, донесенная до нас их создателями - вятскими фотографами.

***

1. Черный С. Дом над Великой. Поэма // Простор. 1991. № 8. С. 79.
2. Ильин С. Это незабываемое искусство // Комсомольское племя. 1989. № 8. С.8.
3. Объявление // Вятские губернские ведомости. 1847. 41. С. 271
4. Там же.
5. Мултановский Я. Вятский честный исторический календарь // Памятная книжка Вятской губернии на 1910 год. Вятка, 1909. С. 49
6. Местные известия // Вятские губернские ведомости. 1861. № 21. С. 170.
7. Здесь и далее материалы Государственного архива Кировской области, ф.582, 583, 721.
8. Книга записи смертей Вятской городской управы за 1918 год. Архив ЗАГС (найдено В.А.Любимовым).
9. ГАКО, ф.582.
10. Вятский фотограф С.Лобовиков (хроника) // Вятская речь. 1911. 2/VIII. С.3.
11. От фотографа Довингоф // Вятские губернские ведомости. 1873. № 12. С.4.
12. Лобовиков С.А. Путевые заметки 1900 г. Западная Европа. Рукопись. Фонды Кировского государственного краеведческого музея. С. 7.
13. Домогательства фотографов. Хроника // Вятская речь. 1911. № 277. С.3.
14. Лобовиков С.А. Фотографический дневник 1902-1905 г.г. Рукопись. Фонды Кировского государственного краеведческого музея. С. 101,119,120.
15. Там же. - С.152
16. Поздравительный адрес С.Лобовикову от рабочих его типографии. Вятка, 1914, фонды Кировского областного краеведческого музея.
17. ГАКО, ф.582, оп.164, д.21, л.35.
18. Фотоальбом "Фотография П.Г.Тихонова". Вятка, 1890-1893, 1893-1897. Фонды Кировского государственного краеведческого музея.

Сокращения

ГАКО - Государственный архив Кировской области.

НЕОКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ СКРИПКИ

Т.И.Ганова, Национальный музей РК

Никто не может предположить, когда к нему в окно пожелает постучать сама история и приоткрыть одну из своих больших или маленьких тайн. И не всегда мы бываем готовы к ее приходу. Так всё и произошло в истории с музейной скрипкой.

Более 3-х лет назад в фондах Национального музея Республики Коми (НМРК) мной была выявлена скрипка в очень плохом состоянии: корпус местами расклеился, лак потрескался, смычок перевязан проволокой и т.д. Как свидетельствовали музейные документы, скрипка принадлежала Степану Геннадьевичу Андрееву, учительствовавшему в с.Усть-Цильма в 1907-1923 гг., и была передана в музей его дочерью Сперанской Марией Степановной, жительницей того же села. Она хранила скрипку как дорогую память об отце.

Меня поразило то, что в далеком северном селе в начале века С.Г.Андреев учил детей пению под звуки скрипки. Появилось желание показать инструмент посетителям музея и рассказать о его владельце. Но, учитывая плохое состояние экспоната, вынуждена была вернуть его в фонды музея. Что-то, связанное с этим

инструментом, продолжало меня волновать, хотя я не могла тогда предположить, что эта история будет иметь свое продолжение.

Через два года скрипка вновь была извлечена из музейных фондов для показа на одной из выставок и передана на реставрацию художнику-реставратору Кублицкому В.В. Во время реставрационных работ он обнаружил на корпусе скрипки латинские буквы "J" и "S". Появилось предположение, что это могли быть инициалы какого-нибудь известного скрипичного мастера. Началась поисковая работа. В энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона были найдены сведения, указывающие на то, что это предположительно инициалы "...известного мастера Якоба Стайнера или Стейнера (Jacob Stainer или Steiner), жившего в середине XVII столетия, ученика Амати. Струнные инструменты Стайнера отличались особой конструкцией и ценились очень дорого, в особенности скрипки. Его брат Марк также был инструментальным мастером (1992, т.61, с 400).

Интерес к загадочной скрипке ещё больше усилился. Было сделано несколько запросов о С.Г.Андрееве в Усть-Цилемский районный краеведческий музей имени А.В.Журавского и в Государственный архив Архангельской области, и об инструменте - в Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М.И.Глинки и Государственную коллекцию уникальных музыкальных инструментов. К письмам прилагались фотографии скрипки.

Ответы пришли только из Государственного центрального музея музыкальной культуры им. М.И.Глинки и из Усть-Цилемского музея. В письме из Москвы сообщалось, что по фотографии, высланной музеем, практически невозможно определить ценность скрипки. Скрипичный мастер, изучивший присланные фотографии, определил, что скорее всего это фабричная копия, сделанная по модели Я.Штайнера (фото № 1). Таких инструментов было очень много в странах Западной Европы. На рубеже XIX-XX вв. копии по моделям Амати, Гварнери, Страдивари делались в городах Германии и Чехословакии. Наиболее массовое производство их было налажено в городе Маркнойкирхен. Причем все знали, что это копии, хотя внутри инструментов клеивались этикетки тех моделей, с которых они копировались. Для более точного определения рекомендовалось привезти инструмент на экспертизу в музей (Письмо Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М.И.Глинки № 52 от 26.02.97 г., НМРК, НВ 4483).

Усть-Цилемский музей в ответ на мой запрос прислал краткие биографические сведения и список предметов, принадлежавших С.Г.Андрееву (Письмо Усть-Цилемского районного краеведческого музея имени А.В.Журавского от 20.06.97 г., НМРК, НВ 4482). Дочь Андреева Мария Степановна Сперанская, передавшая в 1969 г. скрипку в фонды Коми республиканского историко-краеведческого музея, умерла в 1973 г., но в Сыктывкаре проживают две его внучки - Серафима Петровна Рогова и Анна Николаевна Дуркина. Указывались их домашние адреса (Письмо Усть-Цилемского районного краеведческого музея имени А.В.Журавского от 14.01.97 г., НМРК, НВ 4481). Так не прервалась тоненькая ниточка, ведущая к разгадке таинственного инструмента и его владельца.

А в скором времени состоялось и мое знакомство с Анной Николаевной Дуркиной и Серафимой Петровной Роговой, и история имела своё продолжение. По моей просьбе и при поддержке родственников Серафима Петровна, дочь Марии Степановны Сперанской, написала воспоминания о своем дедушке и о родительской семье. И получился удивительный рассказ о жизни не одного поколения Андреевых.

Степан Геннадьевич Андреев родился в 1881 г. в Кологриве Костромской губернии. В 1902 г. закончил полный курс Тотемской учительской семинарии. В августе того же года поступил учителем в Ловельское сельское училище

Пинежского уезда Архангельской губернии. 1 августа 1904 г. переведен учителем в Усть-Важское Министерское одноклассное училище Мезенского уезда той же губернии. С 1 октября 1907 г. назначен исполняющим должность учителя 2-го класса Усть-Цилемского 2-х классного приходского училища, в 1908 г. был утвержден в этой должности. 15 сентября 1917 г. назначается учителем в Усть-Цилемское высшее начальное училище, которое впоследствии было преобразовано в школу II ступени, в коей он и учительствовал до 10 ноября 1923 г. (С.П.Рогова. Воспоминания, НМРК, КП 10654, л.1).

Своего деда, Степана Геннадьевича, Серафима Петровна не видела, т.к. родилась уже после его смерти. Но со слов матери, Марии Степановны, и теток знала, что он работал в школе, а летом помогал в научных опытах А.В.Журавскому. Очень любил охоту и сбор грибов. Хорошо фотографировал. Участвовал в самодеятельности. Руководил церковным хором, сопровождая церковное пение игрой на скрипке. В церковном хоре пели и старшие дочери Андреевых. Был награжден грамотой "За труды по устройству церковного хора и борьбу с расколом июня 31 дня 1913 года". Степан Геннадьевич занимался также коллекционированием минералов, Серафима Петровна видела и хорошо помнит эту коллекцию. В доме была хорошая библиотека, выписывались газеты и журналы: "Родина", "Вокруг света", "Задушевное слово" для детей. (НМРК, КП 10654, л.1).

Жили Андреевы в большом доме, который стоял в центре с.Усть-Цильма, на красивом и веселом месте. Перед домом была площадка, на которой жители Усть-Цильмы устраивали праздничные гуляния. В семье Степана Геннадьевича и Татьяны Александровны Андреевых было семеро дочерей: Мария, Любовь, Екатерина, Анна, Надежда, Вера и Софья (фото № 2).

В октябре 1923 г. старшая дочь Андреевых, Мария Степановна, вышла замуж за Дитятева Петра Николаевича, свадьба состоялась в с. Великовисочное Архангельской области. Степан Геннадьевич приезжал на свадьбу дочери, на обратном пути в Усть-Цильму он простудился и умер в ноябре 1923 г., возможно унеся с собой тайну своей скрипки. (НМРК, КП 10654, л.4).

Но остались жить на земле его дети и внуки, на их долю выпали все испытания, через которые прошли многие советские люди.

Отец Серафимы Петровны, Петр Николаевич Дитятев (1898-1976гг.), также был учителем, окончил Чарданское реальное училище в 1917 г. В 1919 г. он приехал в с.Усть-Цильму и поступил на работу в детскую колонию. Затем учительствовал в школах с. Нерица, Пижма, Рочево, Филиппово, Трусово, Усть-Цильма. (НМРК, КП 10654, л.4). Постепенно в молодой семье Дитятевых один за другим появились дети. Серафима Петровна вспоминает, что много любви и внимания уделяла детям их прабабушка по материнской линии Анна Ивановна Воронцова. В молодые годы она со своим мужем, Александром Родионовичем, который был почтмейстером, много ездила и многое повидала. После его смерти она переехала в с. Усть-Цильму к дочери, Татьяне Александровне Андреевой. Серафима Петровна припомнила, что ее прабабушка часто упоминала "какую-то Дашкову". На мой вопрос, не состояла ли ее прабабушка Анна Ивановна Воронцова в родстве с именитым графским родом, она отвечала, что та никогда об этом временни и родстве не рассказывала, боялась. Тогда многое было под запретом, даже празднование Нового года. В 30-е годы родители Серафимы Петровны не решались ставить новогоднюю ёлку для своих детей. Это делали старая и молодая бабушки и приглашали внучат к себе в гости. Приходя на новогоднюю ёлку к бабушкам, дети попадали в волшебный, сказочный мир: полумрак, чистота, в углу у иконы светится лампадка, на полу стоит красавица

елка, украшенная бусами, горящими свечами, пряниками "козульками", присланными родней из Архангельска. Пряники были сделаны из коврижного теста в виде зайчиков, оленей, девочек, дедов морозов и разукрашены цветной сахарной глазурью. А под ёлку бабушки клали детворе куличи или хлопушки с орехами. Жаль, что таких праздников и у детворы, и у взрослых было очень мало.

Бабушки одевались очень скромно, всегда ходили в темных платьях, хотя в заветном сундучке, обитом шкуркой нерпы, украшенном коваными с рисунком уголками, с потайным музыкальным замочком, хранились удивительно красивые и изящные туалеты их молодости: шляпки, шапочки, платья (НМРК, КП 10654, л.3). Этот сундучок до сих пор хранится у брата Серафимы Петровны, Николая Петровича Дитятева, что живет в д.Трусово Усть-Цилемского района.

В 30-е годы семья Дитятевых жила очень трудно, не хватало денег даже на продукты. Однажды к празднику Мария Степановна решила побаловать своих детей. Для этого она отнесла свое золотое обручальное кольцо и крестик дочери Серафимы в Торгсин, не предполагая, какие последствия повлечет за собой этот поступок. На вырученные деньги она купила кулечек риса, кулечек муки, сахара, бутылку растительного масла и кожаные сапожки для Серафимы. Вскоре после этого родителей по очереди стали вызывать в НКВД, требовали от них сдать золото. Мария Степановна сдала всё столовое серебро, своё приданое, но этого было мало. Требовали сдать именно золото. Однажды ночью к Дитятевым приехали какие-то люди, всё описали и распродали. Во время этой процедуры на ножках Серафимы были торгсиновские сапожки, их сняли прямо с ног ребенка и тоже продали. На ночь семью приютила соседка, а потом они перешли жить к бабушке. Отец был арестован и отправлен в лагерь на лесоповал, мать - на сельскохозяйственные работы на опытную станцию, где она проработала недолго, т.к. ждала ребенка.

После этого дети в школе стали сторониться Серафимы, дразнили её кулачкой. Мария Степановна много хлопотала, чтобы мужа освободили, написала даже обстоятельное письмо М.И.Калинину и переслала его с родственником в Москву. Через некоторое время из Москвы пришел ответ, что их семью восстановили в правах и вернут всё отнятое. Скоро был освобожден и отец, но семья распалась. Мария Степановна развелась с мужем и вышла замуж за Николая Евгеньевича Сперанского, и они переехали из Усть-Цильмы в Архангельск. Незадолго до войны семья перебралась в пос. Невские пороги под Ленинградом, не ведая, что этим переездом она обрекла себя на очень тяжелые испытания. Вскоре началась война. Семья Сперанских, как и другие жители поселка, вынуждена была покинуть свое жилище и отступить в сторону Ленинграда. Маленьких дочерей Аню и Риту родители несли на руках, а Серафима вела за руку шестилетнего братишку Толю. Расстояние немногим более 30 км преодолели за несколько дней, передвигаясь ночью по лесам. Когда добрались до Ленинграда, выяснилось, что родственники отчима эвакуировались, и им разрешили жить в их квартире на Фонтанке. Была уже введена карточная система, на некоторые карточки Сперанские успели кое-что выкупить. А 8 сентября во время сильной бомбежки были уничтожены Бадаевские склады с продовольствием, и продуктовый паек стали с каждым днем уменьшать (НМРК, КП 10654, л.5). Из-за обстрелов и бомбежек стекла в окнах домов были разбиты и заколочены фанерой. Ленинградцы стали умирать от голода и холода. Сперанских от холода спасла печурка, которую принес им сосед, пожалевший маленьких детей. На случай бомбежки, если придется прятаться в бомбоубежище, всегда была готова сумочка с документами и остатками еды, вода. Отчима взяли в армию, хотя у него было очень плохое зрение. Долго ждали от него писем. Первое письмо, которого дождались, было извещением о его гибели.

Но нужно было жить дальше - ходить за хлебом и водой, добывать дрова, заботиться о детях. Весной Мария Степановна начала ходить по инстанциям, просить, чтобы их эвакуировали. Обращалась за помощью даже в Смольный, там очень удивились, узнав, что ей удалось сохранить живыми всех четверых детей и сказали, что ее имя надо вписать в золотую книгу. Благодаря хлопотам Марии Степановны, разрешение на эвакуацию было получено, и семья с большим трудом добралась до большой земли, а затем и до Усть-Цильмы (НМРК, КП 10654, л.7). Здесь они и встретили День Победы.

Здесь же началась трудовая деятельность Серафимы. В 1946 г. ее перевели в Воркуту, где она и проработала 33 года в системе гидрометеослужбы. Там же вышла замуж и родила двоих дочерей. С 1979 г. Серафима Петровна Рогова живет в Сыктывкаре (НМРК, КП 10654, л.8).

Наше знакомство способствовало тому, что у нее появилось желание как можно больше узнать о своих корнях, она ведет большую переписку с родственниками.

Вот такое продолжение имела история о С.Г.Андрееве и его инструменте. Неудивительно, что скрипка продолжает волновать мое воображение, и я надеюсь, что ее секрет когда-нибудь будет раскрыт.

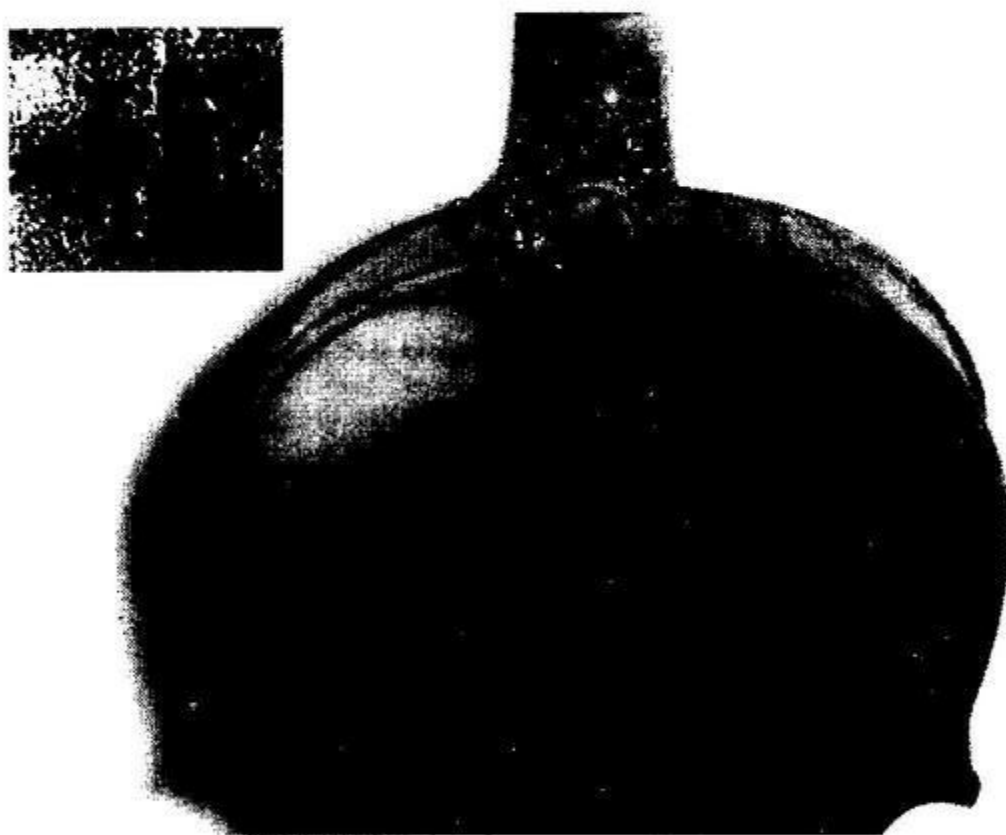

Фото 1. Скрипка. На корпусе латинские буквы "J" и "S".

Фото 2. Степан Геннадьевич и
Татьяна Александровна Андреевы.
1900-е годы, г. Архангельск

ИЗ ИСТОРИИ БОГАДЕЛЕН, ИНВАЛИДНЫХ ДОМОВ КОМИ КРАЯ В 1920-Е ГОДЫ

Н.И.Сурков, Коми государственный пединститут

Частью структуры Усть-Сысольского уездного отдела социального обеспечения был подотдел домов социального обеспечения.

По состоянию на декабрь 1920 г. в ведении последнего находилось 4 богадельни: Усть-Сысольская городская - 29 призреваемых, Подъельская - 6 человек, Деревянская женская - 10 человек и Ульяновская - 38 человек.

Для любознательного читателя было бы небезынтересно знать, когда были открыты упомянутые богадельни. Но, к нашему сожалению, на данном этапе мы не имеем возможности внести полную ясность. Что касается Усть-Сысольской городской богадельни, то по косвенным сведениям она была преемницей земской богадельни, функционировавшей с середины 90-х годов прошлого века. Можно надеяться, что со временем удастся обнаружить соответствующие документы в Национальном архиве Республики Коми (НАРК). В 1919 г. второй действующей упоминается Деревянская богадельня. А вот по следующим двум мы можем сообщить точные сведения о начале их работы. Так, 27 августа 1919 г. была открыта богадельня при Ульяновском советском хозяйстве. Базой открытой богадельни был известный в Коми крае монастырь. Открывал богадельню

заведующий Усть-Сысольским уездным отделом социального обеспечения Онуфрий Иванович Мысов, отец известного деятеля коми культуры артиста Пантелеймона Мысова. Акт об открытии подписали также местные руководители Павел Васильевич Митюшов, Василий Егорович Ульныров, Константин Васильевич Липин. Вначале в составе призреваемых было 24 человека, позднее их насчитывалось 38 человек.

26 октября 1919 г. был составлен акт об открытии Подъельской богадельни. Что касается контингента богадельни при Ульяновском советском хозяйстве (так она именовалась в документах), то в мае 1920 г. это были, в первую очередь, монахи монастыря - 16 человек, остальные люди преклонного возраста со многих волостей уезда. Возраст содержащихся колебался от 27 до 83 лет. По роду занятий 4 человека были профессиональными служителями культа, остальные, в том числе, и простые монахи, были когда-то чернорабочими, портными, слесарями, сапожниками, плотниками, столярами, пастухами и т.д. По состоянию здоровья среди призреваемых четыре человека "совсем немощные", три - парализованные, два - глухонемые, самый молодой из содержащихся 27-летний Иван Сибирцев имел диагноз "умственное расстройство". В числе призреваемых несколько человек в меру своих сил еще работали. Так, Африкан Маркелович Глебов, 61 года, работал сторожем, Яков Федорович Челпанов, 65 лет, - плотником совхоза, Петр Иванович Васев, 67 лет, пастухом совхоза.

Можно привести некоторые сведения о призреваемых Усть-Сысольской богадельни. К 1 декабря 1920 г. в ней находилось 29 человек. Из них 8 мужчин и 21 женщина. Возраст опекаемых - от 15 до 79 лет. 5 человек с диагнозами "идиот", "ненормальный", 3 - "слепой", несколько человек были парализованные, 26-летняя Курсина Екатерина была "без ног и без руки".

Упомянутый выше О.И.Мысов возглавил уездный отдел социального обеспечения летом 1919 г. в возрасте 42 лет. За его плечами был богатый жизненный опыт, работа во многих учреждениях дореволюционной России. Отец большого семейства, он был прекрасно подготовлен к этой ответственной и разносторонней работе. Кстати сказать, возможно поэтому, он дольше других заведующих продержался на этом посту в то переломное время в нашей истории. О.И.Мысов, как это можно судить по документам, был чутким и внимательным человеком, вникавшим во все проблемы социальной работы. Из многих документов можно сделать бесспорный вывод, что большая заслуга в расширении сети богаделен и дальнейшем совершенствовании их работы принадлежит Онуфрию Ивановичу. Он помогал богадельням своим житейским опытом и как официальное лицо, наделённое определенными полномочиями. Многие им лично делались для организации нормального питания призреваемых в богадельнях, что тогда было далеко не просто. К примеру, в декабре 1920 г. в рацион питания входили - толстые щи, грибной суп, картошка, парная репа, изредка суп с мясом и молоко три раза в неделю по 1,5 стакана на человека. Хлеб выдавался по одному фунту на день (НАРК, ф.639, оп.1, д.56, л.79).

О.И.Мысов, как свидетельствуют документы, не был чиновником и бюрократом, а скорее наоборот, ставил себя на место простого человека, глубоко вникая в его нужды. Об этом говорит любопытный документ. Это запрос - письмо, подписанное О.И.Мысовым, в адрес Северо-Двинского губсобеса 21 октября 1919 г. "Семейство красноармейцев, состоящее из отца 62 лет и матери 53 лет, нетрудоспособных, и детей (братьев и сестёр) 15, 12 и 9 лет, не получает красноармейского пайка, потому что один 17-летний брат, по постановлению комиссии по оказанию помощи красноармейцам от 27 февраля 1919 г. Какой же он кормилец такого семейства, поэтому отдел просит разъяснить, как поступать в

данном случае и на будущее время аннулировать такое постановление" (НАРК, ф.639, оп.1, д.42, л.249). Думается, здесь какие-либо комментарии излишни. Следует добавить, что личность Онуфрия Ивановича Мысова, человека большой души и доброго сердца, оставившего глубокий след в истории социальной работы в Коми крае, заслуживает более обстоятельного освещения.

В уездный отдел социального обеспечения постоянно обращались жители уезда с просьбой поместить их в богадельню. Вот строки из заявления гражданки г.Усть-Сысольска 7-й десяти Матрены Николаевны Деминой, 62 лет: "Совершенно не могу ходить и, не имея куска хлеба, сижу голодна, а поэтому прошу отдел социального обеспечения поместить меня в Советскую богадельню /городскую/". Просьба была удовлетворена 31 января 1920 г. (НАРК, ф.639, оп.1, д.253, л.5). А вот еще ходатайство: "Районный совет 8 десяти препровождает при сём гражданку Елену Степановну Сорвачеву для водворения в советскую богадельню, так как Елена Сорвачева от роду 19 лет совершенно калека и нуждается в посторонней помощи, в чем удостоверяет районный совет" (НАРК, ф.639, оп.1, д.253, л.7). Резолюция, подписанная Мысовым, также положительная. И последний подобный документ - это заявление Павлы Всеволодовны Снедковой. "По случаю дороговизны содержания в дальнейшем не видя посторонней помощи, я лишена возможности содержать душевнобольную дочь Елену Арсеньевну Снедкову, 28 лет. А потому прошу отдел социального обеспечения мою дочь Елену принять на ферму-богадельню" (НАРК, ф.639, оп.1, д.253, л.11). Просьба также была удовлетворена.

Как известно, в августе 1921 г. была образована Коми автономная область. Органам управления было предоставлено право решать самостоятельно многие вопросы. В связи с этим они столкнулись с проблемами, в чем мы можем убедиться, ознакомившись с письмом Коми областного комиссариата социального обеспечения в адрес Наркомсобеса от 5 октября 1921 г. В нем, в частности, отмечалось, что уже в июне 1921 г. фактически произошло выделение зырянской области в автономную единицу и лишь в конце августа она утверждена центром. "С этого времени, т.е. с июля месяца, органы собеса витали в воздухе, никем не управляемые, и работоспособность их если не совсем сошла к нулю, то очень упала". Не было квалифицированных кадров, отсутствовала информация свыше, негде было приобрести элементарные канцелярские принадлежности. Все же, несмотря на многие трудности, работа местных органов социального обеспечения налаживалась. Это подтверждает расширение сети инвалидных домов (богаделен) На 1 мая 1922 г. их насчитывалось уже 10, в них призревало, по наши подсчётам, 173 человека.

Как видим, до 1922 г. еще сохранялась тенденция увеличения количества инвалидных домов и расширения их контингента. Но уже со второй половины 1921 г. центральные органы власти в связи с новой экономической политикой стали проводить линию на свертывание социальной работы. Это коснулось и инвалидных домов. В них стали проводиться переосвидетельствования призреваемых с целью, как тогда отмечалось в актах, "социальной чистки" состава инвалидных домов. Мера эта была вынужденной, вызвана острой нехваткой средств, дефицитом всего и вся после гражданской войны.

Инвалиды I и II категорий обеспечивались квартирой, продовольствием, обмундированием и уходом.

В официальных документах постоянно напоминалось об экономном ведении хозяйства, строгом учете и расходовании продуктов питания и обмундирования.

Приведём некоторые сведения из акта контрольной комиссии по переосвидетельствованию инвалидов, содержащихся в Ульяновском инвалидном

доме 7 февраля 1922 г. К этому времени в нём было 32 человека. Из них 22 человека первой и второй категорий инвалидности, а остальные 10 человек - 3 и 4 категорий. Комиссия сделала заключение, что все причисленные к 4-й категории, а их 3 человека: Челпанов Яков Федорович, 67 лет, "болезни нет", Тупицын Пантелеймон Филиппович, 67 лет, "левосторонняя паховая грыжа", Сумароков Яков Федорович, 42 лет, "немой", - могут использовать те или иные работы для пропитания себя вне богадельни.

Особое мнение было высказано относительно "богадельщика" Латкина Ионникия Александровича, 62 лет, причисленного к 3-й категории, "функциональное расстройство сердечной деятельности". Он признан работоспособным и мог зарабатывать себе на пропитание тоже вне богадельни. Остальные причисленные к 3-й категории, как было отмечено, тоже могли своим трудом зарабатывать на пропитание, но в условиях, благоприятных для работ, как-то: обслуживание призреваемым в смысле "ухода, варки пищи, исполнять обязанности сторожа и т.д.". Причисленные ко 2-й категории 12 человек были признаны нуждающимися в доме социального обеспечения без постороннего ухода за ними. И, наконец, причисленные к 1-й категории нуждались в постороннем уходе. Эта группа с наиболее тяжелыми диагнозами - 4 человека парализованные, 3 человека - катаракта, слепота и др. заболевания.

В 1922 г. была проведена реорганизация инвалидных домов. К 1 июля 1922 г. было открыто вместо указанных выше 10 домов, три инвалидных дома производственного типа - Усть-Сысольский городской в 9-ти верстах от центра, Ульяновский - в Усть-Куломском уезде в 173 верстах, Печорский - 650-ти верстах, в которых было оставлено 130 человек (НАРК, ф.239, оп.1, д.30, л.10).

В состав городского включили призреваемых Кажимского, Нювчимского, Объячевского и Палевицкого инвалидных домов. В состав Ульяновского вошли Подъяельский и Деревянский.

Во вновь организованные инвалидные дома подлежало поместить только инвалидов войны как гражданской, так и империалистической, инвалидов труда, которые работали по найму и во время этой работы получили увечье. Инвалиды труда, которые до перехода на социальное обеспечение занимались самостоятельным трудом или вели хозяйство, имея земельный надел, а также природные инвалиды не подлежали помещению и переходили в ведение крестьянских комитетов общественной взаимопомощи или же состоятельных родственников. Исключения делались только на некоторое время, чтобы инвалиды не оказались выброшенными на произвол судьбы.

В декабре 1921 г. было издано постановление СНК, а 16 января 1922г. - циркуляр НКСО об использовании труда инвалидов в учреждениях социального обеспечения. Соответствующий документ 18 мая 1922 г. был направлен во все уездные отделы социального обеспечения Коми области, а это 5 административных единиц - г. Усть-Сысольск, Визингский, Устькуломский, Устьвымский, Печорский уезды.

Был установлен порядок: ежемесячно инвалидные дома предоставляли сведения об учете неполного труда инвалидов. К примеру, в течение года с июля 1922 г. по июнь 1923 г. в Усть-Сысольском городском инвалидном доме содержалось после реорганизации от 17 до 21 человека. Из них трудились в собственном хозяйстве 10-13 человек. Это инвалиды, в основном, 2-й категории, 1-2 человека - инвалиды первой категории.

С июля 1921 г. в составе городского инвалидного дома числился, как указано в списках, "неизвестный гражданин РСФСР", инвалид 2-й категории с диагнозом "тихое помешательство и полная глухота на оба уха". Возраст его был неизвестен,

видимо, он был совершенно неграмотным и у него невозможно было что-то выяснить. Но это был необычайно трудолюбивый человек. Он косил и убирал сено, собирал бруснику, убирал картофель, возил на поле навоз и заготавливал дрова на зиму. Вспоминается литературный герой рассказа И.С.Тургенева "Муму" Герасим. Вот этим "неизвестным" и начинался список работавших инвалидов. Из сведений за сентябрь 1922 г. мы узнаем, чем занимались инвалиды 2-й категории: Е.И.Налимова работала по домашнему хозяйству, ухаживала за скотом, И.Г.Мишарин ухаживал за лошадей, убирал овощи, Ф.Ф.Мерзляков убирал овощи, готовил яму для хранения овощей. Инвалиды 1-й категории: М.Мартынов с диагнозом "старческая маразма" собирал бруснику, Е.В.Филиппова чинила бельё. За сентябрь 1922 г. 11 инвалидов подготовили большую яму для хранения овощей, убрали приблизительно 200 пудов картофеля, 3 пуда лука, собрали 12 пудов брусники, 1 пуд сушёных и 2 ведра солёных грибов (НАРК, ф.239, оп.1, д.35, л.52).

Но не все работы были под силу инвалидам. К примеру, на период сенокоса, стогования приходилось обращаться за помощью.

Инвалидные дома имели свои подсобные хозяйства - одну лошадь, 3-4 коровы, несколько телят. За сентябрь 1922 г. в городском инвалидном доме вместе с остатком за август получено 18 пудов 30 фунтов молока, из которых 1 пуд 30 фунтов израсходовано на питание. Из молока получили 12 фунтов масла, 4 пуда 30 фунтов творога. Часть молочной продукции шла на продажу. Одно ведро кислого молока стоило 700 тыс. рублей в ценах того времени (НАРК, ф. 239, оп.1, д.35, л.64). Вырученные деньги можно было израсходовать на другие нужды инвалидного дома.

Нельзя считать, что инвалидные дома обеспечивали себя продуктами. Кроме того, что производилось в самих хозяйствах, целенаправленно выделялись мука ржаная, мясо, соль, ячмень на крупу, мука ячменная, масло скоромное, сельдь, отпускалось мыло, мыльный порошок и другие товары.

Инвалиды не только трудились в своем хозяйстве, по мере сил обеспечивая себя продовольствием, но и участвовали в кустарном производстве. Можно сослаться на акт комиссии по приему и оценке кустарного производства Усть-Сысольского инвалидного дома от 25 декабря 1922 г. Произведено 243 предмета: домики соломенные, коробочки, сумочки, игрушки ("старик-мороз", "заяц", "мухомор"), портсигары соломенные на сумму 27915 руб., которая заприходована на текущий счет. Было решено израсходовать эти деньги на нужды собеса (НАРК, ф.239, оп.1, д.35, л.90).

В докладе заведующего подотделом снабжения и учреждений социального обеспечения Е.А.Ворошниковой на коллегии отдела 27 декабря 1922 г. отмечено, что призреваемыми городского инвалидного дома "произведена доходность как в продуктивном, так и в денежном виде для усиления средств собеса: молочные продукты были проданы в сентябре больше чем на 800 руб., ёлочные украшения на 17000 руб., от переплёта книг - 19600 руб." (НАРК, ф.239, оп.1, д.35, л.80).

На коллегии областного отдела социального обеспечения было решено поощрить в честь нового года всех работавших инвалидов по 1 фунту сахарного песка, 1 фунту белого хлеба и для курящих выделить курительную бумагу (НАРК, ф.239, оп.1, д.35, л.80).

В ходе социальных чисток состав Печорского инвалидного дома к октябрю 1923 г. сократился до 8 человек. Содержать целое учреждение для такого количества призреваемых было признано нецелесообразным, и принято решение его ликвидировать, а имущество распределить между крестьянскими комитетами общественной взаимопомощи (НАРК, ф.239, оп.1, д.43, л.34).

В 1924 г. был ликвидирован Ульяновский инвалидный дом. В марте 1923 г. в нем содержалось 23 человека. Из них только четверо на 1 ноября 1924 г. числилось в городском инвалидном доме. Судьба остальных такова: кто-то был признан способным самостоятельно зарабатывать себе на пропитание, кого-то взяли родственники, иные завершили свой земной путь.

Было бы ошибкой считать, что люди, помещенные в богадельни, тихо и мирно, без проблем доживали свой век. Скорее наоборот, они активно себя проявляли. Документы свидетельствуют порой о сложных отношениях между призреваемыми, ссорах, конфликтах с администрацией, взаимных жалобах. Некоторые инвалиды признавались опасными как для себя, так и для окружающих.

Состав инвалидных домов постоянно обновлялся. Это хорошо видно из списков. Причины обновления были более чем веские: преклонный возраст, тяжёлые заболевания, физические недуги, инвалидность. Поэтому так много документов о списании, отпуске необходимого для умерших инвалидов. Но был хотя и единственный, но совершенно иного рода факт. Заведующий городским инвалидным домом с изумлением известил руководство областного отделения социального обеспечения о том, что призреваемая Малафеева Татьяна на девятом месяце беременности и её срочно надо отправить в роддом. Дальнейшая судьба её неизвестна.

В 1922 г. в богадельнях начали избираться комитеты призреваемых на общественных началах из 3-5 чел.

Как бы мы ни пытались анализировать прошлые события с позиции современности, не следует поддаваться конъюнктуре. Необходимо придерживаться объективных оценок. Время было непростое. Некоторые, как сейчас говорят, непопулярные решения были приняты в силу сложных обстоятельств. Но и то государство, надо отдать должное, при скудных ресурсах заботилось об инвалидах, людях, нуждавшихся в помощи.

Список сокращений:

НАРК - Национальный архив Республики Коми

СНК - Совет Народных комиссаров

НКСО - Народный комиссариат социального обеспечения.

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕСНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОМИ ОБЛАСТИ (КОМИ АССР) В 1920 - 1930 ГГ.

(По материалам Национального архива Республики Коми)

Н. А. Попова, Национальный музей РК

Леса Коми края до 1917 г. находились в ведении лесного казенного управления. В конце XIX в. с развитием промышленности возрастает интерес к северным лесам, в том числе и к лесам Коми края. Однако отсутствие развитой транспортной схемы не позволяло в полной мере осуществлять их разработку. К тому же управление лесным хозяйством затруднялось из-за больших площадей лесничеств (некоторые достигали до миллиона десятин), технический персонал которых просто не мог справиться со своими задачами.

По роду бывших владений удобная лесная площадь Коми области распределяется следующим образом: ведомство государственных имуществ - 19 940 077 десятин; казенно-крестьянские примежеванные леса - 389 743 десятин;

частновладельческие леса - 142 668 десятин. Итого: 20 472 488 десятин (НА РК, ф.р-407, оп. 1, д.447. С.13).

С установлением советской власти и отменой частной собственности на землю леса объявляются собственностью государства. Так, декретом ВЦИК от 27 мая 1918 г. утвержден "Основной закон о лесах", в соответствии с которым управление лесами возложено на Центральное управление лесами (ЦУЛ) при Народном комиссариате земледелия (НКЗ). Он же устанавливал основные правила организации лесного хозяйства и лесопользования. При губернских земельных отделах для заведования делами, касающимися лесного хозяйства, созданы лесные отделы земельных управлений.

Управление лесами со времени образования Автономной Области Коми (1921 г.) осуществлялось областным лесным отделом (Облесотделом). Он имел своей целью обследование лесных пространств, устройство лесов, сбережение их от истребления и истощения, разведение и эксплуатацию лесов, строительные-технические и статистические работы по лесному хозяйству.

Лесной отдел разделялся на подотделы: 1) устроительно-статистический, 2) лесокультурно-мелиоративный, 3) эксплуатационный, 4) административный (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.308. С.2).

Начальником Облесотдела был Тюлин Валериан Ульянович, лесовод, на службе 16 лет. Помощник начальника Облесотдела - Суворов Павел Николаевич, лесовод, на службе 15 лет. Зав. административным отделом - Мурогин Илья Васильевич, лесовод, на службе 14 лет. Зав. лесохозяйственным отделом - Забелин Василий Иванович, лесовод-экономист, на службе 1 год (НА РК, ф.р-407, оп. 1, д.308. С.48). С 1925 г. Забелин становится заведующим Областным лесным отделом, в 1929 г. он увольняется со службы по собственному желанию (НА РК, ф.р-407, оп. 1, д. 483, 602).

На 1921 г. в области было 18 лесничеств, которые подчинялись непосредственно Облесотделу. В связи с учреждением Автономной Области Коми (зырян) в нее по принципу территориальности вошли следующие лесничества: Усть-Сысольского уезда - Усть-Сысольское, Сысольское, Вычегодское, Сидоровское, Помоздинское, Усть-Немское, Небдинское, Койгородское, Печорское, Троицкое, Летское, Ношульское, Визингское; Яренского уезда - Пожегское, Вымское, Удорское, Вашское; Архангельской губернии - Ижемское (НА РК, ф.р-407, оп. 1, д.312. С.24).

В июне 1922 г. по постановлению Областной земельной коллегии (Обземколлегии) по лесному отделу образовано Турьинское лесничество путем выделения последнего из огромных площадей Удорского и Вымского лесничеств. Причем площадь вновь образованного лесничества тоже была немалая - 1 034 509 десятин (НА РК, ф.р-407, оп. 1, д.312, л. 18об., 96.).

Таким образом, лесничеств становится 19, но уже к августу 1922 г., вследствие бедственного финансового положения лесного отдела и постановления Обземколлегии, некоторые лесничества были слиты и их становится 14 (НА РК, ф.р-407, оп. 1, д.308, л.45об.).

В штат лесничества входили лесничий, помощник лесничего, делопроизводитель, счетовод, сторож-кладовщик (сторож-курьер), лесная стража, состоящая из объездчиков и лесников. Состав лесной стражи зависит от числа объездов и обходов в каждом лесничестве.

В 1923 г. из Архангельской губернии в ведение Коми области переходит лесная площадь Большеземельской тундры (12 млн десятин) (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.373, л.117).

В сентябре-октябре 1918 г. исполком Усть-Сысольского уездного Совета вынес решение о национализации Нювчимского, Кажимского и Нючпасского заводов. Однако национализация не была утверждена ВСНХ, и с конца 1918 г. заводы фактически стали общенародной собственностью. До революции эти заводы имели в своем распоряжении на посессионном праве специальные лесные дачи: Кажимский в 75 тыс. десятин, Нючпасский в 25 тыс. десятин, Нювчимский в 22 тыс. десятин. Теперь заводам на пользование лесом назначается плата, причем такса настолько велика, что заводы, построенные на хозрасчете, не в состоянии заготавливать нужное для них количество древесины, т.к. в случае платного отпуска лесоматериалов стоимость продукции заводов будет настолько велика, что они не выдержат никакого хозрасчета. Правление заводами обращается в лесной отдел области Коми с ходатайством о передаче лесных дач в ведение управления заводами, но последний ответил, что не настолько компетентен, чтобы разрешить ходатайство, поэтому вопрос остался открытым (НА РК, ф.р-407, оп. 1, д.309, л. 8 об.).

Следующим важным шагом в организации лесного хозяйства было утверждение в 1923 г. "Лесного кодекса РСФСР", которым была создана единая система лесного хозяйства в стране. В статье первой говорилось: "Все леса и земельные площади, предназначенные для выращивания древесины и нужд лесного хозяйства, ограниченные в установленном для того порядке от земель иного назначения, составляют собственность рабоче-крестьянского государства и образуют единый государственный лесной фонд".

Все леса были разделены на леса общегосударственного, местного и особого назначения. Леса общегосударственного значения предназначались для эксплуатации с промышленной целью. Так, в статье 16 читаем: "Для ведения правильного лесного хозяйства в дачах государственного значения, по особым инструкциям Народного Комиссариата Земледелия, составляется план хозяйства, устанавливающий оборот рубки или хозяйства, размер и порядок всех лесных пользований, а равно основания работ по лесовосстановлению, лесоразведению и уходу за лесом" (Лесное законодательство РСФСР. 1924. С.7,9). Леса местного значения предназначались исключительно для удовлетворения нужд крестьянского населения в строительных и топливных материалах. Причем такие категории потребителей, как беднейшее население, красноармейцы, погорельцы, переселенцы, работники лесного хозяйства, а также школы и больницы, дорожное строительство могли получать древесину льготно или бесплатно (НА РК, ф.р-407, оп. 1, д.510, л.2). Под категорию лесов особого назначения попадали леса, закрепленные за государственными, промышленными и транспортными предприятиями, а также горнозаводские, городские и учебно-опытные леса.

Возник вопрос в отношении оброчных статей¹ Лесного ведомства, которые в годы революции вошли в состав землепользования крестьянских обществ. Областная Комиссия по разграничению госземимущества, считаясь с этим фактом, на заседании от 27 января 1924 г. постановила исключить из госземимущества все бывшие оброчные статьи Лесного ведомства как перешедшие в трудовое пользование крестьян. Всем уездным исполнительным комитетам были разосланы распоряжения от 7 февраля 1924 г., в которых говорилось: "Все бывшие оброчные статьи передаются в бесплатное пользование населению и в списки как государственного, так и местного имущества занесению не подлежат". На 1 января 1924 г. по Коми области значилось оброчных статей общей площадью 10494

---

¹ Оброчные статьи Лесного ведомства - лесные угодья, сланные в аренду крестьянам, за что Лесное ведомство получало финансовый доход.

десятин (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.423, л.24, 75, 79.). Таким образом, оброчные статьи остались в ведении лесного хозяйства и не входили ни в одну из перечисленных категорий лесов.

Огромный ущерб лесному хозяйству наносили пожары, поэтому большое внимание уделялось охране лесов. Так, постановлением Совета Труда и Оборона от 27 мая 1920 г. было установлено, что за пожар, возникший вследствие неосторожного обращения с огнем в лесу или близ леса, а также за уклонение от работ по тушению пожаров виновные подлежат ответственности перед судом Революционного трибунала.

Необходимость строгих мер в охране лесов нашла соответствующее выражение и в уголовном законодательстве того времени. В уголовном кодексе РСФСР (1922 г.) говорится, что за нарушение законов и обязательных постановлений, установленных в интересах охраны лесов от хищнической эксплуатации и истребления, а также за ведение лесного хозяйства с нарушением установленного плана предусматривалось уголовное наказание в виде лишения свободы или принудительных работ на срок до одного года с конфискацией незаконно заготовленной древесины (Лесное хозяйство СССР за 50 лет (1917-1967) 1967. С.140.). Вероятно, такие строгие меры были следствием бессистемной рубки лесов в годы гражданской войны и интервенции.

В 1922 г. вышло постановление Областного Исполнительного Комитета Автономной Области Коми об ответственности за самовольные порубки леса и прочие нарушения основного закона о лесах и о порядке рассмотрения этих дел народными судами, где, в частности, говорилось: "Принимая во внимание, что борьба с нарушениями основного закона о лесах необходима и что нормы ответственности за нарушение его до сего времени точно не регламентированы, Областной Исполнительный Комитет ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Всякое самовольное пользование лесами, составляющее народное достояние, безусловно воспрещается.

2. Виновные в нарушении 1 п. Настоящего постановления подлежат преданию народному суду и караются в зависимости от повторности нарушения, важности и злостности его, лишением свободы на срок до одного года или принудительными работами до 6 месяцев или штрафом до 500 руб. золотом с конфискацией незаконно добытого и со изысканием одинарной стоимости его в возмещение убытков лесного ведомства" (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.307, л.63).

В разделе VII Лесного кодекса (1923 г.) говорится, что организация охраны лесов возлагается на губернские лесные органы и лесничих вверенных им лесничеств от пожаров, самовольных порубок и всяких иных повреждений, равно как от всякого незаконного пользования в лесах.

Инструкция лесной страже (1924 г.) гласит: "Лица лесной стражи при исполнении служебных обязанностей всегда должны иметь при себе оружие, которое должно быть в исправном виде. Лица лесной стражи пользуются правами милиции в отношении задержания самовольных порубщиков, а также производства обысков и призывов граждан для тушения лесных пожаров" (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.346, л.17-27).

В Коми области лесничие имели право на ношение револьвера системы Смит-Вессон, лесная стража - винтовки "ГРА", причем каждый патрон стоял на учете и за их использование лесничий обязан был отчитаться в Лесной отдел. Так, например, лесничий Локчимского лесничества Оплеснин от 28 июня 1928 г. представил в Лесной отдел нижеследующий акт: "Сего числа при возвращении с работы по проверке клеймения в квартале 170, на тропинке в квартале 204, во время отдыха, на нас случайно набрели два медведя, причем один из них

приблизился шагов на 10-15. Ввиду возможности нападения, мной, за отсутствием ружья, было произведено 2 (два) выстрела из находившегося при мне казенного револьвера Смит-Вессон, в результате которых медведи скрылись в лесу”.

Лесничий Летского лесничества отчитался в следующем: “При сем представляю в Лесной отдел восемнадцать (18) гильз от израсходованных патронов лесной стражи к винтовке “ГРА” (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.590, л.5,9).

В объяснительной записке к смете расходов по противопожарным мероприятиям на 1925/1926 год говорится, что охрана лесов в Коми области может быть поставлена на надлежащую высоту при наличии широко развитой телефонной сети лесничеств, достаточного количества пожарных вышек, при наличии необходимого штата пожарных сторожей, при снабжении нужным противопожарным инвентарем всех лесничеств и при государственном субсидировании средств на уплату труда рабочих по тушению пожаров (НА РК, ф.р-407, оп. 1, д.377, л.73).

Но нормальной работе лесничих в Коми области мешало подчас отсутствие обычных сапог, что подтверждается архивными материалами: “От лесничего Усть-Сысольского лесничества от 20 сентября 1921 г. Ввиду предстоящих работ по лесничеству, связанных с отводом делянок на текущий год, а, равным образом, осмотром и обследованием переселенческих участков и чисто хозяйственными и лесозаготовительными операциями, прошу распоряжений о выдаче для этих целей простых непромокаемых сапог... Принимая во внимание вышеизложенное и за неимением таковых, могущих обслуживать меня, прошу в срочном порядке Заведующего Облескомом принять зависящие меры, ибо дальнейшая работа по лесничеству будет тормозиться подобным обстоятельством и отзываться на общем ходе работ” (НА РК, ф.р-482, оп.1, д.27, л.19 об.).

Видимо, в то время проблема сапог была очень актуальна, если даже на I съезде лесничих, проходившем в мае 1922 г., в докладе койгородского лесничего Маланьина прозвучало следующее: “Я просил бы съезд обсудить меры, направленные к снабжению лесной администрации и стражи обувью, потому что босому человеку в лесу вообще, а в горячем тем более, ходить нельзя, и, следовательно, невыдача служащим обуви будет причиной отказа их от выполнения обязанностей, потому что они действительно босы, голы и голодны. Ведь имеется факт, что в Койгородском лесничестве вследствие неснабжения стражи обувью, одеждою и продовольствием ушло со службы 8 человек” (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.328, л.33).

В годовом отчете за 1923/1924 гг. указываются следующие данные: общая площадь лесов по области Коми - 29037706 десятин, из которых удобной лесной почвы - 18484071 десятин, покрытой лесом площади - 17898279 десятин. Распределение покрытой лесом площади по господству пород будет приблизительно таково: сосна - 56%, ель - 25%, смешанных хвойных - 1%, смешанных лиственных - 18%.

При отсутствии удобных транспортных путей недостаточности штата, кредитов нельзя было претендовать на более широкий размах работы. Главное внимание со стороны Лесного отдела уделялось эксплуатации лесов крупными лесозаготовительными организациями и извлечению наибольшей доходности, урегулированию отпуска леса местному населению, работе по переселениям, расчисткам и распашкам, очистке леса от захламленности и разрешению возникающих в процессе работ вопросов принципиального характера (НА РК, ф.р-407, оп.1, д. 330, л.35-36).

Главным рынком сбыта, как и до революции, был внешний рынок (Англия), куда направлялся главным образом пиловочный материал как в сыром, так и

обработанном виде (доски), а также шпалы заграничного типа. Внутренних лесных рынков не было.

Главными лесозаготовителями в лесных массивах области являлись:

1. Государственный Трест "Северолес", работавший в 10 лесничествах: Усть-Немском, Небдинском, Турьинском, Усть-Сысольском, Ношульском, Летском, Пожегском, Вымском и Удоро-Вашском.
2. "Руссанглолес", работавший в Помоздинском лесничестве, и "Руссголландлес", имевший концессию на Вычегодское лесничество.
3. Пермская железная дорога, государственные учреждения области и местное население.

Лесные материалы, заготовлявшиеся для внутреннего потребления, доставлялись по преимуществу сплавом и лишь в незначительном количестве для нужд населения - гужем. Для транспортировки леса на внешние рынки служил исключительно водный путь, - несколько судоходных и многочисленных сплавных реки и их притоки. Существовало четыре самостоятельных водных бассейна: Волжский, Печорский, Мезенский и Северо-Двинский. На реки приходилось смотреть как на единственные пути транспорта и как на единственные пути сообщения в таежных лесах области летом, осенью и весной (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.330, л.52-53, д. 373, л.126).

27 марта 1923 г. советское правительство заключило договор с полномочными представителями общества "Руссголландлес" о предоставлении последнему концессии на хозяйственную эксплуатацию Черевковского (Северо-Двинская губерния) и Вычегодского (Коми область) лесничеств на 20 лет. Предоставленные в концессии лесничества оставались в общем административном подчинении органов Народного Комиссариата Земледелия. На них распространялись все законы и правила относительно лесного хозяйства. В концессионном договоре говорится, что "предметом концессии является право эксплуатации концессионером Черевковского и Вычегодского лесничеств путем использования, согласно плану хозяйства, произрастающей на отводимых концессионеру лесосеках древесины, механической и химической переработки таковой, сбыта вырабатываемых материалов и продуктов, и другими, не противоречащими закону и настоящему договору, способами". В договоре также оговариваются плата за концессию, права и обязанности концессионера, дается краткий очерк лесничеств.

"Руссголландлес", а также "Руссанглолес" заготовляли исключительно пиловочный лес для экспорта за границу и шпалы. В Вычегодском лесничестве площадь и состав концессии выглядят следующим образом (в десятинах) (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.372, л.1-5):

Общая площадь	1268693
в том числе:	
удобной лесной	1172462
угодий	6053
болот	85091
прочей неудобной площади	5087

О развитии деревообрабатывающей промышленности в этот период говорить еще рано. Так, в архивных материалах за 1923-1924 гг. можно прочитать следующее: "Деревообрабатывающая промышленность и деревообрабатывающие кустарные промыслы в пределах области развиты весьма и весьма слабо. Химическая и механическая переработка древесины в области не развиты. Из лесопильных заводов на территории области имеется только один, который находится в устье р. Печоры и принадлежавший в дореволюционное время шведской компании "Стелла Поларе". В ведении области он находится только с

начала 1923 г. и как разрушившийся значительно от пожара в настоящее время отстраивается. Предполагается из 14 рам, прежде работающих, оборудовать только шесть" (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.373, л.121).

Главным занятием населения по-прежнему является сельское хозяйство; подсобным - заготовка и сплав леса. Кроме того, жители занимаются охотой на птиц и зверей и рыбной ловлей, и занятия эти служат большим подспорьем к основному сельскохозяйственному промыслу. Цена на рабочие руки в лесном промысле: летом - 1 руб. - 1 руб.20 коп., зимой - 60-70 коп. На заготовке леса работали и мужчины, и женщины, и даже дети (фото 1). Работа распределялась таким образом, что двое рубят, а один отвозит лес на катище² и складывает их там в штабеля (фото 2). Случалось и так, что сначала нарубят сразу в разных местах десятка два-три бревен, а потом уже приступают к их разделке. Чтобы их не присвоили другие и во избежание всяких случайностей, рубщики "кладут" на деревья свои метки, а т.к. большинство неграмотные, то метки эти делаются топором, то в виде креста, то в виде бубнового туза и проч. По этим меткам каждый хозяин и узнает свой лес (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.300, л.13об).

По местным заготовительным ценам вывозится из пределов области пушнины и пернатой дичи на сумму от 1 до 2 млн руб., в зависимости от состояния промысловых животных. Это составляет заработок одного охотника-промышленника в среднем от 75 до 150 руб. в охотничье-сезонный год (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.330, л.62).

В период восстановления народного хозяйства начали проводить лесоэкономические исследования. В Коми область направляются две крупные лесоэкономические экспедиции: в 1925 г. - Мезенская, под руководством Гулюшкина Г.Г., и в 1926 г. - Печорская, под руководством Миловановича Д.А. Основной задачей Мезенской экспедиции являлось выявление запасов древесины, сортиментация их и выяснение перспектив развития лесной промышленности в бассейне Мезени. Кроме того, экспедиция должна была определить возможности использования части лесных угодий для сельского хозяйства и разработать мероприятия по созданию новых сельскохозяйственных районов и устройству переселенцев³. Экспедиция разработала схему организации лесного хозяйства и развития лесной промышленности, составила карту обследованной части Мезенского бассейна. Были обследованы только те лесные массивы, которые могли быть вовлечены в эксплуатацию в ближайшее время. Данные о лесосырьевых ресурсах Удорского и Вашского лесничеств (бассейн р. Мезени) базировались на материалах обследования 1901 г., произведенного лесным департаментом России. После экспедиции 1925 г. лесоустроительные работы в бассейне р. Мезени до 1957 г. не проводились.

Еще в 1923 г. ижемскому и помоздинскому лесничим отдел обземуправления отправил следующее сообщение: "В ближайшем будущем предполагается "Северолесом" лесозаготовка материалов в Ижмо-Печорском крае. Для ознакомления с состоянием лесных массивов, а равно и выяснения экономических условий края "Северолесом" с разрешения Центра командирован на Ижму и Печору специальная экспедиция во главе с лесоустроителем Миловановичем. Придавая этой экспедиции немаловажное значение в деле эксплуатации лесов на Печоре, лесной отдел просит Вас оказывать участникам экспедиции всемерное

² Катище - место складки бревен, леса, которое, как правило, устраивали на мелких лесных речках.

³ Переселенцы - крестьянские семьи из центральных губерний России, которым в Коми крае (в основном это Усть-Сысольский и Яренский уезды) выделяли земельные наделы.

содействие вплоть до назначения в их распоряжение лесной стражи, где это будет признано крайне необходимым, а также в выдаче разного рода справок. Помимо этого, крайне желательно Ваше близкое ознакомление с содержанием добытых экспедицией сведений в районе вверенных Вам лесничеств" (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.330, л.62). Общая площадь лесов, охваченная исследованиями Печорской лесоэкономической экспедиции в 1926 г., составила около 4,6 млн га.

Материалы Мезенской и Печорской экспедиций хотя и не дают полного представления о лесосырьевых ресурсах исследованных бассейнов, но в свое время имели значение для планирования развития лесной промышленности. Так, на основании материалов Мезенской экспедиции был разрешен вопрос о мощности лесопильного завода, построенного при устье Мезени.

С 1924 г. возобновляются лесоустроительные работы, прерванные гражданской войной, и в этом же году были устроены Помоздинское и Вычегодское лесничества общей площадью 2355173 га. В 1926 г. произведено устройство Вымского лесничества на площади 400858 га, в 1927 г. - лесоустройство Усть-Сысольского лесничества общей площадью 662062 га. В 1928 г. - устройство Ношульского⁴, Летского и Вислянского лесничеств общей площадью 1870000 га, где также проводились таксация и съемка на план всех лесонасаждений и выявление сырьевых ресурсов для фанерного, соломокорубильного и спичечного производства.

Лесоустроительные работы делятся на два периода: летний (с мая по сентябрь) - для проведения полевых работ, и зимний - для производства камеральных работ. При лесоустройстве, т.е. организации лесных площадей, в лесничествах образуются две хозяйственные части: первая с наибольшим массивом лесонасаждений, где проводится выборочная рубка древесины, которая идет на заграничные и областные рынки. Хозяйственная часть, где проводится сплошнолесосечная рубка, предназначена для удовлетворения нужд местного населения, промышленности, учреждений в строевых и дровяных материалах.

До 1928 г. лесоустроительные работы в лесах государственного значения были централизованы и весь штат лесоустроительных партий находился в непосредственном распоряжении Центрального управления лесами. С 1928 г., согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июля 1927 г., общее руководство лесоустроительными партиями находилось в ведении губернских и областных земельных управлений по линии лесных отделов по месту производства работ. Таким образом, на лесной отдел возлагались учет личного состава партий (прием и увольнение), хранение всех плановых документов и лесоустроительных отчетов, финансирование, проверка и контроль денежной отчетности, снабжение партий геодезическими инструментами и т.д. Заведующий лесоустройством Коми области утверждался в ЦУЛе по ходатайству земельного управления. Местожительство лесоустроительных партий было в Ленинграде, где помещалась чертежная для камеральных работ; в связи с новой организацией работы штат должен был переехать в Усть-Сысольск, однако здесь не было ни благоустроенных квартир для работников, ни подходящего помещения для службы, поэтому долгое время люди работали в Ленинграде, пока решался "квартирный вопрос" в Усть-Сысольске (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.534, 538).

На 1926/27 гг. в Коми области значится 18 лесничеств: Ижемское, Троицко-Печорское, Вислянское, Усть-Немское, Усть-Куломское, Помоздинское, Локчимское, Небдинское, Турьинское, Вымское, Пожегское, Удорское, Вашское,

---

⁴ В 1929 г. Ношульское лесничество разделили на два: Лоемское и Ношульское, поэтому лесоустроительные работы проводились на территории вновь образованных лесничеств.

Ношульское, Койгородское, Визингское, Усть-Сысольское, Летское. Удоро-Вашское разделили на Удорское и Вашское лесничества. Сысольское - на Койгородское и Визингское. Вислянское лесничество образовано путем объединения Чусовской и Вишеро-Колвинской дач, которые перешли на основании постановления ВЦИК от 1925г. от Уральской области к Коми (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.361, л.62).

В 1927/28 гг. лесничеств уже двадцать: Троицко-Печорское разделили на Троицко-Печорское и Якшинское, Помоздинское - на Помоздинское и Мыелдинское (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.606, л.9).

В 1929 г. Ношульское лесничество разделили на два: Ношульское и Лоемское.

В июле 1929 г. по постановлению ВЦИК из Вятского округа в Коми область была передана Слудская волость, и на этой территории было образовано Слудское лесничество общей площадью 70164,8 га, в т.ч. покрытой лесом - 58927,7 га. (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.601, л.8, д.604, л.12).

В начале 30-х гг. проводится разукрупнение лесничеств. Так, в 1929/30 гг. Небдинское лесничество делится на Вишерское и Нившерское, из Койгородского и Визингского лесничества образованы Койгородское, Визингское и Палаузское.

В 1930/31 гг. Усть-Сысольское лесничество делится на Усть-Сысольское и Ибское, Вашское лесничество - на Ертомское и Вашское.

В 1931/32 гг. Турьинское лесничество делится на Елвинское и Шеномское, Удорское - на Удорское и Глотовское.

В 1932/33 гг. четыре лесничества: Помоздинское, Ижемское, Троицко-Печорское, Якшинское - разделили на 6 лесничеств: Помоздинское, Ухтинское, Ижемское, Щугорское, Троицко-Печорское и Якшинское.

Таким образом, лесничеств становится 29 (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.538, л.239).

Проблема штатов лесного отдела и лесничеств продолжает оставаться актуальной. В 1927 г. Исполнительный Комитет области Коми обращается в СНК РСФСР об увеличении штатов служащих в лесном хозяйстве, однако ходатайство было оставлено без удовлетворения, а штаты подвергались дальнейшему сокращению. Да и лесные специалисты не рвались на службу в лесные районы, т.к. условия жизни и службы были крайне тяжелыми. Характерно уже то, что в лесничествах не было специалистов с высшим образованием. Так, на 1925/26 гг. лесных специалистов, имеющих высшее образование было только четверо (!) из 323 служащих, и среди них ни одного лесничего (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.483, л. 1-21, д.464, л.95).

В целях повышения квалификации и заинтересованности лесных работников области, Облисполком просит СНК повысить денежное содержание штатных единиц на 25% и ввести климатические надбавки. Облисполком в своем ходатайстве в СНК писал: "Область Коми, имеющая 32400714 га общей лесной площади, достигшая эксплуатации леса до 3686896 кубометров и давшая валового лесного дохода в истекшем 1926 г. 2781282 руб., по удельному весу среди других губерний и областей РСФСР занимает далеко не последнее место и, казалось бы, заслуживает, чтобы на нее обращено было внимание со стороны высших центральных органов, в целях создания обстановки, обеспечивающей не только нормальное ведение лесного хозяйства, но и его развитие. На основании вышеизложенного Исполнительный Комитет Автономной области Коми настоятельно просит СНК РСФСР увеличить штаты лесного аппарата области и увеличить средства на зарплату, разъезды, хозяйственные, канцелярские и почтовые расходы" (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.502, л.31).

В 1928 г. земельное управление Коми Области обращается в Народный Комиссариат Земледелия РСФСР с просьбой о предоставлении льгот лесным специалистам, т.к. без урегулирования вопроса о льготах и повышения зарплаты

привлечение специалистов на службу в Коми Область является трудно разрешимой задачей. Однако Народный Комиссариат Труда ответил, что "перечень должностей, занятие которых дает право на дополнительные льготы, является исчерпывающим и расширенному толкованию не подлежит" (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.583, л.3-4).

На 1925/26 г. среднемесячная ставка лесных работников распределялась следующим образом: заведующего областным лесным отделом - 163 руб., лесничего - 100-105 руб., помощника лесничего - 65-70 руб., объездчиков - 32 руб. 60 коп., лесников - 21 руб. Но зарплата своевременно не выдавалась, а также в поисках лучших условий службы специалисты переходили в организации лесной промышленности, где зарплата выдавалась своевременно и оплата труда была выше (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.483. С.32-33, д.502. С.32).

На 1928/29 гг. среднемесячная зарплата лесничего в Коми области была 135 руб. В этот же период зарплата врача составляла 195 руб., инспектора народного образования - 182 руб., агронома и землеустроителя - 162 руб. (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.606, л.81).

Интересы лесного хозяйства и лесной промышленности не только тесно соприкасаются, здесь развитие одного зависит от развития другого. В 30-е гг. делался упор на развитие лесной промышленности, этому способствовало удобное географическое положение области, близость леса к потребителям и достаточное количество сплавных рек. Организация и развитие лесного хозяйства отступалона второй план, и "из всех лесных работ по области проводятся только очистка леса от захламленности и в некоторой степени прочистка квартальных просек, чтобы предотвратить возникновение лесных пожаров" (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.330, л.44). Этим занимались и лесничества, и лесозаготовители, которые обязаны были проводить очистку мест рубок.

В 1929 г. ВЦИК определил основные направления развития лесного хозяйства, о чем говорится в следующем постановлении: "Лесное хозяйство: а) является основной сырьевой базой для строительства в промышленности, потребляющей древесину, б) служит одним из главных энергетических ресурсов страны, в) является одним из основных источников неналоговых доходов, г) является объектом приложения труда многих миллионов крестьян и составляет главнейший источник существования для населения основных лесных районов" (Лесное хозяйство и лесная промышленность области Коми. 1935. С.6).

В ноябре 1929 г. в соответствии с постановлением ВЦИК существовавшие на территории РСФСР лесничества были реорганизованы в лесхозы и леспромхозы, в руках которых сосредоточились все работы по охране лесов, лесовосстановлению, лесозаготовкам, обработке и сбыту древесины. Центральным органом управления лесным хозяйством и лесной промышленности с сентября 1930 г. становится ВСНХ СССР.

Первоначально в Коми области было создано 8 леспромхозов - "крупных фабрик леса", как их называли в то время, но в связи с дальнейшим быстрым развитием лесозаготовительной промышленности увеличивалось и число леспромхозов, расширялись лесоустроительные работы.

Постановлением СНК СССР от 31 июля 1931 г. "Об организации лесного хозяйства" все лесные массивы страны разделены на две зоны: лесокультурного и лесопромышленного значения. Зона лесокультурного значения передана в ведение Народного комиссариата земледелия, а зона лесопромышленного значения оставлена в ведение ВСНХ СССР. С 1932 г. в связи с организацией Народного комиссариата лесной промышленности СССР ему переданы леса лесопромышленного значения.

В немалой степени развитие экономики Коми области было обеспечено за счет применения подневольного труда. Спецпереселенцами становятся крестьянские семьи, насильственно высланные из своих районов. У выселенных крестьян появляется и надежная "прописка" - концлагеря и поселки. С конца 20-х и особенно во второй половине 30-х годов Коми область становится одним из основных районов размещения лагерей и спецпоселков, которые входили в разветвленную сеть ГУЛАГа. Спецпереселение имело своей целью освоение экономически перспективных, но отсталых в промышленном плане и малозаселенных территорий, какой и была Коми область в 20-30-х гг. Спецпереселенцы работали на лесозаготовках, сплаве, сельскохозяйственных работах, в сфере обслуживания, на строительстве и ремонте дорог. В 1932 г. спецпереселенцы давали почти 12% объема лесозаготовок в области. На лесозаготовках работали и раскулаченные коми крестьяне, т.к. их за пределы Коми не вывозили.

С 1930 по 1957 гг. на территории Коми края действовало 12 лагерей, которые создавались по отраслевому принципу. В Коми действовало два лесозаготовительных лагеря - Устьвымлаг и Локчимлаг, которые находились в ведении управления лесных лагерей. Устьвымлаг находился на территории нынешних Княжпогостского и Усть-Вымского районов, Локчимлаг - на территории нынешних Корткеросского и Усть-Куломского районов. Устьвымлаг действует с 1930 г. и по настоящее время. Локчимлаг существовал с 1937 г. по лето 1940 г. На его создание ушло 55 млн руб., запасы древесины к моменту передачи лагеря в Наркомлес составили 258 млн кубометров. Отдача от лагеря намного превышала расходы на его содержание, т.к. выпускаемая древесина имела стратегическое значение. Так, в справке о заготовке спецдревесины по Локчимлагу на 10 декабря 1938 г. перечислены виды продукции: авиасосна, авиаель, авиалиственница, сосна палубная, сосна понтонная и т.д.

В 1927 г. был создан трест "Комилес", состоявший из восьми леспромхозов (Сыктывкарский, Усть-Вымский, Сысольский, Сторожевский, Усть-Куломский, Троицко-Печорский, Ижемский, Кожвинский, Усть-Цилемский), на долгое время ставший основным производителем древесины на территории Коми.

В лесозаготовительный сезон 1929/1930 гг. "Комилес" получил 20 импортных тракторов. В 1931 г. тракторный парк леспромхозов пополнился тракторами отечественной марки "Коммунар". В 1934 г. на вывозке леса работало 37 тракторов, но основная масса леса вывозилась на крестьянских лошадях. Кстати, основной рабочей силой в лесозаготовительной промышленности было крестьянство, которое без осуществления коллективизации "загнать" на лесозаготовки было практически невозможно. А на каждый колхоз был спущен план лесозаготовок. В 1928/29 гг. в лесозаготовительной промышленности появляются постоянные лесные рабочие.

В 1921-1925 гг. лесозаготовки базировались исключительно на ручном труде. Единственными орудиями производства оставались поперечная пила и топор, да и тех порой было недостаточно. Так, например, Удорский районный лесозаготовительный комитет в 1921 г. сообщал: "Снабжение рабочих лесозаготовительным инструментом, как-то: пилами, напилками, топорами и веревками - крайне необходимо, т.к., не получая последние годы несколько лет подряд означенных инструментов, таковая в хозяйствах удорцев отсутствует и может служить тормозом ходу заготовок" (НА РК, ф.р-482, оп.1, д.27, л.7).

С 1935 г. началось массовое внедрение более удобных в эксплуатации лучковых пил, благодаря чему производительность труда на валке леса повысилась на 26% (фото 3).

В связи с возникновением угольной и нефтяной промышленности в бассейне Печоры, с развитием лесопиления и экспорта лесоматериалов значительно вырос объем лесозаготовок, что потребовало нового обследования лесов. С этой целью в 1931-1932 гг. на Печору была направлена экспедиция под руководством Зиновьева, которая, в отличие от предыдущих обследований, охватила не только приречные полосы, но и междуречные пространства почти на всей лесной площади бассейна Печоры (21,3 млн га). В результате исследований экспедиция установила лесозаготовительные районы на территории Ижмо-Печорского и Троицко-Печорского леспромпхозов, произвела деление лесов бассейна на экспортную зону и зону внутреннего рынка и предоставила сведения о лесосырьевых ресурсах с точностью, достаточной для решения вопросов перспективного планирования.

В период с 1932 по 1941 гг. в лесоустроительных работах использовали авиацию, в результате чего значительно сократились наземные работы и стало возможным в кратчайшие сроки обследовать леса на огромных пространствах. В 1933 г. впервые в Коми Области с помощью авиации были обследованы леса бассейна Печоры на площади свыше 10 млн га (леса Усть-Цилемского, Кожвинского, Печоро-Илычского лесхозов).

Тем не менее в докладе о подготовке лесосечного фонда от 2 мая 1934 г. читаем следующее: "Скудность наших знаний о лесе сказывается не только в перспективном планировании, но и в оперативном, в отрезке даже одного сезона. Необходимо изучить лес, не жалея средств и сил, иначе неизбежны грубейшие ошибки в географическом размещении как лесоразработок, так и лесообрабатывающих предприятий" (НА РК, ф.р-483, оп.1, д.17, л.1).

По состоянию на 1 января 1934 г., в Коми области общая площадь государственного лесного фонда определяется в 35971,7 тыс. га, из них леса общегосударственного пользования - 34788,5 тыс. га и леса местного значения - 1183,2 тыс. га (со включением лесов переходящего характера, т.е. предназначенных для расширения сельскохозяйственных площадей). Вся общегосударственная лесная площадь по географическому положению путей транспорта, главным образом, водных магистральных путей, разграничивалась на шесть лесозаготовительных районов по условиям направления древесины в две зоны: 1) экспортную зону, сосредоточившую в себе леса трех бассейнов: Северо-Двинского, Печорского и Мезенского с тяготением к северным портам - Архангельскому, Печорскому, Мезенскому; 2) зону внутреннего рынка по системе рек Волжского бассейна и участка по железной дороге Киров-Котлас.

Главными лесобразующими породами на территории Коми области, по-прежнему, оставались ель, сосна и береза. Сосновые насаждения в основном давали базу для лесопильной промышленности, а еловые - сырье для целлюлозно-бумажной и горнодобывающей промышленности. Из общей площади лесов на экспорт шло 96,8% древесины, на внутренний рынок - 3,2%.

По архивным данным (НА РК, ф.р-483, оп.1, д.1, л.1), лесозаготовки в Коми области за 1913-1934 гг. представлены следующими данными:

Таблица 1

Объем лесозаготовок в Коми Области за 1913-1934 гг.

Годы	Объем лесозаготовок, тыс. куб.м
1913/14	726,4
1921/22	78,3
1925/26	963,7
1927/28	1012,6
1928/29	1759,8
1929/30	2669,4
1930/31	4476,0
1931/32	2978,0
1932/33	3074,1
1933/34	3497,9

Из таблицы видно, что с каждым годом объем лесозаготовок растет. Для лесозаготовительных организаций главное было выполнить государственный план, в результате чего рубки леса велись бессистемно, а в дачах, расположенных вблизи сплавных рек - интенсивно. Со стороны лесничеств (лесничего и лесной стражи) велся контроль за лесозаготовками, который состоял "в освидетельствовании на катище лесоматериалов, заготовленных с учетом по количеству; учет лесоматериалов, заготовленных на делянках, отпускаемых по пням; учет лесонарушений при освидетельствовании мест рубок, сдаваемых лесозаготовителями в казну". Систематического наблюдения на местах рубок лесничествами не велось, т.к. древесина с делянки, продаваемая лесозаготовителям, заранее оценивалась (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.606, л.75). Способ учета лесосечного фонда велся по пням, по количеству, по площади.

Основной лесной фонд в Коми крае был сосредоточен в системе треста "Комилес". По архивным данным (НА РК, ф.р-483, оп.1, д.17, л.9) распределение площади лесов по тресту на 1 января 1934 г. выглядит следующим образом (табл. №2):

Таблица 2

Распределение лесов по тресту "Комилес"

Площадь лесов	тыс. га.
Общая площадь	31717,8
Лесная площадь всего	22148,7
в том числе покрытая лесом:	
хвойным	18740,7
лиственным	2320,0
вырубки, гари, прогалины, дороги, просеки	1088,0
Не лесная площадь всего	9569,1
в том числе:	
угодья	330,6
неудобные пространства	9238,5
Эксплуатируемая площадь всего	11026,2
Из общей площади лесов состроит:	
устроенной и пройденной инвентаризацией	8208,0
обследованных	19509,4
не приведенных в известность	4000,0

Быстрое развертывание лесозаготовок по тресту "Комилес" приводило к нехватке рабочей силы в некоторых районах, т.к. Коми область была заселена очень слабо и неравномерно. Наиболее густо заселенным районом являлся Северо-Двинский бассейн (по рекам Вычегде и Сысоле), поэтому центр тяжести заготовок падал на леса, расположенные в лесничествах Северо-Двинского бассейна. К тому же в период праздников (рождество, масленица) наблюдалось резкое уменьшение количества работающих. Чтобы преодолеть такую традицию, трест в период праздников вводил 50% надбавки к расценкам, благодаря чему удавалось удержать рабочих в лесу. Еще одной причиной, задерживавшей выход рабочих в лес и отвлекавших их от лесозаготовок, была осенняя и весенняя охота.

Поденная заработная плата рабочих из расчета 8-часового рабочего дня на 1928/29 гг. составляла: рубщики - 1р.60 коп., шпалотесы - 2 р., возчики на крестьянских лошадях - 1 р.30 коп., сплавщики - 1 р.60 коп. В связи с проведением ледяных (фото 4) и балочных дорог и увеличившейся нагрузки на крестьянскую подводу возчикам предусмотрено было увеличение поденной зарплаты в 1931/32 гг. на 4%, в 1932/33 гг. на 3% (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.550, л.15,20).

Пожары по-прежнему оставались бедствием для лесного хозяйства. В архивных материалах есть план противопожарных мероприятий по леспромхозам треста "Комилес" на 1935 г., в котором говорится:

"1. План проведения противопожарных мероприятий по леспромхозам треста "Комилес" с затратой средств 497277 руб. утвердить.

2. Ввиду наступления периода, опасного в пожарном отношении, предложить "Комилесу" в пятидневный срок укомплектовать пожарно-сторожевую охрану и запретить использовать ее на работах, не имеющих отношения к выполнению охранных функций.

Проверить состав лесоохраны, заменить ненадежных, классово-чуждых проверенными и честными ударниками из колхозников и постоянного кадра.

Для оплаты рабочих, привлекаемых на тушение лесных пожаров в государственном лесном фонде, установить поденную плату в районах Вычегодского бассейна в размере 1 руб. 68 коп. и Печорского - 1 руб. 96 коп., включая хлебную надбавку. Оплату производить лишь лицам, привлекаемым на тушение пожаров, возникающих далее 10 км от населенного пункта.

К противопожарным мероприятиям относятся: расчистка придорожных полос, противопожарные просеки, приобретение противопожарных инструментов, строительство пожарных вышек, телефонизация, постановка противопожарных лозунгов, наем временных пожарных сторожей, наем лошадей для противопожарной связи" (НА РК, ф.р-483, оп.1, д.31, л.1-2).

Помимо треста "Комилес" - основного лесозаготовителя - на территории Коми области работали следующие организации: акционерные общества "Руссголландлес" и "Руссанглолес", "Волгокаспийлес", "Кооперолес" и Пермская железная дорога (НА РК, ф.р-407, оп.1, д.550. С.14).

Таким образом, в 30-е гг. основу экономики Коми АССР составляла лесозаготовительная промышленность. В течение многих лет она базировалась на сезонной рабочей, гужевой силе и на подневольном труде. Постепенно внедрялась механизированная вывозка древесины, улучшался лесорубочный инструмент, что позволяло повышать производительность труда и увеличивать объемы заготавливаемой древесины. К 1940 г. объемы лесозаготовок достигли 6,8 млн. кубометров. В отличие от лесозаготовительной промышленности, лесное хозяйство выглядело не столь блестяще: с каждым годом увеличивался объем

работы при большой текучести кадров и низкой зарплате лесных работников, да и самое лесное хозяйство становилось сырьевой базой для развития лесозаготовительной промышленности.

***

1. Национальный Архив Республики Коми. Фонд р-407: Земельное управление Автономной Области Коми исполнительных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1918-1937 гг.). Фонд р-482: Лесной комитет (Облеском) исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Области Коми (1921-1922 гг.). Фонд р-483: Лесная комиссия при Облсполкоме (1931-1936 гг.)
2. Лесное законодательство РСФСР. М., 1924.
3. Лесное хозяйство СССР за 50 лет (1917-1967). М., 1967.
4. Лесное хозяйство и лесная промышленность области Коми. Сыктывкар, 1935.

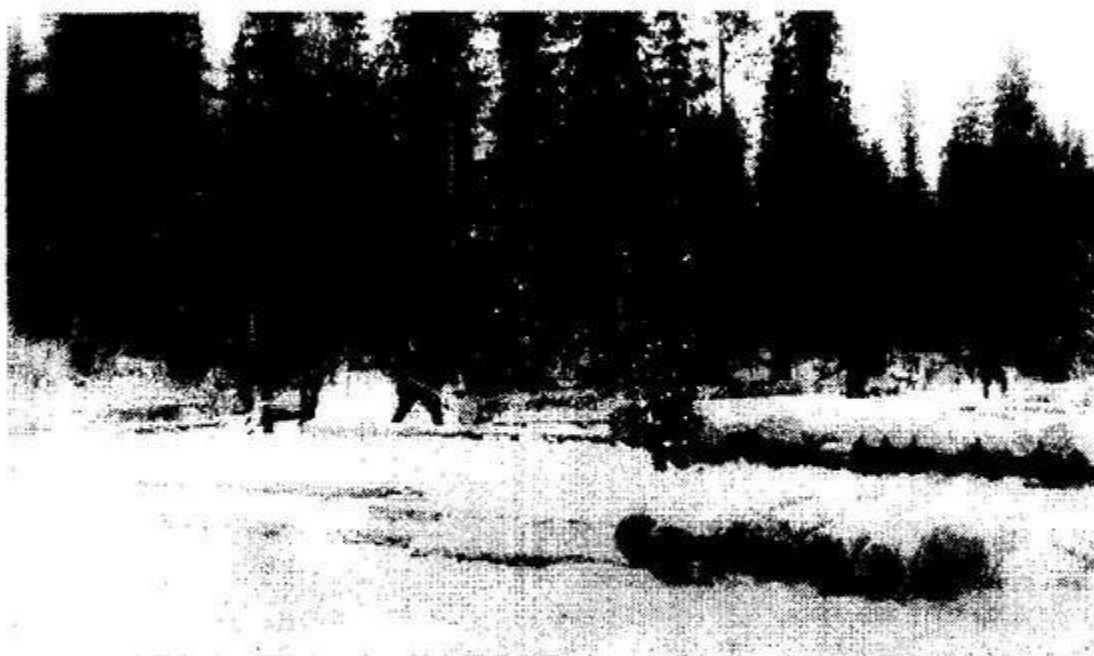

Фото 1. Лесорубы Усть-Куломского района, 1932 г.

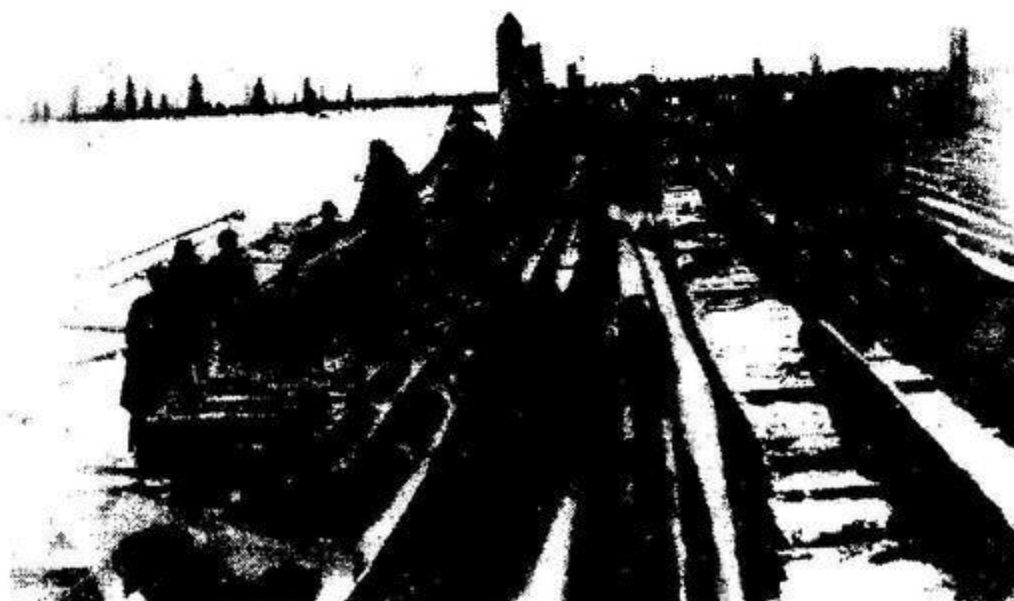

Фото 2. Коммунистический субботник на катище реки Какшор. Прилузский район, 1931г.

Фото 3. Лесоруб-тысячник Русанов В.Д. за раскряжевкой хлыста лучковой пилой.

Фото 4: Ледянка (ледяная дорога) по р. Ель. Усть-Куломский район, 1932 г.

ОБ УЧАСТИИ КОЛХОЗНИКОВ ЛЕНСКОГО РАЙОНА В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Б.А. Угрюмов, Яренский краеведческий музей

О степени участия колхозников в 1930-е годы в общественном производстве дают основание судить ряд источников: воспоминания бывших колхозников, публикации в районной газете, протоколы общих собраний и заседаний правлений колхозов. Каждый из источников имеет свои достоинства и недостатки, но в комплексе, взаимно дополняя друг друга, они помогают создать полную картину труда колхозников.

Тем не менее, заключая в себе массу интересных фактов, воспоминания, газетные заметки и протоколы собраний и заседаний правления не могут ответить на вопросы о соотношении активной и малоактивной частей колхозного крестьянства, об изменении его общественного сознания. Источником, который сможет дать ответ на эти вопросы, являются годовые отчеты колхозов.

Участие колхозников в коллективном труде наглядно можно представить следующим образом (таблица составлена на основании годовых отчетов 65 колхозов района):

Таблица

	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Принимало участие в работе /человек/	7397	6631	6397	6018
Выработано трудодней	1.120.172	1.053.261	1.077.500	1.111.208
На одного работающего т/д	152,8	158,8	168,4	184,6
Снято за плохую работу т/д	14959,2	нет св.	3480,9	1004,6
Начислено за хорошую работу т/д	3037	нет св.	438,7	544,6
Выработано трудодней /человек/:				
до 50 т/д				
в % к числу работающих	2285	2109	2004	1859
51-100	30,9	31,8	31,3	30,9
в %				
101-200	1376	1020	981	941
в %	18,5	15,4	15,3	15,6
210-300	1830	1431	1275	1135
в %	24,7	21,6	19,9	18,8
301-400	1061	1100	1004	923
в %	14,3	16,6	15,7	15,3
свыше 400	645	604	627	578
в %	8,7	9,1	9,8	9,6
	209	367	507	582
	2,8	5,5	8	9,7

Приведенные расчеты позволяют сделать некоторые выводы. Количество колхозников, принимавших участие в общественном производстве, сокращалось из года в год, что связано с их уходом в армию, на учебу и особенно на пополнение рабочего класса в связи с ростом объемов лесозаготовок и закреплением в леспромхозах постоянных кадров.

За 4 года число работающих в колхозах района уменьшилось на 18,8%, в том числе мужчин на 23,7%, женщин - на 19, подростков - на 6%.

Количество выработанных трудодней на одного работающего в колхозах за эти годы выросло на 12,7%.

Число наименее активного населения (с выработкой до 50 трудней в год) остается постоянным (в пределах 30-32% от общего количества работающих), что объясняется тем, что большую часть его составляют подростки, обычно трудящиеся в колхозе в страдную пору.

Наблюдается уменьшение числа колхозников второй и третьей (с выработкой от 51 до 200 трудодней) групп и увеличение в четвертой-шестой групп (с выработкой свыше 200 т/д). Наиболее интенсивен рост числа колхозников шестой группы (с выработкой свыше 400 т/д): общее количество таких работников увеличилось почти втрое, а в соотношении с работниками других групп - почти вчетверо. В 1936 г. выработавших более 400 трудодней было примерно один из сорока, а в 1939 г. - один из 10.

Если условно отнести активно работающую часть колхозного крестьянства к 4-6 группам (с выработкой свыше 200 т/дней в год), то соотношение менее

активного населения к более активному в 1936 г. было примерно 3:1 /74,1% и 25,9%/, в 1939 г. - 2:1 /65,4% и 34,6%/.

До сих пор речь шла о средних цифрах. Однако в колхозном труде принимали участие различные половозрастные группы - мужчины, женщины и подростки, чей вклад в общественное производство, конечно, не был одинаковым. Четверо из пяти подростков вырабатывали в год менее 50 трудодней, тогда как наименьшая выработка приходилась на одну из пяти женщин, одного из 4-5 мужчин.

Соотношение между этими группами работающих во второй половине 30-х гг. изменялось преимущественно в сторону уменьшения доли мужчин и женщин в первых трех группах по выработке трудодней /до 200 в год/ и, соответственно, увеличения доли подростков.

	до 50 т/д			51-100 т/д			101-200 т/д		
	муж.	жен.	подр.	муж.	жен.	подр.	муж.	жен.	подр.
1936 г.	26,8	33,2	40	40	49,2	10,4	36,6	60,9	2,5
1939 г.	23,9	32	44,1	30	53,2	16,8	36,6	57,8	5,5

Данные приведены в %% к общему числу работающих в каждой из групп.

Внутри же самих этих групп наблюдается то же явление, что и в целом для всех работающих, а именно: уменьшение доли первых трех групп в выработке трудодней (у мужчин с 70,1 до 57,7%, у женщин - с 68,6 до 58,9%) и соответствующий рост доли 4-6 групп. То же происходит и у подростков, только в пределах первых трех групп: число подростков с выработкой менее 50 трудодней в год уменьшилось с 81 до 78%, с выработкой 51-100 выросло с 12,8 до 15%, от 101 до 200 - с 4,1 до 6%.

Особо следует сказать о 1940 годе. В годовые отчеты колхозов, касающиеся участия колхозников в общественном труде, были внесены изменения: вместо трех категорий работников было выделено пять: трудоспособные мужчины, трудоспособные женщины, выбывшие из колхоза или прибывшие в колхоз в течение года, нетрудоспособные и подростки. В результате появилась возможность более детально определить участие взрослого населения в общественном труде. В течение года в колхозах района трудились 5345 взрослых мужчин и женщин. Средняя выработка на человека составила 207 трудодней. Естественно, участие каждой из этих групп взрослых колхозников не было одинаковым: средняя выработка на работающего составила в первой группе 272 трудодня, во второй - 260, в третьей - 159, в четвертой - 137.

В 1940 г. более отчетливо выявились тенденции, отмеченные в предыдущие годы. В первой группе по выработке трудодней (до 50 в год) подростки составили более половины (814 из 1607). Одновременно выросла их доля до 26% во второй группе. У взрослого населения соотношение менее активной части к более активной осталось прежним - 2:1 (63,2 и 36,8%), однако внутри его различия оказались существенными. У трудоспособных колхозников соотношение менее активной и более активной частей составило примерно 2:3 (41,6 и 58,4%). К тому же у них третья группа (с выработкой от 101 до 200 т/д) на 2/3 превышает сумму работников первой и второй групп. В третьей и четвертой группах картина противоположная: количество работников, заработавших до 200 трудодней в течение года, в 3,7 раза превышает число работников с заработком свыше 200 трудодней.

Вторая половина 30-х годов - один из примечательных периодов в истории колхозов нашей страны. Это было время, когда позади остались бурные и во многом трагические события коллективизации. Это было время, когда закончилась организация колхозов, они стали набирать опыт, становиться на ноги, жизнь стала налаживаться, входить в нормальную колею. Это было время, когда становились ощутимее преимущества коллективного труда, когда колхозы меньше испытывали давление со стороны государства. В то же время это были годы, когда, по словам поэта, "в воздухе пахло грозой", все ближе чувствовалось дыхание войны, что заставляло трудиться с большим напряжением.

Приведенные нами расчеты являются доказательством роста общественного самосознания колхозников, выражающегося в отношении к коллективному труду, в этот один из очень немногих относительно светлых периодов колхозной жизни.

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

В.Ф. Паршуков, Национальный музей Республики Коми

В 1998 году наша страна отмечала 80-летие Советской Армии. В Национальном музее Республики Коми есть интересная коллекция документов и фотографий (175 единиц хранения), которая накануне юбилея нашей армии привлекает внимание. Это документы и фото Калинина Александра Ивановича, уроженца с.Вендинга Удорского района - кадрового военного, прошедшего в армии путь от солдата до генерала. Их в декабре 1986 г. передала музею в дар жена нашего земляка Калинина Евдокия Степановна.

1918 год. Молодая Советская республика оказалась в кольце фронтов. В конце августа 1918 года объединенные силы интервентов и белогвардейцев захватили Архангельск. Развернув наступление, они начали быстро продвигаться вдоль железной дороги - на Вологду и по р.Сев.Двине - на Котлас. Одновременно они начали военные действия по рекам Пинеге, Мезени, Вашке и Печоре.

В сентябре 1918 г. в Яренске организовался отряд Уездной чрезвычайной комиссии, который позже влился в Вашко-Мезенский полк Красной Армии. В этот отряд семнадцатилетним паренком вступил Александр Калинин. Он рано понял смысл коми поговорки: "Жизнь бедняка - все равно что жизнь под холодным дождем". Сын коми крестьянина Ертомской волости, Саша рано познал нужду, цену куска хлеба. Хотя воспитывался он дедушкой и бабушкой, но успел после церковно-приходской школы в мае 1916 г. на стипендию от земства окончить высшее начальное училище в Яренске. Он активно участвовал в боях на Северном и Петроградском фронтах.

После победы Красной Армии над Юденичем Александр Калинин был назначен сотрудником штаба 5 бригады 2 стрелковой дивизии, в составе которой участвовал в борьбе против войск панской Польши.

Закончилась гражданская война, молодой паренек хотел учиться. 9 августа 1921 года Революционный комитет Автономной области Коми выдал ему следующее удостоверение: "Предъявитель сего Калинин Александр Иванович, происходящий из граждан с.Вендинга Ертомской волости Удорского района (бывшего Яренского уезда), будучи 17 лет от роду, в 1918 г. вступил добровольцем в партизанский отряд и до сего времени состоит на службе в Красной Армии. За время своей службы проявил себя честным борцом революции, гордо и храбро, не щадя своей жизни, защищал интересы трудящихся. Тов. Калинину, как являющемуся одним из лучших и стойких борцов за Советскую

власть, безусловно должны быть предоставлены все права и льготы при поступлении в высшие учебные заведения вне всякой очереди и как вышедшему из народа коми, веками угнетенного”.

В сентябре 1921 г. он учился в 1 Ленинградской артиллерийской школе имени Красного Октября. Здесь курсантом вступил в ряды РКП(б). В траурные дни января 1924 г. курсант Калинин А.И. в составе делегации Ленинградской партийной организации как представитель артшколы стоял в почетном карауле у гроба В.И.Ленина в Колонном зале Дома Союзов и присутствовал на похоронах вождя. Всю жизнь он бережно хранил пропуск на право прохода на Красную площадь (который сейчас хранится в народном музее с.Важгорт - П.В.).

В 1926-1927 гг. учился в Ленинградской авиационной школе, по окончании которой стал военным летчиком-наблюдателем. Потом работал инструктором в Оренбургской авиашколе. С этого времени его судьба связана с Военно-Воздушными Силами Красной Армии.

С марта 1930 г. Калинин – слушатель Военно-воздушной академии им.Жуковского, которую в сентябре 1933 года окончил на “отлично”. Его профессия теперь - инженер-механик Военно-Воздушных Сил по специальности «авиавооружение». По словам Евдокии Степановны, жены генерала, это был первый выпуск инженеров-ракетчиков. В 1938 г. он был награжден ручными часами с секундомером и юбилейной медалью “XX лет РККА”.

Начало Великой Отечественной войны застало Калинина А.И. в звании военного инженера 1 ранга. В годы войны он прошел путь от начальника отдела до заместителя начальника Управления заказов вооружения и боеприпасов Военно-Воздушных Сил Красной Армии.

Много бессонных ночей пришлось провести ему во время войны, участвовать в испытаниях и внедрении военной техники в серийное производство, руководить приемкой этой техники на заводах промышленности.

В феврале 1942 года он был награжден орденом Красной Звезды за образцовое выполнение заданий командования, а в апреле 1942 года ему присвоено звание инженера-полковника. Своим трудом он приближал победу советского народа над фашистской чумой. В январе 1944 года Калинин был награжден орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в деле освоения новых видов вооружения, а в августе того же года ему присвоено звание: генерал-майора инженерно-авиационной службы. Несмотря на занятость, успевал Александр Иванович изредка писать письма родным в далекий Коми край. Это письма, проникнутые заботой о близких, письма, на которых лежит печать войны (они также находятся в народном музее с.Важгорт - П.В.).

Он писал тогда брату Михаилу: “Работа идет своим чередом. Результаты, надо полагать, неплохие, об этом можно судить по делам на фронте”.

После победы над фашизмом генерал Калинин вновь на ответственной работе в Управлении ВВС: сперва в Управлении заказов и приемки вооружения и боеприпасов ВВС, а позже в Комитете реактивной техники при Совете Министров СССР.

Он отдавал все свои силы и знания, чтобы наша авиация была самой передовой в мире, могла бы дать достойный отпор всем, кто посмел посягнуть на нашу Родину.

С 1953 по 1959 гг. работал уполномоченным при торговом представительстве СССР в Китайской Народной Республике в Пекине.

В Китае Калинин с честью выполнял свой интернациональный долг. 5 ноября 1957 г. работники тыла Народно-освободительной армии Китая писали ему, поздравляя с 40-й годовщиной Великого Октября: “Задача строительства тыла как

одна из основных задач по строительству современной и регулярной армии Китая является огромной и сложной. Однако благодаря бескорыстной и горячей помощи, оказанной советскими советниками и специалистами, она выполняется с решительным старанием всего личного состава тыла нашей армии.

Разрешите выразить Вам сердечную благодарность за эту помощь, полную духа интернационализма. От всей души желаем Вам здоровья и еще больших успехов в нашем общем деле". 6 ноября того же года Премьер Государственного Совета КНР Чжоу Энь Лай писал генералу в своем поздравлении: "Примите благодарность за ту помощь, которую Вы оказываете нам в деле социалистического строительства страны".

А в июне 1958 г. он получил письмо от академика С.П.Королева с сообщением о посылке специалистов и просьбе оказания им всемерного содействия.

Весной 1959 года Калинин покидал Китай. За братскую помощь он был награжден медалью и почетной грамотой, подписанной Чжоу Энь Лаем. В ней, в частности, говорилось: "Товарищ А.И.Калинин! В период Вашей работы в Китае, длившейся в течение пяти с половиной лет, Вы успешно направляли и организовывали работу советских специалистов в оборонной промышленности и, используя передовой опыт Советского Союза, внесли большой вклад в дело строительства оборонной промышленности нашей страны. От имени правительства Китайской Народной Республики я выражаю Вам сердечную благодарность".

За время прохождения службы в рядах вооруженных сил СССР он был награжден 7 орденами и 14 медалями, а также Почетной Грамотой ЦК ДОСААФ и Почетным знаком Советского комитета ветеранов войны.

Даже на заслуженном отдыхе солдат всегда в строю. Несмотря на возраст, он активно участвовал в оборонно-массовой и военно-патриотической работе среди молодежи.

В августе коммунисты партийной организации Ленинградского райкома ДОСААФ Москвы сердечно поздравили Александра Ивановича с 80-летием со дня рождения и 60-летием пребывания и работы в рядах КПСС. "С чувством глубокого уважения к Вам, Александр Иванович, мы отмечаем, что вся Ваша сознательная жизнь и деятельность неразрывно связаны с Советской Армией и безраздельно отданы служению нашей великой Родине".

Последние годы он проводил большую военно-патриотическую работу среди молодежи.

В этом году вся наша страна будет широко отмечать 80-летие Советской Армии, которой отдал всю свою сознательную жизнь Александр Иванович Калинин - наш земляк, прошедший в ней славный боевой путь от солдата до генерала, и я буду рад, если моя статья поможет вспомнить его имя.

***

1. НМРК, КП 8868/1-125 Коллекция документальных материалов и фото.
2. НВ 3567/1-50 Калинина А.И. (1901-1985).

Фото 1. Калинин Александр
Иванович - генерал-майор
авиации, Москва, 1970-е годы.

ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

ЭКСПРЕССИВНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ЛИРИКЕ В.И.ЛЫТКИНА НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 20-Х ГОДОВ

Е.В. Остапова, Сыктывкарский госуниверситет

Для поэзии Коми 20-х годов характерен активный поиск новых форм, где сочетаются тонический и силлабо-тонический способы создания стиха, белый стих и верлибр, смелое введение в поэтическую ткань "прозаизмов", смешение разных стилей речи; поэтов волновали взаимоотношения фольклорного, как традиционного, и новаторского, банального и оригинального. Художники, еще не скованные цепями доктрины партийности, могли творить более свободно, в соответствии со своим мировоззрением и творческими способностями. Коми лирика сочетала импрессивные и экспрессивные тенденции в создании образов.

Одну из важнейших черт лирики 20-х годов В.И.Лыткина можно определить как экспрессивность. Мы будем придерживаться наиболее употребительного значения этого термина, понимая его как особую остроту переживания действительности, особую напряженность, динамичность чувств и средств их художественного воплощения, как синоним обобщенной выразительности, подчеркнутой эмоциональности, гиперболизации художественных образов и, вследствие этого, возникновение некоторой деформации картины изображаемого.

В поэзии В.И.Лыткина риторическая природа принципиально выдвинута на первый план. Этим многие патриотические и даже лирические произведения близки политической поэзии ("Октябрь луно", "Май первой луно", "Коми йозлы", "Юр студентъяслы", "Октябрь", "Ми - гөрд варыш пьян", "Удж дырйи", "Гож петö овны", "Шог бöрын", "То-то татöн...").

Возможный читатель "вписан" в текст, он прямой участник диалога. При этом адресат приобретает черты представителя коллектива, а не индивида. Соответственно ориентация субъективной лирики на интимный контакт заменяется ориентацией на публичность. Камерная исповедь приобретает черты ораторского монолога. Стихи построены как призыв, убеждение, лозунг или плакат. Внешними языковыми признаками этого служат восклицательные и вопросительные предложения, повелительное наклонение, местоимения и глаголы II лица, слова-обращения. Наиболее яркий пример тому - стихотворение 1926 года "Гаж петö овны" (Хочется жить).

"Ог пö кужö...
Кужам!
Шу тэ:
Коді нö кутö?
Коді нö дорöма?
Ёрöма?
Сорöма?
Тэнö абу корöма?
Ми асьным локтам,
Вынйöрöс октам".

"Мол, не умеем...
Сумеем!
Скажи ты:
Кто же держит?
Кто же сковал?
Ослепил?
Помешал?
Тебя не позвал?
Мы сами придём,
Сил наберём".

Широко используя традиционные, ставшие постоянными и для развивающейся авторской поэзии коми образы: мича ныв, лöз синма дзоридз, сё муса друг, сир

шог, векныд туй - паськыд туй, съод пемыд вой, лёк төв, пемыд вөр, чорыд гым – Лыткин создаёт и закрепляет новые, вводя в поэтический текст насыщенную экспрессией (часто отрицательной окрашенности) лексику: ночь - шлыпвидзё, латшвидзё (раскинута широко, праздно), са кодъ съод бубуля (чёрная как сажа бука, пугающая), юр вылам шупкысис (на голову тяжело упала), рёттыштё код трамвай (пьяный трамвай бежит мелким галопом), вартэдэ машина (скачет рысью), черилон тювкъялон (юрканье, шмыганье, ныряние рыбы), "Атто диво трасича!" (Ну и диво, сорванец!), бар ме шлэнги горто (обратно приплёлся, побрёл домой), дукас вувзи черту (к чёрту выбросил зипун), веж тулысыс сылы пезж вукодан в-т (букв.: зелёная весна ему - поганый тошнотворный сон)...

Поэт использует изобразительные слова, которые передают восприятие коми человеком обновляющейся, изменяющейся жизни, в описании стихии: ратшмунны ныбрьяс, гымлон клопком, сяргом, скора гымгом, мурзём, зэрлон шаргом, төвлон шувгом ("Тар ныв", 1924 г.); кышадчэ, шувмунэ, вашкодчэ (в разных стихах)... Почти целиком на звукописи построено стихотворение 1926 года "Удж дырьи" (Во время работы). Звуковые переключки в глаголах "ковгоны, бруггоны, бронгоны, тильсконы, триньгоны, треньгоны, шуныгоны, пульскөдчэ-пальскөдчэ, лувзыштэ, чивкъялэ" с повторяющимся пением эха "ти-ла-ла, та-ла-ла" создают основной лирический сюжет стихотворения.

Как очень удачную находку можно оценить употребление перифраз на фольклорной основе: луна - "тэсь тасьтi" (тарелка из толокна); небо - "мулон вевт - зарни гыв" (крыша земли - золотистый невод); любимая девушка - "дзоля модьяр дзоридз" (маленький венгерский цветочек), "сьалом тiпкөм вачысь" (заставляющая биться сердце), "морсө би кинь кодзысь" (сеющая огонь в груди); ночь - "зарни чойой" (моя золотая сестра); Эжва - "сё майбырой аной" (примерно: счастливая женщина); неудачливых, бестолковых героев своего стихотворения он определяет как "рыныш вомё мегыр с'ойысьяс" (букв.: сующие дугу в пасть овина).

Включение в поэтическую речь самого древнего пласта языковых ресурсов (загадок, пословиц, устойчивых сочетаний), с одной стороны, раскрывает самобытное языческое мироощущение коми человека и восприятие им современности, с другой стороны, открывает новые возможности и пути метафоризации лирики. В столкновении с современной речью неожиданно и по-новому раскрывается скрытая энергия древнего языка, возрастает его роль в создании высокого поэтического стиля (о значении которого для развития коми литературы высказывался коми поэт и ученый в своих статьях).

Часто риторические элементы в поэзии Лыткина становятся конструирующими (несущими), а не дополнительными. В этом случае мы наблюдаем особое явление, которое можно назвать интонационной метафорой (Поляков М. 1978. С.165). Она состоит в том, что фигура (гипербола, ирония) образуется интонацией, переносящей данное слово или речевой оборот из одного ряда - высокой, торжественной, чувственной речи - в противоположный, другой ряд - низменный, отрицательный. Такова игра интонаций между чужим текстом и своим в стихотворении "Йоз повстын" (1926г., "Среди людей").

"Дзоридз керкаад... Книгаяс гортын...

Пыри да, зывөкъяс, эз шуны нем".

Дома цветы и книги,

Зашёл и, противные, ничего не сказали.

В первом стихе, книги - принадлежность возвышенного, поэтического; во втором они же - буквально "чем брезгают, вызывающие тошноту, противные" - выражены словом почти с ругательным значением.

В стихотворении 1925 года "Шог бөрүн" ("После грусти") лирический герой вопрошает:

Лэчыд төв, пöльышт
Жугыльсö-шогсö -
Мыльöссö
Лёк олан ногсыс.

Резкий ветер, сдуй
Грусть-печаль -
Объедки
Плохой жизни.

Столкновение ставших поэтизмами слов "ветер, грусть-печаль" с пренебрежительным, брезгливым, некрасивым "объедки" сразу в несколько раз усиливает картину борьбы между старым и новым, отражает резко отрицательное отношение говорящего ко всему плохому в жизни.

В лирике поэта мы наблюдаем метроритмические переходы от тонического стиха к хорее и дактилю, нечёткость строфического деления, появления холостой (нерифмующейся) строки, неточные рифмы - "джуджыд зэв - вуджнысö", уход конечной рифмы во внутрь в форме аллитерации и ассонанса.

Стиховая раскрепощенность вместе с нарочито сниженной, огрубленной лексикой в размышлениях о чём-то "высоком", как это происходит в стихотворении 1921 г. "Думы", также отражают состояние человека в данное историческое время, который, ища и не находя сопереживания в природе, даёт эстетическую оценку мира, а самим поэтом как бы нащупываются пути создания экспрессивной образности новой звуковой формы.

Произведение "Думы" написано белым стихом. Рифма появляется то в конце стихов: "керкаяс - пуюс - кодзувьяс", то проникает вглубь в виде аллитерации, объединяя слова: "унаён - мунам - муслун, сьёлөмөй - өтнас - сьёлөмлы".

Семантический и звуковой контраст продолжает развитие дисгармонического состояния героя, которое задано ещё в самом начале произведения метафорой.

"Зарниа көрт тувьяс -
кодзувьяс".

Образ усиливается оксюмороном: "зарниа көрт тув - позолоченный железный гвоздь", аллитерацией "кө-ко", безударным двойным "у". Выделение в риторическом вопросе "Почему же один я в эту ночь?" звука "э" вносит иронический оттенок в восприятие всего стихотворения. Лирический герой в центре мира. Каким он его видит?

"С одной стороны - некрасивые стоят дома,
С другой - трясутся деревья.

Над головой звёзды. Под ногами скрипит снег".

Эстетическая оценка в словах "некрасивые, дзөрөны", содержит отрицательную экспрессию. "Не хватает любви" - тоскует герой, и ему кажется, что небо смеётся над ним:

"Откуда-то из-за леса
Глупая луна вышла.
Посмотрела на меня
Безумными глазами.
Широко усмехнулась.
Звёзды вместе
Надо мной засмеялись...
Сумасшедшая луна ухмыльнулась".

Встречающиеся и в других стихотворениях персонифицированные образы природы, наделённые отрицательными для человека свойствами: "снег вырывался, как сумасшедший человек", "природа ухмыляется", "безумная, с осоловелыми глазами луна", "передразнивающая всех луна" - создают картину

ПИСЬМО ИЗ МОРОЗНОГО ЯНВАРЯ 1930 ГОДА

Е.С. Самарина, Национальный музей Республики Коми

1998 год - юбилейный для литературного музея В.А.Савина. 21 ноября, в день 110-летия со дня рождения зачинателя коми советской литературы, поэта, прозаика, драматурга, композитора, режиссера, актера и общественного деятеля В.Савина музею исполняется десять лет. Все эти годы музей проводит работу по пропаганде жизни и творчества В.А.Савина, а также коми советской литературы. Ведет сбор материалов о Викторе Савине, его семье и близких, о литературе и писателях 20-30-х годов, о Лауреатах Государственной премии Коми АССР его имени.

60 лет прошло со дня ареста В.А.Савина как "врага народа", а в августе этого года исполнится 55 лет со дня его смерти. Самые интересные и ценные материалы - рукописи произведений, переписка, документы, фотографии - были изъяты сотрудниками органов при аресте, а затем уничтожены.

Но нет-нет да и блеснет иногда драгоценной крупинкой тот материал, который чудом сохранился и сквозь годы дошел до нас. Несколько лет назад житель Сыктывкара Алексей Иванович Филиппов прислал по почте из архива своей покойной жены Екатерины Павловны фотографию Людмилы Викторовны Новожиловой - дочери Виктора Савина. Он знал Людмилу как жену Николая Григорьевича Новожилова, инспектора спортивного общества Коми АССР "Динамо", погибшего в годы Великой Отечественной войны.

Шесть подлинных фотографий детей В.Савина передал в музей Георгий Иванович Торлопов - писатель, в Республике Коми известный и уважаемый человек, лично знавший Виктора Алексеевича.

Передо мной два пожелтевших потрепанных листочка, оторванных из небольшого блокнота. Чтобы не рассыпались, аккуратно склеены почтовыми марками 1992 года красно-белого цвета. Принес этот бесценный дар все тот же уважаемый Георгий Иванович, большой друг музея. Он и сам уже не помнит, кто из детей или внуков Виктора Алексеевича передал ему это письмо и когда.

Письмо было написано В.Савиным 28-го января 1930 г. На русском языке. Адресовано старшей дочери Тамаре. Здесь, видимо, уместно будет сказать, что Виктор Алексеевич был отцом большого семейства. Его жена, Лидия Ивановна, была дочерью русского рабочего. Поженились они на Урале в октябре 1908 г. Семерых детей она родила своему мужу: двоих сыновей и пятерых дочерей. Много, очень много тяжести и унижений вынесла она на своих плечах после ареста мужа. Может, из-за этого и век ее оказался коротким - 51 год. Умерла в мае 1943 года.

Старший сын Авенир прошел Великую Отечественную. Многие годы жил в поселке Краснозатонском в собственном доме. В юбилейный год отца, в 1988, вместе с семьей сына Виктора переехал в благоустроенную квартиру в Сыктывкаре по улице Тентюковской. Умер в последний день октября 1995 года. Было ему за 80.

Всего 50 лет прожила дочь Людмила - физкультурница, чемпионка республиканской спартакиады, мать пятерых детей. Чуть больше, 53 года, было отпущено Станиславу. Как и старший брат, он был участником Великой Отечественной. В юности занимался в театральной студии, играл в спектаклях, писал стихи.

Всего год не дожила до 100-летия отца Аврора (в семье ее звали Ляля). В Сыктывкаре живут ее сыновья Виктор и Анатолий.

К счастью, ныне здравствуют две младшие дочери: Майя Викторовна (1926) в г.Уфе и Инесса Викторовна (1928) в Сыктывкаре. Литературный музей поддерживает тесную связь с Инессой Викторовной и благодарен ей за неоценимую помощь в сохранении памяти об отце.

Но вернемся к письму, которое было адресовано первенцу в семье Савиных - дочери Тамаре. Эпиграфом к ней можно привести небольшой отрывок из поэмы В.Савина "Ныв шог".

"Паськыд муын, муса аньяс,
Уна пӧлӧс оланног;
Мича нывъяс, рог аканьяс,
Уна тӧдлад гаж и шог.
Ныв гаж кадын ставныд томӧсь,
Сьӧлӧм радлӧ, ворсӧ вир...
Пи кӧ чужӧ мусук помысь -
Корсяд сылы джуджыд йир..."

Жизнь есть жизнь. Тем более - молодая. Случилось так, что Тамара по каким-то причинам рассталась с любимым человеком. Но родила от него ребенка. Именно в родильный дом дочери и пишет письмо Виктор Алексеевич.

Вот оно (публикуется впервые).

"Дорогая Тамара!

Поздравляю тебя с сыном!

Может быть ты тревожишься, волнуешься, что я на тебя зол и сердит. Не думай так. Прежде всего, я рад твоему благополучному разрешению. Жалею, конечно, что твой "муж" оказался не совсем сознательным товарищем. Впрочем, не берусь судить, который из вас виноват: может быть, он, а может быть, ты, или оба, или никто. Этот вопрос очень серьезный и сложный. Во всяком случае, не очень беспокойся. Если с ним будешь жить отдельно (а это, вероятно, так уже и будет), то он, конечно, должен будет обеспечить содержание ребенка. А если бы даже и не было его совсем, то тоже не пропадем. Я думаю, что ты ребенка возьмешь к себе. В этом никакого "стыда" нет, и мне нисколько не зазорно за тебя.

Теперь вот что. Скажи маме, пусть она запишет ребенка твоего в ЗАГСе (как его назвать - сама выбрала уже, наверно, имя-то). Конечно, нужно записать и отца его: М.Айб. (Михаил Айбабин - Е.С.) (откуда он происходит и все).

Ну, пока все. Выздоровливай скорее да приходи. Жалею, что время теперь как раз у меня безденежное и не могу тебе подарка купить. Высылаю тебе на "зубок" 20 руб.

28/I-1930"

После даты Виктор Алексеевич продолжил письмо, но из-за утери половины листка невозможно передать содержание слово в слово. Но даже из обрывков предложения чувствуется поддержка отца дочери добрым словом. (Волнистой линией подчеркнуты слова, которые дописаны автором публикации).

"Когда уже было дописано письмо, мама мне показала твоего сына. Поздравляю. (Черт с ним, с Айбабиным. Не надо так убиваться.

Успокойся!

Папа".

Что за человек, кто такой Михаил Айбабин - до сих пор ничего не известно. Во время последней поездки в Небдино 21 ноября 1997 года, в день рождения В.А.Савина, Инесса Викторовна рассказала, что Тамара очень хотела девочку Элеонору и в родильном доме попыталась обменять мальчика на девочку. (Муж одной женщины отказался принять жену домой с дочкой - ждал сына). Но

вмешалась мать Тамары - Лидия Ивановна. Обмен не состоялся. И назвали мальчика Элеонор.

Через несколько лет Тамара вышла замуж за военного следователя Павла Нахлупина. Жили дружно. Ездили по долгу службы по городам и весям. Но Великая Отечественная война разлучила их. Были слухи, что Павел Нахлупин жив, но к семье он не вернулся... Последние годы жизни Тамара провела на Урале в городе Серов у сына Элеонора.

За последние десятилетия немало написано о Савине-поэте, Савине-композиторе, Савине-драматурге. Интересные воспоминания о нем оставили люди, которые близко его знали. Это и Николай Павлович Попов (Жугыль), Иван Васильевич Изъюров, Мария Ивановна Йоль (в девичестве - Бессонова), Федор Гаврилович Тараканов, Георгий Иванович Торлопов и др.

Небольшое письмо, дошедшее до нас из морозного января 1930 года, раскрывает нам Савина совершенно с новой, неизвестной стороны. Что мы знаем о Савине-отце? Вот небольшое воспоминание Авенира Викторовича: "Он был очень усердный, старательный, трудолюбивый, быстрый в работе человек. Свою усталость никогда не подчеркивал. Придет домой с работы и для каждого из нас найдет доброе, ласковое слово. Одного посадит на колени, с другим пошутит. Или мы вместе зайдем в его комнату и слушаем его игру на фисгармонии или балалайке. "Ревета шюгне" сменяется "Гопаком", затем "Мича нывъяс Эжва дорö леччисны...". И еще любил отец ... готовить. Вкусно готовил" (В.Савин в портретах, иллюстрациях, документах. Составитель Т.Гуляева. Сыктывкар, 1988. С.25).

В письме перед нами отец взрослой дочери. Он - авторитетный, широко известный, любимый в народе коми поэт, композитор, драматург - не стыдится случившегося. Единственное, о чем он жалеет, - время теперь как раз безденежное и не может подарка купить.

Благодаря этому письму Виктор Алексеевич предстает перед нами как любящий отец взрослых детей, с пониманием и уважением относящийся к их проблемам, жизни.

Трагичной оказалась судьба Виктора Алексеевича. Последние шесть лет, проведенные после ареста в тюрьмах и лагерях, жизнерадостного, обладающего кипучей энергией Виктора Алексеевича превратили в дряхлого старика. Но даже после смерти судьба продолжала преследовать его как врага народа. В музее хранятся ксерокопии актов о смерти коми писателей В.Савина и М.Доронина (Шыладорса Миш). (Оба арестованы в ночь с 7 на 8-е октября 1937 года). Получены они из архива Управления Федеральной службы Безопасности Российской Федерации по Республике Коми. Но если акт о смерти М.Доронина составлен на типовом бланке (умер Михаил Павлович 13 декабря 1939 года в больнице ОЛП Инвалидный в Магадане), то В.Савина - на обрывке газеты. А из газетной колонки с трудом, но можно прочесть о бездеятельности Сибкрайкома в поисках и обезвреживании врагов народа. Акт о смерти подписывают люди, которые последними видели Савина живым: начальник медсанчасти Виноградова, лечащий врач Колябин и инспектор II (фамилия неразборчива).

Скоро 55 лет, как в далеком сибирском лагпункте Прикулька перестало биться горячее сердце сына северной земли Коми. Но на родине память о нем жива. Вот уже 30 лет, как было принято Постановление Совета Министров Коми АССР об учреждении ежегодной Государственной премии Коми АССР им. В.Савина за концертно-исполнительскую, театральную и композиторскую деятельность. Первыми лауреатами стали композиторы Я.С.Перепелица и П.И.Чисталев, артисты драматического театра Г.Сидорова, Г.Лыткина и Ю.Прошева, Государственный

ансамбль песни и танца Коми "Асья кыа" (Утренняя заря) и коллектив народного театра с.Корткерос, журналистка А.Сивкова и мн.др. Его именем названы улицы в городах. А 21 августа 1994 года Виктор Савин вернулся на родину в бронзе и встал рядом со своим любимым детищем - Государственным Академическим театром драмы, по праву носящим его имя - имя Виктора Алексеевича Савина.

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НАРОДУ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОМИ ПОЭТА В.П.ЛАТКИНА)

Д.Г. Холопова, Литературно-мемориальный музей И.А.Куратова

*Там, где в поле пшеница густая,
Где комбайны идут чередой,
Там впервые увидел тебя я.
Встречался впервые с тобой.
Ты под солнцем высоким стояла
Загорелая в спелых хлебах,
А в глазах только счастье сияло
И улыбка цвела на губах...*

Эти лирические строчки принадлежат коми поэту 30-х годов 20 века Владимиру Павловичу Латкину. Прожил он яркую, но очень недолгую жизнь, всего 35 лет.

В.Латкин родился 23 октября 1907 г. в с.Спаспоруб Прилузского района. После окончания Ульяновского сельхозтехникума работал агрономом в Визинге, Койгородке, Троицко-Печорске. Возможно, поэтому в начале 30-х годов В.Латкин первый из поэтов открыл новую тему в коми литературе - тему колхозной деревни.

Поэзия Латкина оставила заметный след в истории коми литературы 30-х годов. Вот как оценил творчество поэта литературовед, кандидат филологических наук А.Е.Ванеев: "То, что он успел создать, является завоеванием молодой коми литературы: поэмы В.Латкина "Обновленные дни" и "Сказка тундры" до сих пор не потеряли своей идеолого-художественной ценности как эпические полотна, изображающие важные периоды в жизни коми народа. Живут и лирические стихи поэта, насыщенные пафосом гражданственности и горячим чувством патриотизма" (Ванеев. 1968. С.380.).

Поэма В.Латкина "Обновленные дни" была издана в 1935 г. 19 марта того же года на общем собрании писателей состоялось ее обсуждение. Протокол собрания вместе с явочным листом, где имеются подписи 36 литераторов, хранится в Национальном архиве Республики Коми (ф.943, оп.1, д.89). С докладом о поэме выступил член правления Союза писателей И.И.Оботуров. Он оценил ее положительно, отметив при этом, что любая критика должна быть товарищеской. К.И.Туркин сказал о возросшем поэтическом мастерстве автора и подчеркнул, что обсуждение поэмы надо было провести раньше, до издания книги.

Однако большинство писателей отозвались о поэме пристрастно, назвав ее контрреволюционной и антисоветской. В обсуждении принимал также участие член обкома ВКП(б), зав. Коми Госиздатом Айбабин.

Именно под его "чутким" руководством собрание вынесло следующие предложения:

- 1) "Поэма имеет ряд очень художественных мест, Латкин обладает сильными художественными средствами. Но в то же время имеются ряд срывов, доводящих до антисоветских установок..."
- 2) Собрание писателей после двухдневного обсуждения пришло к выводу, что произведение в таком виде пускать в свет нельзя.
- 3) Резко осудить позицию, занятую Оботуровым, в беспринципной, однобокой защите поэмы"

Через день после собрания, 22 марта 1935 г., в газете "Вөр лэдзысь" выступил журналист И.Н.Габов. Автор статьи отметил следующее (перевод смысловой - Д.Х.): "В поэме говорится о том, как два молодых человека - ударник и ударница работают, совершенствуются, любят друг друга. Но Вл.Латкин забыл, что все это происходит под руководством Коммунистической партии и Ленинского комсомола... А руководящей роли партии уделено всего 10 строк... Нет с первой главы и до последней главы идеи борьбы большевиков за социализм, не показана классовая борьба во время организации колхозов... И у Оботурова, и редактора Изьюрова закружилась голова от нескольких художественных образов, и встали на беспринципный путь оценки поэмы".

Как известно, И.И.Оботуров, К.И.Туркин, И.В.Изьюров впоследствии были репрессированы. А в день ареста Изьюрова во время обыска на его квартире нашли книгу В.Латкина "Вильмодом лунъяс" («Обновленные дни»). В.М.Полещиков, рассказывая об И.В.Изьюрове в статье "Куим во дзескыдынын" («Три года за решеткой»), опубликованной в газете "Югыд туй" от 6 сентября 1990 г., отмечает, что по постановлению начальника УНКВД Коми АССР Ковалева книга Латкина считалась контрреволюционной и была приложена к делу как вещественное доказательство.

Как же сложилась дальнейшая судьба поэта Владимира Латкина? В том же 1935 году он был вынужден выехать из родного края в Кировскую область. Это подтверждают документы из личного дела поэта, хранящиеся в НА РК (ф.943, оп.1, д.92).

В деле имеется письмо матери Латкина председателю правления Союза писателей Г.А.Федорову: "Уважаемый товарищ Г.Федоров! На днях мы получили письмо от Вас, в котором вы просите сведения о сыне нашем Владимире. Муж мой ослеп и писать не может. По его просьбе пишу я и посылаю все документы и извещение о его гибели. Больше у него ничего не осталось, т.к. он был взят с места работы на войну. И все, что было у него, осталось в Верхошижемском районе. Латкина".

Из записей в трудовой книжке узнаем, что В.Латкин 12 июня 1935 г. был принят в Бисеровский РАЙЗО Кировской области на должность старшего агронома, а в 1940 г. переведен на должность главного агронома в Верхнешижемский РАЙЗО; освобожден от должности главного агронома в апреле 1942 г. в связи с мобилизацией на фронт.

Итак, в 1942 г. он уходит на фронт. Вскоре на имя матери поэта Латкиной Александры Венедиктовны приходит печальное известие: "Ваш сын, Латкин Владимир Павлович, уроженец с.Спаспоруб Прилузского района Коми АССР, находясь на фронте, пропал без вести в сентябре 1942 г."

Книга В.Латкина "Обновленные дни" благодаря стараниям Союза писателей Коми АССР получила вторую жизнь вскоре после войны, в 1958 году. Она, ставшая теперь уже библиографической редкостью, хранится в фондах литературно-мемориального музея И.А.Куратова как бесценный экспонат.

И снова И.В.Изьюров, верный своим прежним убеждениям, в статье "Поэзия Владимира Латкина" дает оценку вышедшей книге: "Сборник "Обновленные дни"

включает почти все значительные произведения поэта. Самым крупным из них, несомненно, является поэма одноименного названия - большое эпическое и пока, к сожалению, единственное крупное произведение в коми поэзии на тему социалистического преобразования коми деревни... Глубокий лиризм, удачные авторские отступления отличают поэму от многих поэтических произведений 30-х годов, делают ее интересной и для читателей наших дней... Жизнь, отданная народу, - так можно охарактеризовать 35-летний гражданский и 10-летний поэтический путь Владимира Латкина". (Красное знамя, 1959, 1 февраля).

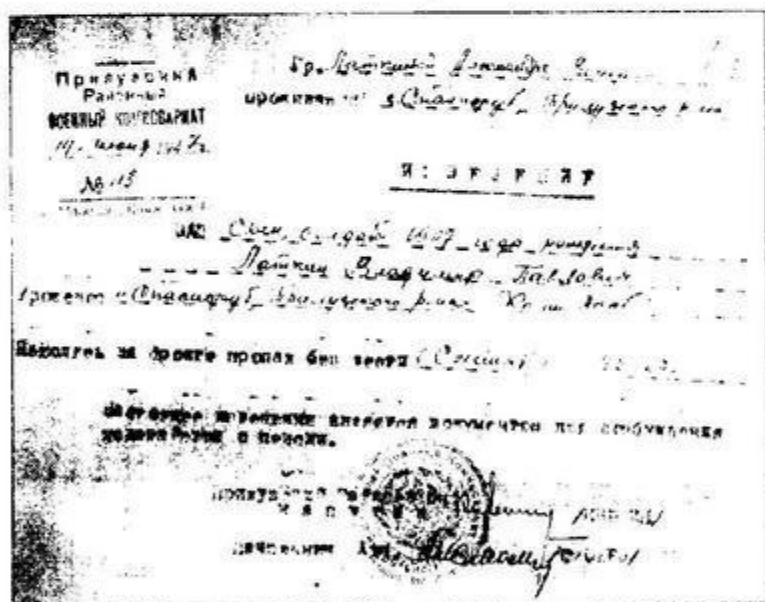
Несомненно, поэма "Обновленные дни", которая подверглась резкой критике в 30-е годы, является прекрасным лирическим произведением о любви, о непростой судьбе двух коми женщин - матери и дочери. Язык поэмы прост и сочен, автор умело использует поэтические метафоры и олицетворения, не встречающиеся до этого у известных тогда уже поэтов.

Судьба большинства из писателей 30-х годов очень сложна, чаще трагична. Почти все они так или иначе стали жертвами политических репрессий. К числу таких относится Владимир Латкин.

Мы, современное поколение людей, сохранив их имена, сохраним и память о них.

***

1. А.Е.Вансов. Коми советские писатели. - Сыктывкар, 1968. -С.380.
2. НАРК, ф.943, оп.1, ед.хр.89.
3. НАРК, ф.943, оп.1, ед.хр.92.
4. И.В.Изьуров. Поэзия Владимира Латкина // Красное знамя. 1959.1 февраля

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНОЙ, НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И ФОНДОВОЙ РАБОТЫ В МУЗЕЕ	
ВЫСТАВОЧНАЯ РАБОТА ОТДЕЛА ПРИРОДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ (1972-1998 ГГ.)	4
Н.А. Зинченко	
О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ МУЗЕЙНОЙ ЭКСПОЗИЦИИ НА ОПЫТЕ ВЫСТАВОК НМРК "ИЗЪВАТАС" И "ПУТИ МИФОВ - ПУТИ НАРОДОВ"	9
О.Н. Волокитина	
ВЫСТАВКА "ПУТИ МИФОВ - ПУТИ НАРОДОВ" КАК ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЕДИНОЙ ИГРОВОЙ МОДЕЛИ ЭКСПОЗИЦИОННОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	15
И.Н. Котылева	
СОЛДАТЫ ТОЙ НЕПОНЯТОЙ ВОЙНЫ	19
Е.И. Морозова	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЭКСПОЗИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРМСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ	27
М.А. Федотова	
ВЫСТАВОЧНАЯ РАБОТА ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ И.А.КУРАТОВА	33
Л.Д. Ильчукова	
ПРАЗДНИКИ В МУЗЕЕ	36
Р.И. Ларукова	
ПРАЗДНИК ТВОРЧЕСТВА	38
О.В. Долотовская	
САМОЦВЕТЫ В ЭКСПОЗИЦИИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. А.А. ЧЕРНОВА	39
А.М. Фишман	

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО
СЕВЕРО-ВОСТОКА И ПРИКАМЬЯ В ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

О МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХЕ В СВЯЗИ С ЮБИЛЕЕМ	46
А.В. Волокитин	
МИНИАТЮРНАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ БАССЕЙНА Р. ВЫМЬ	52
В.Н. Несанелене, В.А. Семенов	
ПОСЕЛЕНИЕ СИНЕГОРЬЕ II	57
В.С. Зеленский	
ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВЕСЛЯНА IV	64
Э.А. Савельева, И.О. Васкул	
К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И НАЗНАЧЕНИИ КОСТИЩ ГЛЯДЕНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	69
А.Н. Лепихин	
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В С.ПЫСКОР	79
Н.Е. Соколова	
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ	
ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКВЕЙ И МОНАСТЫРЕЙ ПРИКАМЬЯ XV - НАЧ. XX ВЕКОВ	85
С.Г. Онянова	
ЯРЕНСКИЕ ВОЕВОДЫ	95
В.А. Лукошников	
ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ ВОЛОСТЕЙ КОМИ КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII - СЕРЕДИНЕ XIX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)	101
И.Л. Жеребцов	
ИЗ ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В УСТЬ-СЫСОЛЬСКОМ УЕЗДЕ	109
Л.Д. Люосева	
ТАЙНА "МОРТУСОВ" (ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ТЕРРОРИЗМА)	123
Г.И. Тираспольский	
НЕБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ В КОМИ КРАЕ (1905-1914 ГГ.)	132
М.В. Таскаев	

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ В КОМИ КРАЕ	
Н.А.Галаган, И.Л.Жеребцов, М.В.Таскаев	
ФОТОГРАФЫ ВЯТКИ	142
Т.Дворецкая	
НЕОКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ СКРИПКИ	150
Т.И.Ганова	
ИЗ ИСТОРИИ БОГАДЕЛЕН, ИНВАЛИДНЫХ ДОМОВ КОМИ КРАЯ В 1920-Е ГОДЫ	155
Н.И.Сурков	
ИСТОРИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕСНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОМИ ОБЛАСТИ (КОМИ АССР) В 1920 - 1930 ГГ. (По материалам Национального архива Республики Коми)	160
Н. А. Попова	
ОБ УЧАСТИИ КОЛХОЗНИКОВ ЛЕНСКОГО РАЙОНА В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД	175
Б.А. Угрюмов	
ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА	178
В.Ф. Паршуков	
ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ	
ЭКСПРЕССИВНАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ЛИРИКЕ В.И.ЛЫТКИНА НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 20-Х ГОДОВ	182
Е.В. Остапова	
ПИСЬМО ИЗ МОРОЗНОГО ЯНВАРЯ 1930 ГОДА	186
Е.С. Самарина	
ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НАРОДУ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОМИ ПОЭТА В.П.ЛАТКИНА)	189
Д.Г. Холопова	

МУЗЕИ И КРАЕВЕДЕНИЕ

(Груды Национального музея Республики Коми.
Вып.2)

Редактор М.Г.Генко.
Компьютерная верстка М.Ильиной.
Корректор - О.Коснырева.

Лицензия ЛР № 020283 от 25.02.1998.
Подписано в печать 10.04.2000. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч.-изд.л. 13,9.
Усл.п.л. 11,3. Заказ № 56.
Тираж 300 экз.

ИПО СГУ

167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55